

СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ

№ 2 • 2023

ISSN: 2310-8681
Издается с 2013 г.

Учредители:

издательство «Проспект», Антопян Е.А., Бодров Н.Ф., Зайцев О.А., Редникова Т.В.

Издатель:

Издательство «Проспект»

Главный редактор:

Жилкин Максим Геннадьевич, доктор юридических наук, доцент, член Бюро Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Заместители главного редактора:

Овчинский Владимир Семенович, доктор юридических наук, вице-президент Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Эминов Владимир Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Зайцев Олег Александрович, доктор юридических наук, профессор, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Звягинцев Александр Григорьевич, вице-президент Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Редакционный совет:

Астанин Виктор Викторович, доктор юридических наук, профессор, вице-президент Российской криминологической ассоциации (Россия, г. Москва)

Блажеев Виктор Владимирович, кандидат юридических наук, профессор, ректор ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», заслуженный юрист Российской Федерации, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Буянов Владимир Петрович, доктор экономических наук, профессор, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Клемешев Андрей Павлович, доктор политических наук, президент ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта», заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Калининград)

Саренбаев Талгат Есиналиевич, доктор юридических наук, профессор, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Республика Казахстан, г. Астана)

Редакционная коллегия:

Аветисян Сергжей Сергеевич, доктор юридических наук, профессор, профессор Российско-Армянского (Славянского) университета, председатель Палаты по уголовным и военным делам Кассационного суда Республики Армения, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Армения (Армения, г. Ереван)

Антопян Елена Александровна, доктор юридических наук, заведующая кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Баранов Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД России», заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Нижний Новгород)

Барков Алексей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Россия, г. Москва)

Бодров Николай Филиппович, кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной экспертизы ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Велиев Исахан Вейсал-оглы, доктор юридических наук, профессор, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Азербайджане (Азербайджанская Республика, г. Баку)

Гришко Александр Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Центральному федеральному округу (Россия, г. Рязань)

Жалаири Омрали Шакарарулы, доктор юридических наук, профессор, ректор Евразийской юридической академии имени Д.А. Кунаева, академик высшей школы Казахстана, заслуженный деятель Казахстана, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Казахстан (Республика Казахстан, г. Алматы)

Ильяшенко Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Южному федеральному округу (Россия, г. Краснодар)

Кадников Николай Григорьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права ФГКОУ ВО «Московский университет МВД имени В.Я. Кикотя» (Россия, г. Москва)

Казак Бронислав Брониславович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой организации правоохранительной и правозащитной деятельности ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Северо-Западному федеральному округу (Россия, г. Псков)

Лукьянов Владимир Викторович, кандидат юридических наук, доцент, советник ректора ФГБОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет имени

А.И. Герцена», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Санкт-Петербургу (Россия, г. Санкт-Петербург)

Лукьянов Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (Россия, г. Москва)

Маркварин Рубен Валерьевич, кандидат юридических наук, профессор НОУ ВПО «Российская академия адвокатуры и нотариата», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Москве (Россия, г. Москва)

Мельников Николай Николаевич, доктор юридических наук, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Юридического института ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Россия, г. Орел)

Милич Иван Душанович, доктор юридических наук, ассистент кафедры уголовного права Юридического факультета государственного Университета в городе Нови-Сад (Республика Сербия)

Номоконов Виталий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГАОУ ВПО «Дальневосточный федеральный университет» (Россия, г. Владивосток)

Петрашин Алексей Владимирович, доктор юридических наук, доцент, руководитель Филиала Союза криминалистов и криминологов в Нижнем Новгороде (Россия, г. Нижний Новгород)

Приходько Наталья Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права ФГКОУ ВО «Московский университет МВД имени В.Я. Кикотя» (Россия, г. Москва)

Рарог Алексей Иванович, доктор юридических наук, профессор, научный руководитель кафедры уголовного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Редникова Татьяна Владимировна, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук» (ИГП РАН) (Россия, г. Москва)

Россинская Елена Рафаиловна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой судебной экспертизы ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Саламова Себила Якубовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Россия, г. Москва)

Селиверстов Вячеслав Иванович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Скуратов Юрий Ильич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, президент Фонда «Правовые технологии XXI века» (Россия, г. Москва)

Туначевский Никола, доктор юридических наук, профессор, руководитель магистерской программы кафедры уголовного права юридического факультета «Iustinianus Primus» Университета Святых Кирилла и Мефодия (Республика Македония, г. Скопье)

Устюжова Валентина Владимировна, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук» (ИГП РАН) (Россия, г. Москва)

Халилов Рафик Нурулович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Приволжскому федеральному округу, почетный работник МВД России (Россия, г. Казань)

Хельмани Уве, dr. jur. habil., профессор Потсдамского университета, председатель Представительства Союза криминалистов и криминологов в Германии (Германия, г. Потсдам)

Хуньянь Лю, доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором экологического права Института права Китайской академии общественных наук (Китай, г. Пекин)

Шамураев Таалайбек Турсунович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминологии Кыргызско-Российского Славянского университета, председатель Представительства Союза криминалистов и криминологов в Кыргызской Республике (Кыргызская Республика, г. Бишкек)

Шевелева Светлана Викторовна, доктор юридических наук, декан юридического факультета ФГБОУ ВО «Юго-западный государственный университет», руководитель Филиала Союза криминалистов и криминологов в Курске (Россия, г. Курск)

Шидловский Андрей Викторович, кандидат юридических наук, доцент, заместитель декана юридического факультета Белорусского государственного университета, председатель Представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Беларусь (Республика Беларусь, г. Минск)

Ширяев Юрий Егорович, доктор юридических наук, профессор, профессор РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина (Россия, г. Москва)

Шинко Ирина Викторовна, доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Сибирскому федеральному округу, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Россия, г. Красноярск)

Научный редактор:

Редникова Татьяна Владимировна

Редактор:

Свещая Елена Владимировна

Помощник редактора:

Махмутова Лилия Ренатовна

Почта журнала

skk_ykk@mail.ru

Адрес: 105005, г. Москва, Лефортовский пер, д. 12/50, корп. 1

Тел.: 8 (495) 651-62-62; E-mail: skk_ykk@mail.ru

<http://crimescience.ru>; <http://criminology.ru>

Союз криминалистов и криминологов: периодическое печатное издание, журнал. — 2023. — № 2.

М.: ООО «Издательство Проспект», 2023. — 192 с.

Публикуются работы в сфере наук криминального цикла и уголовной политики. Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЕЛИ № ФИ77-72228 от 1 февраля 2018 г.

Подписано в печать 29.06.2023. Формат 60×90 1/8. Бумага офсетная. 24 п. л. Тираж 500. Цена свободная.

Journal DOI 10.31085/2310-8681-2023-2-192

VERBAND DER KRIMINALISTEN UND KRIMINOLOGEN

№ 2 • 2023

ISSN: 2310-8681
Wird seit 2013 veröffentlicht

Gründer:

ООО «Прспект», Antonian E.A., Bodrov N.F., Zaitsev O.E., Rednikova T.V.

Verleger:

Прспект

Der Chefredakteur:

Zhilkin Maxim Gennadievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Assistenzprofessor, Büromitglied des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Stellvertreter des Chefredakteurs:

Ovchinsky Vladimir Semenovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Eminov Vladimir Evgenievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen, Verdienter Anwalt der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Zaytsev Oleg Aleksandrovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation, Verdienter Arbeiter der Hochschulausbildung der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Zvyagitsev Aleksand Grigorievich, Vizepräsident des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Redaktionsbeirat:

Astanin Viktor Viktorovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Vizepräsident der Russischen Vereinigung für Kriminologie (Moskau, Russland)

Blazhev Viktor Vladimirovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Professor, Rektor der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie), Verdienter Jurist der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Buyanov Vladimir Petrovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Moskau, Russland)

Klemeshev Andrey Pavlovich, Doktor der Politikwissenschaften, Präsident der Baltischen Föderalen Immanuel-Kant-Universität, Verdienter Arbeiter der Hochschulausbildung der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Kaliningrad, Russland)

Sarsenbaev Talgat Esinalievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Honorarprofessor des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen (Almaty, Republik Kasachstan)

Redaktionskollegium:

Avetisyan Sergik Sergeevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor an der Russisch-Armenischen (Slawischen) Staatlichen Universität, Vorsitzender der Kammer für Kriminelle und Militärische Fälle von Armenien Kasationsgericht, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Armenien (Jerewan, Republik Armenien)

Antonyan Elena Aleksandrovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Lehrstuhlinhaber für Kriminologie und Strafvollzugsrecht an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)

Baranov Vladimir Mikhailovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor an der Nyzhny Novgorod Akademie des Innenministeriums der Russischen Föderation, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Nyzhny Novgorod, Russland)

Barkov Aleksey Vladimirovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor an der Abteilung für Gesetzliche Regulierung der Wirtschaftstätigkeit der Finanzuniversität der Regierung der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Bodrov Nikolai Filipovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent am Lehrstuhl für Forensische Untersuchung der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)

Veliev Isakhan Vaysale-ogly, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor an der Akademie für Öffentliche Verwaltung unter dem Präsidenten der Republik Aserbaidschan, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Republik Aserbaidschan (Baku, Republik Aserbaidschan)

Grishko Aleksandr Jakovlevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Zentral Föderalen Bezirk Russlands (Rjasan, Russland)

Jalairi Omrali Shakarapuly, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Rektor der Eurasischen Kunaev Akademie für Jurisprudenz, Akademiemitglied der Kasachischen Oberschule, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Kasachstan, Verdienter Arbeiter Kasachstans (Almaty, Republik Kasachstan)

Hellmann Uwe, Dr. jur. habil., Professor, Professor an der Universität Potsdam, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Bundesrepublik Deutschland (Potsdam, Bundesrepublik Deutschland)

Hongyan Liu, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter des Bereichs Umweltrecht des Instituts für Recht der Chinesischen Akademie der Sozialwissenschaften (Peking, Volksrepublik China)

Ilyashenko Aleksey Nikolaevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Staatlichen Kuban-Universität, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Südlichen Föderalen Bezirk Russlands (Krasnodar, Russland)

Kadnikov Nikolai Grigorievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Kikot Universität Moskau des Innenministeriums der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Kazak Bronislav Bronislavovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter der Organisation der Strafverfolgung und der Menschenrechtsaktivitäten, Vorsitzender der Pskower Staatlichen Universität, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Nordwestlichen Föderalen Bezirk Russlands (Pskow, Russland)

Lukyanov Vladimir Viktorovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Berater des Rektors der Staatlichen Pädagogischen A.I. Herzen Universität St. Petersburg, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Sankt Petersburg (Sankt Petersburg, Russland)

Lukyanov Sergey Alexandrovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor am Lehrstuhl für Staats- und Zivilrecht der Moskauer Regionalabteilung der Kikot Universität Moskau des Innenministeriums der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Markarjan Ruben Valerievich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Professor an der Russischen Akademie für Anwaltschaft und Notariat, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Moskau (Moskau, Russland)

Melnikov Nikolay Nikolaevich, Doktor der Rechtswissenschaften, Lehrstuhlleiter für Zivilrecht und Zivilprozess am Institut für Recht der Orel Staatlichen I.S. Turgenev Universität (Orel, Russland)

Milic Ivan Dushanovic, Doktor der Rechtswissenschaften, Assistent am Lehrstuhl für Strafrecht an der Juristischen Fakultät der Staatlichen Universität in Novi Sad (Republik Serbien)

Nomokonov Vitaly Anatolievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Fernöstlichen Föderalen Universität (Wladiwostok, Russland)

Petryanin Alexey Vladimirovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Dozent, Direktor der Abteilung Nischni Nowgorod der St. Petersburger Akademie des Untersuchungsausschusses der Russischen Föderation, Leiter der Filiale des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Nyzhny Novgorod (Nyzhny Novgorod, Russland)

Prikhodko Natalya Yurievna, Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozent am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Kikot Universität Moskau des Innenministeriums der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Rarog Alexey Ivanovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Wissenschaftlicher Berater am Lehrstuhl für Strafrecht der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie), Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Rednikova Tatiana Vladimirovna, Kandidatin der Rechtswissenschaften, Leitende Wissenschaftliche Mitarbeiterin im Bereich Umwelt-, Land- und Agrarrecht am Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften (Moskau, Russland)

Rossinskaya Elena Rafailovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, Lehrstuhlleiterin für Gerichtsgutachten der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)

Salamova Sebila Jakubovna, Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin am Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin Universität (Moskauer Staatliche Juristische Akademie) (Moskau, Russland)

Seliverstov Vyacheslav Ivanovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Moskauer Staatlichen Lomonossow Universität, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Skuratov Yury Ilyich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Lehrstuhlleiter an der Gubkin-Universität für Erdöl und Gas, Präsident der Stiftung "Förderung der Rechtstechnologien XXI. Jahrhunderts" (Moskau, Russland)

Tupanevski Nikola, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter des Masterstudiengangs des Lehrstuhls für Strafrecht der Juristischen Fakultät "Justinianus Primus" der Universität St. Cyril und Methodius (Skopje, Republik Mazedonien)

Ustyukova Valentina Vladimirovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, Wissenschaftliche Hauptmitarbeiterin im Bereich der Umwelt-, Land- und Agrarrecht am Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften (Moskau, Russland)

Khalilov Rafik Nurulovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent am Lehrstuhl für Strafrecht der Kasaner Föderalen Universität, Leiter des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Privolgskyj Föderalen Bezirk Russlands, Verdienter Arbeiter des Ministeriums für Innere Angelegenheiten der Russischen Föderation (Kasan, Russland)

Shamurzaev Taalibek Tursunovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Lehrstuhlleiter für Strafrecht und Kriminologie an der Kirgisisch-Russischen (Slawischen) Universität, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Kirgisischen Republik (Bischkek, Kirgisische Republik)

Sheveleva Svetlana Viktorovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Dekanin der Juristischen Fakultät der Süd-West-Universität Kursk, Leiterin der Filiale des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in Kursk (Kursk, Russland)

Shidlovsky Andrei Viktorovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Prodekan der Rechts Fakultät der Belorussischen Staats Universität, Leiter der Repräsentanz des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen in der Republik Belarus (Minsk, Republik Belarus)

Shiryayev Yury Yegorovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor an der Gubkin-Universität für Erdöl und Gas (Moskau, Russland)

Shishko Irina Viktorovna, Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, Direktorin des Instituts für Rechtswissenschaften der Sibirischen Föderalen Universität, Leiterin des Regionalbüros des Verbandes der Kriminalisten und Kriminologen im Sibirischen Föderalen Bezirk Russlands, Verdienter Arbeiterin der Hochschulausbildung der Russischen Föderation (Krasnojarsk, Russland)

Wissenschaftlicher Redakteur:
Rednikova Tatiana Vladimirovna

Redakteur:
Svetskaya Elena Vladimirovna

Redakteur Assistent:
Makmutova Lilia Rinatovna

E-mail
skk_vkk@mail.ru

Adresse: 105005, Russland, Moskau, Lefortowskij Pereulok, 12/50, Gebäude 1.

Telefon: 8 (495) 651-62-62; E-mail: skk_vkk@mail.ru

Verband der Kriminalisten und Kriminologen: periodischen Druckschrift, Zeitschrift. — 2023. — Nr. 2.

Moskau: Gmbh "Verlag Prospekt", 2023. — 192 Seiten.

Es werden Arbeiten auf dem Gebiet der kriminellen Funktion sowie Kriminalpolitik veröffentlicht.

die Zeitschrift ist im Föderalen Dienst für Aufsicht im Bereich der Kommunikation,

Informationstechnologie und Massenkommunikation (Roskomnadsor)

registriert. Eintragungsbekanntmachung der Massenmedien PI Nr. FS77-72228 vom 1. Februar 2018.

Am 29.06.2023, in Druck gegeben, Format 60×90 1/8. Offsetdruck Papier. Druckliste 24. Auflage 500 Exemplare. Der Preis ist frei.

Journal DOI 10.31085/2310-8681-2023-2-192

THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS

№ 2 • 2023

ISSN: 2310-8681
Published since 2013

Founders:

ООО «Прспект», Antonian E.A., Bodrov N.F., Zaitsev O.E., Rednikova T.V.

Publisher:

Прспект

The Editor-in-Chief:

Zhilkin Maxim Gennadievich, Doctor of Legal Sciences, Assistant Professor, Buro member of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Executive Editors-in-Chief:

Ovchinsky Vladimir Semenovich, Doctor of Legal Sciences, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Eminov Vladimir Evgenievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Zaytsev Oleg Aleksandrovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Zvyagintsev Aleksand Grigorievich, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Editorial Collegium:

Astanin Viktor Viktorovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Vice-President of the Russian Association for Criminology (Moscow, Russia)

Blazheev Viktor Vladimirovich, Candidate of Legal Sciences, Professor, Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Buyanov Vladimir Petrovich, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Klemeshev Andrey Pavlovich, Doctor of Political Sciences, President of Immanuel Kant Baltic Federal University, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Kaliningrad, Russia)

Sarsenbaev Talgat Esinalievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Editorial Board:

Avetisian Sergik Sergeevich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of Russian-Armenian (Slavonic) University, Chairman of the Chamber for Criminal and Military Cases of Armenia Cassation Court, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in Armenia (Yerevan, Republic of Armenia)

Antonyan Elena Aleksandrovna, Doctor of Legal Sciences, Head of the Chair of Criminology and Criminal Executive Law at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Baranov Vladimir Mikhailovich, Doctor of Legal Sciences, Professor of Nyzhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation (Nyzhny Novgorod, Russia)

Barkov Aleksey Vladimirovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Legal Regulation of Economic Activity at the Financial University under the Russian Federation Government (Moscow, Russia)

Bodrov Nikolai Fillipovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor of the Chair of Forensic Expertise at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Veliev Isakhan Vaysale-ogly, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Azerbaijan, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Republic of Azerbaijan (Baku, Republic of Azerbaijan)

Grishko Aleksandr Jakovlevich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Central Federal District of Russia (Ryazan, Russia)

Jalairi Omrali Shakarapuly, Doctor of Legal Sciences, Professor, Rector of Kunaev Eurasian Law Academy, Academician of the Higher School of Kazakhstan, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in Kazakhstan, Honored Worker of Kazakhstan (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Hellmann Uwe, Dr. jur. habil., Professor of the University of Potsdam, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in Federal Republic of Germany (Potsdam, Federal Republic of Germany)

Hongyan Liu, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Sector of Environmental Law of the Institute of Law of the Chinese Academy of Social Sciences (Beijing, People's Republic of China)

Iyashenko Aleksey Nikolaevich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Kuban State University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in the Southern Federal District of Russia (Krasnodar, Russia)

Kadnikov Nikolai Grigorievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Kikot Moscow University of the Interior Ministry of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Kazak Bronislav Bronislavovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Chair of Organization of Law Enforcement and Human Rights Activities at Pskov State University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in the North-Western Federal District of Russia (Pskov, Russia)

Lukyanov Vladimir Viktorovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor, Advisor to the Rector of Herzen State Pedagogical University of Russia, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in Sankt Petersburg (Sankt Petersburg, Russia)

Lukyanov Sergey Alexandrovich, Doctor of Legal Sciences, Professor of the Department of State and Civil Law Disciplines of the Moscow Regional Branch at Kikot Moscow University of the Interior Ministry of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Markarjan Ruben Valerievich, Candidate of Legal Sciences, Professor of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in Moscow (Moscow, Russia)

Melnikov Nikolay Nikolaevich, Doctor of Legal Sciences, Head of the Chair of Civil Law and Procedure of the Institute of Law at Orel State I.S. Turgenev University (Orel, Russia)

Milic Ivan Dushanovic, Doctor of Legal Sciences, Assistant of the Department of Criminal Law of the Faculty of Law of the State University in Novi Sad (Republic of Serbia)

Nomokonov Vitaly Anatolievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Far-Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)

Petryanin Alexey Vladimirovich, Doctor of Legal Sciences, Assistant Professor, Director of the Nizhny Novgorod Branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Branch Office in Nyzhny Novgorod (Nyzhny Novgorod, Russia)

Prikhodko Natalya Yurievna, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Kikot Moscow University of the Interior Ministry of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Rarog Alexey Ivanovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Research Supervisor of the Chair of Criminal Law at Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Rednikova Tatiana Vladimirovna, Candidate of Legal Sciences, Senior Researcher of the Sector of Environmental, Land and Agricultural Law at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Rossinskaya Elena Rafailovna, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Chair of Forensic Expertise at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Salamova Sebila Jakubovna, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor of the Chair of Criminology and Criminal Executive Law at Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia)

Seliverstov Vyacheslav Ivanovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology at Lomonosov Moscow State University, Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Skuratov Yury Ilyich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Chair of Oil and Gas "Gubkin University", President of the "Legal Technologies of the XXI Century" Fund (Moscow, Russia)

Tupancevski Nikola, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Master's Program of the Chair of Criminal Law at the Faculty of Law "Iustinianus Primus" of the University of Saints Cyril and Methodius (Skopje, Republic of Macedonia)

Ustyukova Valentina Vladimirovna, Doctor of Legal Sciences, Professor, Chief Researcher of the Sector of Environmental, Land and Agricultural Law at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Khalilov Rafik Nurulovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor of the Chair of Criminal Law at Kazan Federal University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Regional Office in the Privolzhskiy Federal District of Russia, Honored Worker of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation (Kazan, Russia)

Shamurzaev Taalaibek Tursunovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Chair of Criminal Procedure and Criminology at Kyrgyz-Russian Slavic University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Kyrgyz Republic (Bishkek, Kyrgyz Republic)

Sheveleva Svetlana Viktorovna, Doctor of Legal Sciences, Dean of the Faculty of Law of the Southwest State University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Branch Office in Kursk (Kursk, Russia)

Shidlovsky Andrei Viktorovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor, Vice-Dean of the Faculty of Law of the Belarusian State University, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Republic of Belarus (Minsk, Republic of Belarus)

Shiryayev Yury Yegorovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of Oil and Gas "Gubkin University" (Moscow, Russia)

Shishko Irina Victorovna, Doctor of Legal Sciences, Professor, Director of Siberian Federal University Law Institute, Head of the Union of Criminalists and Criminologists Representative Office in the Siberian Federal District of Russia, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Krasnoyarsk, Russia)

Scientific Editor:

Rednikova Tatiana Vladimirovna

Editor:

Svetskaya Elena Vladimirovna

Editor's Assistant:

Makhmutova Lilia Rinatovna

E-mail

skk_vkk@mail.ru

Address: Building 1, Lefortovskiy Pereulok, Moscow, 105005, Russia

Telephone: 8 (495) 651-62-62; E-mail: skk_vkk@mail.ru

The Union of Criminalists and Criminologists: periodical printed edition, bulletin. — 2023. — No. 2.

Moscow: LLC "Publisher Prospekt", 2023. — 192 p.

The bulletin is registered at the Federal Service on Communication, Informational Technologies and Mass Media (Roscommnadzor).

Registration Certificate of Mass Media PE No. FC77-72228 issued on February 1, 2018.

Works in Sphere of criminal sciences and criminal politics art; published.

Signed for publishing 29.06.2023. Format 60×90 1/8. Offset paper. Pr. Sheets 24. Circulation 500. Openprice.

Journal DOI 10.31085/2310-8681-2023-2-192

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Жилкин Максим Геннадьевич, Чуканова Евгения Сергеевна
К 100-летию Всероссийского съезда работников
пенитенциарного дела в Москве (18–24 октября 1923 г.) 7

Трибуна ВУЗА

ФБГОУ ВО «ЮГОРСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Авдеев Вадим Авдеевич, Авдеева Ольга Анатольевна
Правовые основы реализации антитеррористических
мер на международном уровне 14

*Акинина Наталья Юрьевна, Анисимов Иван Валерьевич,
Кочупалов Роман Валериевич*
Предупреждение распространения среди
несовершеннолетних деструктивной идеологии
в сети Интернет через игровой контент 20

Берндт Анастасия Анатольевна
Профилактика розничной продажи несовершеннолетним
продукции, оказывающей негативное влияние
на их социализацию и здоровье 25

Лапшин Валерий Федорович, Кемова Наталья Николаевна
Общественный порядок и цифровая безопасность
как современные объекты уголовно-правовой охраны 30

Трунцевский Юрий Владимирович
Об изучении личности преступника
на Соловках: исторический аспект 39

Хохрин Сергей Александрович
Социально-экономические меры
предупреждения пенитенциарной преступности 44

Шапошников Алексей Сергеевич
Специальные (организационно-управленческие)
меры противодействия экологической преступности 52

Розенко Станислав Васильевич
Особенности профилактики терроризма среди
молодежи в Российской Федерации 61

Шеслер Александр Викторович, Шеслер Софья Сергеевна
Основные направления совершенствования
профилактики групповых преступлений
несовершеннолетних 66

Квитко Антон Владимирович
Общие и специальные меры предупреждения
экологической преступности 74

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Астраханцева Екатерина Юрьевна
Защита окружающей среды и экономических
интересов в сфере добычи и оборота драгоценных
и полудрагоценных камней: вызовы и решения 79

СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Зубков Дмитрий Денисович, Маркелова Алина Владимировна
Теоретические и методические аспекты установления
даты объективного банкротства посредством
судебной финансово-экономической экспертизы 91

Пивоваров Федор Юрьевич
Актуальные вопросы методического
обеспечения судебных экономических экспертиз
в арбитражном процессе 98

КОНФЕРЕНЦИЯ

III МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ФОРУМ «ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ.
ЕВРАЗИЙСКИЙ СЦЕНАРИЙ»

Трибуна МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Крайнов Николай Рамазович

Конституционные основы энергетической безопасности
и их имплементация в национальном законодательстве 105

Маснева Елизавета Вадимовна
Актуальные проблемы работы сотрудников
правоохранительных органов при расследовании
преступлений, совершаемых на объектах топливно-
энергетического комплекса 111

Рашитханов Руслан Салихович
Некоторые вопросы безопасности объектов топливно-
энергетического комплекса Российской Федерации 119

Сапожкина Полина Александровна
Некоторые вопросы обеспечения безопасности
функционирования нефтяной отрасли России 126

Цысс Зинаида Александровна
Проблемы уголовно-правового обеспечения
безопасности топливно-энергетического комплекса 133

СТЕНОГРАММА

Бабурин Сергей Николаевич

Трансформация представления о праве
и преступлении в период мировоззренческого
цивилизационного кризиса 139

ГЛАВЫ НАШИХ КНИГ

Главы из книги «Личность преступника» 148

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ 164

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА

«СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ» 191

INHALT

DIE THEORIE UND DIE GESCHICHTE DES RECHTES UND DES STAATES

Zhilkin M.G., Chukanova E.S.
Zum 100. Jahrestag des Allrussischen Kongresses der Strafvollzugsmitarbeiter in Moskau (18–24 Oktober 1923) 7

TRIBÜNE DER UNIVERSITÄT STAATLICHEN UNIVERSITÄT YUGRA

Avdeev V.A., Avdeeva O.A.
Rechtsgrundlagen für die Umsetzung von Anti-Terror-Maßnahmen auf internationaler Ebene 14

Akinina N.Yu., Anisimov I.V., Kochupalov R.V.
Verhinderung der Verbreitung einer destruktiven Ideologie unter Minderjährigen im Internet durch Spielinhalte 20

Berndt A.A.
Verhinderung des Einzelhandelsverkaufs von Produkten an Minderjährige, die sich negativ auf ihre Sozialisation und Gesundheit auswirken 25

Lapshin V.F., Kemova N.N.
Öffentliche Ordnung und digitale Sicherheit als moderne Objekte des strafrechtlichen Schutzes 30

Truntsevsky Yu.V.
Zur Untersuchung der kriminellen Identität in Solovki: ein historischer Aspekt 39

Khokhrin S.A.
Sozioökonomische Maßnahmen zur Verhinderung von Gefängnisstrafbarkeit 44

Shaposhnikov A.S.
Spezielle (organisatorische und verwaltungstechnische) Maßnahmen zur Bekämpfung der Umweltkriminalität 52

Rozenko S.V.
Besonderheiten der Terrorismusprävention unter Jugendlichen in Russland 61

Shesler A.V., Shesler S.S.
Richtlinien zur Verbesserung der Prävention von Jugendbandenkriminalität 66

Kvitko A.V.
Allgemeine und besondere Maßnahmen zur Verhütung von Umweltkriminalität 74

STRAFRECHT

Astrakhantseva E.Yu.
Schutz der Umwelt und der wirtschaftlichen Interessen im Bereich der Gewinnung und des Handels von Edelsteinen und Halbedelsteinen: Herausforderungen und Lösungen 79

GERICHTLICH-FORENSISCHE TÄTIGKEIT

Zubkov D.D., Markelova A.V.
Theoretische und methodische Aspekte der Feststellung des Datums der objektiven Insolvenz durch forensische Finanz- und Wirtschaftsgutachten 91

Pivovarov F.Yu.
Aktuelle Fragen der methodischen Unterstützung forensischer Wirtschaftsprüfungen im Schiedsverfahren 98

KONFERENZ

III MOSKAUER INTERNATIONALES FORUM “ENERGIESICHERHEIT. DAS EURASISCHE SZENARIO” DIE TRIBÜNE DES JUNGEN WISSENSCHAFTLERS

Krainov N.R.
Verfassungsrechtliche Grundlagen der Energiesicherheit und ihre Umsetzung in die nationale Gesetzgebung 105

Masneva E.V.
Aktuelle Probleme der Strafverfolgungsbehörden bei der Untersuchung von Straftaten, die in Brennstoff- und Energieanlagen begangen werden 111

Rashitkhanov R.S.
Einige Sicherheitsprobleme des Brennstoff- und Energiekomplexes der Russischen Föderation 119

Sapozhkina P.A.
Einige Fragen zur Gewährleistung des sicheren Betriebs der Ölindustrie Russlands 126

Cyss Z.A.
Probleme der strafrechtlichen Sicherheit des Brennstoff- und Energiekomplexes 133

BERICHT

Baburin S.N.
Transformation der Wahrnehmung von Recht und Verbrechen in der Zeit der weltanschaulichen Zivilisationskrise 139

KAPITEL UNSERER BÜCHER

Kapitel aus dem Buch “Die Persönlichkeit des Straftäters” 148

INFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN 166

ZUSAMMENFASSUNG UND STICHWÖRTER 170

EINLEITUNG FÜR DIE GESTALTUNG VON WISSENSCHAFTLICHEN ARTIKELN UND MATERIALIEN FÜR DIE ZEITSCHRIFT VERBAND DER KRIMINALISTEN UND KRIMINOLOGEN 191

CONTENTS

THE THEORY AND HISTORY OF LAW AND THE STATE

Zhilkin M.G., Chukanova E.S.

To the 100th anniversary of the All-Russian Congress of Penitentiary Workers in Moscow (October 18–24, 1923)..... 7

PRESENTATION OF THE UNIVERSITY YUGRA STATE UNIVERSITY

Avdeev V.A., Avdeeva O.A.

Legal basis for the implementation of anti-terrorist measures at the international level..... 14

Akinina N.Yu., Anisimov I.V., Kochupalov R.V.

Preventing the spread of destructive ideology among minors on the Internet through game content..... 20

Berndt A.A.

Prevention of retail sales to minors of products that have a negative impact on their socialization and health..... 25

Lapshin V.F., Kemova N.N.

Public order and digital security as modern objects of criminal law protection..... 30

Truntsevsky Yu.V.

About the study of the criminal's identity on Solovki: historical aspect..... 39

Khokhrin S.A.

Socio-economic measures to prevent penitentiary crime..... 44

Shaposhnikov A.S.

Special (organizational and managerial) measures to counter environmental crime..... 52

Rozenko S.V.

Features of prevention of terrorism among young people in the Russian Federation..... 61

Shesler A.V., Shesler S.S.

The main directions for improving the prevention of group crimes of minors..... 66

Kvitko A.V.

General and special measures to prevent environmental crime.. 74

CRIMINAL LAW

Astrakhantseva E.Yu.

Protection of environment and economic interests in the sphere of extraction and turnover of precious and semi-precious stones: challenges and solutions..... 79

JUDICIAL-FORENSIC ACTIVITY

Zubkov D.D., Markelova A.V.

Theoretical and methodological aspects of establishing the date of objective bankruptcy through forensic financial and economic expertise..... 91

Pivovarov F.Yu.

Topical issues of methodological support of forensic economic examinations in the arbitration process..... 98

CONFERENCE

III MOSCOW INTERNATIONAL FORUM “ENERGY SECURITY. THE EURASIAN SCENARIO”
TRIBUNE OF THE YOUNG SCIENTIST

Krainov N.R.

Constitutional foundations of energy security and their implementation in national legislation..... 105

Masneva E.V.

Actual problems of the work of law enforcement officers in the investigation of crimes committed at the facilities of the fuel and energy complex..... 111

Rashitkhanov R.S.

Some security issues of the fuel and energy complex of the Russian Federation..... 119

Sapozhkina P.A.

Some issues of ensuring the safety of the functioning of the Russian oil industry..... 126

Cyss Z.A.

Problems of criminal law security of the fuel and energy complex..... 133

REPORT

Baburin S.N.

Transformation of the concept of law and crime during the period of the worldview civilizational crisis..... 139

CHAPTERS OF OUR BOOKS

Chapter from the book “Criminal Personality”..... 148

ABOUT THE AUTHORS 168

ANNOTATIONS AND KEYWORDS 181

GUIDELINES FOR PRESENTING THE SCIENTIFIC ARTICLES AND MATERIALS FOR PUBLISHING IN THE MAGAZINE “THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS”..... 191

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

К 100-ЛЕТИЮ ВСЕРОССИЙСКОГО СЪЕЗДА РАБОТНИКОВ ПЕНИТЕНЦИАРНОГО ДЕЛА В МОСКВЕ (18–24 ОКТЯБРЯ 1923 Г.)

Жилкин Максим Геннадьевич,
Чуканова Евгения Сергеевна

Цель: проанализировать итоги съезда работников мест лишения свободы, проходившего после объединения в 1922 г. всех мест заключений в одном ведомстве — ГУМЗ НКВД РСФСР; исследовать задачи, связанные с реализацией исправительно-трудовой политики государства.

Методология: диалектический, системный, формально-юридический, историко-правовой методы познания.

Выводы. Съезд пенитенциарных работников ознаменовал важнейший этап становления основ исправительно-трудовой политики РСФСР. Прежде всего, ей был придан классовый характер, обеспечивающий реализацию репрессий против врагов советской власти. Важнейшим условием при исполнении наказания являлась реализация принципа самокупаемости, позволявшего не только занять заключенных работами, но и обучать их профессиональным навыкам.

Научная и практическая значимость. Возможность использования исторического опыта законодательства Советского государства и практики применения уголовного наказания в виде лишения свободы для совершенствования деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе развития.

Ключевые слова: съезд работников, исправительно-трудовая политика государства, классовый характер, принцип самокупаемости мест лишения свободы, враги советской власти, ведомства, репрессии.

Вместо предисловия

С глубоким сожалением и горечью мы сообщаем, что из жизни ушел выдающийся ученый и исследователь организации деятельности уголовно-исполнительной системы советского государства, доктор юридических наук, профессор Кузьмин Станислав Иванович. Его глубокая приверженность истории и справедливости, стремление к просвещению вдохновляли всех его студентов и коллег.

Станислав Иванович родился 16 августа 1938 года в г. Воронеже. Он завершил обучение на историческом факультете Воронежского государственного университета в 1961 году, получил степень историка. Затем в 1979 году он успешно

окончил Академию МВД СССР, специализируясь в организации управления в сфере правопорядка.

Станислав Иванович был кандидатом юридических наук, защитив свою диссертацию в 1980 году в Академии МВД СССР. В 1993 году он получил докторскую степень по специальности 12.00.08, защитив диссертацию о политико-правовых основах становления и развития системы исправительно-трудовых учреждений советского государства (1917–1985 гг.) в Академии МВД России.

С 1963 года и до конца своих дней Станислав Иванович служил и работал в органах внутренних дел. Работая на руководящих должностях в системе Главного управления исправительно-трудовых лагерей и колоний

СССР, он применял свои знания и опыт для улучшения работы уголовно-исполнительной системы.

Станислав Иванович работал в Академии МВД России пройдя путь научно-педагогического работника от преподавателя, профессора до начальника кафедры управления органами, исполняющими наказания. Последние 25 лет он работал в должности профессора кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя в г. Рузе. Параллельно Станислав Иванович занимал должность главного научного сотрудника в отделе изучения отечественного и зарубежного опыта, истории уголовно-исполнительной системы, сравнительного анализа пенитенциарного законодательства НИИ ФСИН России. За свои заслуги он был награжден Орденом Почета.

В его научные интересы входили: организация деятельности правоохранительных органов, уголовно-исполнительное право, история уголовно-исполнительной системы и изучение организованных преступных группировок в местах лишения свободы.

Станислав Иванович активно участвовал в разработке, консультировании и экспертизе проектов федеральных законов Российской Федерации и ведомственных нормативных актов. Он посвятил большую часть своей жизни академической работе и исследованиям.

За более чем пятьдесят лет преподавания и исследований Станислав Иванович стал вдохновителем для многих учеников, помогая им развиваться и добиваться успехов. Он был членом нескольких диссертационных советов и имел учеников, ставших докторами и кандидатами наук. Его вклад в развитие научной мысли и образования будет незабываемым и вдохновлять молодых ученых на протяжении долгих лет.

Станислав Иванович покинул нас 19 июня 2023 года, оставив за собой богатое научное наследие. Его работы, такие как «Волки преступного мира» и «ГУЛАГ без ретуши», посвященные исследованию организации деятельности уголовно-исполнительной системы СССР, останутся важной частью наших знаний и памяти.

Эта статья основана на материалах из личного архива профессора С.И. Кузьмина и представляет интерес для исследователей криминологии и изучения истории уголовно-исполнительного права.

* * *

После объединения в 1922 г. всех мест лишения свободы, за исключением подчиненных Объединенному государственному политическому управлению СССР (далее — ОГПУ), началась активная работа с использованием накопленного с 1917 г. опыта развития системы мест заключения РСФСР и право-

вого регулирования ее деятельности. Подготовленный проект закона, как и исправительно-трудовая политика РСФСР, стали предметом рассмотрения на первом Всероссийском съезде пенитенциарных деятелей, проходившем в Москве 18–24 октября 1923 г. В последующие годы вносились изменения в исправительно-трудовую политику и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР (далее — ИТК РСФСР), но с созданием системы исправительно-трудовых лагерей и передачей исправительно-трудовых колоний в народный комиссариат юстиции РСФСР научный и практический интерес к ИТК РСФСР в 1924 г. был утрачен. Впрочем, в учебниках по уголовно-исполнительному праву это важнейшее событие в правовой системе РСФСР только упоминается [1, с. 12; 4, с. 52; 5, с. 73; 6, с. 3–4; 7, с. 83]. А в солидном научном труде М.Г. Деткова об эволюции системы уголовных наказаний и их исполнения на различных этапах функционирования российского государства, посвященном 120-летию Главного тюремного управления России, в той части, где автор говорит об особенностях подготовительной работы к принятию Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1924 г., об этом важном событии не сказано ни слова [3, с. 48]. Между тем в юридической печати того времени отмечалось, что на съезде велись оживленные прения и дебаты по ключевым вопросам карательной политики молодого советского государства, что, несомненно, представляет интерес и для современных исследователей-криминологов (*Еженедельник советской юстиции. 1923. № 42. С. 975–977*).

Во второй половине 1923 г. в стране в центре и на местах происходило объединение исправительно-трудового дела, сосредоточенного до этого в двух разных ведомствах — Народном комиссариате юстиции (далее — НКЮ) и Народном комиссариате внутренних дел РСФСР (далее — НКВД). При этом в последнем были учреждения, непосредственно образованные в эпоху гражданской войны, — концентрационные лагеря и лагеря принудительных работ. Их слияние способствовало началу формирования советской исправительно-трудовой политики, и тем самым были заложены основы для составления кодекса. До второй половины 1923 г. исправительно-трудовое дело регулировалось ведомственными распоряжениями, а принятие в 1922 г. Уголовного кодекса РСФСР и окончание работы по объединению всех мест лишения свободы в одном ведомстве — НКВД послужило предпосылкой для формирования единой карательной политики Советского государства.

Ее необходимо было обсудить с практическими и научными работниками, сотрудниками

правоохранительных органов, представителями общественности. Именно поэтому в конце 1923 г. НКВД РСФСР организовал Всероссийский съезд пенитенциарных работников, который сыграл важную роль в последующей реализации основополагающих принципов советской исправительно-трудовой политики.

Формирование и обсуждение проекта исправительно-трудового кодекса проходило на Всероссийском съезде работников пенитенциарного дела, состоявшемся 18–24 октября 1923 г. [2, с. 6]. Почетными председателями на съезде единодушно были избраны А.Г. Белобородов, Д.И. Курский, Ф.Э. Дзержинский и Н.В. Крыленко. В состав президиума вошли представители Москвы, Петрограда, Курска, Иваново-Вознесенска, Ново-Николаевска, Нижнего Новгорода, Кубано-Черноморской области, Орла и Донской губернии. Также в работе съезда приняли активное участие теоретики советского права В.К. Дябло, С.Д. Файнблит и другие ученые.

Со вступительным словом от имени Коллегии народного комиссариата внутренних дел к участникам съезда обратился нарком внутренних дел РСФСР А.Г. Белобородов. В выступлении он акцентировал внимание на том, что карательная политика советской власти призвана обеспечивать защиту Советского государства и оно не может отказаться от тех мер репрессий, которые использует каждое современное государство. Наличие существенных материальных затруднений является большим стимулом к тому, чтобы в тюрьме сильнее и быстрее организовывался и устанавливался трудовой режим. Осудив либеральную гуманистическую теорию буржуазных государств, в том числе и дореволюционной России, А.Г. Белобородов заметил, что старые тюрьмы фактически культивировали безделье и лень, разлагавшие заключенных. Являясь тяжелым наследием для нового общественного строя, они должны быть ликвидированы. «В ближайшие годы, — отметил А.Г. Белобородов, — в качестве первоочередной должна стоять задача предотвращения правонарушений путем изоляции и других мер воздействия. В качестве второй задачи будет применение исправительно-трудового воздействия. Третья задача будет состоять в том, что необходимо признать ранее допущенные ошибки, и если сейчас что-то невозможно сделать, то это необходимо отложить на будущее» [2, с. 7]. Он считал, что в деятельности исправительно-трудовых учреждений задачи исправления и перевоспитания преступников должны решаться по отношению ко всем категориям осужденных независимо от их классовой принадлежности, и по мере укрепления

хозяйственно-политической мощи пролетарского государства роль исправления и перевоспитания будет возрастать. По мнению А.Г. Белобородова, принимаемый Пенитенциарный кодекс, как и Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы, должен будет постепенно дополняться и уточняться, и этот процесс неизбежен.

Затем с приветствием и большой речью выступил старший помощник Прокурора РСФСР Н.В. Крыленко, который остановился на моментах карательной политики, обусловленных общеполитическим и материальным состоянием нового общественного строя. В области карательной политики следовало руководствоваться программой Российской Коммунистической партии, которой в области карательной политики была определена необходимость перехода от системы мест лишения свободы к другим формам наказания, применяя условно-досрочное освобождение, принуждение к работам без содержания под стражей. Н.В. Крыленко высказывался против наказания в виде лишения свободы на срок 25 лет, 15 и даже 10 лет, считая это неразумным, так как данный вид наказания будет основной формой и мерой репрессии и его необходимо применять на срок 5 лет, но изолировать действительно. Основной и первой задачей в области карательной политики должна быть изоляция и применение основных мер воздействия. Он считал, что в условиях классовой борьбы, происходящей в стране, предотвращение возможности дальнейшего совершения преступления выступает в качестве главной цели. В современных условиях карательная политика государства преследует цель охраны коллектива, а не воздействия на личность, не охраны личности. В частности, Н.В. Крыленко сказал: «Мы должны в этом отношении ближайшие же годы, безусловно, стремиться к тому, чтобы эта задача предотвращения возможности дальнейшего правонарушения, хотя бы и путем изоляции и других мер воздействия, была основной и первой задачей, и лишь второй будет задача исправительно-трудового воздействия» [2, с. 14]. Объективности ради следует отметить, что указанная точка зрения претерпела изменения в следующем году. Выступая 14 марта 1924 г. на V Всероссийском съезде деятелей советской юстиции с докладом о карательной политике и усилении в ней классового принципа, он выразил мнение о том, что пролетарское государство не может ставить для себя целью исправление тех, кто чужд ему по духу, однако составляет прямую его задачу в отношении преступника-пролетария (*Еженедельник советской юстиции. 1924. № 12–13. С. 282*). В конце выступления Н.В. Крыленко коснулся вопроса содержания

лиц под стражей и указал, что при сравнении режима в царских тюрьмах и советских местах лишения свободы осужденные говорили, что теперь «режим стал гораздо легче, а порядка в 10 раз меньше».

Во вступительной части съезда выступил представитель Азербайджана Р.М. Рзаев. В своей речи он подчеркнул значимость съезда для маленькой страны с развитой преступностью и национальной рознью. «Идя по примеру своей сестрицы РСФСР, — отметил Р.М. Рзаев, — скорее излечимся от ран своего общества, скорее встанем на ноги». Его присутствие на съезде не прошло даром, ведь уже в конце 1923 г. места лишения свободы перешли из НКЮ в НКВД республики, а 25 мая 1925 г. был введен в действие Исправительно-трудовой кодекс АзССР (*Архив МВД республики Азербайджан. 1926 г. Ф. 27. Д. 127. Л. 230*).

На заключительном этапе первого дня съезда был принят регламент, где предусматривалось проведение пленарного заседания и работа секций с 10:00 до 15:00 часов дня и с 17:00 до 19:00 часов вечера. Для выступления докладчикам предоставлялось 45 минут. Группа делегатов в количестве не менее 15 человек имела право выставить содокладчика, которому отводилось 20 минут. На заключительное слово давалось 20 минут. В порядке прений каждому оратору отводилось при первом выступлении по отдельному вопросу 15 минут, при втором и последующих — 5 минут. Предложения и резолюции Президиум принимал только в письменной форме.

Утром 19 октября 1923 г. после объявления заседания съезда открытым словом для доклада «О положении исправительно-трудового дела в республике» было предоставлено начальнику Главного управления мест заключения НКВД РСФСР (далее — ГУМЗ) Е.Г. Ширвиндту. В начале своего выступления он остановился на том, что в 1922 г. произошло объединение мест лишения свободы, подведомственных НКЮ, НКВД, Управлению арестными домами, и мест заключения, подведомственных Главному политическому управлению при НКВД РСФСР (далее — ГПУ). Разобщенность мест лишения свободы являлась большим препятствием для исправительно-трудового дела. Созданное ГУМЗ с самого начала выступало против принципа самокупаемости, так как главной целью провозглашалась задача организации исправительно-трудовых учреждений, а не просто учреждений хозяйственного типа.

При объединении ведомств в единую структуру туда вошел «куст» предприятий ГУМЗ, бывший в составе Главного управления принудительных работ НКВД РСФСР (далее — ГУПР) со своим уставом. Против этой структуры выступили прак-

тические работники мест заключения, и она была ликвидирована. При подготовке Исправительно-трудового кодекса было записано, что исправительные учреждения должны стремиться к окупаемости трудом заключенных затраченных на них издержек, не теряя однако из виду исправительных целей. Касаясь будущей системы исправительно-трудовых учреждений, докладчик отметил, что Уголовный кодекс, принятый в 1922 г., упразднил лагеря и дома заключения, оставив только три типа мест лишения свободы: исправительно-трудовые дома, переходные исправительные дома, трудовые ремесленные и сельскохозяйственные колонии. При этом неизбежно встал вопрос о разделении мест заключения на имевших государственное и местное значение, при этом учитывались их состояние, вместимость и т. п.

Все положения, изданные Центральным институтом труда (далее — ЦИТО), Главпринудработ и другими учреждениями, противоречили действующему законодательству, и поэтому ГУМЗ издал целый ряд временных циркуляров о деятельности мест заключения. Их содержание, опыт и шестилетняя практика исправительно-трудовой деятельности составили основу проекта Исправительно-трудового кодекса.

В заключение были определены перспективные направления деятельности исправительно-трудовой системы. Во-первых, ставилась задача получения земли для развития сельскохозяйственных колоний как наиболее перспективных для содержания отдельных категорий заключенных. Во-вторых, получить в распоряжение ГУМЗ кирпичные и лесопильные заводы, а также получить инвентарь и оборудование, необходимые для развития мастерских разного рода. Свое выступление Е.Г. Ширвиндт закончил заверением, что при настоящем тяжелом положении республики и государственного бюджета работники системы будут и дальше трудиться энергично, как было до сих пор, и добьются желаемых результатов.

После окончания доклада Е.Г. Ширвиндт отвечал на многочисленные вопросы участников съезда, среди которых наибольший интерес вызвали: о трестировании предприятий в пределах одной губернии, о распределении заработанных предприятиями учреждений сумм, медицинском обслуживании контингента, прохождении службы, реорганизации системы управления в союзных и автономных республиках в составе РСФСР, имеющейся литературе на русском языке по исправительно-трудовому делу, выделении специальных субсидий исполкомам, не имеющим возможности содержать места заключения за счет местного бюджета.

Затем после краткого перерыва начались прения по докладу. Первым в прениях выступал представитель Азербайджана товарищ Р.М. Рзаев. По его мнению, докладчик не коснулся ряда важных вопросов: не сказал о кадровом составе ГУМЗ, ссылаясь только на опыт работы московских мест заключения, не дал характеристику контингента, который должен перевоспитаться, обошел вопрос о медицинском обслуживании контингента и характере проводимой культурно-воспитательной работы.

Товарищ Фурин упрекнул Е.Г. Ширвиндта в том, что проект кодекса базируется только на опыте московских мест заключения, состоявших на государственном бюджете, в то время как 90 % исправительных домов состоят на местном бюджете. В частности, товарищ Фурин указал: «Нам передадут фабрики, приносящие убытки государству. Даже при дешевой рабочей силе они не принесут прибыли» [2, с. 52]. Основу системы мест заключения, по мнению докладчика, должны составить сельскохозяйственные колонии, но для их организации исполкомы не передадут имущества с достаточным количеством инвентаря и т. д. Им было поддержано предложение Е.Г. Ширвиндта об освобождении от призыва в армию надзирателей, как это распространено на милицию.

Правовед В.К. Дябло выступил против предложения докладчика установить тесный контакт учебно-воспитательных частей мест заключения с Народным комиссариатом просвещения РСФСР (далее — Наркомпрос). «Передача этой работы в Наркомпрос, — отметил В.К. Дябло, — не оправдала надежд на улучшение работы. Ведомство ничего не делало для мест заключения, ибо решало целый ряд других задач. К тому же у Наркомпроса не было средств для активной помощи нам. Потом, когда оно перешло к нам, перешло практически пустое место» [2, с. 56]. Товарищ Мартынов, положительно отзывавшийся о намеченной в докладе Е.Г. Ширвиндта дальнейшей задаче, заметил, что она трудно осуществима. В частности, он сказал следующее: «Теория и практика — это два больших противоречия. Теория — это предположение, а практика — осуществление. Положение в губернском бюджете не позволяет проводить какие-либо мероприятия. Взяв в аренду два кирпичных завода, мы предприняли попытку перейти на самоокупаемость. Начав работу без средств, не получая ничего от исполкомов, не смогли решить поставленную задачу» [2, с. 58]. Начальник Пензенского исправительно-го дома Королев критически отозвался о докладе Е.Г. Ширвиндта, так как доклад построен на опыте московских исправительных домов, находящихся на государственном обеспечении, и ничего не ска-

зано о работе учреждений, состоявших на местном бюджете: «ГУМЗ издает циркуляры, исполнение которых никем не проверяется. Ничего не было сказано о взаимоотношениях между прокурорами на местах и начальниками мест заключений. Прокуроры дают одни указания, начальник отдела мест заключения — другие, которым начальники мест заключения должны подчиняться. Ничего не было сказано о конвойных командах, находящихся в ведении губернского отдела ГПУ, хотя их место в нашем ведомстве. Остается не решенным вопрос о занятии заключенных на внешних работах. Из-за проблем оплаты труда сотрудников вынуждены использовать в карауле заключенных» [2, с. 60]. С.Д. Файнблит отметил, что «задача съезда не должна сводиться к критике работы ГУМЗа, так как участники этого мероприятия должны определиться с тем, как помочь решить сложные задачи ведомства. Вопрос стоит о проведении той исправительно-трудовой политики, которая заложена в содержании Кодекса. В области культурно-воспитательной работы перед нами на современном этапе стоит задача постараться ликвидировать политическую и элементарную неграмотность. Вместо культурно-просветительной работы нужно ввести термин политико-воспитательная работа. Не может ставиться задача перевоспитать всех, попавших в тюрьму, но в отношении небольшой части заключенных ее можно решить» [2, с. 67]. Товарищ Кийс указал: «Ни выступавший оратор, ни докладчик не затронули проблему, связанную с положением работников исправительно-трудового дела. Со времен революции считается, что хорошим начальником будет уполномоченный ГПУ или начальник милиции. Но они не знают психологии человека. Между тем бельгийская система управления исправительными учреждениями выдвигает туда людей с высшим образованием, несмотря даже на то, что желаемые результаты по исправлению преступников не достигались. У нас, если руководитель имеет хорошие связи в вышестоящих органах и не конфликтует с высшими административными органами, то спокоен за свою службу. Из-за финансовых трудностей мы вынуждены принимать на должности воспитателей и учителей тех, кому некуда идти. Поэтому в работе необходимо исходить из возможностей» [2, с. 73]. Товарищ Рубин в своем выступлении поднял вопрос о необходимости иметь в губерниях единую управленческую структуру. Он предлагал организовать в стране пять-шесть крупных колоний для несовершеннолетних правонарушителей, так как в каждой губернии их невозможно обустроить.

В заключительном слове Е.Г. Ширвиндт акцентировал внимание присутствующих на необходимости издания инструкции, разграничиваю-

щей функции инспектуры, также наблюдающей за местами заключения, и прокуратуры, обязанной наблюдать за законностью содержания под стражей и за тем, чтобы заключенные находились в местах заключения в соответствии с требованиями закона. Он заметил, что целый ряд вопросов умышленно им не затрагивался, так как они относились к проекту кодекса. В прениях, отметил Е.Г. Ширвиндт, поднимался вопрос о самоокупаемости мест заключения. Он сказал: «Как бы не было выгодно то или иное предприятие, мы его не откроем, если оно не преследует исправительных целей» [2, с. 80]. В прениях также высказывалась мысль о необходимости Главному управлению поддерживать связь с местами. Однако посылка специальных инспекторов не может дать благоприятных результатов, так как, приезжая на места, они не в состоянии дать прямого ответа на целый ряд вопросов. В отношении циркуляров и распоряжений было сказано, что пишутся они вроде для сведения, но это не так. Губинспекторы обязаны сообщать в Главк, что не могут это выполнить, согласовывая и даже иногда изменяя наши распоряжения.

Касаясь бюджетных ассигнований, он отметил, что ГУМЗ не вправе предписывать Губисполкомам бюджетные правила для мест заключения, так как они ГУМЗу не подчиняются. Высказался Е.Г. Ширвиндт и об опыте московских мест заключения по развитию производства, ведь за счет полученной ими прибыли удалось создать пенитенциарный фонд, из которого уже оказана материальная помощь Вятской губернии, Нижнему Новгороду, Орловской, Пермской и др. Коснулся он также вопроса кадровой политики и материального обеспечения работников мест заключения.

Им были подготовлены тезисы доклада, которые было предложено принять за основу и передать в секции для разработки и представления резолюции съезду. На съезде было указано, что применение мер социальной защиты на всей территории РСФСР должно быть единообразным, с тем чтобы режим в отдельных местах заключения изменялся исключительно в зависимости от характера исправительно-трудового учреждения и его задач, а не от каких-либо других местных условий. На вечернем заседании 10 октября 1923 г. были сформированы секции, после чего Е.Г. Ширвиндт выступил с докладом «Реформа исправительно-трудового дела и проект Исправительно-трудового кодекса».

В процессе дискуссии по вопросу исправительно-трудовой политики государства однозначно сложилось мнение о необходимости перехода от тюрем к воспитательным учреждениям, способ-

ным решать общегосударственную задачу исправления и перевоспитания правонарушителей. Этой стратегической линии должны соответствовать основные принципы исполнения уголовных наказаний в виде лишения свободы, а именно:

- принцип гуманизма, предусматривающий гуманное обращение с заключенными;
- принцип законности, обеспечивающий исправительно-предупредительное воздействие на заключенных, в точном соответствии с законом;
- принцип классового подхода к заключенным, предусматривающий более жесткие условия лишения свободы для контрреволюционеров — выходцев из рабочих и крестьян;
- принцип дифференциации заключенных, определявший систему мест лишения свободы для содержания различных категорий заключенных;
- принцип самоокупаемости, выражающийся в содержании заключенных за счет использования их в трудовых процессах;
- принцип соединения наказания с исправительным воздействием;
- принцип участия представителей общественности в реализации процесса исправительно-трудового воздействия.

Съезд пенитенциарных работников ознаменовал важнейший этап становления основ исправительно-трудовой политики РСФСР. Прежде всего, ей был придан классовый характер, обеспечивающий реализацию репрессий против врагов советской власти. В качестве важнейшего условия при исполнении наказания являлась реализация принципа самоокупаемости, позволявшего не только занять заключенных работами, но и обучать их профессиональным навыкам. Важнейшее значение придавалось постановке культурно-воспитательной и культурно-просветительной работы. При этом в качестве первоочередных мер ставилась задача ликвидации неграмотности как общей, так и политической. Воспитателям и учителям вменялась обязанность заведовать театральной и библиотечной работой, руководить кружками различного типа, устраивать лекции и беседы, организовывать постановку концертов и спектаклей.

Таким образом, в качестве основных средств реализации исправительно-трудовой политики были определены труд, режим, культурно-воспитательная работа, общеобразовательное и профессиональное обучение, которые в настоящее время являются основной уголовно-исполнительной политики государства. Юридическое закрепление указанные средства получили в Исправительно-трудовом кодексе РСФСР, принятом в 1924 г. (*Постановление ВЦИК от 16 октября 1924 г. «Об*

утверждении *Исправительно-Трудового Кодекса Р.С.Ф.С.Р.*» // *СПС Консультант Плюс*).

Рассмотрев процесс становления и развития системы исправительно-трудовых лагерей в России в 1920-е годы, можно сделать следующие выводы.

После объединения всех мест лишения свободы началась активная работа по развитию системы и регулированию ее деятельности. Проект закона и исправительно-трудовая политика РСФСР были предметом обсуждения на первом Всероссийском съезде пенитенциарных деятелей, который проходил в Москве в 1923 году. В последующие годы внесены изменения в политику и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР. Однако научный интерес и внимание к этому кодексу были потеряны после создания системы исправительно-трудовых лагерей и передачи их в управление Народного комиссариата юстиции РСФСР. Основные принципы исполнения уголовных наказаний, предусматривающие гуманное обращение с заключенными, законность, классовый подход,

дифференциацию заключенных, самоокупаемость, соединение наказания с исправительным воздействием и участие общественности, были однозначно разработаны на съезде пенитенциарных работников. Эти принципы определили развитие исправительно-трудовой политики РСФСР. Особое внимание уделялось воспитательной и просветительской работе среди заключенных. Была поставлена задача ликвидации неграмотности и их культурного развития. На воспитателей и учителей возлагалась ответственность за организацию театральной и библиотечной работы, проведение лекций и бесед, организацию концертов и спектаклей. В целом, съезд пенитенциарных работников явился важным этапом в становлении и развитии исправительно-трудовой политики в РСФСР. Она получила классовый характер, соответствующий репрессивным мерам против врагов советской власти. Важными аспектами были самоокупаемость заключенных, их обучение профессиональным навыкам и культурно-воспитательная работа.

Литература

1. *Астемиров З.А.* История исправительно-трудового права. Рязань: РВШ МВД СССР, 1975. — 63 с.
2. Всероссийский съезд работников пенитенциарного дела в Москве 18–24 октября 1923 года. Стенографический отчет. М., 1923. — 216 с.
3. *Детков М.Г.* Тюрьмы, лагеря и колонии России. М.: Вердикт-1М, 1999. — 448 с.
4. *Зубарев С.М. и др.* Уголовно-исполнительное право. М.: Юрайт, 2011. — 435 с.
5. Курс уголовно-исполнительного права. Общая часть / под общ. ред. Г.А. Корниенко, под науч. ред. А.В. Быкова. Ч. 1. М.: ФКУ НИИ ФСИН России, 2017. — 511 с.
6. *Смольяков В.Г.* Развитие советских исправительно-трудовых учреждений. М., 1979. — 52 с.
7. *Утевский Б.С.* Советская исправительно-трудовая политика. Учебник для вузов и юридических курсов. М.: Советское законодательство, 1934. — 253 с.

References

1. *Astemirov Z.A.* Istoriya ispravitel'no-trudovogo prava [History of correctional labor law]. Ryazan': RVSh MVD SSSR Publ., 1975. 63 p. (In Russian)
2. Vserossiiskii s"ezd rabotnikov penitentsiarnogo dela v Moskve 18–24 oktyabrya 1923 goda. Stenograficheskii otchet [All-Russian Congress of Penitentiary Workers in Moscow on October 18–24, 1923. Verbatim report]. Moscow, 1923. 216 p. (In Russian)
3. *Detkov M.G.* Tyr'my, lagerya i kolonii Rossii [Prisons, camps and colonies of Russia]. Moscow: Verdikt-1M Publ., 1999. 448 p. (In Russian)
4. *Zubarev S.M. et al.* Ugolovno-ispolnitel'noe parvo [Criminal executive law]. Moscow: Yurait Publ., 2011. 435 p. (In Russian)
5. Kurs ugolovno-ispolnitel'nogo prava. Obshchaya chast' [Course of Criminal executive law. General part]. Total ed. G.A. Kornienko, scientific. ed. A.V. Bykov. P. 1. Moscow: FKU NII FSIN Rossii Publ., 2017. 511 p. (In Russian)
6. *Smol'yakov V.G.* Razvitie sovetskikh ispravitel'no-trudovykh uchrezhdenii [Development of Soviet correctional labor institutions]. Moscow, 1979. 52 p. (In Russian)
7. *Utevskii B.S.* Sovetskaya ispravitel'no-trudovaya politika. Uchebnik dlya vuzov i yuridicheskikh kursov [Soviet correctional labor policy. Textbook for universities and law courses]. Moscow: Sovetskoe zakonodatel'stvo Publ., 1934. 253 p. (In Russian)

Трибуна ВУЗА ФБГОУ ВО «ЮГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕАЛИЗАЦИИ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ МЕР НА МЕЖДУНАРОДНОМ УРОВНЕ

Авдеев Вадим Авдеевич,
Авдеева Ольга Анатольевна

Цель: в статье отражены актуальные проблемы правового регулирования методов и средств реализации антитеррористических мер, назревших в национальных правовых системах. Анализируется процесс формирования правовых гарантий, закрепленных в нормах международного права. Отмечено, что международно-правовые акты, декларируя общепризнанные права и свободы каждого человека, устанавливают обязанность каждого государства обеспечить их соблюдение и охрану на внутригосударственном уровне. Формирование на международном уровне универсальных антитеррористических мер является одним из актуальных направлений профилактики и предупреждения преступности. Достижение указанной цели предполагает разработку универсальных международно-правовых подходов, ориентирующих системы национального права на реализацию антитеррористических мер. Раскрыта специфика уголовной политики по реализации антитеррористических мер в России и за рубежом. Особое внимание уделено современным проблемам обеспечения общественной безопасности в условиях глобализации международной жизни.

Методология: в основу оценки результативности проводимых мероприятий положены статистический и социологический методы исследования.

Выводы. Определено, что в процессе разработки правовых средств противодействия терроризму как социально негативному явлению в качестве главенствующих объектов правовой охраны признаются жизнь и здоровье человека, его свобода, неприкосновенность и общественная безопасность. Сделан вывод о том, что в ходе последовательной деятельности международного сообщества по борьбе с терроризмом требуется унификация законодательного подхода на внутригосударственном уровне.

Научная и практическая значимость. Формирование на международном уровне универсальных антитеррористических мер является одним из приоритетных направлений профилактики и предупреждения преступности и создает предпосылки для дальнейшего доктринального осмысления и решения теоретических проблем противодействия преступлениям террористического характера. Разработке и реализации подлежат новые направления уголовной политики, ориентированные на модернизацию уголовного закона и правоприменения.

Ключевые слова: международное право, преступность террористического характера, уголовная политика, антитеррористические меры, профилактика преступности, предупреждение преступности.

Актуальные проблемы правового регулирования методов и средств противодействия терроризму как социально негативному явлению,

назревшие в национальных правовых системах, закономерно требуют обращения к нормам международного права. Международно-правовые

акты, декларируя общепризнанные права и свободы каждого человека, устанавливают обязанность каждого государства обеспечить их соблюдение и охрану на внутригосударственном уровне [1]. В процессе разработки правовых средств противодействия терроризму в качестве главенствующих объектов правовой охраны признаются жизнь и здоровье человека, его свобода и неприкосновенность [2]. Глобализация международной жизни актуализирует ряд проблем, в том числе связанных с обеспечением государственной и общественной безопасности. Рост преступности, связанной с терроризмом, создает реальную угрозу для охраняемых уголовным законодательством различных стран значимых интересов, в том числе жизни, здоровью, собственности, миру и безопасности человечества.

Правовые воззрения относительно незыблемости личной свободы и физической неприкосновенности личности имели место в трудах Т. Гоббса, Д. Локка, Д. Мильтона и других мыслителей Нового времени. Прогрессивные идеи о правовых средствах охраны личной свободы и физической неприкосновенности личности высказывали Т. Джефферсон, Б. Франклин, Т. Пейн. К числу правовых актов, закрепивших незыблемость личной свободы и физической неприкосновенности личности на законодательном уровне, стоит отнести Декларацию независимости США от 4 июля 1776 г. и Билль о правах 1789 г., согласно которым все люди созданы равными и наделены определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью [4]. В развитие данных актов Декларация прав человека и гражданина от 26 августа 1789 г. и Конституция Франции от 3 сентября 1791 г. промульгировали свободу и равенство в правах, неприкосновенность личности (ст. 1, 7–10). В ходе провозглашения права каждого человека на свободу последовательной регламентации подлежал принцип равенства, сопряженный с обеспечением государством личной (индивидуальной) безопасности.

В результате концепция обеспечения личной (индивидуальной) безопасности становится одним из приоритетных направлений по мере создания международных организаций. Универсальный подход к правовой оценке свободы и неприкосновенности человека получил разработку в 1815 г. в ходе деятельности участников Венского конгресса. В 1924 г. международным сообществом была принята Женевская декларация прав ребенка, в которой указывалось, что среди основных направлений признается защита жизни и личной неприкосновенности детей. Консолидация уси-

лий международного сообщества в данной сфере наметилась с созданием ООН и принятием 26 июня 1945 г. Устава, промульгирующего идею о ценности человеческой личности. В результате на Генеральной Ассамблее ООН 1 декабря 1948 г. была принята Всеобщая декларация прав человека, устанавливающая правовые основы в сфере регламентации прав и свобод человека. К числу наиболее значимых правовых актов стоит отнести Конвенцию о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., на основании которой каждому человеку предоставлено право на свободу и личную неприкосновенность, подлежащее правовой охране с помощью внутригосударственных мер. Следующей мерой по правовой защите от насилия стало принятие Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 г. Международного пакта о гражданских и политических правах.

Решение проблемы по противодействию терроризму предопределило принятие Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1959 г. Декларации прав ребенка, устанавливающей обязанность государств создать на национальном уровне правовой механизм охраны прав ребенка в целях обеспечения их должного физического и нравственного развития. Согласно Конвенции о согласии на вступление в брак, минимальном брачном возрасте и регистрации браков, принятой ООН 7 ноября 1962 г., вводится правовой механизм, направленный на обеспечение неприкосновенности лиц женского пола.

Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. была принята Конвенция о правах ребенка, на основании которой государства-участники обязывались для защиты ребенка от различных форм физического или психологического насилия осуществлять комплекс законодательных, административных, социальных и просветительных мер (ст. 19). 1 марта 1991 г. в Монреале (Канада) была принята Конвенция о маркировке пластических взрывчатых веществ в целях их обнаружения. Актуальность проблемы противодействия терроризму подчеркивалась в ходе Всемирной конференции, проходившей 25 июня 1993 г. В преамбуле Декларации о мерах по ликвидации международного терроризма от 9 декабря 1994 г. устанавливалось, что к проявлениям терроризма следует относить акты, угрожающие жизни или приводящие к гибели людей, имеющие пагубные последствия для безопасности государств и международных отношений. Нарастающие темпы совершения преступлений террористической направленности на международном уровне предопределили обсуждение данного вопроса в Каире в 1995 г.

в ходе семинара-практикума «Предупреждение преступности с применением насилия». Практическое значение имеет Декларация по борьбе с терроризмом от 12 декабря 1995 г., принятая на совещании министров «восьмерки».

В настоящее время в основу международно-правового механизма противодействия терроризму положены Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма, Международная конвенция ООН по борьбе с бомбовым терроризмом, Международная конвенция ООН о борьбе с финансированием терроризма, Международная конвенция ООН о борьбе с актами ядерного терроризма, Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма, Европейская конвенция о борьбе с терроризмом, Конвенция о взаимной правовой помощи и выдаче в целях борьбы с терроризмом, Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма, Конвенция о борьбе с незаконными актами в отношении международной гражданской авиации. Особого внимания заслуживает принятое ИКАО в 2011 г. Руководство по безопасности для защиты гражданской авиации от актов незаконного вмешательства.

Разработанный международным сообществом правовой механизм создал необходимые предпосылки для совершенствования правовых основ реализации антитеррористических мер на внутригосударственном уровне. Европейская Конвенция о борьбе с терроризмом от 27 января 1997 г. к преступным террористическим деяниям предлагает причислять: 1) акты, относящиеся к применению Конвенции по борьбе с преступным захватом летательных аппаратов; 2) действия, относящиеся к применению Конвенции по борьбе с преступными актами, направленными против безопасности гражданской авиации; 3) акты, состоящие в покушении на жизнь, телесную целостность, свободу людей, наделенных правом международной защиты; 4) акты, выраженные в захвате заложников или незаконном лишении свободы; 5) акты, заключающиеся в использовании опасных для людей бомб, ракет, гранат, автоматического огнестрельного оружия, посылок и бандеролей.

Согласно положениям Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. под терроризмом следует понимать деяние, а также его организацию, планирование и другое содействие его осуществлению: 1) имеющее целью нарушение общественной безопасности, запугивание населения, понуждение международной организации или

органов власти к деянию, преследуемому национальным уголовным законодательством сторон; 2) направленное на вызывание смерти, причинение тяжкого телесного повреждения, значительного ущерба материальному объекту.

Практическую значимость в борьбе с терроризмом приобретает введенное Конвенцией Шанхайской организации сотрудничества против терроризма от 16 июня 2009 г. определение терроризма как идеологии насилия и практики воздействия на принятие международными организациями или органами власти решения, осуществляемого путем угрозы либо совершения насильственных и направленных на причинение ущерба человеку, государству, обществу, сопряженных с устрашением населения, других преступных действий.

Вместе с тем стоит отметить, что в указанном определении не даны обязательные признаки терроризма как уголовно-правового явления, что неизбежно влечет неоднозначность дефиниций при регламентации норм национального законодательства. Отсутствие универсальной дефиниции терроризма на международном уровне влечет неоднозначное толкование данного негативного социально-правового явления. Заслуживает дополнительного анализа сложившееся понимание терроризма как насилия для создания социально-психической атмосферы страха в целях оказания воздействия на принятие выгодных решений. Если обратиться к этимологическому содержанию данного термина, то стоит подчеркнуть, что терроризм рассматривается в двух аспектах — как политика террора и тактика террора. Политика террора означает политику по устрашению, подавлению насильственными мерами политических противников. Тактика террора понимается в двух смысловых значениях: 1) преследовать, угрожая насилием, расправой; 2) запугивать, держа в постоянном страхе.

Таким образом, в современный период действует целый перечень международных нормативно-правовых актов, ориентированных на противодействие терроризму [3]. Вместе с тем анализ данных официальной статистики показывает негативные тенденции.

Высокие темпы роста преступлений террористического характера на 44,4 %, отмеченные в 2016 г., сменились в 2017–2018 гг. уменьшением рассматриваемых показателей в совокупности на 26,3 %. В 2019–2020 гг. вновь отмечается увеличение удельного веса указанных преступлений на 31,8 %. Снижение относительного показателя террористической преступности в 2021 г. сопровождается дальнейшим ростом указанного пока-

**Динамика показателей преступлений террористического характера
в Российской Федерации в 2013–2022 гг.**

Годы	Абсолютный показатель преступлений террористического характера	Относительный показатель преступлений террористического характера	Рост/снижение абсолютного показателя	Рост/снижение относительного показателя
2013	661	0,029 %	3,8 %	0,002 %
2014	1128	0,051 %	70,5 %	0,022 %
2015	1538	0,064 %	35,8 %	0,013 %
2016	2227	0,103 %	44,8 %	0,039 %
2017	1871	0,009 %	–16,0 %	–0,013 %
2018	1679	0,084 %	–10,3 %	–0,006 %
2019	1806	0,089 %	7,64 %	0,005 %
2020	2342	0,114 %	29,7 %	0,025 %
2021	2136	0,106 %	–8,8 %	–0,008 %
2022 (январь– октябрь)	1979	0,118 %	3,8 %	0,012 %

зателя в январе-октябре 2022 г. Стоит отметить, что в течение десяти месяцев 2022 г. впервые за исследуемый период зафиксирован максимальный относительный показатель преступлений террористического характера (0,118 %), свидетельствующий о нарастании данной угрозы для современного российского общества (*Состояние преступности в Российской Федерации. 2010–2022 гг.*).

Необходимо в этой связи подчеркнуть, что содействие решению указанных проблем оказывает Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы, утвержденный 28 декабря 2018 г. (*Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы (утвержден Указом Президента РФ от 28 декабря 2018 г. № Пр-2665) // Документ опубликован не был*). Механизм противодействия терроризму позволяет активно привлекать к осуществлению данной деятельности органы местного самоуправления и образовательных организаций, проводящих воспитательные и культурно-просветительские мероприятия. Однако имеет место активная пропаганда и вербовочные мероприятия международных террористических организаций, проводимые в отношении как российских граждан, так и иностранцев, прибывших в Россию с целью трудоустройства.

Стоит обратить внимание на позицию России в сентябре 2022 г. на 77-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, выступающей за объединение усилий всех государств в борьбе с терроризмом при центральной координирующей роли Организации

Объединенных Наций и Глобальной контртеррористической стратегии данной международной организации. Необходимо активизировать анти-террористическую деятельность, направленную на прекращение финансирования терроризма, реализации идеологии терроризма.

В настоящее время эффективность решения проблемы противодействия терроризму определяется рядом факторов. Прежде всего, указанный вид преступности носит транснациональный характер. Нельзя не отметить проблему противодействия терроризму, связанную с распространением идеологии терроризма, приобретающего в условиях глобализации всеобъемлющий характер. Образование международных террористических организаций и укрепление их влияния предопределены активно проповедуемой идеологией терроризма. Рост терроризма на территориях вооруженных конфликтов обуславливает развитие межнациональной розни, религиозной вражды и различных проявлений экстремизма. Среди детерминант указанного вида преступности стоит отметить наркотизацию и алкоголизацию населения.

Противодействие терроризму предусматривает определение стратегии, программирование, прогнозирование, использование научной основы противодействия преступности. Немаловажное значение имеют повышение квалификации профессиональных кадров и повышение правовой культуры населения страны.

Общесоциальное предупреждение должно обеспечиваться развитием социально-экономи-

ческих отношений. Профилактика специально-криминологической направленности должна быть ориентирована на нейтрализацию детерминант преступности и оказание индивидуально-профилактического влияния на отдельных лиц.

В современный период востребованным является внедрение новых методов и форм предупреждения терроризма. В частности, внимания заслуживает активизация использования технических приемов и средств для превенции преступлений. Теле- и видеозапись полиции мест скопления людей обеспечивает эффективное и оперативное реагирование на правонарушающее поведение. Перспективным видится направление расширения средств экстренной и электронной связи граждан с полицией.

Защищенность и безопасность граждан предполагают модернизацию правового сознания путем специализированной подготовки сотрудников полиции, направленной на установление нового уровня взаимоотношений между органами внутренних дел и потерпевшими.

Резюмируя вышеизложенное, следует заключить, что государственно-правовой механизм противодействия преступлениям террористического характера в РФ предусматривает решение задач, направленных на повышение эффективности деятельности специальных служб, правоохранительных органов, контролирующих и надзорных органов; модернизацию системы профилактики преступности террористической направленности, в том числе среди молодежи; реализацию специальных мер по снижению уровня криминализации общественных отношений в указанной области; оптимизацию деятельности, структуры федеральных органов исполнительной власти и развитие их системы; развитие системы предупреждения, выявления и пресечения деструктивной деятельности международных и иностранных террористических организаций; создание механизмов противодействия участию российских граждан в деятельности террористических организаций за рубежом; повышение уровня антитеррористической защищенности объектов жизнеобеспечения населения, иных потенциально опасных и критически значимых объектов.

Помимо общих задач, решению подлежат специфические задачи. Противодействие распространению террористической преступности в РФ достигается путем обеспечения защиты единого информационного пространства, совершенствования системы информационного противодействия развитию указанного социально-правового явления. Одним из условий повышения эффективности противодействия преступлениям террористического характера является получение превентивной информации о планах террористических организаций по ее распространению, каналах и источниках ее финансирования. Практическое значение имеет информационно-аналитическое противодействие распространению идеологии терроризма путем сбора, систематизации, анализа, оценки, обмена полученной информации, в рамках которых актуальным представляется создание на международном и национальном уровнях единого антитеррористического информационного пространства. Оптимизации требуют информационные потоки и распределение компетенции между субъектами противодействия распространению идеологии терроризма. Информационно-аналитическое обеспечение предполагает разработку научными учреждениями методических и теоретических основ противодействия распространению идеологии терроризма, осуществление имеющих практическое значение исследований, изучение опыта иностранных государств, внесение предложений по совершенствованию системы мер профилактики, предупреждения.

Таким образом, в современный период приоритетным направлением является реализация государственно-правовой политики, направленной на обеспечение уголовно-правовой охраны ключевых прав и свобод человека — жизни, здоровья, личной свободы и общественной безопасности. Нарастающие темпы преступлений террористического характера представляют реальную угрозу для общественной безопасности. Согласованность международно-правового и внутригосударственного механизма противодействия терроризму должна быть положена в основу повышения качества и эффективности деятельности правоохранительных и правоприменительных органов по предупреждению и профилактике преступлений террористической направленности.

Литература

1. Авдеев В.А., Авдеева О.А. Правовая политика в сфере противодействия групповой и организованной преступности в контексте реализации норм международного права // Международное уголовное право и международная юстиция. 2022. № 6. С. 2–5.

2. Авдеев В.А., Авдеева О.А. Правовой механизм обеспечения общественной безопасности в контексте национальных угроз, связанных с преступным оборотом оружия // Российская юстиция. 2019. № 5. С. 44–46.

3. Кибальник А.Г. Современное понимание свободы воли в российской уголовно-правовой доктрине // Общество и право. 2017. № 1 (59). С. 31–34.

4. Международные акты о правах человека: сборник документов / сост. В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева. М.: Изд-во НОРМА, 2002. — 944 с.

References

1. Avdeev V.A., Avdeeva O.A. Pravovaya politika v sfere protivodeistviya gruppovoi i organizovannoi prestupnosti v kontekste realizatsii norm mezhdunarodnogo prava [Legal policy in the field of countering group and organized crime in the context of the implementation of international law]. *Mezhdunarodnoe uголовное pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya [International criminal law and international justice]*, 2022, no. 6, pp. 2–5. (In Russian, abstract in English)

2. Avdeev V.A., Avdeeva O.A. Pravovoi mekhanizm obespecheniya obshchestvennoi bezopasnosti v kontekste natsional'nykh ugroz, svyazannykh s prestupnym oborotom oruzhiya [The legal mechanism for ensuring public security in the context of national threats related to criminal arms trafficking]. *Rossiiskaya yustitsiya [Russian justice]*, 2019, no. 5, pp. 44–46. (In Russian, abstract in English)

3. Kibal'nik A.G. Sovremennoe ponimanie svobody voli v rossiiskoi uголовno-pravovoi doktrine [Modern understanding of freedom of will in the Russian criminal law doctrine]. *Obshchestvo i pravo [Society and Law]*, 2017, no. 1 (59), pp. 31–34. (In Russian, abstract in English)

4. Mezhdunarodnye akty o pravakh cheloveka: sbornik dokumentov [International acts on human rights: a collection of documents]. Comp. V.A. Kartashkin, E.A. Lukasheva. Moscow, NORMA Publ., 2002. 944 p. (In Russian)

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕСТРУКТИВНОЙ ИДЕОЛОГИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ ЧЕРЕЗ ИГРОВОЙ КОНТЕНТ

Акинина Наталья Юрьевна,
Анисимов Иван Валерьевич,
Кочупалов Роман Валериевич

Цель: дать анализ игрового контента компьютерных игр, пропагандирующих деструктивную идеологию, сформулировать предложения по предупреждению ее распространения среди несовершеннолетних в сети Интернет.

Методология: непосредственные аналитические выводы в работе произведены на основе методов анализа, синтеза, обобщения, а также контент-анализа компьютерных игр, представленных в интернет-пространстве; интервьюирования гейм-игроков.

Выводы. Для предупреждения распространения среди несовершеннолетних деструктивной идеологии через игровой контент недостаточно ограничительных и запретительных мер в связи с существованием пиратского рынка, распространяющего любой игровой контент, включая официально запрещенный. Указанная проблема может быть решена только с помощью развития собственной игровой индустрии под жестким контролем государства и общества за выпускаемым контентом и благодаря предоставлению экономических мер поддержки для российских игровых компаний.

Научная и практическая значимость. Данное исследование является основой для разработки предложений по предупреждению распространения среди несовершеннолетних деструктивной идеологии в сети Интернет через игровой контент.

Ключевые слова: игровой контент, несовершеннолетний, деструктивная идеология, предупреждение.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 2 июля 2021 г. (СЗ РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351) в числе национальных интересов указаны развитие безопасного информационного пространства и защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия.

Особенно в такой защите нуждается молодое поколение, поскольку, как отмечают многие исследователи [1, с. 3–12; 2, с. 100–112; 3], информационная среда для молодежи стала доминирующим источником доверия. Несовершеннолетние буквально растут в сети Интернет. В этом же пространстве происходит их социализация, в том числе формируются их ценностные ориентиры, зачастую основанные на социальных пороках, пропаганди-

рующих паразитический праздный образ жизни. Это всевозможные блогеры, ведущие свои каналы, имеющие миллионы подписчиков. В информационной среде содержится огромное количество рекламы товаров, запрещенных к употреблению подростками (алкоголь, наркотики, курительные и некурительные никотиновые смеси). Очень много времени подростки проводят в онлайн-играх, в которых также навязываются чуждые западные ценности, внушается экстремистская идеология, формируется мотивация к преступной деятельности. Данная ситуация требует взятия под контроль информационного пространства, поскольку в настоящее время оно негативно действует на личность непосредственно, не позволяет включиться антикриминальным свойствам малых социальных

групп [4, с. 12]. Необходима система защиты несовершеннолетних от деструктивного идеологического воздействия, предупреждения формирования у них преступной мотивации. Данная система мер может быть эффективной только на основе глубокого изучения продуктов информационной среды, анализа контента, распространяемого в сети Интернет, выявления и предупреждения негативных последствий от его воздействия на несовершеннолетних. Особого внимания требуют компьютерные игры, которые в настоящее время можно охарактеризовать как элемент массовой культуры, часть информационного (сетевого) пространства, системы массовой коммуникации среди молодежи [5, с. 92–101].

Среди исследователей нет однозначного мнения, насколько компьютерные игры оказывают влияние на молодежь, и какие последствия возникают от воздействия на них в будущем. Так, высказывалось мнение как о формировании повышенной степени агрессии у молодежи [6, с. 1726–1730], так и об отсутствии какой-либо прямой взаимосвязи между агрессивностью подростка и временем, проведенным им в онлайн-играх [7, с. 11–16].

Вместе с тем очевидно, что опасность для несовершеннолетнего представляет не игра сама по себе, а тот игровой контент, который проповедует ту или иную деструктивную идеологию либо пороки. В информационное пространство выходят игры, которые открыто пропагандируют терроризм, сексуальное насилие, убийства с особой жестокостью, пытки, расчленение тел и т. д.

Примером пропаганды культа насилия является игра *Rape Day* (День изнасилования), созданная независимым разработчиком в 2019 г. Согласно описанию разработчика, в данной игре можно «насиловать и убивать во время зомби-апокалипсиса». Игра содержит такие элементы как инцест, нецензурную брань, сексуальное насилие, некрофилию и пытки.

Другим примером сексуального насилия может служить игра *RapeLay* 2006 г., которая представляет собой буквально «симулятор насильника». В данной игре необходимо преследовать девушек, сексуально домогаться их в общественных местах и далее, соответственно, совершать половой акт.

Имеются и примеры агрессивного отношения между игроками (скулшутинга).

Так, в игре *Hatred* игрок вживается в роль человека, который испытывает ненависть ко всему человечеству. В данной игре игрок расстреливает граждан, сотрудников правоохранительных органов в различных местах: супермаркетах, школах, церквях и т. д.

Главный герой расправляется с людьми с особой жестокостью. Подобным контентом обладает и игра *Active Shooter*, предоставляющая возможность принять роль либо спецназовца, либо стрелка в школе.

Игра *Postal 2* стала одним из примеров запрета игр во множестве стран по причине чрезмерного насилия. Так, место действия представляет собой американский городок Парадиз, где главный герой по имени Чувак выполняет различные повседневные поручения (купить молоко, сходить на работу, проголосовать на выборах и т. д.), но способ их выполнения зависит от игрока. Например, можно расстреливать всех окружающих, мочиться на прохожих, рубить головы косой, насаживать кошек на штурмовую винтовку в качестве глушителя и пр. При этом игра в России продавалась без каких-либо ограничений. В настоящий момент она запрещена.

Серия игр *Manhunt* завязана на жестоких убийствах людей. Так, сюжет первой части повествует о том, что главный герой Джеймс Эрл Кэш приговорен к смертной казни. Вместо смерти он оказывается на территории Карцер-сити, где происходят беспорядки, убийства и хаос. Герой узнает, что в Карцер-сити проходит шоу, где необходимо с особой жестокостью умерщвлять иных преступников. Игра сопровождается демонстрацией реальных пыток, расчленения и умерщвления жертв. Чем кровавее казнь, тем выше рейтинг у игрока и тем больше ему доступно контента для прохождения игры.

Стоит отметить, такая откровенная жестокость и насилие порой вызывают возмущение даже в гейм-сообществе, под давлением которого игры могут быть сняты с продаж. Так, с продаж были сняты *Rape Day*, *RapeLay*, *Active Shooter*, *Company of Heroes 2* и др.

Помимо пропаганды жестокости и насилия, игровой контент активно используется для пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений.

Так, в игре *Life is Strange: True Colors* главная героиня может иметь романтические связи как с мужчиной, так и с женщиной. Игра получила награды «Игра года», «Достоверное представление» и «Лучший ЛГБТ-персонаж» по версии *Gaming Awards 2022* — конференции, присуждающей подобно «Оскару» награды видеоиграм, которые лучшим образом преподносят различного рода меньшинства. Также трансгендеры и лесбиянки выступают в качестве героев в играх *Tell Me Why*, *Одни из нас: часть II* и др.

Кроме того, через игры происходит искажение исторической правды, особенно событий Второй мировой войны и роли в ней Советского Союза.

Примером исторической несправедливости служит игра *Company of Heroes 2*, в которой представлен восточный фронт времен Второй мировой войны. На протяжении всей советской кампании игра постулирует, что Советский Союз смог победить Третий рейх лишь благодаря заградительным отрядам, ужасным морозам и простому численному превосходству, позволявшему бестолковым и жестоким генералам легко жертвовать тысячами людей. НКВД порой представлена хуже, чем сама нацистская Германия: расстрел всех несогласных без суда и следствия, сжигание советских деревень, отправка советских солдат в бой без оружия и т. д.

Важно отметить, что в играх, основанных на событиях Первой и Второй мировых войн, в последнее время практически не делается акцент на участии Российской Империи и Советского Союза. В серии игр *Battlefield*, *Call of Duty* существуют лишь американские, британские и иные кампании, что может создать неверное восприятие исторических событий у несовершеннолетних.

Циничным и извращающим представление об исторических деятелях является выход игры *Sex with Stalin* (Секс со Сталиным), выпущенной российской студией *Woobs Dev* в 2020 г. Игра представляет собой симулятор свиданий, в котором главный герой является путешественником во времени и попадает в Советский Союз 1940-х гг., где он общается на различные темы с И.В. Сталиным. Игрок сам выбирает темы и пути развития отношения главного героя с советским вождем, в том числе, как ясно из названия, сексуальных отношений.

Вне всякого сомнения, подобный игровой контент должен быть полностью исключен из маркетплейсов и полностью недоступен для несовершеннолетних.

Те игры, которые допущены к свободному продвижению на рынке в соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (*СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 48*), подлежат возрастной классификации информационной продукции.

При проведении исследований в целях возрастной классификации информационной продукции оценке подлежат ее тематика, жанр, содержание и художественное оформление; особенности восприятия содержащейся в ней информации детьми определенной возрастной категории; вероятность причинения содержащейся в ней информацией вреда здоровью и (или) развитию детей.

Однако прозрачной системы возрастной идентификации при приобретении игр не существует.

Достаточно принять пользовательское соглашение, указав свой возврат. Документального подтверждения не требуется.

Кроме того, несмотря на принимаемые возрастные ограничения, ежегодно на рынок выходит игровой контент, который не имеет такой откровенной агрессии и, на первый взгляд, не несет деструктивной идеологии. Но он является далеко не безопасным, поскольку через него происходит манипуляция общественным сознанием, ненавязчиво, даже скрыто формируется отрицательный образ российского (русского) человека, России через развлекательную или познавательную деятельность. В результате постепенно происходит влияние на общественное сознание, пропагандируемая в игре идея утверждается как социальная норма.

Например, игра *Call of Duty: Modern Warfare II* (2022), где в одной из миссий американская частная военная компания *Shadow Company* должна была перевезти баллистические ракеты союзникам, воюющим на Ближнем Востоке. Однако данный конвой попадает в засаду, организованную, как указывают сами персонажи и субтитры, «русской ЧВК «Конни»», которая уничтожает весь американский отряд. Груз с ракетами ЧВК «Конни» в дальнейшем предоставит главному антагонисту игры — иранскому майору Гассану. Так называемая ЧВК «Конни» из игры имеет явное сходство с реальной действующей ЧВК «Вагнер». При этом в игре они несут в себе отрицательные характеристики, так как поддерживают и работают на злодея в игре.

Также русских в играх часто представляют в качестве членов преступного сообщества. Например, лидер русской мафии Владимир Лем, торгующий оружием в игре *Max Payne 2*.

Другим примером чуждой идеологии является навязывание феминизма, разрушающего семейные ценности.

Так, в последнее время разработчики боятся объективизировать лиц женского пола, делают их нарочито сильнее и умнее мужских персонажей. Например, игра *Battlefield V* повествует о различных кампаниях времен Второй мировой. В главе «Аврора» девушка Сольвейг в одиночку сражается с нацистской Германией, захватившей Норвегию. Однако реальная операция «Ганнерсайд» прошла с участием отряда членов сопротивления, в котором не было женщин.

Кроме того, пропагандируется польза от употребления алкоголя. Например, в игре *S.T.A.L.K.E.R.* водка позволяет герою выводить радиацию из организма, что является в корне неверным.

Серьезной угрозой для распространения деструктивной идеологии является также теневой ресурс пиратских версий игр, доступных для скачивания через протокол Torrent. В нем отсутствует какая-либо цензура, в доступе для скачивания могут быть любые запрещенные игры, в том числе они доступны для несовершеннолетних. Данная проблема обострилась в связи с невозможностью официально приобретать игры у многих иностранных компаний, к примеру, Steam или Sony, поскольку отсутствуют законные способы их оплаты после блокировки платежной системы SWIFT.

Кроме того, известные игровой индустрии франшизы используются преступниками для создания своей пропагандистской продукции на основе пиратских версий таких игровых программ.

В настоящее время принимаются меры, направленные на предупреждение деструктивного воздействия игрового контента на несовершеннолетних. Так, в Государственную Думу внесет законопроект федерального закона, запрещающий продажу игр, которые пропагандируют насилие, жестокость и нетрадиционные отношения, содержат порнографию или ненормативную лексику. Под удар попала даже The Sims 3, которая популярна у девочек (*Госдума ополчилась на игры: хотят запретить десятки игр. В списке есть Assassin's Creed, Fallout и даже The Sims 3 // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.ixbt.com/news/2022/11/11/assassin-s-creed-fallout-the-sims-3.html> (дата обращения: 15.11.2022)*).

Однако существующий пиратский рынок игр делает данную инициативу бессмысленной и неэффективной.

Единственным способом решения данной проблемы является принятие мер со стороны государства по созданию собственной игровой индустрии под жестким экспертным контролем выпускаемого контента.

В качестве примера решения указанной проблемы является опыт Китая, где любой интернет-контент жестко цензурируется. Например, недавно у двух крупнейших китайских разработчиков NetEase и Tencent власти потребовали убрать из игр женственных мужчин. По мнению властей, любовь к subtilным героям заставляет китайцев пытаться выглядеть как любимые персонажи. Однако хрупкий и стройный китаец, по мнению властей, плохой солдат, а КНР нужна сильная армия (*Как власти Китая меняют индустрию игр во всем мире // [Электронный ресурс]: URL: <https://dtf.ru/gameindustry/886962-kak-vlasti-kitaya-menyayut-industriyu-igr-vo-vsem-mire> (дата обращения: 15.11.2022)*).

Для собственной игровой индустрии должны быть созданы условия для развития игровых компаний. Необходим венчурный бизнес, позволяющий создавать игровой контент небольшим компаниям. Государству необходимо обеспечить привлекательный инвестиционный климат (программы поддержки и особые экономические зоны и налоговые преференции), качественное образование новых специалистов.

Кроме того, игры могут создаваться на условиях государственного заказа, цель которых направлена на формирование таких ценностей, как жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России. Данные ценности определены Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (*Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный интернет-портал правовой информации parvo.gov.ru. 2022. 9 ноября. № 0001202211090019*).

По мере развития собственной игровой индустрии необходимы более жесткие меры борьбы с видеопиратством, включающие меры по усилению возможностей органов контроля, повышению мер ответственности, развитию технических мер блокирования незаконных сервисов.

Также необходимо развитие экспертного сообщества, способного эффективно цензурировать игровой контент. К такому сообществу должны быть привлечены специалисты различного уровня (психологи, педагоги, криминологи). При этом необходимо готовить экспертов в гейм-индустрии.

Для экспертной оценки игр необходимо создать прозрачную и анонимную систему цензурирования игр для исключения возможного сговора разработчиков и экспертов.

Таким образом, для предупреждения распространения среди несовершеннолетних деструктивной идеологии через игровой контент недостаточно ограничительных и запретительных мер в связи с существованием пиратского рынка, распространяющего любой игровой контент, включая официально запрещенный. Указанная

проблема может быть решена только с помощью развития собственной игровой индустрии под жестким контролем государства и общества за выпускаемым контентом и благодаря предоставлению экономических мер поддержки для игровых компаний.

Литература

1. *Игнатьев В.И.* Информационная перегрузка социальной системы и ее социальные последствия // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 3–12.
2. *Викторова Е.В.* «Новые» и «старые» социокультурные эффекты информационного воздействия на личность в пространстве «интернет» // Коммуникология. 2019. Т. 7. № 1. С. 100–112.
3. *Кравченко С.А.* Социология риска и безопасности: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2016. — 302 с.
4. *Прозументов Л.М., Шеслер А.В.* Общесоциальные детерминанты преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 1. С. 5–14.
5. *Богатырев К.М.* Компьютерные игры в контексте экспертного обеспечения медиабезопасности в цифровой среде // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. № 2. С. 92–101.
6. *Ильюк Э.Р.* Проблемы борьбы с игроманией и психическими расстройствами несовершеннолетних через ограничение распространения вредоносных видеоигр // Эволюция российского права. Материалы XIX Международной научной конференции молодых ученых и студентов, Екатеринбург, 29–30 апреля 2021 г. Екатеринбург, 2021. С. 1726–1730.
7. *Coyne S.M., Stockdale L.* Growing Up with Grand Theft Auto: A 10-Year Study of Longitudinal Growth of Violent Video Game Play in Adolescents // *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 2021. Vol. 24. No. 1. Pp. 11–16.

References

1. *Ignat'ev V.I.* Informatsionnaya peregruzka sotsial'noi sistemy i ee sotsial'nye posledstviya [Information overload of the social system and its social consequences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Research]*, 2017, no. 7, pp. 3–12. (In Russian, abstract in English)
2. *Viktorova E.V.* «Novye» i «starye» sotsiokul'turnye efekty informatsionnogo vozdeistviya na lichnost' v prostranstve internet [“New” and “old” socio-cultural effects of information impact on the personality in the space of the Internet]. *Kommunikologiya [Communicology]*, 2019, v. 7, no. 1, pp. 100–112. (In Russian, abstract in English)
3. *Kravchenko S.A.* Sotsiologiya riska i bezopasnosti. Uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata [Sociology of risk and security. Textbook and workshop for academic baccalaureate]. Moscow: YuRAIT Publ., 2016. 302 p. (In Russian)
4. *Prozumentov L.M., Shesler A.V.* Obshchesotsial'nye determinanty prestupnosti [Social determinants of crime]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal [Russian Journal of Criminology]*, 2018, v. 12, no. 1, pp. 5–14. (In Russian, abstract in English)
5. *Bogatyrev K.M.* Komp'yuternye igry v kontekste ekspertnogo obespecheniya mediabezopasnosti v tsifrovoi srede [Computer games in the context of expert assurance of media security in the digital environment]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2022, no. 2, pp. 92–101. (In Russian, abstract in English)
6. *Il'yuk E.R.* Problemy bor'by s igromaniey i psikhicheskimi rasstroistvami nesovershennoletnikh cherez ogranichenie rasprostraneniya vredonosnykh videoigr [Problems of combating gambling addiction and mental disorders of minors by limiting the distribution of harmful video games]. In *Evolyutsiya rossiiskogo prava. Materialy XIX Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh i studentov, Ekaterinburg, 29–30 aprelya 2021 g. [The evolution of Russian law. Proceedings of the XX International Scientific Conference of Young Scientists and Students, Yekaterinburg, April 29–30, 2021]*. Ekaterinburg, 2021, pp. 1726–1730. (In Russian)
7. *Coyne S.M., Stockdale L.* Growing Up with Grand Theft Auto: A 10-Year Study of Longitudinal Growth of Violent Video Game Play in Adolescents. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 2021, vol. 24, no. 1, pp. 11–16. (In English)

ПРОФИЛАКТИКА РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ПРОДУКЦИИ, ОКАЗЫВАЮЩЕЙ НЕГАТИВНОЕ ВЛИЯНИЕ НА ИХ СОЦИАЛИЗАЦИЮ И ЗДОРОВЬЕ

Берндт Анастасия Анатольевна

Цель: выработка рекомендаций, направленных на предупреждение нарушений в розничной сети при продаже несовершеннолетним продукции, оказывающей на них негативное влияние.

Методология: непосредственные аналитические выводы в работе произведены на основе методов анализа, синтеза, гипотезы, а также анализа документов и информационных ресурсов для обобщения практики контрольно-надзорных органов, общественных организаций, организаций розничной торговли.

Выводы. Для предупреждения розничной продажи несовершеннолетним продукции, оказывающей негативное влияние на их социализацию и здоровье, необходимы следующие меры: оптимизация системы государственного контроля в данной сфере, предусматривающая переход от принудительных мер к системе дружественного контроля и поощрению правомерного поведения субъектов предпринимательства; развитие программного метода в профилактике правонарушений в сфере розничной торговли указанной продукцией; участие общественных организаций и граждан в профилактике правонарушений, в том числе в сфере розничной торговли, включая такие формы, как разъяснительная работа, распространение информационных материалов, информирование правоохранительных и контрольно-надзорных органов о выявленных нарушениях в сфере розничной торговли; внедрение добровольной системы внутреннего контроля (комплаенса) в организациях розничной торговли (деятельности индивидуальных предпринимателей) в обмен на дружественный контроль со стороны государственных органов.

Научная и практическая значимость. Данное исследование является основой для профилактики нарушений в розничной сети при продаже несовершеннолетним продукции, оказывающей на них негативное влияние.

Ключевые слова: алкогольная продукция, табачные изделия, никотинсодержащая продукция, безалкогольные тонизирующие напитки, несовершеннолетний, правонарушение, профилактика.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (СЗ РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351) в числе национальных интересов указано сбережение народа России. С этой целью реализуемая в Российской Федерации государственная социально-экономическая политика направлена на обеспечение достойной жизни и свободного развития человека, создание условий для укрепления здоровья граждан и увеличение продолжительности жизни, снижение смертности.

Особое внимание уделяется воспитанию детей, их всестороннему духовному, нравственному, ин-

теллектуальному и физическому развитию, повышению физической и экономической доступности безопасной и качественной пищевой продукции.

В этих целях введены запреты на розничную продажу многих видов продукции, оказывающей негативное влияние на социализацию и здоровье несовершеннолетних (алкоголь, табачные изделия, никотинсодержащая продукция, безалкогольные тонизирующие напитки).

Данные запреты установлены Федеральными законами от 21 июля 2011 г. № 253-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Рос-

сийской Федерации в части усиления мер по предотвращению продажи несовершеннолетним алкогольной продукции» (СЗ РФ. 2011. № 30 (часть I). Ст. 4601), от 31 июля 2020 г. № 303-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу охраны здоровья граждан от последствий потребления никотинсодержащей продукции» (СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5062). В некоторых регионах России введены запреты на продажу безалкогольных тонизирующих напитков. Например, об этом говорит Закон Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 27 мая 2022 г. № 33-оз «Об ограничениях в сфере розничной продажи безалкогольных тонизирующих напитков в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре (СЗ ХМАО — Югры. 2022. № 5 (часть II, том I). Ст. 548).

Нарушение запрета на продажу товаров, оказывающих негативное влияние на социализацию и здоровье несовершеннолетних, влечет наступление административной ответственности: вовлечение несовершеннолетнего в процесс потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции (ст. 6.23 КоАП РФ), розничная продажа несовершеннолетнему алкогольной продукции (п. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ). Законом Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 1 июля 2022 г. № 61-оз «О внесении изменений в Закон Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Об административных правонарушениях» (СЗ ХМАО — Югры. 2022. № 7 (часть I, том I). Ст. 833) установлена ответственность за продажу несовершеннолетнему безалкогольных тонизирующих напитков (ст. 18.2).

За розничную продажу алкогольной продукции несовершеннолетнему установлена не только административная, но и при повторной продаже уголовная ответственность (ст. 151 УК РФ). Это связано с тем, что алкоголизация несовершеннолетних до сих пор остается острой социальной проблемой и имеет отдаленные последствия уже во взрослом возрасте, поражая настоящее и будущее общества.

Вместе с тем для предотвращения употребления несовершеннолетними продукции, оказывающей на них негативное влияние, наряду с мерами принудительного характера необходимы меры профилактического воздействия [1, с. 201; 2, с. 200]. Такие меры в целях недопущения совершения правонарушений должны быть направлены на продавцов розничной сферы данной продукции для оказания на них воспитательного воздействия.

Несмотря на принятый в 2016 г. Федеральный закон «Об основах профилактики правона-

рушений в Российской Федерации» (СЗ РФ. 2016. № 26 (часть I). Ст. 3851), слабо задействованный потенциал мер профилактики обусловлен отсутствием надлежащего нормативного регулирования полномочий субъектов профилактики, их децентрализованным характером, а также слабым вовлечением в систему профилактики представителей общественности. Кроме того, меры профилактики носят необязательный характер, зачастую применяются формально, государственные и муниципальные программы профилактики правонарушений имеют узковедомственный характер.

Особая важность сохранения подрастающего поколения для развития будущего страны требует выработки рекомендаций, направленных на предупреждение нарушений в розничной сети при продаже несовершеннолетним продукции, оказывающей на них негативное влияние.

Данные меры должны реализовываться широким кругом субъектов профилактики на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

В первую очередь в профилактике правонарушений на розничном рынке должны участвовать контрольно-надзорные органы (Роспотребнадзор, региональные органы контроля в сфере розничной продажи алкогольной продукции).

Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5007) обязал контрольно-надзорные органы, наряду с юрисдикционной деятельностью, осуществлять профилактическую деятельность в рамках программы профилактики рисков причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям. Причем такая деятельность в настоящее время является приоритетной. Однако инерционный характер деятельности контрольных служб является еще в достаточной степени сильным, поэтому они не в состоянии быстро менять наработанные годами методы деятельности, а принимаемые ими программы профилактики носят узковедомственный и формальный характер. Так, например, программа профилактики рисков причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям Департамента экономической политики Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в сфере розничной продажи алкогольной продукции пока в большей степени нацелена на соблюдение правил лицензирования такой продажи и не содержит мероприятий, направленных непосредственно на профилактику розничной продажи алкогольной продукции несовершеннолетнему (Приказ об утверждении

ведомственной программы профилактики нарушений регионального государственного контроля (надзора) в области розничной продажи алкогольной и спиртосодержащей продукции и лицензионного контроля за заготовкой, хранением, переработкой и реализацией лома черных металлов, цветных металлов Департамента экономического развития ХМАО — Югры на 2021–2023 годы // [Электронный ресурс]: URL: <https://depeconom.admhmao.ru/upload/iblock/362/prikaz-307-ot-18.12.2020.pdf> (дата обращения: 15.06.2022)).

По этой причине необходима оптимизация системы государственного контроля в сфере розничной торговли, предусматривающая переход от принудительных мер к системе дружественного контроля и поощрению правомерного поведения субъектов предпринимательства. За основу профилактики может быть положен Стандарт комплексной профилактики нарушений обязательных требований, подготовленный проектным комитетом по основному направлению стратегического развития Российской Федерации («Реформа контрольной и надзорной деятельности» от 12 сентября 2017 № 61 (11). Библиотека реформы КНД // [Электронный ресурс]: URL: <https://knd.ac.gov.ru/documents/library/> (дата обращения: 15.06.2022)).

В качестве примера можно привести такие профилактические мероприятия, как информирование работников сферы торговли о недопустимости продажи несовершеннолетнему продукции, оказывающей на него негативное влияние, всеми возможными способами (информационные письма, СМС-оповещение, размещение информационных материалов в организациях торговли в ходе профилактического визита); доведение до работников торговых организаций информации о фактах привлечения лиц к административной и (или) уголовной ответственности; проведение консультаций с администрациями торговых организаций по вопросам соблюдения запрета на продажу такой продукции несовершеннолетним; организация проведения тестирования работников торговых организаций по вопросам соблюдения запрета на продажу несовершеннолетнему продукции, оказывающей негативное влияние; разработка и внедрение контрольных вопросов для самообследования торговых организаций; активное включение в контрольно-надзорную деятельность общественных организаций с целью снижения рисков коррупционных правонарушений со стороны контролирующих органов.

Данные меры в первоочередном порядке должны быть использованы теми торговыми объектами, где работники были привлечены к административной ответственности.

Стоит отметить творческий подход к профилактике в сфере розничной торговли алкогольной продукцией, использованный Министерством торговли и продовольствия Сахалинской области (Конкурс лучших практик «Контрольная точка — 2019». Контрольно-надзорная и разрешительная деятельность // [Электронный ресурс]: URL: <https://knd.ac.gov.ru/documents/> (дата обращения: 15.06.2022)). Данным контрольно-надзорным органом проводились такие мероприятия, как: круглые столы; конкурс «Добросовестный подконтрольный субъект»; сервис «Дежурный инспектор», «Школа покупателя»; рассылка информации по электронной почте; подготовка и размещение перечня типичных нарушений, допускаемых в сфере розничной продажи алкогольной и спиртосодержащей продукции. В результате в Сахалинской области отмечен самый высокий уровень легальных розничных продаж алкогольной продукции.

Несомненно, творческий подход к профилактике розничной продажи такой продукции несовершеннолетним будет существенно снижать данные противоправные деяния.

Во-вторых, в профилактике более активно должны быть задействованы органы государственной власти и местного самоуправления, реализующие государственные и муниципальные программы профилактики правонарушений.

К примеру, постановлением Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 5 октября 2018 г. № 348-п принята государственная программа Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Профилактика правонарушений и обеспечение отдельных прав граждан» (Новости Югры. 2019. 12 ноября).

Одной из целей программы является создание условий для реализации потребителями своих прав и их защиты, повышение уровня правовой грамотности и формирование у населения навыков рационального потребительского поведения. Программой предусмотрены мероприятия, направленные на правовое просвещение и информирование в сфере защиты прав потребителей. Однако данная программа не содержит мероприятий, направленных на правомерное поведение иных участников розничного рынка.

Необходимо более активно применять программный метод в профилактике розничной продажи продукции, оказывающей негативное влияние на несовершеннолетнего. Данные программы

должны предупреждать максимально возможное количество подобных противоправных деяний.

Также меры профилактики должны активно реализовываться институтами гражданского общества (СМИ, общественные объединения и др.).

Вместе с тем, как указывает И.М. Мацкевич, в Федеральном законе «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» общественности отведена вспомогательная роль второстепенного участника этой работы, а упор делается на государственные структуры. Он поясняет, что данный подход является ошибочным, поскольку к государственным структурам лица, нуждающиеся в помощи в связи с правонарушениями, обратятся в последнюю очередь, поскольку не вполне доверяют правоохранительной системе, то есть тем самым субъектам профилактики [3, с. 485].

Неиспользование потенциала общественных структур в профилактике правонарушений является следствием слабого регулирования законодательства в этой сфере. В результате содействие правоохранительным органам представителями общественности сводится к помощи в изобличении правонарушителей, а не к профилактике правонарушений.

Слабое регулирование деятельности общественных объединений, содействующих органам правоохраны, неинформированность общества о таких объединениях и о формах их работы способствует развитию новых видов мошенничества и дискредитирует институт общественного контроля в глазах общества. Так, в последнее время участились случаи мошенничества под видом общественников, зарабатывающих на обмане кассиров, барменов и официантов, у которых покупают спиртное. Например, в очереди в магазине в час пик молодой человек в маске и шапке либо чрезмерно накрашенная девушка, которые на вид выглядят достаточно взросло, покупают огромное количество продуктов, среди которых банка пива. Кассир просит показать документы. Покупатель делает вид, что не может найти его в сумке, возмущается, что у него трое детей и ему четвертый десяток. Его зачастую поддерживает очередь, нежелающая ждать разрешения конфликта. Иногда кассир под таким давлением продает товар. Часто провокатор использует паспорт старшего участника группы мошенников. А иногда на кассе стоит семья, но банковскую карту прикладывает младший ее член. Когда товар, среди которого банка пива, оплачен, старший заявляет, что на него зарегистрирована общественная организация. Торговая организация естественно заинтересована в том, чтобы решить вопрос с псевдооб-

щественниками по-хорошему, и те таким образом зарабатывают на этом (*Как зарабатывают на продаже алкоголя несовершеннолетним // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.bfm.ru/news/465494> (дата обращения: 15.06.2022)*).

Привлечение общественников к контролю сможет снизить риски коррупционных правонарушений со стороны контролирующих органов власти и повысить эффективность контрольно-надзорной деятельности. При этом их деятельность по выявлению нарушений должна сочетаться с профилактическими мероприятиями: разъяснительной работой, распространением информационных материалов и т. д. Особенно такая работа эффективна в отношении небольших магазинов и индивидуальных предпринимателей, наиболее часто реализующих вредную для несовершеннолетнего продукцию.

Кроме того, в профилактике правонарушений в сфере торговли продукцией, оказывающей негативное влияние на социализацию и здоровье несовершеннолетних, должны быть задействованы администрации торговых организаций, осуществляющие внутренний контроль за реализацией продукции (комплаенс), а также объединения предпринимателей в данной сфере.

Внедрение комплаенса создает выгоды и для регулятора, и для компаний, поскольку позволяет предупреждать нарушения законодательства либо выявлять их на ранней стадии. Это уменьшает число фактических нарушений и снижает нагрузку на регулирующие органы путем сокращения числа разбирательств [4].

В настоящее время элементы такой системы активно используются торговыми сетями, у которых фактов привлечения продавцов к административной и уголовной ответственности намного меньше, нежели у мелких магазинов и индивидуальных предпринимателей. Вместе с тем система внутреннего контроля, как правило, не используется индивидуальными предпринимателями в мелких магазинах, в результате чего именно в них и совершается розничная продажа вредной для несовершеннолетних продукции.

Также к субъектам профилактики розничной продажи алкогольной продукции стоит отнести объединения товаропроизводителей алкогольной продукции. Например, такие организации, как Союз российских пивоваров. Данная организация проводит мероприятия (форумы), направленные на повышение внимания всех участников рынка на необходимость строгого соблюдения законодательства о запрете продажи алкоголя несовершеннолетним. Такие мероприятия ими были приурочены к Дню ответственного потребления,

проводимому по всему миру. По их инициативе была проведена акция «18+ Правила общие — ответственность каждого» (*Российский союз пивоваров провел социальную акцию // [Электронный ресурс]: URL: <https://rostbeer.com/news/rossijskij-soyuz-pivovarov-provel-socialnyu-akciyu> (дата обращения: 15.08.2022)*).

Вне всякого сомнения, подобные мероприятия могли бы существенно повлиять на формирование общественного сознания как продавцов, так и покупателей в необходимости совместных действий по защите несовершеннолетних от вредной продукции. Однако такие мероприятия пока носят разовый характер и не приобрели массовой практики в деятельности розничного рынка.

Добровольность внедрения системы внутреннего контроля предпринимателями необходимо стимулировать применением дружественного контроля со стороны правоохранительных и контрольно-надзорных органов.

Учитывая вышеизложенное, для предупреждения розничной продажи несовершеннолетним

продукции, оказывающей негативное влияние на их социализацию и здоровье, необходимы следующие меры: оптимизация системы государственного контроля в данной сфере, предусматривающая переход от принудительных мер к системе дружественного контроля и поощрению правомерного поведения субъектов предпринимательства; развитие программного метода в профилактике правонарушений в сфере розничной торговли указанной продукцией; участие общественных организаций и граждан в профилактике правонарушений, в том числе в сфере розничной торговли, включая такие формы, как разъяснительная работа, распространение информационных материалов, информирование правоохранительных и контрольно-надзорных органов о выявленных нарушениях в сфере розничной торговли; внедрение добровольной системы внутреннего контроля (комплаенса) в организациях розничной торговли (деятельности индивидуальных предпринимателей) в обмен на дружественный контроль со стороны государственных органов.

Литература

1. *Прокументов Л.М.* Криминология. Общая часть: учебное пособие. Томск: ИД Томского государственного университета, 2017. — 283 с.
2. *Шеслер А.В.* Групповая преступность: криминологические и уголовно-правовые аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.08. Екатеринбург, 2000. — 395 с.
3. *Мацкевич И.М.* Дивергенция теории и практика профилактики правонарушений // *Пенитенциарная наука*. 2021. № 3. С. 481–490.
4. *Авдеев В.А., Авдеева О.А., Акинина Н.Ю. и др.* Местное самоуправление в ХМАО: теория и практика: монография / отв. ред. С.В. Розенко. Ханты-Мансийск: РИО ЮГУ, 2019. — 212 с.

References

1. *Prokumentov L.M.* Kriminologiya. Obshchaya chast': uchebnoe posobie [Criminology. General part: study guide]. Tomsk: Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2017. 283 p. (In Russian)
2. *Shesler A.V.* Gruppovaya prestupnost': kriminologicheskie i ugolovno-pravovye aspekty [Group crime: criminological and criminal law aspects]. Diss. ... d-ra jurid. nauk. 12.00.08. Ekaterinburg, 2000. 395 p. (In Russian)
3. *Matskevich I.M.* Divergentsiya teorii i praktika profilaktiki pravonarushenii [Divergence of the theory and practice of crime prevention]. *Penitentsiarnaya nauka [Penitentiary science]*, 2021, no. 3, pp. 481–490. (In Russian, abstract in English)
4. *Avdeev V.A., Avdeeva O.A., Akinina N.Yu. a. o.* Mestnoe samoupravlenie v KhMAO: teoriya i praktika. Monografiya [Local self-government in KhMAO: theory and practice. Monograph]. Ed. S.V. Rozenko. Khanty-Mansiisk: RIO YuGU Publ., 2019. 212 p. (In Russian)

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК И ЦИФРОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК СОВРЕМЕННЫЕ ОБЪЕКТЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Лапшин Валерий Федорович,
Кемова Наталья Николаевна

Цель: обосновать отсутствие необходимости в формировании обособленного объекта уголовно-правовой охраны в виде общественных отношений, сопряженных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, цифровых технологий и результатов их применения.

Методология: диалектический метод, индукция, дедукция, синтез, систематизация и классификация, юридический контент анализ.

Выводы. Современные общественные отношения, которые возникают в сфере создания и использования высокотехнологичных предметов и средств коммуникации, не обладают специфическими признаками, характерными для предмета обособленной отрасли права. Обозначаемые в научной литературе термины «цифровые отношения», «киберпорядок» и тому подобные характеризуют общественные отношения, которые являются составной частью общественного порядка, то есть уже обеспечены надлежащей уголовно-правовой охраной.

Научная и практическая значимость. Теоретическая значимость полученных результатов сводится к необходимости изучения информационно-телекоммуникационных сетей, цифровых технологий и результатов их применения в качестве средств дифференциации уголовной ответственности. Практическая значимость результатов исследования видится в обосновании значительного увеличения степени общественной опасности преступления, совершенного с использованием указанных высокотехнологичных средств производства и коммуникации. Эти выводы могут учитываться как при формировании квалифицирующих признаков составов преступлений, посягающих на различные родовые объекты уголовно-правовой охраны, так и при выборе вида и размера уголовного наказания за совершение преступления с использованием перечисленных средств.

Ключевые слова: цифровые отношения, киберпорядок, общественный порядок, предмет правового регулирования, объект уголовно-правовой охраны, информационно-телекоммуникационные сети, средства дифференциации уголовной ответственности, степень общественной опасности преступления.

Общественные отношения за последние 20–25 лет претерпели значительные изменения. Это связано с активным внедрением во все сферы жизни технологичных средств, обеспечивающих высокие скорости обработки и передачи информации. Компьютер, информационно-телекоммуникационные сети, электронные базы данных — все это уже стало неотъемлемой частью повседневной жизни людей. Эти же средства интегрированы в деятельность хозяйствующих субъектов каждой

отрасли экономики, что позволило признать их универсальными средствами производства еще в конце XX века.

В современном обществе о высокотехнологичных средствах все чаще стали говорить как о специфических участниках общественных отношений. Основанием для этого стали возможности электронных неодушевленных предметов не только обрабатывать, но и создавать информацию на основе уже имеющихся данных. Поэтому

робототехника и иные цифровые средства, снабженные технологией искусственного интеллекта, уже приобретают в некоторых странах юридически значимые характеристики субъектов (сторон) общественных отношений.

Все эти тенденции стали находить свое отражение и в юридической науке. Достаточно большое количество исследователей полагают, что настало время для выделения в национальной системе права обособленной отрасли «цифровое право» или «киберправо». Появление подобной отрасли вызвано значительным количеством нормативных актов, определяющих правила и особенности применения электронно-вычислительных машин, формирования баз данных, использования информационно-телекоммуникационных сетей и др. Однако для положительного решения данного вопроса необходимо выделить специфический предмет правового регулирования, то есть группу общественных отношений, которые регламентируются указанными нормативными актами — источниками «цифрового права».

Отличительной чертой любого общества является упорядоченность существующих в нем отношений. Степень такой упорядоченности свидетельствует об уровне цивилизованности соответствующей социальной формации. Общественный порядок может трактоваться и в широком, и в узком значении: от совокупности всех существующих в обществе отношений и до ряда общественных отношений, представляющих собой составную часть общественной безопасности и сложившихся по поводу обеспечения общественного спокойствия. Но, независимо от интерпретации содержания общественного порядка, он традиционно выступает объектом уголовно-правовой охраны.

Учитывая данные обстоятельства, можно предположить, что современная юридическая наука в ближайшем будущем должна будет дать ответы на вопросы о целесообразности выделения цифровых отношений как самостоятельного предмета правового регулирования, а также о возможной необходимости разграничения общественного порядка и киберпорядка как обособленных видов охраняемых уголовным законом общественных отношений.

Анализ новейших нормативных актов, определяющих стратегические направления развития российского общества, свидетельствует, что цифровизация всех отношений в обществе является одним из ключевых приоритетов государственного и общественного развития. Еще в начале 2000-х гг. была принята Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010 годы)», в соответствии с которой должна была быть созда-

на инфраструктура «электронного правительства» (*Постановление Правительства РФ от 28 января 2002 г. № 65 «О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002–2010 годы)» // СЗ РФ. 2002. № 5. Ст. 531*).

Это предполагало быстрый доступ любого заинтересованного лица к информации о деятельности публичных органов власти, получение услуг от государственных и муниципальных органов путем подачи электронных обращений, обеспечение межведомственного взаимодействия при помощи высокотехнологичных средств связи и обмена информацией через сетевые ресурсы. Такие условия позволили бы осуществлять единый государственный контроль результативности всех органов государственной власти, что также заявлялось в качестве ожидаемого конечного результата реализации Программы.

Таким образом, уже в 2002 г. была смоделирована новая форма общественных отношений, в рамках которых субъекты и частных, и публично-правовых отношений получали возможность или даже становились обязанными осуществлять свою деятельность путем использования высокотехнологичных средств обработки и передачи информации. Благодаря этому претерпели некоторые изменения такие компоненты общественных отношений, как коммуникация граждан и организаций (неуправомоченных субъектов правоотношений), государственный и общественный контроль за деятельностью публичных органов власти и управления, а также подконтрольных хозяйствующих субъектов, что создало предпосылки для заявлений о возникновении общественных отношений нового вида — «цифровых общественных отношений».

Однако развитие «цифровых отношений» в обществе становится возможным при выполнении нескольких условий, одним из которых признается доступ к сетевым ресурсам подавляющего большинства представителей общества. Иначе по причине ограниченности круга участников отношения, формирующиеся в сфере цифровых коммуникаций, невозможно признать общественными, а доступ к этим средствам коммуникации и пользования становится роскошью, которой могут пользоваться лишь избранные.

Думается, что задача по вовлечению населения в цифровое пространство к сегодняшнему дню в России успешно решена. Росстат обнародовал сведения, в соответствии с которыми численность пользователей сети Интернет на 100 человек населения России в 2017 г. составляла 76 %, в 2018 г. — 81 %, в 2019 г. — 83 %, в 2020 г. — 85 %, в 2021 г. —

уже 88 % (*Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации // [Электронный ресурс]: URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/infocommunity> (дата обращения: 10.01.2023)*).

Устойчивая положительная динамика пользователей интернет-ресурсами подтверждается и результатами иных исследований. Так, по данным Global Digital Reports, опубликованным на АНО «Российская система качества» (Роскачество), по состоянию на 2022 г. в России количество интернет-пользователей составило 129,8 млн человек. Увеличение данного показателя по сравнению с 2021 г. составило 5,8 млн человек (4,7 %). 16,04 млн человек (11 % населения России) в 2022 г. не пользовались сетью Интернет (*Интернет в России: что говорит статистика? // [Электронный ресурс]: URL: <https://rskrf.ru/tips/eksperty-obyasnyayut/internet-stats/> (дата обращения: 10.01.2023)*). Учитывая ежегодную устойчивую динамику роста количества пользователей интернет-услугами, данный показатель в ближайшие 3–5 лет приблизится к 100-процентному охвату населения России.

Среди представителей высшего руководства федеральных органов власти, глав регионов и муниципальных образований также наблюдается рост использования средств социальных сетей и блогосферы для ведения с населением разъяснительной работы и демонстрации результатов деятельности возглавляемых органов и учреждений [1, с. 34]. По оценкам специалистов, эффективность популяризации деятельности органов власти и управления путем использования средств электронной среды оказывается значительно выше в сравнении с печатными средствами массовой информации, радио и телевидением. Игнорирование возможностей, которые предоставляют социальные медиа, создает угрозу для потери контакта с населением, особенно с молодежью [2, с. 36].

В соответствии с Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 принята и реализуется Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. (далее — Стратегия). В ней содержится указание на необходимость создания условий для формирования в России к 2030 г. общества знаний, которое служит обеспечению национальных интересов, в том числе защите безопасности граждан и государства, развитию взаимодействия граждан и организаций, органов государственной власти и органов местного самоуправления, формированию цифровой экономики (пп. 20–21 Стратегии).

В соответствии с указанной Стратегией в России уже к 2017 г. сформировалось «информаци-

онное общество», признаками которого стали: 1) широкое распространение мобильной связи, беспроводных технологий и сетей, 2) создание системы предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде. Обращается также внимание, что представители информационного общества получили возможность направить в электронной форме индивидуальные и коллективные обращения в органы публичной власти (п. 8 Стратегии).

Учитывая заявленные в Стратегии цель, задачи и интересы, можно предположить, что и в цифровом обществе, и в формируемом обществе знаний высокотехнологичные средства, технологии и сетевые ресурсы рассматриваются только в качестве средств устойчивого развития экономической, политической, социальной, культурной и иных сфер общественной жизни. Пока указанные средства не обозначаются в качестве основы для формирования принципиально новых «цифровых» общественных отношений, в которых они могли бы получить качественно иной статус, вплоть до полноправного субъекта правоотношений.

Цифровизация порождает и условия для причинения вреда личности, обществу и государству в результате нарушения информационной безопасности. Общественная опасность неконтролируемой передачи третьим лицам информации различного характера, равно как и значительный вред, который способно причинить любое лицо, создающее и распространяющее токсичную информацию через сетевые ресурсы на неопределенное количество граждан, также были осознаны и обозначены в качестве основных угроз в Доктрине информационной безопасности России (далее — Доктрина), утвержденной Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 № 646 (*СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074*).

Информационная безопасность, равно как и цифровое общество, в соответствии с разделом III Доктрины вполне справедливо не ограничивается каким-либо отдельно взятым видом общественно-го отношения, а, напротив, интегрирована во все виды существующих в обществе отношений. Поэтому ненадлежащее обеспечение кибербезопасности создает реальные информационные и иные угрозы для причинения вреда в области государственной безопасности и обороноспособности, социально-культурной сферы, общественной и экономической безопасности, а также международной безопасности и стабильности межгосударственных отношений (пп. 11–19 Доктрины).

Если российское законодательство о цифровых отношениях еще только формируется, то в науч-

ной литературе уже длительное время обсуждается вопрос об обособлении в существующей системе общественных отношений «цифровых отношений», которые создадут основу для формирования самостоятельной отрасли цифрового права в российской системе права. Высказанные к настоящему времени мнения о цифровом праве как отрасли права можно условно подразделить на три группы.

Представители первой группы являются сторонниками введения новой отрасли российского права, поскольку современные общественные отношения уже обогатились новым видом отношений: цифровых, киберотношений, IT-отношений и подобных, имеющих принципиальные отличия в сравнении с традиционными предметами правового регулирования, лежащими в основе отраслей современной системы российского права. Данное обстоятельство признается достаточным основанием для выделения обособленной отрасли «Цифровое право».

Доказывая специфичность указанных отношений, авторы выделяют их характерные признаки, которые не имеют места в иных видах общественных отношений. Так, И.М. Рассолов описывает социально-правовое содержание киберпространства (цифровых общественных отношений) через совокупность следующих особенностей:

- глобальное объединение компьютерных сетей и информационных ресурсов, которые не имеют конкретного собственника и служат для интерактивного соединения физических и юридических лиц;
- новое пространство человеческой самореализации и коммуникации;
- международное пространство, которое пересекает любые границы;
- децентрализованное пространство, которым полностью не владеет и не управляет никакое государство;
- разнородное пространство, где каждый имеет возможность свободно действовать, высказываться и работать [3, с. 6–8].

Авторы первого российского учебника «Цифровое право» также обращают внимание на специфику общественных отношений, которые появились вследствие цифровизации экономики: появление новых субъектов общественных отношений — «цифровая личность»; нетипичные объекты правовой регламентации — цифровые технологии, цифровые права и материальные ценности; особенные связи между сторонами цифровых правоотношений — цифровая форма реализации любых прав и законных интересов (государственные и муниципальные услуги), электронное голо-

сование, удовлетворение нарушенных прав и исполнение обязанностей без непосредственного участия граждан [4, с. 31].

Отдельные представители этой же группы уже принципиально решили вопрос о справедливости признания отрасли «информационного права», которое выделяется на основе интенсивно развивающихся «информационных отношений», объединяющих в себе отношения в сфере цифровизации, роботизации, информационного государственного управления и прав человека в сети Интернет. Именно эти области (институты) информационного права в настоящее время являются предметом активного научного обсуждения и нормативной регламентации [5, с. 11–12; 6, с. 126–127, 130]. Критика идей о формировании отрасли цифрового права и перспектив принятия «Информационного кодекса версии 2.0» признается свидетельством деструктивного подхода или научной неадекватности все еще сомневающегося исследователя [7, с. 133–134].

Ученые, представляющие вторую группу, занимают менее радикальную позицию относительно необходимости обособления цифрового права в самостоятельную отрасль российской системы права. Не настаивая на определении специфических цифровых общественных отношений, они констатируют, что в современном обществе уже появились новые нетипичные предметы правового регулирования — цифровые технологии и продукты их применения: искусственный интеллект, криптовалюта, облачные вычисления, виртуальная реальность и др. Отсюда М.А. Рожкова, например, предлагает отождествлять цифровое право с совокупностью норм, которые регулируют общественные отношения в области внедрения и использования цифровых технологий. В то же время автор указывает на отсутствие в выделяемой «совокупности» норм единого метода правового регулирования, что не позволяет признать факт завершения формирования отрасли цифрового права в российской системе права [8, с. 7].

С.С. Маилян и Н.Д. Эриашвили указывают, что процесс цифровизации оказывает непосредственное влияние на юриспруденцию, что, очевидно, продиктовано изменением общественных отношений. Однако обособление цифрового права в самостоятельную отрасль российского права является преждевременным по ряду причин, включая отсутствие должного теоретического обоснования [9, с. 401].

К этой же группе ученых можно отнести сторонников признания цифрового права в качестве

отдельного «института права», который носит «комплексный» и «межотраслевой» характер. К сожалению, авторы не указывают, чем вызвана необходимость подобного обособления и к какой отрасли (отраслям) принадлежит выделяемый «цифровой» институт права [10, с. 38].

Наконец, представители третьей группы ученых отрицают необходимость в обозримом будущем формировать отрасль цифрового (кибер-, IT-, информационного и т. п.) права [11, с. 118–125], поскольку достаточных оснований для принятия такого решения в современном российском обществе не имеется. Так, Т.Я. Хабриева и Н.Н. Черногор, оценивая процессы цифровизации, отмечают, что право представляет собой средство для осуществления цифровизации, экономики и иных сфер общественной жизни. Правовые массивы, сформированные в результате обеспечения правовой регламентации процессов цифровизации, нельзя рассматривать в качестве комплексного института права. Они не имеют характерных черт и признаков, присущих тем общественным отношениям, которые при «традиционном подходе» способны формировать основу для отрасли права и выстраивать межотраслевые связи с иными отраслями в сложившейся системе [12, с. 88, 90].

Рассматривая современные цифровые правоотношения, И.Ю. Пашенко также приходит к выводу об отсутствии в настоящее время предпосылок для формирования принципиально иной «цифровой» отрасли российского права. Он отмечает, что цифровые общественные отношения органично встраиваются в систему публичных правоотношений, которые уже обеспечены нормативной регламентацией. Действующее законодательство преимущественно учитывает те возможности и особенности, которые возникают в результате создания и использования механизмов цифровизации [13, с. 36, 39]. По этой причине отсутствует необходимость создания каких-либо иных институтов или отраслей в российской системе права.

К этой же группе исследователей можно отнести Э.В. Талапину, которая указывает на активное развитие цифрового права в России, но отмечает, что к настоящему времени цифровые технологии в той или иной степени получили необходимую правовую регламентацию во многих отраслях национальной системы права. Цифровое право не может быть обособлено, так как пока не выработан специфический метод правового регулирования, отсутствует достаточный объем нормативных актов — отраслевых источников права, не разработан понятийный аппарат. Автор также справедливо отмечает, что признание обособлен-

ной отрасли цифрового права окажет негативное воздействие на системность российского права, поскольку будут нивелированы границы между цифровым правом и некоторыми отраслями публичного права, а также нарушен баланс между публичным и частным правом [14, с. 18, 22–25].

Проанализировав доводы представителей всех трех групп, мы признаем справедливость утверждения о нецелесообразности признания «цифрового права» самостоятельной отраслью российской системы права, даже в качестве обособленного института отрасли (отраслей) права. Возможно, в перспективе и появятся специфические участники цифровых отношений: «умные машины», «цифровые лица», «роботы с искусственным интеллектом» и другие, для которых будет необходимо обозначать специальный юридический статус, фиксировать субъективные права и законные интересы, равно как и определять порядок их приобретения, реализации и прекращения их деятельности. Все это приведет к возникновению принципиально иных видов общественных отношений, которые потребуют формирования отрасли цифрового (информационного, кибер-, IT- и т. п.) права, а возможно, и пересмотра многих традиционных положений во всей системе права. Но в настоящее время все перечисленные цифровые технологии, цифровые продукты, информационно-телекоммуникационные сети юридически являются средствами осуществления экономической, творческой и иной деятельности человека, то есть предметами, по поводу которых возникают, изменяются и прекращаются традиционные общественные отношения, урегулированные нормативными актами различных отраслей права. Вследствие этого все доказательства о наличии пробела в праве, который сводится к неурегулированности «цифровых отношений», видятся нам неубедительными, а предложения по обособлению отрасли цифрового права — преждевременными.

Определение сущности общественных отношений, возникновение и реализация которых сопряжена с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, цифровых технологий и иных высокотехнологичных средств, имеет значение для определения границ объекта уголовно-правовой охраны. Учитывая процессы цифровизации, отдельные исследователи предлагают интегрировать в общий объект отношения в сфере кибербезопасности с последующим включением в УК специальных норм об ответственности за цифровые (информационные, компьютерные) преступления [15, с. 75; 16, с. 12, 28; 17, с. 11–12].

Обозначив собственную позицию относительно возможности выделения цифровых отношений

как самостоятельного вида общественных отношений — базиса отрасли российской системы права, мы по этим же причинам не видим необходимости признания киберотношений как объекта уголовно-правовой охраны. Однако в условиях роста применения высоких технологий общественно опасные деяния, предполагающие использование высокотехнологичных средств, информационно-телекоммуникационных сетей, могут нарушать общественный порядок, а также опосредованно причинять вред и иным объектам уголовно-правовой охраны.

Сущность общественного порядка как общесоциальной категории и объекта уголовно-правовой охраны традиционно определяется исследователями в широком и узком смыслах [18, с. 136; 19, с. 3, 14]. Так, общественный порядок в целом характеризуется как вся совокупность отношений, сложившихся в обществе и подвергшихся определенному упорядочению такими средствами, как право, обычаи, традиции и т. п. Исходя из этого, общественный порядок в такой трактовке охватывает все объекты уголовно-правовой охраны.

Общественный порядок в узком значении традиционно рассматривается исследователями в качестве группового или непосредственного объекта составов хулиганства, вандализма и некоторых иных деяний, предусмотренных нормами гл. 24 УК РФ. Его сущность сводится к «системе общественных отношений», благодаря которым обеспечивается общественное спокойствие, сохранность имущества, нормальное функционирование предприятий, организаций и учреждений, сохраняются нормальные условия труда, отдыха и быта граждан, беспрепятственного удовлетворения их потребностей и др. [18, с. 137; 20, с. 156; 21, с. 36; 22, с. 31].

Анализ содержания общественного порядка в узком смысле позволяет усомниться в наличии действительного основания для предложенного в теории разграничения: состояние «спокойствия», «нормализации», «сохранности» и т. п. характеризует упорядоченность всех общественных отношений. Исходя из этого, деление содержания общественного порядка на различные виды в целях формирования группового и непосредственного объектов уголовно-правовой охраны представляется надуманным решением. Содержание общественного порядка, как нам представляется, полностью совпадает с содержанием общего объекта уголовно-правовой охраны.

Итак, отношения, сопряженные с использованием высокотехнологичных средств и информационно-телекоммуникационных сетей, присутствуют в большинстве сфер жизнедеятельности человека. С учетом развития цифровизации рос-

сийского общества, которая выступает составной частью современной государственной политики, применение цифровых средств производства и коммуникации будет только возрастать. Учитывая отсутствие оснований для выделения обособленной группы специфических общественных отношений и формирования отрасли цифрового права в российской системе права, следует признать, что в современном российском уголовном праве нет оснований для выделения обособленного объекта уголовно-правовой охраны в виде цифровых (информационных, кибер-, IT- и подобных) отношений или киберпорядка. В то же время мы разделяем мнение Е.А. Русскевича, что степень общественной опасности деяния значительно возрастает при использовании в процессе его совершения информационно-коммуникационных технологий [17, с. 13], равно как сетевых ресурсов и иных высокотехнологичных средств.

Таким образом, общественный порядок является частью любых существующих в обществе отношений — основой системы общественных ценностей, формирующей правила взаимодействия между отдельными представителями общества, личностью и обществом в целом. *Упорядоченность* общественных отношений позволяет осуществлять их дифференциацию по степени важности и значимости, что само по себе выступает основанием определения общего объекта уголовно-правовой охраны. Попытки выделения «цифровых общественных отношений» или «киберпорядка» в настоящее время не имеют под собой социально-правового основания.

Большая часть отношений между людьми в современном мире реализуется с применением информационно-коммуникационных технологий. Используемые в современной науке термины «киберотношения», «цифровые отношения», «IT-отношения» представляют собой разновидность существующих общественных отношений, отличительной особенностью которых являются: компьютерная информация, информационно-телекоммуникационные сети и иные средства обработки и передачи компьютерной информации. Данные средства обладают уникальным качеством обеспечения возможности взаимодействия со значительно большим количеством субъектов по сравнению с традиционными взаимоотношениями. В этой связи любое преступление, совершаемое с использованием перечисленных средств создания, обработки и (или) передачи информации, обладает повышенной степенью общественной опасности в сравнении с аналогичным общественно опасным деянием.

Литература

1. *Устинович Е.С.* От «патернализма» к «взаимодействию»: трансформация отношений власти и российского общества в условиях цифрового развития // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 1. С. 32–36.
2. *Ситковский А.Л., Латов Ю.В., Червонных Е.В., Баянова И.Ю., Звягинцев С.А.* Практика использования возможностей социальных медиа в работе по информированию граждан о деятельности органов государственной власти: научно-аналитический обзор. М.: Академия управления МВД России, 2020. — 48 с.
3. *Расолов И.М.* Право и интернет. Теория кибернетического права. 3-е изд. М.: Норма, 2022. — 304 с.
4. Цифровое право: учебник / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. М.: Проспект, 2020. — 640 с.
5. Юридическая концепция роботизации: монография / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, С.Б. Нанба. М.: Проспект, 2019. — 240 с.
6. *Никиташина Н.А., Карамашев С.Б., Аксютин Ю.М.* Предпосылки и риски развития цифрового права в контексте цифровой культуры // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2022. № 3. С. 122–131.
7. *Евсиков К.С.* Цифровое право и цифровое государство // Право и государство: теория и практика. 2022. № 5. С. 131–134.
8. *Рожкова М.А.* Является ли цифровое право отраслью прав и ожидать ли появления Цифрового кодекса? // Хозяйство и право. 2020. № 4. С. 3–12.
9. *Маилян С.С., Эриашвили Н.Д.* О допустимости включения цифрового права в систему права и правоохранительной деятельности в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 6. С. 399–402.
10. *Городов О.А.* Цифровое право как подотрасль информационного права // Право и цифровая экономика. 2021. № 1. С. 36–43.
11. *Галузо В.Н., Канафин Н.А.* Цифровое право в Российской Федерации: нонсенс или реальность? // Право и государство: теория и практика. 2018. № 8. С. 118–125.
12. *Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н.* Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.
13. *Пащенко И.Ю.* Публичные цифровые правоотношения как новое явление для системы правового регулирования // Очерки новейшей камералистики. 2022. № 2. С. 36–41.
14. *Талапина Э.В.* Сравнительное цифровое право: становление и перспективы // Журнал российского права. 2021. № 9. С. 18–32.
15. *Джафарли В.Ф.О.* Механизм формирования системы криминологической кибербезопасности // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2022. № 4. С. 73–78.
16. *Ефремова М.А.* Уголовно-правовая охрана информационной безопасности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.08. М., 2018. — 64 с.
17. *Русскевич Е.А.* Дифференциация ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, и проблемы их квалификации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. М., 2020. — 52 с.
18. *Батюкова В.Е.* Элементы и признаки основных и квалифицированных составов хулиганства, предусмотренного статьей 213 Уголовного кодекса Российской Федерации // Новый юридический журнал. 2012. № 4. С. 133–146.
19. *Рагулин А.В.* Хулиганство: уголовно-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Челябинск, 2005. — 28 с.
20. *Занина Т.М., Федотова О.А.* Охрана общественного порядка и обеспечения общественной безопасности как основные направления деятельности полиции: проблемы правового регулирования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 1. С. 154–160.
21. *Маршакова Н.Н.* Преступления террористической направленности в системе уголовного законодательства: теоретическое исследование // Российский следователь. 2015. № 24. С. 34–39.
22. *Пауштина О.С.* Объект вандализма: понятие и сущность // Адвокатская практика. 2007. № 3. С. 30–33.

References

1. *Ustinovich E.S.* Ot «paternalizma» k «vzaimodeistviyu»: transformatsiya otnoshenii vlasti i rossiiskogo obshchestva v usloviyakh tsifrovogo razvitiya [From “paternalism” to “interaction”: transformation of relations between the authorities and Russian society in the context of digital development]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], 2018, no. 1, pp. 32–36. (In Russian, abstract in English)
2. *Sitkovskii A.L., Latov Yu.V., Chervonnykh E.V., Bayanova I.Yu., Zvyagintsev S.A.* Praktika ispol'zovaniya vozmozhnostei sotsial'nykh media v rabote po informirovaniyu grazhdan o deyatel'nosti organov gosudarstvennoi vlasti: nauchno-analiticheskii obzor [The practice of using the possibilities of social media in informing citizens about the activities of public authorities: a scientific and analytical review]. Moscow: Akademiya upravleniya MVD Rossii Publ., 2020. 48 p. (In Russian)
3. *Rassolov I.M.* Pravo i Internet. Teoriya kiberneticheskogo prava. 3-e izdanie [Law and the Internet. Theory of cybernetic law. 3rd edition]. Moscow, Norma Publ., 2022. 304 p. (In Russian)
4. Tsifrovoe pravo: uchebnik [Digital law: textbook]. Eds. V.V. Blazheev, M.A. Egorova. Moscow: Prospekt Publ., 2020. 640 p. (In Russian)
5. Yuridicheskaya kontseptsiya robotizatsii: monografiya [Legal concept of robotization: monograph]. Ed. Yu.A. Tikhomirov, S.B. Nanba. Moscow: Prospekt Publ., 2019. 240 p. (In Russian)
6. *Nikitashina N.A., Karamashev S.B., Aksyutin Yu.M.* Predposylki i riski razvitiya tsifrovogo prava v kontekste tsifrovoi kul'tury [Prerequisites and risks of development of digital law in the context of digital culture]. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova* [Bulletin of the Khakass State University. N.F. Katanov], 2022, no. 3, pp. 122–131. (In Russian, abstract in English)
7. *Evsikov K.S.* Tsifrovoe pravo i tsifrovoe gosudarstvo [Digital Law and Digital State]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and State: Theory and Practice], 2022, no. 5, pp. 131–134. (In Russian, abstract in English)
8. *Rozhkova M.A.* Yavlyaetsya li tsifrovoe pravo otrasl'yu prav i ozhidat' li poyavleniya Tsifrovogo kodeksa? [Is digital law a branch of law and should we expect a Digital Code?]. *Khozyaistvo i pravo* [Economy and law], 2020, no. 4, pp. 3–12. (In Russian, abstract in English)
9. *Mailyan S.S., Eriashvili N.D.* O dopustimosti vklyucheniya tsifrovogo prava v sistemu prava i pravookhranitel'noi deyatel'nosti v Rossiiskoi Federatsii [On the admissibility of the inclusion of digital law in the system of law and law enforcement in the Russian Federation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2021, no. 6, pp. 399–402. (In Russian, abstract in English)
10. *Gorodov O.A.* Tsifrovoe pravo kak podotrasl' informatsionnogo prava [Digital law as a sub-branch of information law]. *Pravo i tsifrovaya ekonomika* [Law and digital economy], 2021, no. 1, pp. 36–43. (In Russian, abstract in English)
11. *Galuzo V.N., Kanafin N.A.* Tsifrovoe pravo v Rossiiskoi Federatsii: nonsens ili real'nost'? [Digital law in the Russian Federation: nonsense or reality?]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and State: Theory and Practice], 2018, no. 8, pp. 118–125. (In Russian, abstract in English)
12. *Khabrieva T.Ya., Chernogor N.N.* Pravo v usloviyakh tsifrovoi real'nosti [Law in Digital Reality]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2018, no. 1, pp. 85–102. (In Russian, abstract in English)
13. *Pashchenko I.Yu.* Publichnye tsifrovye pravootnosheniya kak novoe yavlenie dlya sistemy pravovogo regulirovaniya [Public digital legal relations as a new phenomenon for the system of legal regulation]. *Ocherki noveishei kameralistiki* [Essays noveishei chamberlists], 2022, no. 2, pp. 36–41. (In Russian, abstract in English)
14. *Talapina E.V.* Sravnitel'noe tsifrovoe pravo: stanovlenie i perspektivy [Comparative Digital Law: Formation and Prospects]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2021, no. 9, pp. 18–32. (In Russian, abstract in English)
15. *Dzhafarli V.F.O.* Mekhanizm formirovaniya sistemy kriminologicheskoi kiberbezopasnosti [The mechanism of formation of the system of criminological cybersecurity]. *Uchenye trudy Rossiiskoi akademii advokatury i notariata* [Scientific works of the Russian Academy of Advocacy and Notaries], 2022, no. 4, pp. 73–78. (In Russian, abstract in English)
16. *Efremova M.A.* Ugolovno-pravovaya okhrana informatsionnoi bezopasnosti [Criminal legal protection of information security]. Avtoref. diss. ... d-ra jurid. nauk. 12.00.08. Moscow, 2018. 64 p. (In Russian)
17. *Russkevich E.A.* Differentsiatsiya otvetstvennosti za prestupleniya, sovershaemye s ispol'zovaniem informatsionno-telekommunikatsionnykh tekhnologii, i problemy ikh kvalifikatsii [Differentiation of

responsibility for crimes committed using information and telecommunication technologies, and problems of their qualification]. Avtoref. diss. ... d-ra jurid. nauk: 12.00.08. Moscow, 2020. 52 p. (In Russian)

18. *Batyukova V.E.* Elementy i priznaki osnovnykh i kvalifitsirovannykh sostavov khuliganstva, predusmotrennogo stat'ei 213 Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii [Elements and signs of the main and qualified offenses of hooliganism, provided for by Article 213 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Novyi yuridicheskii zhurnal [New Law Journal]*, 2012, no. 4, pp. 133–146. (In Russian, abstract in English)

19. *Ragulin A.V.* Khuliganstvo: ugovovno-pravovye aspekty [Hooliganism: criminal law aspects]. Avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08. Chelyabinsk, 2005. 28 p. (In Russian)

20. *Zanina T.M., Fedotova O.A.* Okhrana obshchestvennogo poryadka i obespecheniya obshchestvennoi bezopasnosti kak osnovnye napravleniya deyatel'nosti politsii: problemy pravovogo regulirovaniya [Protection of public order and ensuring public safety as the main areas of police activity: problems of legal regulation]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo [Bulletin of the Voronezh State University. Serie: Law]*, 2021, no. 1, pp. 154–160. (In Russian, abstract in English)

21. *Marshakova N.N.* Prestupleniya terroristicheskoi napravlenosti v sisteme ugovovnogo zakonodatel'stva: teoreticheskoe issledovanie [Crimes of a terrorist orientation in the system of criminal legislation: a theoretical study]. *Rossiiskii sledovatel' [Russian investigator]*, 2015, no. 24, pp. 34–39. (In Russian, abstract in English)

22. *Pashutina O.S.* Ob'ekt vandalizma: ponyatie i sushchnost' [Object of vandalism: concept and essence]. *Advokatskaya praktika [Law practice]*, 2007, no. 3, pp. 30–33. (In Russian)

ОБ ИЗУЧЕНИИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА НА СОЛОВКАХ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Трунцевский Юрий Владимирович

Цель: деятельность специалистов различных направлений (юристов, социологов, педагогов, психиатров, антропологов) по изучению личности преступника и преступности в нашей стране с начала 20-х гг. XX в. так или иначе была связана с Государственным институтом по изучению преступности и преступника (сейчас — Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации). Его сотрудники оказывали научно-методическую помощь созданным в те годы криминологическим кабинетам. Одной из таких исследовательских лабораторий был криминологический кабинет Соловецкого общества краеведения. Цель исследования — показать значение криминологических исследований в 20-е годы XX в. на Соловках.

Методология: использованы методы исследования исторических закономерностей через их конкретные проявления — исторические факты, способы извлечения из фактов новых знаний, в частности о роли Государственного института по изучению преступности и преступника в становлении советской криминологии.

Выводы. Соловецкие криминологи вырабатывали единый взгляд на общие основы криминологии, проверяя отвлеченные примеры на конкретном материале. Несмотря на изолированность их работы от центра страны, находились они в очень благоприятных условиях для работы. Соловецкий лагерь с его разнообразными заключенными был настоящей криминологической лабораторией.

Научная и практическая значимость. В отечественную криминологию вносятся новые знания о личности самостоятельной, не входящей в сеть криминологической лаборатории — Соловецкого лагеря, который давал неисчерпаемое поле для криминологических наблюдений, собирания и фиксации материалов по пенитенциарной тематике.

Ключевые слова: М.Н. Гернет, преступность, криминология, исследование, антропология, преступник, Институт законодательства, кабинет, лаборатория, профилактика, обследование, творчество заключенных.

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (далее — Институт) — старейшее научно-исследовательское учреждение страны — приближается к своему 100-летию.

100-летие Института — дата, которая неизбежно заставляет обратиться к самым истокам научной деятельности этого авторитетного научного учреждения.

Вплотивший антрополого-социальные идеи первого криминологического кабинета в г. Москве (1923 г.), созданный при НКВД РСФСР Го-

сударственный институт по изучению преступности и преступника (первоначальное название Института) стал самостоятельным всесоюзным криминологическим центром, оказывающим методическую помощь и научное руководство повсеместно создаваемым в нашей стране с середины 20-х гг. криминологическим кабинетам (лабораториям) [1, с. 135–144; 2, с. 29–32]. Такая работа в Институте осуществлялась видными учеными, авторитетами не только в советском государстве, но и за рубежом. Это были специалисты пенитенциарного дела, в частности, Е.Г. Ширвиндт —

директор Института и одновременно начальник Главного управления мест заключения НКВД РСФСР [3, с. 135–144], криминологи, среди которых Н.М. Гернет, П.И. Люблинский, А.А. Жижиленко и др., психиатры и антропологи П.Б. Ганнушкин, Е.К. Краснушкин и другие, получившие широкое признание еще до революции.

Рассматривая материалы архива Института, характеризующие организационные начала в обеспечении реализации методологических основ криминологических исследований по изучению личности преступника, можно отметить работу экспериментального пенитенциарного отделения, Московского, Ленинградского, Саратовского и Северо-Кавказского криминологических кабинетов, таких кабинетов в Казани и Иркутске [4, с. 187–194], сети региональных криминологических кабинетов в советских республиках.

Следует отметить, что Институт «во всесоюзном масштабе» оказывал методическую помощь в создании сети таких кабинетов [5, с. 158–167]. Именно М.Н. Гернет являлся научным руководителем одесского кабинета. А на такой запрос о помощи от Иркутского кабинета в 1927 г., например, отвечал Е.Г. Ширвиндт. Ответ на создание такого кабинета в Калуге готовил Б.С. Утевский.

Интерес М.Н. Гернета также представили результаты работы криминологической секции Соловецкого общества краеведения.

Уникальность концлагеря на Соловецких островах подчеркивается его оригинальным названием «Соловецкий лагерь особого назначения» (аббревиатура С.Л.О.Н.), а также его расположением в замечательном географическом регионе, в Белом море, недалеко от Полярного круга. Именно здесь зародилась и развивалась система ГУЛАГа (Главного управления лагерей), которая впоследствии использовалась по всему советскому государству. Соловецкий лагерь был предшественником и прототипом всей советской лагерной системы. Состав заключенных и режим в лагере неоднократно менялись с течением времени, как и общий характер пенитенциарного учреждения.

Вопрос изучения преступного мира в Соловецком лагере особого назначения поставлен был с начала его учреждения — в 1923 г. И к середине 20-х гг. XX в. в этом направлении уже было сделано следующее: подобраны интересные статистические материалы, в следственных органах регистрируются отдельные наиболее интересные в психологическом отношении правонарушения. «Умелое использование этого материала, систематизация отдельных, достаточно проверенных выводов представляет широкий интерес не толь-

ко с точки зрения криминологии или пенитенциарии, но и имеет большое социологическое значение» (*Смирнов В. Распад уголовного мира // Соловецкие острова. 1925. № 12. С. 57–63*).

Исследовательская работа на Соловках главным образом была направлена на изучение бытовой среды, обстановки и отдельных моментов психологии преступного мира (*Смирнов В. Психология обвиняемого // Соловецкие острова. № 2-3. 1926. С. 73–81*), что позволяло выяснять общие социально-экономические условия, благоприятствующие росту преступности, выработать профилактические меры борьбы с ней. В частности, отмечалось, что пенитенциарная система с ее методами исправительно-трудового воздействия на заключенных позволяет приспособлять «их к нормальным условиям социального общежития, в смысле перевоспитания их от дурных антисоциальных привычек» (*Красников, Смирнов. Учет пенитенциарного опыта // Новые Соловки. 1926. № 31 (83). 1 августа. С. 3*).

Как тогда писали в еженедельной газете «Новые Соловки» (далее — газета), которая являлась изданием заключенных (ее лагкоры были из числа заключенных) и пользовалась у них большой популярностью: «Концентрация в Соловецких лагерях уголовного элемента, относительная свобода его действий, с одной стороны, и постоянный надзор и наблюдение за ним, — с другой, представляют широкую возможность правильно организовать работу по изучению преступного мира. Поэтому изучение психологии преступника, его быта и других характерных черт и особенностей является первостепенной задачей администрации, которая рассматривает лагерь не только как место исправления и изоляции, но и место, которое может сделаться опорным пунктом для научного исследования особенностей преступного мира» (*Изучение преступного мира // Новые Соловки. 1926. № 13 (65). 28 марта*).

25 мая 1926 г. при Политпросветком Соловецкого коллектива ВКП(б) было организовано Криминологическое Общество, ставившее своей целью всестороннее изучение преступного мира. Членами Общества могли быть все желающие вести научно-исследовательскую работу в данной области. В тот же день Бюро Общества «обратилось с телеграммами и письмами к ряду виднейших научных работников, а также к соответствующим научным учреждениям с просьбой установления связи, координации работы, заказало литературу по вопросам криминологии» (*Криминологическое общество // Соловецкие острова. № 5-6. 1926. С. 222–223*).

Безусловно, результаты подобных исследований были интересны в то время ученым-криминологам. И кому, как не самому основному из них — М.Н. Гернету [6, с. 42–45], следовало обратить свое внимание на пенитенциарный и криминологический опыт Соловков. О чем свидетельствует полученное редакцией газеты письмо от проф. М.Н. Гернета следующего содержания: «Я очень благодарен Вам за присылку мне №№ 2–6 журнала «Соловецкие острова» и газеты «Новые Соловки» №№ 1–26 и за предстоящее получение Ваших изданий. Я с большим интересом знакомлюсь с ними и непременно дам о них отзыв в журнале «Право и Жизнь», одним из редакторов которого я являюсь» (*М.Н. Гернет о Соловках // Новые Соловки. 1926. № 37 (89). С. 30*).

Помимо общей характеристики, представленной Инспекционно-следственным отделом лагеря, криминологической секцией был собран обширный анкетный материал по заключенным Соллагерей.

Полученные анкетные сведения стали первым опытом по систематическому обследованию соловецких заключенных.

Кроме этой работы, криминологическая секция занималась и медицинским обследованием, для чего были привлечены медицинские силы лагеря.

Немалое внимание секция уделяла изучению быта уголовных элементов — были составлены словари специального воровского языка-жаргона (*Акаревич А. Блатные слова // Соловецкие острова. 1925. № 2. С. 99–102*), собирались образцы их творчества в стихах (*Глубоковский Б. Соловки в поэзии «Соловчан» // Соловецкие острова. 1925. № 6. С. 38–40*) и прозе, записывались песни (*Глубоковский Б. Песни шпаны // Соловецкие острова. 1925. № 4-5. С. 57–60; «Блатной язык» // Новые Соловки. 1926. № 39 (91). С. 1*). Так, статья о картежных играх уголовников стала одной из первых лагерных научных работ будущего академика Д.С. Лихачева (*Лихачев Д.С. Картежные игры уголовников // Соловецкие острова. 1930. № 1. С. 32–35*).

В течение этого периода заключенные были полностью изолированы на островах, и лагерь был полностью самодостаточным. Вся деятельность его была направлена на удовлетворение потребностей заключенных (выращивание сельскохозяйственной продукции, рыбалка, заготовка дров и т. д.). Принцип самообслуживания применялся даже к охране и безопасности: заключенные охраняли заключенных, а также к исследованиям — криминологами, изучающими личность преступника, являлись заключенные лагеря.

Соловецкие криминологи так оценивали свою работу и представившиеся им возможности для

исследований: «Мы вырабатываем единый взгляд на общие основы криминологии, проверяя отвлеченные примеры на конкретном материале. Несмотря на то, что мы изолированы от работы в центре, мы находимся в очень благоприятных условиях для работы... Ведь Соловецкий остров с его разнообразными обитателями — это прекрасная криминологическая лаборатория» (*Лихачев Д.С. Картежные игры уголовников // Соловецкие острова. 1930. № 1. С. 35*).

При этом они отмечали: «Мы не только изучаем язык уголовного (жаргон), мы фиксируем не только типаж фальшивомонетчиков, бандитов и представителей шпаны, — мы останавливаем свое внимание и на таком значительном бытовом явлении, как контрреволюционеры, так называемые «каэры» (к.-р. — контрреволюционеры), весьма примечательные обитатели Соловецкого концлагеря» (*Глубоковский Б. Песни шпаны. С. 93*).

Говоря о криминологической секции СОК, нельзя не сказать о ее активном члене — Борисе Александровиче Глубоковском, который освещал ее работу на газетных полосах. Он отмечал, что в лагере представителями «шпаны» было организовано общество «самоисправляющихся», разработан его устав следующего содержания, содержащий определение: «Общество самоисправляющихся» является организацией преимущественно трудового состава заключенных лагеря и только тех из них, которые, осознав свой проступок перед обществом и государством, стремятся трудом, поведением и желанием быть в будущем полезными для окружающего общества, загладить свой проступок перед ним и перейти к новой трудовой жизни» (*Глубоковский Б.А. «49. Материалы и впечатления», с. 93*).

Членами секции в 1927 г. была издана и совместная работа, содержащая статьи Н. Виноградова, Б. Глубоковского, П. Иогалевича, П. Калинина, И. Полозова, К. Троицкого, П. Шенберга [7].

Наличие на Соловках такой огромной криминологической лаборатории, как Соловецкий лагерь, давало неисчерпаемое поле для криминологических наблюдений, собирания и фиксации материалов по пенитенциарной тематике.

Как вспоминал академик Д.С. Лихачев, криминологический кабинет взял на себя создание Детской колонии на Соловках для несовершеннолетних преступников и «спас, хотя и не перевоспитал с помощью своих сотрудников сотни бывших беспризорников. Это началось в 1928 году, и наша Детская колония была первой такого рода и такого масштаба в Советском Союзе... Кримкаб сохранял над этой колонией научное руководство» [8, с. 112].

Хотя вторая половина 1920-х гг. была очень важным периодом для существования Соловецких островов, значение лагерей тем не менее постепенно снижалось. Исключительное положение С.Л.О.Н. было прервано общей реформой системы уголовного правосудия СССР на начальном этапе коллективизации, которая привела к появлению огромного количества новых

заключенных, для которых лагеря на Соловецких островах были не в состоянии вместить. К 1929 г. свернулись и криминологические исследования заключенных.

Таковы были результаты достаточно недолгой, но значительной для истории советской науки работы криминологической секции СОК — самого северного в мире криминологического «кабинета».

Литература

1. *Беляева Л.И., Трунцевский Ю.В.* О создании и деятельности Государственного института по изучению преступности и преступника // Вопросы истории. 2022. № 4–1. С. 158–166.
2. *Трунцевский Ю.В.* IX Международный пенитенциарный конгресс 1925 г.: мировая практика и работа Государственного института изучения преступника и преступности // Международное публичное и частное право. 2022. № 3. С. 29–32.
3. *Беляева Л.И., Трунцевский Ю.В.* О научном наследии Е.Г. Ширвиндта и возглавляемого им Государственного института по изучению преступности и преступника // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 5. С. 135–144.
4. *Трунцевский Ю.В., Шмонин А.В.* История криминологических исследований в деятельности Государственного института по изучению преступности и преступника и Иркутского кабинета в 1920-х гг. // Вопросы истории. 2022. № 9-1. С. 190–197.
5. *Трунцевский Ю.В.* О методологических основах криминологических исследований по изучению личности преступника // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 4. С. 158–167.
6. *Трунцевский Ю.В. Гернет М.Н.:* международная конференция и грани научного творчества // Международное публичное и частное право. 2022. № 4. С. 42–45.
7. Из работ криминологической секции. Материалы Соловецкого общества краеведения. Выпуск XVII. Соловки: Издание Бюро печати УСЛОН, 1927. — 120 с.
8. *Лихачев Д.С.* Избранное. Воспоминания. 2-е изд., перераб. СПб.: Logos, 1997. — 605 с.

References

1. *Belyaeva L.I., Truntsevskii Yu.V.* O sozdanii i deyatel'nosti Gosudarstvennogo instituta po izucheniyu prestupnosti i prestupnika [On the establishment and activities of the State Institute for the Study of Crime and the Criminal]. *Voprosy istorii* [Questions of history], 2022, no. 4-1, pp. 158–166. (In Russian, abstract in English)
2. *Truntsevskii Yu.V.* IX Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi kongress 1925 g.: mirovaya praktika i rabota Gosudarstvennogo instituta izucheniya prestupnika i prestupnosti [IX International Penitentiary Congress of 1925: world practice and work of the State Institute for the Study of the Criminal and Crime]. *Mezhdunarodnoye publichnoye i chastnoye pravo* [International public and private law], 2022, no. 3, pp. 29–32. (In Russian, abstract in English)
3. *Belyaeva L.I., Truntsevskii Yu.V.* O nauchnom nasledii E.G. Shirvindta i vozglavlyаемого im Gosudarstvennogo instituta po izucheniyu prestupnosti i prestupnika [On the scientific heritage of E. G. Shirvindt and the State Institute for the Study of Crime and the Criminal headed by him]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2022, v. 26, no. 5, pp. 135–144. (In Russian, abstract in English)
4. *Truntsevskii Yu.V., Shmonin A.V.* Istoriya kriminologicheskikh issledovaniy v deyatel'nosti Gosudarstvennogo instituta po izucheniyu prestupnosti i prestupnika i Irkutskogo kabineta v 1920-kh gg. [History of criminological research in the activities of the State Institute for the Study of Crime and the Criminal and the Irkutsk Cabinet in the 1920s]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 2022, no. 9-1, pp. 190–197. (In Russian, abstract in English)
5. *Truntsevskii Yu.V.* O metodologicheskikh osnovakh kriminologicheskikh issledovaniy po izucheniyu lichnosti prestupnika [On the methodological foundations of criminological research on the study of the

criminal's personality]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya [Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence]*, 2022, v. 18, no. 4, pp. 158–167. (In Russian, abstract in English)

6. *Truntsevskii Yu.V. Gernet M.N.: mezhdunarodnaya konferentsiya i grani nauchnogo tvorchestva [Gernet M.N.: International conference and facets of scientific creativity]. Mezhdunarodnoye publichnoye i chastnoye pravo [International public and private law]*, 2022, no. 4, pp. 42–45. (In Russian, abstract in English)

7. *Iz rabot kriminologicheskoi sekti. Materialy Solovetskogo obshchestva kraevedeniya [From the works of the criminological section. Materials of the Solovetsky Society of Local Lore]. Issue XVII. Solovki: Byuro pechati USLON Publ., 1927. 120 p. (In Russian)*

8. *Likhachev D.S. Izbrannoe. Vospominaniya [Favorites: Memoirs]. 2nd edition. St. Petersburg: Logos Publ., 1997. 605 p. (In Russian)*

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Хохрин Сергей Александрович

Цель: формирование социально-экономических мер, направленных на предупреждение пенитенциарной преступности, является одним из важнейших элементов ее профилактики. Это подтверждается Концепцией развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г., утвержденной распоряжением от 29 апреля 2021 г. № 1138-р, а также Программой фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2021–2030 гг.) в части разработки альтернативных систем социального реагирования, направленных на профилактику и пресечение преступного поведения в обществе пенитенциарной системы, что позволяет прийти к выводу о необходимости поиска новых форм трудовой занятости осужденных. Одной из мер экономического характера является организация трудовой занятости и получение заработной платы осужденными.

Методология: при проведении исследования активно использовался метод статистического наблюдения при изучении документов, группировка материалов анкетирования, определялись абсолютные и относительные статистические величины, проводилась выборка данных, их анализ, изучалась динамика показателей.

Выводы. Привлечение юридических и физических лиц для создания таких организационно-правовых форм предприятий, как частно-государственное партнерство по организации трудовой занятости осужденных, позволяет создать дополнительные рабочие места и выплачивать заработную плату осужденным. Дополнительно осужденные получают профессию, востребованную на рынке труда. Наличие денежных средств на лицевых счетах позволяет осужденным погашать расходы на коммунально-бытовые услуги, помогать родственникам и поддерживать социальные связи. Желание и возможность осужденных погашать иски является одним из условий замены неотбытой части наказания более мягким видом, как и предоставление условно-досрочного освобождения.

Научная и практическая значимость. Формирование социально-экономических мер, направленных на предупреждение пенитенциарной преступности, позволяет использовать их для дальнейшей разработки теоретических проблем преступности, ее разновидностей, выработки мер предупреждения, совершенствования уголовного законодательства, а также деятельности уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: пенитенциарная преступность, исправительные учреждения, осужденные, детерминанты, труд осужденных, сотрудники, заработная плата, режим содержания.

Предупреждение преступлений в пенитенциарных учреждениях является важнейшим условием реализации наказаний. Одним из основных ведомственных нормативных актов, регламентирующих предупреждение правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, является приказ Минюста России от 20 мая 2013 г. № 72 «Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений

среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы». Приказом предусматривается, что «профилактика правонарушений в учреждении УИС осуществляется с привлечением имеющихся сил и средств, в том числе:

- сотрудников учреждения УИС;
- инженерно-технических средств охраны и надзора;
- средств связи и сигнализации».

К сожалению, ведомственным нормативным актом не предусмотрен вопрос организации профилактики правонарушений, совершаемых осужденными, с применением экономических мер, в частности, с решением вопроса трудоустройства осужденных.

В пенитенциарных учреждениях сегодня складывается сложная обстановка. Реализация принятых в 2010 и 2021 гг. Концепций развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, активное применение альтернативных лишению свободы наказаний привели к сокращению количества осужденных, находящихся в исправительных учреждениях. Только за последнее десятилетие количество осужденных снизилось на 35%, что, в свою очередь, привело к концентрации в исправительных учреждениях лиц, отбывающих наказание за совершение тяжких и особо тяжких преступлений.

Несмотря на выраженные тенденции снижения количества спецконтингента, сотрудники администраций исправительных учреждений не в состоянии обеспечить трудовую занятость осужденных и гарантировать им достойную оплату труда. Одними из основных факторов, характеризующих трудности решения вопроса трудоустройства осужденных, являются:

- неудовлетворительное состояние производственных мощностей, низкая конкурентоспособность продукции, производимой осужденными;
- неразвитая система обучения рабочим специальностям;
- неспособность администрации учреждений УИС организовать работу с центрами трудовой занятости населения.

Необходимо учитывать, что проблемы в обучении специальностям и трудоустройстве были даже в советское время. Руководители предприятий не были заинтересованы, чтобы осужденные работали на их предприятии. Возникают трудности с жильем, социальным обеспечением.

Уровень жизни осужденных напрямую зависит от материально-технического оснащения учреждения, его финансирования, укомплектованности кадров среди сотрудников, условий труда осужденных и уровня заработной платы, наличия пенсий, возможности получения посылок и передач, приобретения дополнительных продуктов питания и предметов личной гигиены. Необходимо учитывать, что в соответствии со ст. 99 УИК РФ, «осужденные, получающие заработную плату, и осужденные, получающие пенсию, возмещают стоимость питания, одежды, коммунально-бытовых услуг и индивидуальных средств гигиены, кроме стоимости специального питания и специальной одежды». От

уровня жизни осужденного зависит исправление осужденного, материальное обеспечение приучает к порядку, организует, стимулирует к уважительному отношению к труду. Необходимо указать справедливое мнение Ю.М. Антоняна, что «нарушения режима содержания и посягательство со стороны осужденных на нормальную деятельность пенитенциарного учреждения напрямую зависят от реализации вопросов трудовой занятости и материально-бытового обеспечения осужденных» [1, с. 40–44].

Следовательно, состояние бытовых условий и трудовое стимулирование осужденных не только способствует реализации целей наказания, но и обеспечивает осуществление исправительных функций [2, с. 176]. Указанную точку зрения частично подтверждают и опросы сотрудников исправительных учреждений, так, по их мнению (более 34%), предупреждению совершения пенитенциарных преступлений способствует трудовая занятость осужденных (данные получены в результате опроса 815 сотрудников; указанные сотрудники проходили обучение по программам повышения квалификации в федеральном казенном образовательном учреждении высшего образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний»).

Для повышения уровня жизни осужденных и обеспечения трудовой занятости с целью оказания помощи близким необходимо дать возможность осужденным работать и зарабатывать. Практически этот процесс можно организовать с привлечением индивидуальных предпринимателей и юридических лиц. В качестве примера можно привести опыт УФСИН в Республике Коми по созданию государственно-частного партнерства.

«Организация государственно-частного партнерства при поддержке Правительства Республики Коми реализована между подразделением УФСИН России по Республике Коми (ФКУ ИК-31) и ООО «Жешартский лесопромышленный комбинат», которое находится в 51 километре от учреждения на территории другого муниципального образования, при этом в пределах одного муниципального района (Усть-Вымский). Предприятием были созданы условия для проживания осужденных (общежития), отвечающие требованиям Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и ведомственных нормативных актов, непосредственно на территории фанерного комбината, осуществлялось предоставление коммунальных услуг» [3, с. 23].

Для получения полной картины и рассмотрения положительных и отрицательных сторон данного партнерства предлагаем сравнить показатели дисциплинарной практики и заработной платы

осужденных в государственно-частном партнерстве и в обычном учреждении рассматриваемого территориального органа ФСИН России (в качестве примера для сравнения взяты показатели ФКУ ИК-51 указанного территориального органа).

Например, в соответствии со официальной информацией ФСИН России, в 2021 г. средняя заработная плата осужденных в исправительных учреждениях составляла немногим более 6000 рублей, в учреждении взятом для примера — 10 500 рублей. Примечательно, что в пенитенциарном учреждении с формой трудоустройства государственно-частного партнерства заработная плата осужденных составляет 22 000 рублей. Это позволяет утверждать, что разница с учреждением составляет два раза, а со средней заработной платой в учреждениях ФСИН России — более 3,5 раз (рис. 1).

Получение значительной заработной платы, позволяющей возмещать расходы на коммунально-бытовые услуги, дополнительно стимулирует к ликвидации задолженности по исковым требованиям. Критерий возмещения ущерба потерпевшим и государству является обязательным индикатором при определении степени исправления осужденных. Дополнительно часть заработанных денежных средств осужденные могут накапливать или распоряжаться для приобретения продуктов питания и предметов личной гигиены.

Вопросам финансового стимулирования осужденных в период отбывания наказания уделялось внимание в советское время. В работе ученых

раскрываются заработные платы осужденных в учреждениях ГУЛАГа в 50-х гг. прошлого века (рис. 2). Авторы указывают на мнение руководителей пенитенциарных учреждений того времени. К примеру, в одном из актов проверок Норильлага в 1952 г. отмечалось: «Перевод заключенных на зарплату явился для основной массы заключенных большим стимулом к поднятию производительности труда...» (ГАРФ. Ф. 9414. Он. 1. Д. 642. Л. 80). Примерно такого же мнения придерживался и заместитель начальника Норильского ИТЛ и Горного лагеря Черняк, который в письме от 5 июня 1952 г. подчеркивал, что отдельные группы заключенных, особенно в квалифицированных профессиях, в связи с введением зарплаты стали работать гораздо эффективнее (ГАРФ. Ф. 8361. Он. 1. Д. 305. Л. 10)» [4, с. 173–233].

Необходимо отметить положительную картину при анализе дисциплинарной практики и соблюдения режимных требований со стороны осужденных. Как показывает анализ, осужденные из пенитенциарного учреждения с формой трудоустройства государственно-частного партнерства реже совершают нарушение режима содержания, чем осужденные из обычной колонии-поселения.

Показатели дисциплинарной практики показывают, что количество лиц, совершивших нарушения в 2021 г. в КП-31, составляет 88 человек, а в КП-51 — 134, что на 52,2% ниже. Да и остальные показатели дисциплинарной практики на порядок ниже, чем в обычном учреждении (рис. 3).

Рис. 1

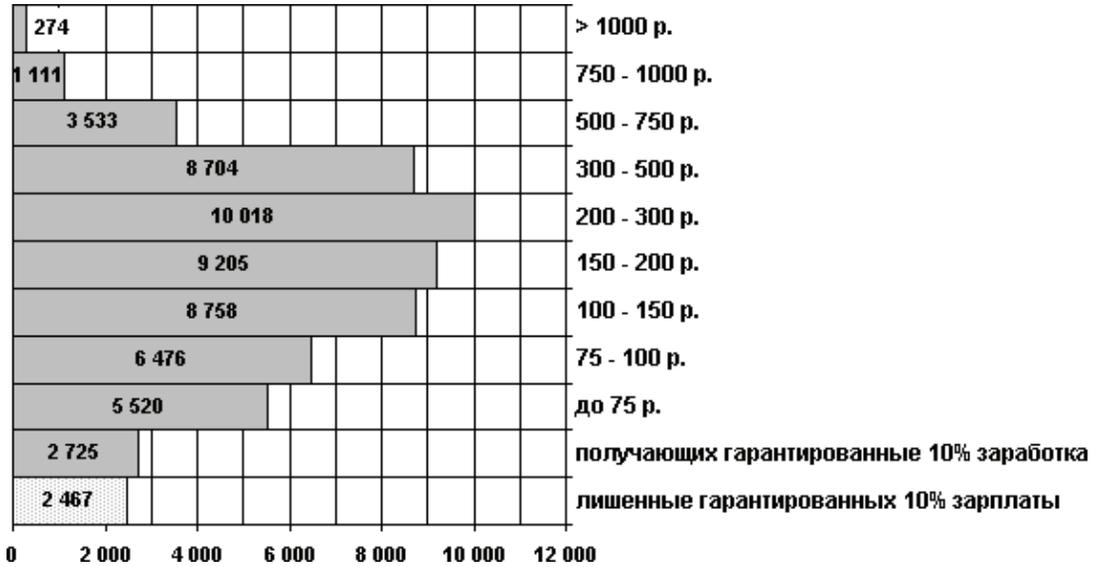
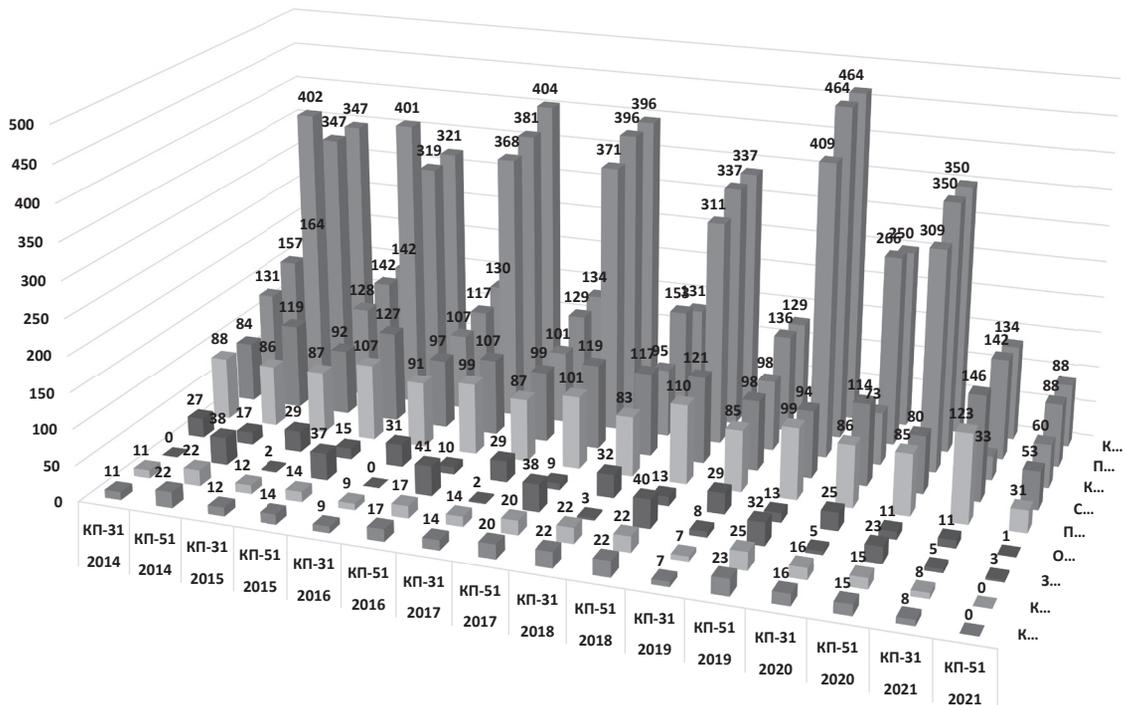

Рис. 2

Сравнение дисциплинарной практики КП-31 и КП-51

	2014	2014	2015	2015	2016	2016	2017	2017	2018	2018	2019	2019	2020	2020	2021	2021
	КП-31	КП-51														
■ Количество лиц, совершивших злостные нарушения	11	22	12	14	9	17	14	20	22	22	7	23	16	15	8	0
■ Количество злостных нарушений порядка отбывания наказания	11	22	12	14	9	17	14	20	22	22	7	25	16	15	8	0
■ Заменена неотбытая часть более мягким видом наказания	0	38	2	37	0	41	2	38	3	40	8	32	5	23	5	3
■ Освобождено условно-досрочно	27	17	29	15	31	10	29	9	32	13	29	13	25	11	11	1
■ Применено мер поощрения к осужденным	88	86	87	107	91	99	87	101	83	110	85	99	86	85	123	31
■ Среднесписочная численность	84	119	92	127	97	107	99	119	117	121	98	94	114	80	146	53
■ Количество лиц, совершивших нарушения	131	402	128	401	107	368	101	371	95	311	98	409	73	309	33	60
■ Применено мер взыскания к осужденным	157	347	142	319	117	381	129	396	153	337	136	464	266	350	142	88
■ Количество нарушений порядка отбывания наказания	164	347	142	321	130	404	134	396	131	337	129	464	250	350	134	88

Рис. 3

Создание рабочих мест для осужденных на предприятиях крупного и среднего бизнеса способно решить вопрос их трудоустройства. Однако сегодня нет эффективных методов стимулирования бизнеса для трудоустройства осужденных или размещения производства на территории пенитенциарных учреждений.

Центры трудовой занятости и администрация предприятий, по мнению Н.А. Крайновой, крайне неохотно взаимодействуют с руководством учреждений УИС. Этому способствует большое количество факторов:

а) негативное отношение обычных граждан к осужденным и лицам, освободившимся из мест лишения свободы;

б) потеря профессиональных навыков или отсутствие необходимой квалификации у осужденных;

в) формирование у осужденных комплекса безынициативности в результате контроля всех их действий в процессе отбывания наказания;

г) потеря осужденными социальных связей, формирование непонимания современной экономической и политической ситуации в период нахождения в пенитенциарном учреждении;

д) опасение руководителей предприятий организовывать производство с учетом использования материально-технических возможностей исправительных учреждений, нежелание принимать на работу лиц, отбывающих наказание или имеющих судимость [5, с. 189].

Дополнительно необходимо отметить наличие ряда проблем, с которыми сталкиваются предприятия и предприниматели при трудоустройстве осужденных:

— отсутствие возможности организовать адаптацию осужденных к работе на предприятии;

— отсутствие возможности организовать постоянный контроль за осужденными в период их трудоустройства;

— возникновение незапланированных затрат на создание системы охранного телевидения и установку технических средств охраны;

— необходимость организации охраны здоровья осужденных;

— необходимость организации обучения осужденных необходимым специальностям для работы на предприятии.

Особую актуальность приобретает вопрос обучения осужденных профессиям, имеющим востребованность на рынке труда. Получение профессии, возможности трудоустройства и проживания автоматически приведет к снижению уровня рецидива. Формирование адаптации

осужденного к обычной жизни возможно в несколько этапов, это в том числе и трудоустройство осужденного на обычном предприятии в процессе отбывания наказания в колонии-поселении.

Складывающаяся во ФСИН ситуация показывает, что значительная часть осужденных находится без работы, а трудоустроенные осужденные не в состоянии оплачивать свое содержание в исправительных учреждениях, выплачивать иски и алименты, платить налоги, а также приобретать необходимые для успешной социальной адаптации трудовые навыки.

В ряде регионов России к решению вопросов бытового и трудового устройства осужденных региональные органы власти относятся с пониманием. В Республике Коми, Красноярском крае, Свердловской, Кировской областях накоплен определенный опыт по оказанию минимальной помощи лицам, отбывшим наказание. Данная работа осуществляется в трех формах. Во-первых, это создание банка вакансий рабочих специальностей, на которые осужденные могут трудоустроиться после освобождения. В такой форме оказывается помощь в ресоциализации и адаптации после отбывания наказания. Второе направление — заключение договоров с индивидуальными предпринимателями с целью трудоустройства осужденных. При учреждениях создаются малые предприятия, либо на предприятиях — специализированные участки, на которых организуется производство с привлечением к труду осужденных под руководством мастеров. На данных предприятиях осужденные проходят обучение, трудоустраиваются и могут продолжить работу после освобождения. Третьим элементом является восстановление утраченных документов. За последние годы возросло количество поступающих в исправительные учреждения ФСИН лиц, не имеющих паспортов. Остается проблемным вопрос организации взаимодействия с органами внутренних дел и ФМС, что серьезно осложняет процесс ресоциализации осужденных и решения вопросов их трудового и бытового устройства.

Одним из обязательных элементов социального механизма предупреждения преступлений, совершаемых осужденными, является повышение их интеллектуального и образовательного уровня. Совершенствование культурно-образовательного уровня позволит минимизировать отрицательное влияние криминальной обстановки, повысить уровень духовных ценностей и снизить рецидив у осужденных.

О важности повышения образовательного уровня осужденных, влияния администрации на формирование мировоззрения осужденных, воспитания положительных мотивов социально полезной деятельности, уважения прав и законных интересов других граждан неоднократно говорилось в различных работах [6, с. 206]. При этом мы согласны, что повышение образовательного уровня осужденных позволит значительно улучшить нравственно-психологическую обстановку в учреждениях.

Отсутствие логического построения в деятельности по повышению образовательного уровня осужденных в исправительных учреждениях является одним из элементов агрессивного поведения осужденных и как следствие этого фактов совершения преступлений в период отбывания наказания. Анализ изученных уголовных дел по фактам совершения преступлений осужденными в период отбывания наказания показал, что лица, совершившие преступления в этот период, имели неполное общее или среднее образование. Следовательно, чем ниже интеллектуальный уровень осужденного, тем больше вероятность, что он совершит преступление повторно.

На основании изложенного мы приходим к выводу, что достичь поставленной законодательством цели — исправления осужденных — возможно главным образом, изменив ценностные ориентации осужденных, повысив их образовательный и культурный уровень. Профессор Ю.В. Голик справедливо отмечает, что правопослушное поведение лица может не иметь ничего общего с его истинными намерениями [7, с. 68–72]. Осужденный, как свидетельствуют наши исследования, может допускать отдельные нарушения, но не из-за отказа от исправления, а в силу строгих условий отбывания и иных обстоятельств его состояния.

В рамках реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы России до 2030 года особое внимание планировалось уделить созданию службы пробации, основной задачей которой будет является формирование системы ресоциализации и социальной адаптации осужденных. Это планируется сделать в два этапа:

— на первом этапе (до 2024 года) — закрепление института пробации на законодательном уровне, определение функции пробации, перечня задач и полномочий органов государственной власти и местного самоуправления; возложение соответствующих полномочий на уголовно-исполнительные инспекции в части оказания по-

мощи в вопросах занятости, обеспечения жильем, психологической и правовой помощи лицам, освобожденным от отбывания наказания условно-досрочно;

— на втором этапе (до 2030 года) — оказание содействия лицам, освобожденным из мест лишения свободы, в занятости и бытовом устройстве.

В юридической литературе под пробацией понимается вид условного осуждения, при котором человек на время испытательного срока оказывается под надзором специальных органов и на него могут накладываться определенные ограничения.

Интересно мнение Д.Е. Баталина, И.В. Дворянскова, В.В. Сергеевой о том, что для превенции преступлений пробация как альтернативная мера является наиболее перспективной [8, с. 38].

Создание службы пробации планировалось еще в 2013 г., однако Министерство финансов не поддержало данное пожелание в связи с большими финансовыми затратами. Вместе с тем сторонники службы пробации считают, что служба «поможет организовать помощь и обеспечить контроль осужденным и членам их семей на всех стадиях уголовного процесса» [9, с. 12].

Деятельность службы пробации за рубежом подразумевает гуманитарную и социально-психологическую работу, она смещена в начало уголовного процесса и активно охватывает стадии досудебного производства. В Российской Федерации планирование пробации по-прежнему рассматривается в качестве деятельности, которая концентрируется только вокруг суда, а также пенитенциарного учреждения и выхода из него.

Проведя анализ юридической литературы, действующего законодательства, проектов нормативных правовых актов, мы можем сформулировать ряд положений.

Первое: для целей пробации предусматривается использование действующих в субъектах Российской Федерации организаций социального обслуживания. Это, в свою очередь, приведет к увеличению нагрузки на организацию социального обслуживания в субъектах Российской Федерации и, как следствие, к выделению дополнительного финансирования.

Второе: ряд положений подготовленного ранее законопроекта дублирует положения Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», которые применимы в том числе в отношении лиц, подвергшихся уголовному преследованию и оказавшихся в труд-

ной жизненной ситуации, в целях их социальной адаптации и социальной реабилитации. При этом необходимо учитывать положения иных нормативных правовых актов Российской Федерации, а также правовых актов исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации и муниципальных правовых актов местных администраций, устанавливающих комплекс мер по социальной поддержке указанной выше категории граждан.

Без выделения дополнительного финансирования и организационно-штатных изменений уголовно-исполнительная система не располагает необходимыми силами и средствами для создания службы пробации.

По нашему мнению, вопросы ресоциализации осужденных наиболее целесообразно регулировать «социальным» законодательством или законодательством о социальной помощи, а не уголовно-исполнительным. Так, в соответствии со ст. 72 Конституции Российской Федерации, законодательство, регулирующее указанные вопросы, в отличие от уголовно-исполнительного, относится к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Следовательно, в рамках федерального законодательства существует возможность установить минимальные стандарты социальной помощи,

в рамках регионального законодательства необходимо предусмотреть возможность учета местных особенностей и возможностей.

В итоге можно сделать следующие выводы.

В целях повышения эффективности мер, направленных на превенцию преступлений и снижение социальной напряженности в исправительных учреждениях, обосновывается необходимость создания трехуровневой системы предупреждения:

— на частном уровне предполагается разработать и принять комплекс мероприятий, направленных на развитие государственно-частного партнерства в вопросах создания инфраструктуры социальной адаптации и ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, в том числе несовершеннолетних;

— на специальном уровне предложены меры по совершенствованию организации режима, надзора и охраны исправительных учреждений;

— на общем уровне в целях предупреждения совершения новых пенитенциарных преступлений необходимо создавать специализированные центры социальной адаптации и реабилитации для оказания лицам, освобожденным из мест лишения свободы, необходимой социальной, правовой и психологической помощи, а также содействия в их трудовом и бытовом устройстве.

Литература

1. *Антонян Ю.М., Плющева Е.Л.* Материально-бытовые условия как элемент исправления осужденных // Российский следователь. 2014. № 10. С. 40–44.
2. *Грушин Ф.В.* Система факторов, определяющих развитие уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. Екатеринбург, 2019. — 630 с.
3. *Хохрин С.А., Смирнов С.Н.* Опыт государственно-частного партнерства УФСИН России по Республике Коми: аналит. обзор. Рязань: Академия ФСИН России, 2015. — 140 с.
4. *Бородкин Л.И., Эрцц С.* Структура и стимулирование принудительного труда в ГУЛАГе «Норильлаг», конец 1930-х — начало 1950-х гг. // Экономическая история. Ежегодник-2003. М., 2004. С. 177–233.
5. *Крайнова Н.А.* Проблемы ресоциализации неоднократно судимых лиц: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Владивосток, 2002. — 255 с.
6. *Рыбак М.С.* Ресоциализация осужденных к лишению свободы: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2001. — 451 с.
7. *Голик Ю.В.* Уголовно-правовое стимулирование позитивного поведения: вопросы теории. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета, 1992. — 80 с.
8. *Дворянсков И.В., Сергеева В.В., Баталин Д.Е.* Применение альтернативных видов наказания в Западной Европе, США и России (сравнительно-правовое исследование). М.: Центр содействия реформе уголовного правосудия, 2003. — 88 с.
9. *Коровин А.А.* Правовое регулирование и организация деятельности уголовно-исполнительных инспекций с учетом европейских стандартов и зарубежного опыта исполнения наказаний: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. М., 2012. — 22 с.

References

1. *Antonyan Yu.M., Plyushcheva E.L.* Material'no-bytovye usloviya kak element ispravleniya osuzhdennykh [Material and living conditions as an element of the correction of convicts]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian investigator], 2014, no. 10, pp. 40–44. (In Russian, abstract in English)
2. *Grushin F.V.* Sistema faktorov, opredelyayushchikh razvitie ugovolno-ispolnitel'noi politiki i ugovolno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva [The system of factors that determine the development of penitentiary policy and penal legislation]. Diss. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.08. Ekaterinburg, 2019. 630 p. (In Russian)
3. *Khokhrin S.A., Smirnov S.N.* Opyt gosudarstvenno-chastnogo partnerstva UFSIN Rossii po respublike Komi: analit. obzor [Experience of public-private partnership of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Komi Republic: analyt. review]. Ryazan': Akademiya FSIN Rossii Publ., 2015. 140 p. (In Russian)
4. *Borodkin L.I., Ertis S.* Struktura i stimulirovanie prinuditel'nogo truda v GULAGe Noril'lag, konets 1930-kh — nachalo 1950-kh gg. [Structure and stimulation of forced labor in the GULAG Norillag, late 1930s — early 1950s]. In *Ekonomicheskaya istoriya. Ezhegodnik-2003* [Economic History. Yearbook-2003]. Moscow, 2004, pp. 177–233. (In Russian)
5. *Krainova N.A.* Problemy resotsializatsii neodnokratno sudimykh lits [Problems of resocialization of repeatedly convicted persons]. Diss. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. Vladivostok, 2002. 255 p. (In Russian)
6. *Rybak M.S.* Resotsializatsiya osuzhdennykh k lisheniyu svobody: problemy teorii i praktiki [Resocialization of convicts sentenced to deprivation of liberty: problems of theory and practice]. Diss. ... d-ra yurid. nauk. Saratov, 2001. 451 p. (In Russian)
7. *Golik Yu.V.* Ugolovno-pravovoe stimulirovanie pozitivnogo povedeniya: voprosy teorii [Criminal-legal stimulation of positive behavior: questions of theory]. Novosibirsk: Novosibirskogo universiteta Publ., 1992. 80 p. (In Russian)
8. *Dvoryanskov I.V., Sergeeva V.V., Batalin D.E.* Primenenie al'ternativnykh vidov nakazaniya v Zapadnoi Evrope, SShA i Rossii (sravnitel'no-pravovoe issledovanie) [The use of alternative types of punishment in Western Europe, the USA and Russia (a comparative legal study)]. Moscow, Tsentri sodeistviya reforme ugolovnogo pravosudiya Publ., 2003. 88 p. (In Russian)
9. *Korovin A.A.* Pravovoe regulirovanie i organizatsiya deyatelnosti ugovolno-ispolnitel'nykh inspeksii s uchetom evropeiskikh standartov i zarubezhnogo opyta ispolneniya nakazanii [Legal regulation and organization of the activities of penitentiary inspections, taking into account European standards and foreign experience in the execution of sentences]. Avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. Moscow, 2012. 22 p. (In Russian)

СПЕЦИАЛЬНЫЕ (ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ) МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Шапошников Алексей Сергеевич

Цель: на основе анализа правовой природы специальных (организационно-управленческих) мер противодействия экологической преступности предложить меры, связанные с повышением их эффективности.

Методология: диалектический метод, формально-логические методы, включая анализ, синтез и статистический метод.

Выводы. Проводимая в настоящее время реформа контрольной (надзорной) деятельности неэффективна в отношении противодействия экологической преступности, в связи с чем имеется необходимость пересмотреть подход в организации контрольных (надзорных) мероприятий, затрагивающих природоохранные правоотношения, признав высокую степень общественной опасности правонарушений в сфере экологии в качестве аксиомы, а также санкционировав их реализацию без дополнительного административного барьера.

Научная и практическая значимость. Впервые проанализирована реформа контрольной (надзорной) деятельности с точки зрения ее влияния на противодействие экологической преступности. Кроме того, выявлено отсутствие легального определения понятий «обязательное требование» и «нарушение обязательного требования», которые являются предметом регулирования законодательства о контрольной (надзорной) деятельности, в связи с чем предложены авторские дефиниции, из которых следует, что обязательные требования — это нормы права, соблюдение которых оценивается в пределах контрольной (надзорной) деятельности, а нарушение обязательных требований — это правонарушение, выявляемое в ходе контрольной (надзорной) деятельности, по общему правилу содержащее часть признаков преступления или административного правонарушения.

Ключевые слова: экологическая преступность, экологическое преступление, противодействие экологической преступности, контрольная (надзорная) деятельность, обязательное требование, нарушение обязательного требования.

Уникальность феномена экологической преступности, для которого характерна высокая степень общественной опасности и разрушительность воздействия, предопределяет необходимость разработки эффективного механизма противодействия. Сформировать такой механизм в том числе призваны нормативно закрепленные предписания. Однако в отсутствие контроля за их соблюдением эффективность противодействия не может быть достигнута. В связи с этим образованы специализированные публичные органы власти, которые осуществляют контрольную (надзорную) деятельность в сфере экологии.

Актуальность противодействия экологической преступности, как и ее последствия, имеют свойство аккумулироваться. В пользу этого свидетельствует особый статус, придаваемый природоохранным отношениям.

Так, охрана окружающей среды, сохранение природных ресурсов, рациональное природопользование и адаптация к изменениям климата отнесены к национальным интересам Российской Федерации (Указ Президента Российской Федерации от 02 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351).

Официальная позиция главы нашего государства позволяет корреспондировать, что состояние окружающей среды на территории России, где сосредоточена большая часть населения страны, производственных мощностей и наиболее продуктивные сельскохозяйственные угодья (составляет около 15 % территории страны), оценивается как неблагоприятное по экологическим параметрам. Вызовами для экологической безопасности являются последствия изменения климата на планете, существенная криминализация и наличие теневого рынка в сфере природопользования (*Указ Президента Российской Федерации от 19 апреля 2017 г. № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2017. № 17. Ст. 2546*).

Негативно оценивает состояние экологической безопасности России и судебное сообщество, например, судья Верховного Суда Российской Федерации О.К. Зателепин, который провозглашает тенденцию к ухудшению состояния компонентов природной среды во всех регионах страны, несмотря на снижающуюся динамику зарегистрированных экологических преступлений, на основании чего он приходит к выводу о высочайшем уровне латентности экологической преступности (*В Верховном суде отметили снижение числа дел об экологических преступлениях // [Электронный ресурс]: URL: http://www.supcourt.ru/press_center/mass_media/30585/ (дата обращения: 18.11.2022)*).

По мнению В.С. Овчинского, преступность и глобальные изменения климата связаны между собой системно, в частности, данная взаимосвязь находит свое выражение в следующем: преступность, особенно в ее организованных формах (преступное уничтожение лесных массивов), а также в террористических проявлениях (взрывах, поджогах, уничтожении объектов повышенной экологической опасности) может усугубить ситуацию с нарастанием глобальных изменений климата, а глобальное изменение климата, в свою очередь, приведет к бурному росту насильственной преступности во всех проявлениях и росту преступлений против собственности [1, с. 116].

Из указанного следует, что успешная борьба с экологической преступностью становится условием для выживания человечества. Вместе с тем единого подхода к пониманию объекта такой борьбы, а значит, и к выбору методов ее реализации в научном сообществе не имеется.

В основе плюрализма подходов при определении дефиниции «экологическая преступность» находится суждение о том, что криминологические исследования не должны быть связаны с за-

конодательством какой-либо страны, поскольку любая самостоятельная область научного знания должна обладать признаком универсальности [2, с. 28].

Несмотря на общую справедливость данного подхода, видится его недостаток в виде отсутствия в подобных исследованиях прочного фундамента — специального понятийного аппарата, раскрывающего сущность экологических правоотношений, что может привести к некорректным выводам об изучаемом явлении применительно к территории конкретного государства. В этой связи полагаем необходимым использовать легальную терминологию при описании природоохранных категорий, не умаляя при этом альтернативные суждения.

В целях определения понятия «экологическая преступность» видится должным привести дефиниции, встречающиеся в научной литературе.

Так, например, Ю.А. Случевская определяет экологическую преступность как совокупность преступлений, которые рассматриваются в национальных законодательствах как уголовно наказуемые деяния, наносящие вред окружающей среде и ее компонентам [2, с. 32].

Предложенное определение призвано ввести универсальное понятие для изучаемого феномена. Вместе с тем подход к пониманию преступности лишь как к совокупности преступлений видится нам весьма узким. Кроме того, указание на причинение вреда «окружающей среде и ее компонентам» является излишним, поскольку совокупность компонентов окружающей среды сама по себе образует понятие «окружающая среда».

М.А. Кравцова предлагает рассматривать экологическую преступность в качестве сложной совокупности экологических преступлений, то есть как совокупность общественно опасных, виновных, противоправных, причиняющих вред окружающей природной среде и здоровью человека деяний, запрещенных и наказуемых в соответствии с уголовным законом и посягающих на общественные отношения по охране окружающей человека природной среды и рациональному использованию природных ресурсов, включая обеспечение экологической безопасности личности, населения, общества, нации и устойчивое развитие государства [3, с. 73].

Данное определение имеет недостатки, схожие с приведенным ранее. Так, необоснованным видится раскрытие понятия «преступление», а словосочетание «окружающая человека природная среда» вовсе является некорректным с точки зрения российского законодательства, поскольку

оно разграничивает понятия «окружающая среда» и «природная среда» как общее и частное. Кроме того, «рациональное использование природных ресурсов» является составным элементом понятия «охрана окружающей среды», а потому указание на него является излишним.

Следует отметить авторскую дефиницию Е.Г. Клетневой, согласно которой экологическая преступность есть общественно опасное, сопряженное с экологическим риском и (или) влекущее вред окружающей среде и представляющее угрозу экологической безопасности общества, относительно массовое и устойчивое, социально-правовое и психологически обусловленное явление, подрывающее биологические основы жизни всего живого на Земле [4, с. 6].

Критическим в данном определении видится заложенное внутреннее противоречие, заключающееся в одновременном указании на экологический риск, угрозу экологической безопасности общества и подрывании биологических основ жизни всего живого на Земле, поскольку наступление подобных последствий отрицает само существование риска и (или) угрозы наступления неблагоприятных последствий.

А.И. Макаренко и Л.З. Оганезов под экологической преступностью понимают систему экологических преступлений, посягающих на общественные отношения в сфере экологической безопасности, нарушающих природоохранное законодательство и причиняющих вред окружающей природной среде и здоровью человека [5, с. 32].

Анализируя данную формулировку, следует раскрыть легальное определение понятия «экологическая безопасность», под которым законодатель подразумевает состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий (*Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133*). Учитывая изложенное, применение указанного понятия в авторской дефиниции неточно, поскольку оно затрагивает более широкий спектр общественных отношений, нежели приведенные. Кроме этого, словосочетание «окружающая природная среда» вновь применено некорректно.

Несколько отличный подход к определению понятия «экологическая преступность» изложено М.В. Зябликовой: негативное социально-правовое явление, слагающееся из совокупности престу-

плений, посягающих на общественные отношения, обеспечивающие защищенность природной среды и жизненно важных интересов человека и общества и причиняющих или создающих угрозу причинения экологического, личного (неимущественного) и (или) имущественного вреда, совершенных за конкретный период времени на определенной территории [6, с. 5].

Предложенная дефиниция, по нашему мнению, имеет ряд достоинств, заключающихся в конкретизации видов вреда, являющихся следствием экологической преступности. Вместе с тем необходимо выделить ее недостаток, суть которого состоит в применении конструкции «природная среда». Как уже было отчасти указано ранее, экологическое законодательство определяет природную среду, наряду с антропогенными объектами, как составное звено понятия «окружающая среда». В этой связи конструирование определения понятия «экологическая преступность» с использованием лишь части охраняемых правоотношений не может быть признано обоснованным. Кроме того, автор указывает на то, что экологические преступления посягают на жизненно важные интересы человека и общества, однако предложенная формулировка является неопределенной, а потому не может иметь места в контексте понимания изучаемого явления.

Э.Н. Жевлаковым и И.Н. Суловой было дано следующее определение изучаемому понятию: отрицательное, сложное по характеру социально-правовое явление, складывающееся из совокупности экологических преступлений, совершенных в определенный временной период на определенной территории, и подрывающее в целом биологические основы существования человеческого общества» [7, с. 74].

Как следует из содержания представленной дефиниции, подрывание биологических основ существования человеческого общества в понимании авторов является следствием совершения преступлений экологической направленности. Между тем указанный вид преступности оказывает негативное воздействие на целый комплекс общественных отношений, к числу которых относятся в том числе права человека на благоприятную окружающую среду, а также имущественные правоотношения, складывающихся из прав собственности на компоненты окружающей среды.

Э.Н. Жевлаковым позднее была предложена иная формулировка определения изучаемого понятия: «Относительно массовое социально-правовое явление, выражающееся в совокупности экологических преступлений, посягающих на

отношения в сфере охраны окружающей среды, экологическую безопасность, экологические права граждан, защищаемые Конституцией Российской Федерации, причиняющих или способных причинить вред окружающей среде или здоровью человека» [8, с. 182].

Указанное определение следует признать более удачным, но необходимо отметить, что экологические преступления посягают не только на права граждан, защищаемые исключительно основным законом нашей страны. Регулирование экологических прав человека охватывается природоохранным законодательством, представляющим собой систему нормативных правовых актов, предметом которых выступает упорядочение различных правоотношений экологической направленности. Соответственно, охранительная функция принадлежит комплексу правовых актов.

Б.Б. Тангиев считает экологической преступностью «совокупность экологических преступлений, нарушающих природоохранное законодательство и причиняющих вред окружающей природной среде и здоровью человека» [9, с. 34].

По нашему мнению, предложенная дефиниция характеризуется весьма ограниченным подходом к пониманию феномена преступности при совокупном недостатке в виде применения конструкции «окружающая природная среда», на некорректное применение которой указывалось при описании ранее изложенных определений.

Приведенные выше определения понятия «экологическая преступность» подтверждают ранее высказанный нами тезис о дискуссионном характере рассматриваемого явления. В качестве объяснения этому видится сложный характер самих экологических отношений, существо которых сплетено из компонентов, имеющих схожие, но не тождественные признаки. Кроме того, природоохранное законодательство имеет развернутый понятийный аппарат, отсылающий к специальным нормативным правовым актам, регулирующим конкретный вид экологических правоотношений. Наконец, противоправное посягательство на окружающую среду наносит вред целому ряду правоотношений, к числу которых следует отнести экологические (публичные), личные (неимущественные) и имущественные.

Несмотря на приведенные трудности, полагаем возможным предложить авторское определение понятия «экологическая преступность» с учетом преимуществ встречающихся в научной литературе дефиниций.

Итак, **экологическая преступность** — это негативное, относительно массовое социально-право-

вое явление, представляющее собой совокупность преступлений, посягающих на общественные отношения в сфере охраны окружающей среды, причиняющих и (или) создающих угрозу причинения вреда экологическим (публичным), личным (неимущественным) и имущественным благам, совершенных на определенной территории за конкретный период времени.

Приведенная нами дефиниция основывается на подходе к пониманию преступности в качестве разновидности человеческого поведения — негативного, социального, относительно массового. В отличие от некоторых определений, приведенных ранее, предложенное нами не ставит целью конкретизировать комплекс компонентов, заключенных в понимании сущности окружающей среды, потому как их многообразие не позволяет должным образом уместить их в рамки одной конструкции.

При этом, думается, вред, который причиняется вследствие негативного воздействия экологической преступности, подлежит обязательному раскрытию, поскольку имеет сложный характер последствий.

Так, специфика противоправных посягательств на экологические отношения предопределяет установленные законодателем последствия в виде наступления для правонарушителя имущественной, дисциплинарной, административной и уголовной ответственности. При этом совершение одного деяния не исключает одновременное привлечение к разным видам юридической ответственности, что свидетельствует о комплексности изучаемого явления с точки зрения множественности видов наносимого вреда.

Выдвинутый тезис подтверждает, например, Конституционный Суд Российской Федерации, который корреспондирует действующее законодательство при указании на двойственность понятия «лес» при описании возмещения вреда данному компоненту природной среды: «При регулировании отношений по возмещению вреда в тех случаях, когда лес рассматривается как экосистема, превалирует экологический фактор и проявляются особенности особой экологической ответственности, предполагающей расходы на восстановление всех компонентов экосистемы на поврежденном участке; если же речь идет о лесе как природном ресурсе, то лес рассматривается в качестве экономической категории, а потому в причиненный ущерб включается стоимость утраченных компонентов, что характерно для компенсаторной функции, выполняемой гражданским законодательством» (*Постановление*

Конституционного Суда Российской Федерации от 02 июня 2015 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности ч. 2 ст. 99, ч. 2 ст. 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений постановления Правительства Российской Федерации «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Заполярье» // СЗ РФ. 2015. № 24. Ст. 3547).

Следовательно, причинение вреда одному компоненту окружающей среды влечет возникновение правоотношений разного характера. Дополнительно к этому необходимо учитывать взаимосвязь экологических процессов. Так, миграционные способности загрязняющих веществ, попадающих на поверхность земель, могут привести к загрязнению грунтовых вод, а затем и рек, тем самым создавая серьезную угрозу отравления морей и океанов. Однако возможность квалификации загрязнения водоемов в представленном случае видится маловероятной. Но и в случае надлежащей квалификации противоправных деяний экологической направленности определить истинный размер вреда невозможно, поскольку, к примеру, водная и лесная среда состоят из целого комплекса компонентов живой и неживой природы, восстановление которых имеет трудноисполнимый или вовсе неисполнимый характер.

В связи с этим законодатель установил, что определение размера вреда окружающей среде, причиненного нарушением законодательства в области охраны окружающей среды, осуществляется исходя из фактических затрат на восстановление нарушенного состояния окружающей среды, с учетом понесенных убытков, в том числе упущенной выгоды, а также в соответствии с проектами рекультивационных и иных восстановительных работ, при их отсутствии в соответствии с таксами и методиками исчисления размера вреда окружающей среде, утвержденными уполномоченными органами.

Необходимо отметить, что данный подход в силу специфики компонентов окружающей среды является условным и не отражает реальный стоимостный объем допущенного вреда, который нередко превышает расчетный размер ответственности. Указанное, по нашему мнению, приводит к невозможности определить весь спектр негативных последствий совершенного преступного деяния и, следовательно, к невозможности правильно (полно) квалифицировать преступные деяния экологической направленности.

Итак, эффективность противодействия экологической преступности, учитывая множествен-

ность ее выражения и сложный характер последствий, зависит от возможности обеспечить контроль за соблюдением нормативно установленных предписаний. Для этих целей формируются контрольные (надзорные) органы.

К контрольным (надзорным) органам отнесены федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, а также в случаях, предусмотренных федеральными законами, государственные корпорации, публично-правовые компании, которые наделены полномочиями по осуществлению государственного контроля (надзора), муниципального контроля (то есть деятельности, направленной на предупреждение, выявление и пресечение нарушений обязательных требований посредством профилактики нарушений обязательных требований, оценки соблюдения гражданами и организациями обязательных требований, выявления их нарушений, принятия предусмотренных законодательством Российской Федерации мер по пресечению выявленных нарушений обязательных требований, устранению их последствий и (или) восстановлению правового положения, существовавшего до возникновения таких нарушений) (Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5007).

Как следует из данной дефиниции, краеугольным камнем контрольной (надзорной) деятельности являются понятия «обязательное требование» и «нарушение обязательных требований». Вместе с тем легальные определения данных конструкций отсутствуют, в связи с чем следует обратить внимание на мнение научного сообщества.

Так, А.И. Стахов и С.В. Чертищева, раскрывая данные понятия, указывают, что субъектом нарушения обязательных требований являются организации, а под обязательными требованиями понимают предусмотренные материальными нормами федерального законодательства и законодательства субъектов Российской Федерации ограничения, запреты и дозволения, исполнение и соблюдение которых оценивается публичной администрацией в ходе проверки государственного контроля и надзора [10, с. 116]. При этом нарушение обязательных требований понимают как выявляемый в ходе контрольно-надзорной деятельности публичной администрации самостоятельный вид неправомерного поведения юридического лица в форме неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательных требований

(установленных федеральным законодательством или законодательством субъектов Российской Федерации ограничений, запретов, дозволений), причиняющее обратимый (устранимый) вред и поэтому влекущее применение специальных мер административно-правового принуждения пресекательно-восстановительного характера [10, с. 118].

Данная позиция видится дискуссионной и противоречащей действующему законодательству. Так, рассмотрение исследуемых контракций через возможность нарушения обязательных требований исключительно хозяйствующими субъектами противоречит легальной дефиниции государственного контроля (надзора), муниципального контроля, поскольку предметом указанного вида деятельности является также оценка соблюдения обязательных требований в отношении граждан. Кроме того, вопреки мнению авторов о том, что нарушение обязательных требований не влечет какой-либо вид ответственности, действующая редакция Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях предусматривает, что дело об административном правонарушении, выражающемся в несоблюдении обязательных требований, оценка соблюдения которых является предметом государственного контроля (надзора), муниципального контроля, может быть возбуждено только после проведения контрольного (надзорного) мероприятия во взаимодействии с контролируемым лицом, проверки, совершения контрольного (надзорного) действия в рамках постоянного государственного контроля (надзора), постоянного рейда и оформления их результатов (*Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (часть 1). Ст. 1*).

Итак, по нашему мнению, обязательные требования — есть нормы права, соблюдение которых оценивается в пределах контрольной (надзорной) деятельности. Следовательно, нарушение обязательных требований является правонарушением, под которым, в свою очередь, легально понимается исключительно преступление или административное правонарушение, представляющее собой противоправное деяние (действие, бездействие), влекущее уголовную или административную ответственность (*Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 26 (часть 1). Ст. 3851*).

Вместе с тем справедливо отметить, что нарушение обязательных требований автоматически

не влечет административную или уголовную ответственность. Об этом свидетельствуют предусмотренные законом результаты контрольной (надзорной) деятельности. Так, в случае выявления нарушений обязательных требований контролируемым лицом одной из форм реакции контрольного (надзорного) органа является выдача предписания об устранении выявленных нарушений. Лишь при выявлении признаков преступления или административного правонарушения направляется соответствующая информация в уполномоченный орган и принимаются меры по привлечению к ответственности нарушителя в рамках своей компетенции. Однако, как было указано ранее, нарушение обязательных требований само по себе образует некоторые составы административных правонарушений (например, несоблюдение требований в области охраны окружающей среды при обращении с веществами, разрушающими озоновый слой, предусмотренных ст. 8.2.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях).

Таким образом, под нарушением обязательных требований следует понимать правонарушение, выявляемое в ходе контрольной (надзорной) деятельности, по общему правилу содержащее не все признаки преступления или административного правонарушения.

Между тем при обратном подходе можно утверждать, что нарушение обязательных требований непременно содержит какие-либо признаки преступления. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что контрольная (надзорная) деятельность относится к мерам противодействия преступности, в том числе экологической.

В природоохранной деятельности выделяются следующие виды контроля (надзора): федеральный государственный экологический контроль (надзор), региональный государственный экологический контроль (надзор), государственный земельный надзор, государственный надзор в области охраны атмосферного воздуха, федеральный государственный лесной контроль (надзор) и т. д. Из указанного следует, что вид контроля (надзора) зависит от конкретного компонента природной среды, что обоснованно, учитывая уникальные характеристики каждого компонента.

Среди субъектов контрольной (надзорной) деятельности виды контроля (надзора) распределены следующим образом: федеральные органы исполнительной власти (Росприроднадзор и его структурные подразделения) реализуют исключительно государственные (федеральные) виды контроля (надзора) (*Постановление Правительства*

Российской Федерации от 30 июля 2004 г. № 400 «Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере природопользования и внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 22.06.2004 № 370» // СЗ РФ. 2004. № 32. Ст. 3347), а исполнительные органы субъектов Российской Федерации осуществляют как переданные полномочия по государственным видам контроля или надзора, так и региональные, например, Природнадзор Югры, осуществляющий федеральный государственный охотничий контроль (надзор) на территории автономного округа, за исключением особо охраняемых природных территорий федерального значения (*Постановление Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 24 августа 2012 г. № 299-п «О Службе по контролю и надзору в сфере охраны окружающей среды, объектов животного мира и лесных отношений Ханты-Мансийского автономного округа — Югры» // СЗ ХМАО-Югры. 2012. № 8 (часть II, том I). Ст. 976).*

Таким образом, критерием для отнесения видов рассматриваемой деятельности к конкретному органу власти не являются правоотношения, возникающие из собственности на природные ресурсы. По нашему мнению, виды контроля (надзора) распределены исключительно по организационно-управленческим соображениям.

Обратим внимание на то, что приоритетной задачей контрольной (надзорной) деятельности в настоящее время является предупреждение нарушений обязательных требований, что соотносится с задачами борьбы с преступностью.

Важность реализации предупредительных методов отметил президент России в рамках ежегодного послания в 2018 г.: «Нужно сделать так, чтобы появление контролеров на предприятиях стало исключением. Это оправдано только на объектах с повышенным риском. В остальных случаях должны использоваться дистанционные методы контроля. В течение двух лет необходимо перевести всю систему контроля и надзора на риск-ориентированный подход» (*Владимир Путин: Появление контролеров на предприятиях должно стать исключением // [Электронный ресурс]: URL: <https://fishnews.ru/news/33278> (дата обращения: 20.11.2022)*).

В 2017 г. началась широкомасштабная реформа контроля (надзора), которая призвана коренным образом изменить характер отношений между контрольными (надзорными) органами гражданами и хозяйствующими субъектами, осуществить переход от традиционных методов контроля (надзора), сдерживающих от нарушений обязатель-

ных требований угрозой применения санкций, к новым для российского правового порядка методам, предполагающим сотрудничество и направленным на предупреждение нарушений обязательных требований и их вредных последствий [11, с. 32].

Реформа нашла свое отражение в законодательстве о контрольной (надзорной) деятельности — в 2020 г. был принят Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», в котором отдельно урегулированы вопросы осуществления предупредительных мероприятий: необходимость разработки программы профилактики рисков причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям, объявление предостережения, меры стимулирования добросовестности (нематериальное поощрение добросовестных контролируемых лиц) и т. д.

В настоящее время проведение традиционных методов контроля (надзора), выраженных в осуществлении мероприятий с взаимодействием с контролируемым лицом, вовсе ограничены, что, по нашему мнению, связано с экономическими реалиями в стране. Так, в 2022 г. плановые контрольные (надзорные) мероприятия в большей части отменены, проведение внеплановых проверок допускается при наличии высокой степени общественной опасности нарушения обязательных требований, а также с предварительным согласованием прокуратуры (*Постановление Правительства Российской Федерации от 10 марта 2022 г. № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» // СЗ РФ. 2022. № 11. Ст. 1715).*

Несмотря на справедливость принятых мер, считаем, что они не должны затрагивать природоохранные отношения, потому что высокая степень общественной опасности правонарушений в сфере экологии является аксиомой, фактически новелла ограничила реализацию мер по противодействию экологической преступности. Более того, по нашему мнению, реформа контрольной (надзорной) деятельности, начиная с момента реализации, показывает неэффективные результаты в отношении борьбы с экологической преступностью.

В подтверждение этого следует провести анализ состояния экологической преступности в Российской Федерации в период 2015–2021 гг. Так, в 2015 г. зарегистрировано 24 856 преступлений экологической направленности при общем количестве в 2 388 476 преступлений; в 2016 г. — 23 688 при совокупном количестве 2 160 063; в 2017 г. — 24 379 экологических преступлений при общем объеме в 2 058 476 преступлений; в 2018 г. — 23 899

при совокупной регистрации 1 991 532 преступлений; в 2019 г. регистрации подлежало 22 230 преступлений, посягающих на окружающую среду, при общем количестве 2 024 337 зарегистрированных преступлений; в 2020 г. показатели представлены в следующем виде: 22 676 и 2 044 221 зарегистрированных деяний соответственно; наконец, в 2021 г. зарегистрировано 20 289 экологических преступлений при совокупном количестве 2 044 221 зарегистрированных преступлений (*Состояние преступности в России за январь–декабрь 2015–2021 гг.* // [Электронный ресурс]: URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 20.11.2022)).

Приведенные выше данные свидетельствуют о снижении количества зарегистрированных преступлений экологической направленности за прошедшие 7 лет на 18,4% при том, что на всех уровнях отмечается высокий уровень латентности экологической преступности и аккумуляция вреда, причиненного природным ресурсам. Думается, с учетом ограничения контрольных (надзорных) мероприятий в 2022 г. данная тенденция продолжится. В связи с этим считаем необходимым пересмотреть подход в отношении организации контрольных (надзорных) мероприятий, затрагивающих природоохранные правоотношения, санкционировав их реализацию без дополнительного административного барьера.

Таким образом, следует сделать следующие выводы.

1. Экологическая преступность — это негативное, относительно массовое социально-правовое явление, представляющее собой совокупность

преступлений, посягающих на общественные отношения в сфере охраны окружающей среды, причиняющих и (или) создающих угрозу причинения вреда экологическим (публичным), личным (неимущественным) и имущественным благам, совершенных на определенной территории за конкретный период времени.

2. Обязательные требования, являющиеся предметом регулирования законодательства о контрольной (надзорной) деятельности, — это нормы права, соблюдение которых оценивается в пределах контрольной (надзорной) деятельности.

3. Нарушение обязательных требований — это правонарушение, выявляемое в ходе контрольной (надзорной) деятельности, по общему правилу содержащее часть признаков преступления или административного правонарушения.

4. Контрольная (надзорная) деятельность относится к мерам противодействия преступности, в том числе экологической.

5. Проводимая в настоящее время реформа контрольной (надзорной) деятельности неэффективна в отношении противодействия экологической преступности, в связи с чем имеется необходимость пересмотреть подход в организации контрольных (надзорных) мероприятий, затрагивающих природоохранные правоотношения, признав высокую степень общественной опасности правонарушений в сфере экологии в качестве аксиомы, а также санкционировав их реализацию без дополнительного административного барьера.

Литература

1. Овчинский В.С. Глобальные изменения климата и преступность // Журнал российского права. 2008. № 3 (135). С. 106–116.
2. Случевская Ю.А. Экологическая преступность: проблемы определения // Общество и право. 2019. № 2 (68). С. 28–33.
3. Кравцова М.А. Экологическая преступность как угроза экологической безопасности // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 1 (47). С. 72–75.
4. Клетнева Е.Г. Экологическая преступность в Российской Федерации: понятие, причины, условия и предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Казань, 2007. — 22 с.
5. Макаренко А.И., Оганезов Л.З. Некоторые вопросы построения системы противодействия преступности в сфере экологии // Концепт. 2017. № S4. С. 32–35.
6. Зябликова М.В. Региональные особенности экологической преступности на Северо-Востоке России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2013. — 23 с.
7. Жевлаков Э.Н., Сулова Н.Л. Экологическая преступность в РФ в 1990–2000 гг. // Криминология. 2000. № 3. С. 67–74.
8. Жевлаков Э.Н. Экологические преступления (уголовно-правовой и криминологический аспекты). М.: УРАО, 2002. — 239 с.

9. *Тангиев Б.Б.* Экологическая преступность — основная угроза национальной безопасности России (уголовно-правовое исследование). СПб.: ГеоГраф, 2004. — 182 с.
10. *Стахов А.И., Чертушчева С.В.* Нарушение обязательных требований как самостоятельный вид неправомерного деяния юридического лица // Образование. Наука. Научные кадры. 2015. № 4. С. 115–118.
11. *Зырянов С.М., Калмыкова А.В.* Подходы к оценке эффективности деятельности контрольно-надзорных органов по предупреждению нарушений обязательных требований // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 3. С. 31–36.

References

1. *Ovchinskii V.S.* Global'nye izmeneniya klimata i prestupnost' [Global climate change and crime]. *Zhurnal rossiiskogo prava [Journal of Russian law]*, 2008, no. 3 (135), pp. 106–116. (In Russian)
2. *Stuchevskaya Yu.A.* Ekologicheskaya prestupnost': problemy opredeleniya [Ecological crime: problems of definition]. *Obshchestvo i pravo [Society and law]*, 2019, no. 2 (68), pp. 28–33. (In Russian, abstract in English)
3. *Kravtsova M.A.* Ekologicheskaya prestupnost' kak ugroza ekologicheskoi bezopasnosti [Environmental crime as a threat to environmental safety]. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2017, no. 1 (47), pp. 72–75. (In Russian, abstract in English)
4. *Kletneva E.G.* Ekologicheskaya prestupnost' v Rossiiskoi Federatsii: ponyatie, prichiny, usloviya i preduprezhdenie [Environmental crime in the Russian Federation: concept, causes, conditions and warning]. Avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08. Kazan', 2007. 22 p. (In Russian)
5. *Makarenko A.I., Oganezov L.Z.* Nekotorye voprosy postroeniya sistemy protivodeistviya prestupnosti v sfere ekologii [Some issues of building a system for combating crime in the field of ecology]. *Kontsept [Concept]*, 2017, no. S4, pp. 32–35. (In Russian, abstract in English)
6. *Zyablikova M.V.* Regional'nye osobennosti ekologicheskoi prestupnosti na Severo-Vostoke Rossii [Regional features of environmental crime in the North-East of Russia]. Avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08. Moscow, 2013. 23 p. (In Russian)
7. *Zhevlakov E.N., Suslova N.L.* Ekologicheskaya prestupnost' v RF v 1990–2000 gg. [Environmental crime in the Russian Federation in 1990–2000]. *Kriminologiya [Criminology]*, 2000, no. 3, pp. 67–74. (In Russian)
8. *Zhevlakov E.N.* Ekologicheskie prestupleniya (ugolovno-pravovoi i kriminologicheskii aspekty) [Environmental crimes (criminal and criminological aspects)]. Moscow: URAO Publ., 2002. 239 p. (In Russian)
9. *Tangiev B.B.* Ekologicheskaya prestupnost' — osnovnaya ugroza natsional'noi bezopasnosti Rossii (ugolovno-pravovoe issledovanie) [Environmental crime is the main threat to Russia's national security (criminal law research)]. St. Petersburg: GeoGraf Publ., 2004. 182 p. (In Russian)
10. *Stakhov A.I., Chertishcheva S.V.* Narushenie obyazatel'nykh trebovaniy kak samostoyatel'nyi vid nepravomernogo deyaniya yuridicheskogo litsa [Violation of mandatory requirements as an independent type of illegal act of a legal entity]. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry [Education. Science. Scientific personnel]*, 2015, no. 4, pp. 115–118. (In Russian, abstract in English)
11. *Zyryanov S.M., Kalmykova A.V.* Podkhody k otsenke effektivnosti deyatel'nosti kontrol'no-nadzornykh organov po preduprezhdeniyu narushenii obyazatel'nykh trebovaniy [Approaches to assessing the effectiveness of the activities of control and supervisory authorities to prevent violations of mandatory requirements]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya [Issues of state and municipal management]*, 2019, no. 3, pp. 31–36. (In Russian, abstract in English)

ОСОБЕННОСТИ ПРОФИЛАКТИКИ ТЕРРОРИЗМА СРЕДИ МОЛОДЕЖИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Розенко Станислав Васильевич

Цель: в результате развития информационного общества приобретает особую значимость необходимость профилактики террористической идеологии среди молодых людей в Российской Федерации. В связи с этим требуется определить новые направления профилактики деструктивной и террористической идеологии, которые благодаря информационной коммуникации имеют индивидуальный характер. Террористическая идеология настоящего периода является средством информационной войны, что существенно увеличивает ее общественную опасность и требует анализа ее системных признаков. Значение информационных войн состоит в том, что они превратились в элемент повседневной реальности для населения, что требует создания эффективного механизма профилактики терроризма среди молодежи.

Методология: при проведении исследования активно использовался диалектический метод, а также критический анализ, историко-правовой метод, контент-анализ, системный, социологический, сравнительно-правовой методы; применялся межотраслевой подход.

Выводы. Основными факторами, характеризующими сложности эффективного решения вопроса профилактики терроризма среди молодежи, выступают ряд объективных и субъективных обстоятельств. В качестве конкретных направлений реализации профилактики террористической идеологии среди российской молодежи предлагаются следующие мероприятия по профилактике террористической идеологии формируются и развиваются как обязательный элемент системы мероприятий по профилактике асоциального поведения молодых людей в целом; профилактика должна содержать в себе индивидуальный подход к молодежи, имеющей «сложный» социальный статус либо ранее совершившей правонарушения; необходимо создание специализированных учреждений специфической профилактической направленности, а именно деструктивной и террористической идеологии.

Научная и практическая значимость. Формирование социально-экономических мер, направленных на профилактику террористической деятельности и идеологии, позволяет использовать их для дальнейшего исследования теоретических проблем преступности, ее разновидностей; для укоренения мер профилактики в общественном сознании, совершенствования российского уголовного законодательства, а также деятельности правоохранительных органов РФ.

Ключевые слова: терроризм, профилактика, противодействие, молодежь, детерминанты, террористическая идеология, информационные технологии, экстремизм, личность террориста, информационная безопасность, общественное сознание.

В настоящее время одним из результатов стремительного развития информационных и цифровых технологий в мире, которые не всегда поддаются правовому регулированию, выступает свобода предоставления информации для каждого субъекта, имеющего доступ к сети Интернет. Ак-

туальность профилактики терроризма в Российской Федерации является важнейшим условием реализации противодействия террористической и экстремистской деятельности в государстве. А.И. Бастрыкин отмечает, что в настоящее время акценты в борьбе с терроризмом и экстремиз-

мом направлены на профилактическую работу [1, с. 167]. Приоритет именно профилактики данных видов правонарушений и преступной деятельности объясняется тем, что непосредственная доступность идеологии терроризма и экстремизма приобрела небывалые масштабы. Любой пользователь сети Интернет имеет возможность доступа к деструктивному и преступному контенту различных видов и содержания. Деструктивная идеология в широком значении данного термина стала частью информационного пространства и прибыльной коммерческой деятельностью. При этом терроризм является одной из самых сложных проблем современности, где усвоение террористической идеологии и склонение к совершению террористического акта возможно только через информационно-коммуникативную среду.

Особо следует отметить тот факт, что не решена проблема пределов государственной и общественной идеологии в области профилактики террористической и экстремистской деятельности. В научных исследованиях указывается: особую тревогу вызывает то обстоятельство, что 22% опрошенных учащихся школ лично сталкивались с проявлениями идеологии терроризма в киберпространстве [2, с. 113].

В настоящее время актуальность проблемы профилактики террористической деятельности в Российской Федерации обусловлена активной деятельностью по распространению различных течений экстремистского и террористического характера в сети Интернет, что обеспечивает их доступность широкому перечню лиц [3].

В качестве обстоятельства, которое резко осложнило ситуацию с распространением террористической и экстремистской идеологии среди лиц, проживающих в Российской Федерации, необходимо признать проведение специальной военной операции РФ на Украине, где в течение нескольких десятилетий наблюдается широко-масштабная компания распространения террористической антироссийской идеологии, которая выступает новой криминальной угрозой для российского государства и общества. На Украине было выращено целое поколение, которое совершенно отравлено ненавистью к России и мифологией «европейских ценностей» [4, с. 111]. По нашему мнению, в данной ситуации российское государство столкнулось с новой террористической угрозой, где многомиллионное население сопредельного государства в течение длительного периода времени форматируется как открыто враждебное. Необходимо выделить два основных вида распространителей новой террористической

идеологии, которая постоянно модифицируется: 1) активные члены, подстрекающие к участию в террористической деятельности и способствующие ей; 2) молчаливое большинство, поддерживающее такую деятельность материально и организационно, то есть создающее массовую поддержку на всей территории Украины.

В научной литературе исследованием различных аспектов данной проблемы занимались П.В. Агапов, И.Ш. Галиев, С.Ю. Грузкова, М.П. Клейменов, И.Я. Козаченко, В.В. Меркурьев, А.В. Наумов, А.И. Рарог, Е.А. Чеверикина, А.В. Шеслер, А.Г. Хлебушкин и др. С нашей точки зрения, указанные авторы рассматривали терроризм с позиций различных научных подходов и различных сторон данного криминального явления, но, думается, следует исходить из системного, межпредметного подхода к исследованию данного явления.

Результативность профилактики терроризма необходимо рассматривать с учетом проблематики информационных войн и информационного противоборства в современной глобальной политике, где терроризм и экстремизм используются как средства преступного воздействия. Их следует анализировать как системный процесс, протекающий во времени из прошлого в будущее, и на этой основе необходимо выявлять их характерные особенности.

В целом информационные войны стали повседневным явлением, поскольку человеческое сообщество, достигнув состояния постиндустриального общества, не может отказаться от информационных технологий как неизбежного условия технологического прогресса. Но условие свободы информационного общества позволяет широко распространять деструктивную идеологию, включая террористическую.

На текущий момент информационные войны характеризуются следующими признаками: приобрели глобальный характер, массовость участников; охватывают различные слои населения с преобладанием молодежи; имеется непосредственная доступность контента информационных войн; быстро изменяется глобальная политическая повестка; могут быть развернуты в кратчайший период времени; проводятся под девизом «цель оправдывает средства»; отсутствуют запретные методы и средства ведения информационных войн; отсутствует детальная правовая регламентация данных войн; они направлены на множество объектов (государства, нации, этносы, народности, сообщества, юридические и физические лица). Термин «информационная война» имеет множество определений и формулировок. Они возможны только при наличии определенной эко-

номической и информационной инфраструктуры. В настоящее время уровень информационной войны сильно зависит от развитости и доступности информационных технологий и бенефициаров средств массовой информации в мире.

Информационные войны можно анализировать как системные элементы, которые обладают свойством самосовершенствования, с механизмом постоянного эффективного и изоциренного сохранения и скачкообразного развития. Они могут действовать только в состоянии динамики. Состояние информационной войны предполагает распространение террористической идеологии не хаотично, а системно особыми субъектами — государствами, что качественно повышает степень опасности данной идеологии.

Современное качественное состояние информационных войн и информационного противоборства между несколькими цивилизационными центрами (государствами) человечества обусловлено несколькими причинами, ранее не существовавшими в истории человечества:

1) Численность населения на планете впервые составляет примерно 8 млрд, а это означает, что в определенных регионах Земли созданы комфортные условия для глобального роста количества людей.

2) Не только политическое противостояние приобрело глобальный характер, но и эпидемии отдельных заболеваний стали приобретать значение пандемии, а это только начало процесса.

Без информации человеческое сообщество и государства существовать и развиваться не могут, но она превратилась в дамоклов меч, поскольку информация не только созидает, но и уничтожает. Как средство обмана и манипуляции человечеством она является фундаментальным оружием современности.

К сожалению, информационные войны превратились в элемент повседневной реальности для различных слоев населения России, отдельных сообществ и конкретных людей. Для каждого отдельного субъекта это будет «своя» война, где жизненная позиция будет выстраиваться в течение длительного времени. Поскольку информационное общество будет развиваться и далее, то избежать участия в данной войне почти невозможно.

Можно вести речь и о стихийном формировании «информационного иммунитета». У различных представителей социума вырабатывается с течением времени способность не реагировать на отдельные проявления информационного шума и информационных войн, но проблема доверия к получаемым знаниям сохранит свою приоритетность.

Развитие информационных войн потребует для отдельных государств и их объединений результативного развития информационно-коммуникационных технологий, так как проигрыш в таком противостоянии означает и реальную возможность их уничтожения противником.

Современная террористическая деятельность приобрела и имеет глобальный характер, поскольку заложена в либеральную доктрину глобализации как универсальный политический инструмент противоборства. В целом представленная тема является многокомпонентной, где имеются различные мнения, точки зрения, экспертные оценки, что предопределяет ее актуальность, научную значимость и новизну для различных отраслей науки.

На наш взгляд, по вопросу источника информационных войн, включая применение террористической деятельности против противника, имеются два основных мнения: 1) использование информационной войны как инструмента политической власти и государственного влияния наблюдается с момента возникновения государства и права в целом; 2) информационные войны нашли применение именно в условиях создания информационно-коммуникационных технологий, то есть когда использование сети Интернет стало глобальным и масштабным.

Как правило, распространение деструктивной идеологии, включая террористическую и экстремистскую, происходит не стихийно, а целенаправленно заинтересованными государствами и их объединениями, в свою очередь, ответная реакция выражается в виде мобилизации государства, а затем общества на противодействие с данной «инфекцией», поскольку она представляет реальную опасность не только в виде непосредственных последствий террористических актов и увеличения количества последователей деструктивных идеологий, но и в виде неблагоприятных последствий в сфере общественного сознания, которые имеют ряд характеристик.

А.Г. Михайлов пишет, что процессы, протекающие в молодежной среде, идут сами по себе. В лучшем случае выстраивается работа с ангажированным активом, который никакой опасности не несет. Процессы, протекающие в группе риска, — вне всякого контроля и анализа [6, с. 142]. В этой связи следует предложить формирование профилактики деструктивных идеологий среди молодежи путем выстраивания в молодежной среде лидеров общественного мнения из субъектов, значимых для этой категории лиц.

На наш взгляд, неотъемлемым условием профилактики террористической идеологии в среде

российской молодежи должно быть категорическое неприятие данной идеологии, противодействие которой необходимо осуществлять в двух направлениях: внешнем и внутреннем, то есть данная профилактика должна реализовываться как в РФ, так и в сопредельных русскоязычных государствах.

Одними из основных факторов, характеризующих трудности решения вопроса профилактики терроризма среди молодежи, являются:

- недостатки гражданской и общественной самоидентификации значительной части современной молодежи;
- социальная незрелость и инфантильность;
- утрата контроля со стороны семьи;
- проблемы нестабильности молодых семей;
- конфликтное поведение современной молодежи;
- жилищные и социальные проблемы;
- влияние СМИ и сети Интернет на поведение и социальные ценности молодежи.

Следует признать, что ужесточение наказуемости за совершение отдельных посягательств вполне оправдано, так как, например, идеология терроризма на территории РФ последовательно развивается, и уголовная репрессия в таком случае — единственный эффективный инструмент противодействия.

Определяя конкретные направления в профилактике террористической идеологии среди молодежи, необходимо выделить следующие:

- 1) Мероприятия по профилактике террористической идеологии должны быть системной частью комплекса мероприятий по профилактике асоциального поведения молодых людей.
- 2) Должна проводиться индивидуальная работа с молодыми людьми, имеющими «сложный» социальный статус либо ранее совершавшими правонарушения.
- 3) Необходимо формирование учреждений специфической профилактической направленности.

Литература

1. *Бастрыкин А.И.* Современные способы противодействия терроризму и экстремизму // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 6. С. 167–170.
2. *Волчецкая Т.С., Осипова Е.В., Авакьян М.В.* Современные формы насилия в молодежной среде: степень распространения и меры профилактики // Российский юридический журнал. 2021. № 5. С. 105–115.
3. *Сноп С.Н.* О новом типе терроризма // Противодействие ксенофобии, экстремизму и терроризму в современном обществе. Научные труды Международной научно-практической конференции / под общ. ред. А.Н. Игнатова. Симферополь, 2012. С. 53–58.
4. Экстремизм: стратегия противодействия и прокурорский надзор. Монография / рук. авт. кол. П.В. Агапов. М.: Проспект, 2019. — 432 с.
5. *Михайлов А.Г.* О некоторых аспектах формирования экстремистских и террористических настроений и мерах по их локализации // Современные системы безопасности — Антитеррор: материалы конгрессной части XII специализированного форума, 25–26 мая 2016 г.: в 2 ч. / отв. ред. А.В. Букарин. Ч. 1. Красноярск, 2016. С. 138–145.

References

1. *Bastrykin A.I.* *Sovremennye sposoby protivodeistviya terrorizmu i ekstremizmu* [Modern ways of countering terrorism and extremism]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual problems of Russian law], 2021, no. 6, pp. 167–170. (In Russian, abstract in English)
2. *Volchetskaya T.S., Osipova E.V., Avak'yan M.V.* *Sovremennye formy nasiliya v molodezhnoi srede: stepen' rasprostraneniya i mery profilaktiki* [Modern forms of violence among young people: the extent of its spread and prevention measures]. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal* [Russian legal journal], 2021, no. 5, pp. 105–115. (In Russian, abstract in English)
3. *Snop S.N.* *O novom tipe terrorizma* [About a new type of terrorism]. In *Protivodeistvie ksenofobii, ekstremizmu i terrorizmu v sovremennom obshchestve. Nauchnye trudy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Countering xenophobia, extremism and terrorism in modern society. Scientific works of the International Scientific and Practical Conference]. Ed. A.N. Ignatov. Simferopol', 2012, pp. 53–58. (In Russian)

4. Ekstremizm: strategiya protivodeistviya i prokurorskii nadzor. Monografiya [Extremism: strategy of counteraction and prosecutor's supervision. Monograph]. Head of the team of authors P.V. Agapov. Moscow: Prospekt Publ., 2019. 432 p. (In Russian)

5. *Mikhailov A.G.* O nekotorykh aspektakh formirovaniya ekstremistskikh i terroristicheskikh nastroenii i merakh po ikh lokalizatsii [On some aspects of the formation of extremist and terrorist sentiments and measures to localize them]. In *Sovremennye sistemy bezopasnosti — Antiterror: materialy kongressnoi chasti XII spetsializirovannogo foruma 25–26 maya 2016 g. V 2-kh chastyakh* [Modern security systems — Antiterror: materials of the congress part of the XII specialized forum May 25–26, 2016. In 2 parts]. Ed. A.V. Bukarin. P. 1. Krasnoyarsk, 2016, pp. 138–145. (In Russian)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОФИЛАКТИКИ ГРУППОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Шеслер Александр Викторович,
Шеслер Софья Сергеевна

***Цель:** разработать предложения по совершенствованию профилактики групповых преступлений несовершеннолетних в деятельности полиции.*

***Методология:** результаты, содержащиеся в статье, основывались на диалектическом методе познания групповой преступности несовершеннолетних как социально-правового явления, изменяющегося под влиянием общественных процессов. В качестве конкретных методов использовались сравнительно-исторический метод, позволивший показать различные проявления групповой преступности несовершеннолетних в период 1980–2020 гг., статистический метод, позволивший установить структуру преступлений, совершаемых группами несовершеннолетних в этот период, метод анализа документов, позволивший изучить документацию милиции (позднее — полиции) России, отражающую ее деятельность по профилактике групповых правонарушений несовершеннолетних, а также изучить научные и публицистические источники по обозначенным проблемам.*

***Выводы.** Проведенное исследование позволило выявить недостатки в деятельности полиции по профилактике групповых правонарушений несовершеннолетних. В работе указаны следующие недостатки такой профилактики: не учитывается изменяющийся предмет деятельности групп несовершеннолетних правонарушителей в зависимости от социальных процессов в обществе, а также изменяющаяся система коммуникативных связей в этих общностях, переход от реальных контактов между участниками группы к виртуальному общению с помощью цифровых технологий; профилактика ориентирована в основном на малочисленные и нестойкие группы несовершеннолетних правонарушителей, не учитывается специфика коммуникативных связей и предмет преступной деятельности устойчивых преступных групп; органы полиции недостаточно взаимодействуют с другими субъектами общей и специальной профилактики преступности несовершеннолетних, прежде всего в части обмена информацией; работа полиции ориентирована в основном на осуществление надзора за деятельностью участников групп, состоящих на профилактическом учете; низкая активность сотрудников полиции по выявлению взрослых лиц, вовлекающих несовершеннолетних участников групп в совершение преступлений и антиобщественных действий. Указанные недостатки в деятельности полиции предопределили соответствующие предложения по совершенствованию профилактики групповых преступлений несовершеннолетних.*

***Научная и практическая значимость.** Результаты исследования позволили разработать конкретные предложения по совершенствованию профилактики групповых преступлений несовершеннолетних в деятельности полиции.*

***Ключевые слова:** несовершеннолетние, преступная группа, групповое преступление, профилактика преступлений.*

В отечественных криминологических исследованиях на протяжении многих десятилетий констатировался преимущественно групповой характер преступности несовершеннолет-

них [1, с. 98–99; 2, с. 10–13; 3, с. 266; 4, с. 17; 5, с. 3–4]. Такое обстоятельство обусловлено в значительной мере негативным воздействием на подростков групп несовершеннолетних правонарушителей, в которых подростки оказываются в силу отчужденности от основных сфер позитивной социализации личности (прежде всего, семьи, школы, досуговых учреждений) и повышенной потребности в обществе сверстников [6, с. 46–49; 7, с. 60–68; 8, с. 87–90; 9, с. 119–130; 10, с. 166–182]. Не случайно группы несовершеннолетних правонарушителей рассматриваются в ведомственных нормативно-правовых актах МВД России в качестве самостоятельного объекта профилактического воздействия, которое предполагает их выявление, постановку на учет, осуществление в отношении них профилактического воздействия и снятие с учета.

Подразделения полиции, прежде всего, подразделения по делам несовершеннолетних, имеют многолетний и положительный опыт профилактики административных правонарушений и преступлений, совершаемых подростками. Однако анализ этой деятельности показывает, что она имеет ряд недостатков, которые снижают эффективность противодействия не только групповым преступлениям несовершеннолетних, но и групповой преступности несовершеннолетних в целом. На наш взгляд, к ним относятся следующие.

1. Сотрудники полиции не учитывают динамично меняющийся предмет деятельности групп несовершеннолетних правонарушителей в зависимости от социальных процессов в обществе. Например, конец 1980-х гг. характеризовался заметной ориентацией таких групп на действия, образующие административно-наказуемое и уголовно-наказуемое хулиганство и сопряженные с ним преступления (в основном убийства и вред здоровью различной степени тяжести из хулиганских побуждений, групповые действия, нарушающие общественный порядок), что существенно сказывалось на состоянии общественного порядка, особенно в крупных городах, интенсивно растущих за счет сельской миграции. В определенной мере это было связано с проявлением митинговой демократии в период перестройки, выражающей стихийные протесты населения против нарастающей социальной несправедливости [11, с. 305–309; 12, с. 97–98; 13, с. 7–13]. В период перехода к рынку с начала 1990-х гг. заметным стал удельный вес корыстно-насильственных преступлений, обусловленных активным участием подростков

старших возрастов (16–17 лет) и объединенных с ними в одни группы молодых людей в возрасте 18–21 года в вымогательстве, разбоях и других преступлениях, направленных на передел собственности и сфер экономической деятельности организованной преступностью [14, с. 2–3; 15, с. 97–101]. Вторая половина 1990-х и начало 2000-х гг. характеризовались заметным ростом групповых преступлений, связанных с изготовлением, приобретением, хранением, перевозкой и сбытом наркотических средств и психотропных веществ [16, с. 7–9; 17, с. 120–121; 18, с. 58–59]. В целом структура групповой преступности несовершеннолетних, как и структура подростковой преступности, оставалась достаточной стабильной и представлена в основном кражами, грабежами, изнасилованиями, хулиганством, сбытом наркотиков [4, с. 14–15; 19, с. 100–106; 20, с. 11; 21, с. 14–15]. Однако с развитием компьютерных технологий в значительной мере стал меняться предмет преступления (например, предметом хищения стали гаджеты и внутриигровые ценности — «золотые» мечи, танки и т. д.) либо стал меняться механизм их совершения, в частности, с помощью средств сотовой связи стали сообщаться места закладки наркотических средств и осуществляться расчеты за их приобретение [22, с. 108–134; 23, с. 129].

2. Полиция не учитывает в полной мере того обстоятельства, что с развитием компьютерных технологий стал меняться не только предмет преступлений, совершаемых подростками в составе групп, но и система коммуникативных связей в преступных группах несовершеннолетних. Многие из групп приобретают облик интернет-сообществ, в которых реальные контакты между подростками заменяются виртуальным общением [24, с. 4]. Такое общение позволяет сделать мобильным обмен информацией между подростками, переводит контакты в латентную форму, в какой-то мере обедняет эти контакты, так как они происходят в группе в целом, а не между отдельными подростками.

3. Полиция ориентирована в основном на работу с небольшими по численности и нестойкими группами несовершеннолетних правонарушителей. Во многом это обосновано, так как преступные группы несовершеннолетних традиционно были и остаются такими [25, с. 13–15; 26, с. 87–88; 27, с. 177–178]. Однако уже со второй половины 1980-х гг. исследователи констатировали возникновение под воздействием преступных групп взрослых и резкий рост стойких и многочисленных преступных групп

подростков [7; 28; 29, с. 11–19; 30, с. 188–209; 31, с. 137–143]. Отметим, что отдельные исследователи констатировали наличие сплоченных преступных групп несовершеннолетних (в основном хулиганской направленности) даже в конце 1970-х — начале 1980-х гг. [32, с. 64]. Система коммуникативных связей в устойчивых группах усложняется и выстраивается по типу сложной структуры, при которой отношения между подростками уже не всегда являются межличностными, становятся отчужденными в силу их принадлежности к отдельным микрогруппам внутри одной группы [33, с. 27–30]. Особенным является и лидерство в таких группах, которое становится не только дифференцированным, утрачивает универсальный характер (выделяются лидеры-идеологи, вырабатывающие групповые нормы, лидеры-исполнители, осуществляющие организацию конкретных преступлений), но и приобретает авторитарный характер, становится не связанным с принадлежностью к конкретной группе. Отчужденное лидерство позволяет обеспечить конспиративный характер управления группой, так как лидер управляет группой через одного или нескольких ее участников [34, с. 34–36]. Обычно такая схема управления используется в тех случаях, когда лидером является взрослый ее руководитель. Выраженной особенностью устойчивых преступных групп является также стойкость к профилактическому воздействию на них, способность продолжать преступную деятельность даже после изоляции лидеров и активных участников путем привлечения их к уголовной ответственности. Система связей в этих группах позволяет им воспроизвести все необходимые компоненты организационной структуры, в том числе лидеров [35, с. 38–42; 36, с. 54–65]. Если преступные группы несовершеннолетних существуют длительное время, то по возрастному составу они становятся смешанными, подростково-молодежными и приобретают способность к самовоспроизводству во многом независимо не только от профилактического воздействия на них, но и от социальных факторов, изначально детерминировавших их формирование [37, с. 65]. В целом устойчивость преступных групп сказывается на изменении структуры совершаемых ими преступлений. В отличие от нестойких преступных групп несовершеннолетних для устойчивых преступных групп характерно в большей степени совершение корыстных, а не насильственных и корыстно-насильственных преступлений [38, с. 111–112, 114, 116–117].

4. Органы полиции недостаточно взаимодействуют с другими субъектами общей и специальной профилактики преступности несовершеннолетних, прежде всего, в части обмена информацией. Несовершеннолетние правонарушители, состоящие на учете в полиции, являются субъектами деятельности в различных сферах общества, в которых проявляется их правонарушающее поведение, связанное с принадлежностью к преступным или криминогенным группам. Обладание информацией о такой деятельности позволяет более полно представить свойства данных групп. В частности, взаимодействие полиции с учебными заведениями, прежде всего, со школами, позволяет выявить влияние преступных групп несовершеннолетних на формы вовлечения подростков в их состав, например, через сбор денег в «общак» для «грева зоны», то есть оказание материальной помощи лицам, находящимся в местах лишения свободы [16, с. 152–153]. Обмен информацией между полицией и уголовно-исполнительными инспекциями ФСИН России позволяет получить этим сторонам более полную информацию о соблюдении условно осужденными несовершеннолетними возложенных на них обязанностей, об уклонении от наказаний, исполняемых уголовно-исполнительными инспекциями. В конечном счете такой обмен информацией создает предпосылки для согласованного профилактического воздействия на участников групп несовершеннолетних правонарушителей, состоящих одновременно на учете в этих правоохранительных органах.

5. Деятельность полиции ориентирована в основном на осуществление надзора за деятельностью участников групп, состоящих на профилактическом учете, и проведение с ними профилактических бесед. Это не в полной мере соответствует понятию профилактики правонарушений, которое дано в ст. 2 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», так как профилактика предполагает совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения. К формам профилактического воздействия в соответствии со ст. 17 этого закона отнесены не только профилактический учет, профилакти-

ческий надзор и профилактическая беседа, но и иные формы, которые могут реализовываться подразделениями по делам несовершеннолетних и другими подразделениями полиции, а именно: правовое просвещение, правовое информирование, социальная адаптация, ресоциализация, социальная реабилитация. Разумеется, что все эти формы профилактики могут реализоваться не в полном объеме, а в рамках предоставленных полномочий.

6. Низкой является активность сотрудников полиции по выявлению взрослых лиц, вовлекающих несовершеннолетних участников групп в совершение преступлений и антиобщественных действий. Факты привлечения к уголовной ответственности лиц, совершающих эти действия, по ст. 150, 151 УК РФ по инициативе сотрудников полиции являются единичными, не соответствуют реальной активности таких лиц по криминогенному влиянию на несовершеннолетних участников преступных и криминогенных групп. Особенно остро стоит вопрос о недостаточной активности сотрудников полиции в рассматриваемом аспекте, когда речь идет о криминогенной деятельности взрослых лиц, входящих в смешанные подростково-молодежные группы, где их негативная роль в силу доминирующих позиций и численности в группе особенно велика.

Указанные недостатки в деятельности полиции предопределили соответствующие предложения по совершенствованию профилактики групповых преступлений несовершеннолетних, к числу которых можно отнести следующие.

1. Сотрудники полиции должны учитывать изменяющийся под влиянием социальных процессов в обществе предмет деятельности групп несовершеннолетних правонарушителей для определения приоритетов профилактического воздействия. В профилактическом воздействии на структуру коммуникативных связей в группах

несовершеннолетних правонарушителей следует учитывать, что они в значительной мере строятся под воздействием информационных технологий, и нередко виртуальное общение доминирует над реальным или вытесняет его.

2. Полиция должна быть ориентирована не только на работу с обычными группами несовершеннолетних правонарушителей (нестойкими и малочисленными), но и с устойчивыми преступными группами, которые ориентированы в основном на совершение корыстных преступлений и которые обладают стойкостью к профилактическому воздействию.

3. Органы полиции должны интенсивнее взаимодействовать с другими субъектами общей и специальной профилактики преступности несовершеннолетних, прежде всего, в части обмена информацией. Это позволяет полиции более полно представить свойства групп несовершеннолетних правонарушителей, являющихся самостоятельным и специфическим объектом профилактики, осуществить согласованные с этими субъектами профилактические меры.

4. Деятельность полиции не должна быть ограничена постановкой на учет групп несовершеннолетних правонарушителей, осуществлением надзора за их участниками, состоящими на профилактическом учете, и проведением с ними профилактических бесед. Необходимо в пределах своих полномочий использовать все формы профилактического воздействия, предусмотренные ст. 17 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации».

5. Сотрудникам полиции необходимо активизировать деятельность по выявлению и привлечению к уголовной ответственности взрослых лиц, вовлекающих несовершеннолетних участников групп в совершение преступлений и антиобщественных действий.

Литература

1. *Дегтярев И.Л., Лихолат П.В., Харшак Е.А.* Вопросы борьбы с правонарушениями несовершеннолетних. Киев: Киевская высшая школа МВД СССР, 1971. — 194 с.
2. *Борьба с групповыми правонарушениями несовершеннолетних / отв. ред. И.П. Лановенко.* Киев: Наукова думка, 1982. — 201 с.
3. *Игошев К.Е., Миньковский Г.М.* Семья, дети, школа. М.: Юридическая литература, 1989. 448 с.
4. *Прозументов Л.М.* Несовершеннолетние: преступность, особенности уголовной ответственности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. — 106 с.
5. *Фейзуллаев Ф.М.* Уголовно-правовые и криминологические аспекты противодействия групповой преступности несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Рязань, 2015. — 22 с.

6. *Забрянский Г.И.* Механизм формирования антисоциальных подростковых и юношеских групп // Криминологи о неформальных молодежных объединениях. Проблемы, дискуссии, предложения. М., 1990. С. 46–55.
7. *Фатхуллин Н.С., Нафигов И.С.* Некоторые социальные факторы отклоняющегося поведения несовершеннолетних в г. Наб. Челны, г. Зеленодольске // Социологические аспекты государственно-правовой работы в условиях перестройки. Казань, 1990. С. 60–68.
8. *Абызов Р.М., Юриков Г.А.* Насильственные преступления несовершеннолетних: характеристика, типология личности, предупреждение. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2001. — 150 с.
9. *Косевич Н.Р.* Профилактика преступности несовершеннолетних в малых и средних городах. М.: Щит-М, 2004. — 270 с.
10. *Прозументов Л.М., Шеслер А.В.* Криминология (Общая часть). Томск: Издательский дом Томского государственного университета, 2017. — 284 с.
11. По неписаным законам улицы... / ред. Ю.М. Хотченков. М.: Юридическая литература, 1991. — 334 с.
12. *Булатов Р.М., Шеслер А.В.* Криминогенные городские территориальные подростково-молодежные группировки. Казань: Татарское книжное издательство, 1994. — 158 с.
13. *Сафаров А.А.* Закат казанского феномена. История ликвидации организованных преступных формирований Татарстана. Казань: ЗАО «Мир без границ», 2011. — 384 с.
14. *Салагаев А.Л.* Молодежные правонарушения и делинквентные сообщества сквозь призму американских социологических теорий. Казань: Казанский государственный технологический университет, 1997. — 152 с.
15. *Акбаров В.Г.* Состояние и тенденции преступности несовершеннолетних. Региональные проблемы борьбы и профилактики. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1999. — 168 с.
16. *Бакаев А.А.* Система профилактики правонарушений несовершеннолетних: учебное пособие. М.: Логос, 2004. — 218 с.
17. *Бабаев М.М., Крутер М.С.* Молодежная преступность. М.: Юрист, 2006. — 382 с.
18. *Прозументов Л.М.* Криминологическая характеристика и предупреждение наркопреступности. Томск: Изд-во НТЛ, 2009. — 172 с.
19. *Прозументов Л.М.* Групповая преступность несовершеннолетних и основные направления ее предупреждения. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2001. — 280 с.
20. *Сапронова Н.А.* Преступность несовершеннолетних в сельской местности и ее предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Томск, 2011. — 22 с.
21. *Логинова К.Ю.* Имущественная преступность несовершеннолетних и меры ее предупреждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Томск, 2015. — 23 с.
22. *Ларина Е.С., Овчинский В.С.* Криминал будущего уже здесь. М.: Книжный мир, 2018. — 512 с.
23. *Шеслер А.В., Шеслер В.А.* Уголовно-правовая характеристика хищения наркотических средств или психотропных веществ. М.: Проспект, 2022. — 184 с.
24. *Панфилов Е.Е.* Предупреждение делинквентного поведения несовершеннолетних осужденных без изоляции от общества: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Курск, 2020. — 26 с.
25. *Николаева Л.П., Попова Г.И.* Групповая преступность несовершеннолетних и меры ее предупреждения. М.: ВНИИ МВД СССР, 1973. — 88 с.
26. *Бурчак Ф.Г.* Соучастие: социальные, криминологические и правовые проблемы. Киев: Вища школа, 1986. — 208 с.
27. *Башкатов И.П.* Психология неформальных подростково-молодежных групп. М.: Информпечать, 2000. — 336 с.
28. *Мяло К.* Казанский феномен // Новое время. 1988. № 33. С. 41–43; № 34. С. 40–42.
29. *Булатов Р.М.* Социальные деформации в подростково-молодежной среде. Казань: НИИ профтехпедагогика АПН СССР, 1988. — 32 с.
30. *Агеева Л.В.* Казанский феномен: миф и реальность. Казань: Татарское книжное изд-во, 1991. — 295 с.

31. Панкратов В.В., Ермаков В.Д., Романова Л.И. и др. Трудные судьбы подростков — кто виноват? М.: Юридическая литература, 1991. — 334 с.
32. Долгова А.И. Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних. М.: Юридическая литература, 1981. — 160 с.
33. Шеслер А.В. Криминологические и уголовно-правовые аспекты групповой преступности. Тюмень: Тюменский юридический институт МВД РФ, 2005. — 118 с.
34. Шеслер А.В. Групповая преступность: криминологические и уголовно-правовые аспекты. Специализированный учебный курс. Саратов: Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции, 2006. — 152 с.
35. Шеслер А.В. Устойчивые преступные группы несовершеннолетних (уголовно-правовые и криминологические вопросы): дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Томск, 1991. — 206 с.
36. Прокументов Л.М. Групповая преступность несовершеннолетних и ее предупреждение. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1993. — 144 с.
37. Подольный Н.А. Молодежная организованная преступность. М.: Юрлитинформ, 2006. — 296 с.
38. Шеслер А.В. Групповая преступность: криминологические и уголовно-правовые аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. Екатеринбург, 2000. — 395 с.

References

1. Degtyarev I.L., Likholat P.V., Kharshak E.A. Voprosy bor'by s pravonarusheniyami nesovershennoletnikh [Issues of combating juvenile delinquency]. Kiev: Kievskaya vysshaya shkola MVD SSSR Publ., 1971. 194 p. (In Russian)
2. Bor'ba s gruppovymi pravonarusheniyami nesovershennoletnikh [Combating juvenile group delinquency]. Ed. I.P. Lanovenko. Kiev: Naukova dumka Publ., 1982. 201 p. (In Russian)
3. Igoshev K.E., Min'kovskii G.M. Sem'ya, deti, shkola [Family, children, school]. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ., 1989. 448 p. (In Russian)
4. Prozumentov L.M. Nesovershennoletnie: prestupnost', osobennosti ugolovnoi otvetstvennosti [Minors: crime, features of criminal liability]. Tomsk: Tom. un-ta Publ., 2006. 106 p. (In Russian)
5. Feizullaev F.M. Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty protivodeistviya gruppovoi prestupnosti nesovershennoletnikh osuzhdennykh, otbyvayushchikh nakazanie v mestakh lisheniya svobody [Criminal-legal and criminological aspects of combating group crime of juvenile convicts serving sentences in places of deprivation of liberty]. Avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08. Ryazan', 2015. 22 p. (In Russian)
6. Zabryanskii G.I. Mekhanizm formirovaniya antisotsial'nykh podrostkovykh i yunosheskikh grupp [The mechanism of formation of antisocial adolescent and youth groups]. In Kriminologi o neformal'nykh molodezhnykh ob"edineniyakh. Problemy, diskussii, predlozheniya [Criminology about informal youth associations. Problems, discussions, suggestions]. Moscow, 1990, pp. 46–55. (In Russian)
7. Fatkhullin N.S., Nafigov I.S. Nekotorye sotsial'nye faktory otklonyayushchegosya povedeniya nesovershennoletnikh v gg. Nab. Chelny, Zelenodol'ske [Some social factors of deviant behavior of minors in the cities Nab. Chelny, Zelenodolsk]. In Sotsiologicheskie aspekty gosudarstvenno-pravovoi raboty v usloviyakh perestroika [Sociological aspects of state-legal work in the context of perestroika]. Kazan', 1990, pp. 60–68. (In Russian)
8. Abyzov R.M., Yurikov G.A. Nasil'stvennye prestupleniya nesovershennoletnikh: kharakteristika, tipologiya lichnosti, preduprezhdenie [Violent crimes of minors: characteristics, personality typology, warning]. Barnaul: Barnaul'skii yuridicheskii institut MVD Rossii Publ., 2001. 150 p. (In Russian)
9. Kosevich N.R. Profilaktika prestupnosti nesovershennoletnikh v mal'nykh i srednykh gorodakh [Prevention of juvenile delinquency in small and medium-sized cities]. Moscow: Shchit-M Publ., 2004. 270 p. (In Russian)
10. Prozumentov L.M., Shesler A.V. Kriminologiya (Obshchaya chast') [Criminology (General part)]. Tomsk: Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2017. 284 p. (In Russian)
11. Po nepisanykh zakonam ulitsy... [According to the unwritten laws of the street...]. Ed. Yu.M. Khotchenkov. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ., 1991. 334 p. (In Russian)
12. Bulatov R.M., Shesler A.V. Kriminogennyye gorodskie territorial'nye podrostkovo-molodezhnye gruppirovki [Criminogenic urban territorial teenage and youth groups]. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1994. 158 p. (In Russian)

13. *Safarov A.A.* Zakat kazanskogo fenomena. Istoriya likvidatsii organizovannykh prestupnykh formirovaniy Tatarstana [Sunset of the Kazan phenomenon. The history of the liquidation of organized criminal groups in Tatarstan]. Kazan': ZAO «Mir bez granits» Publ., 2011. 384 p. (In Russian)
14. *Salagaev A.L.* Molodezhnye pravonarusheniya i delinkventnye soobshchestva skvoz' prizmu amerikanskikh sotsiologicheskikh teorii [Youth delinquency and delinquent communities through the prism of American sociological theories]. Kazan': Kazanskii gosudarstvennyi tekhnologicheskii universitet Publ., 1997. 152 p. (In Russian)
15. *Akbarov V.G.* Sostoyanie i tendentsii prestupnosti nesovershennoletnikh. Regional'nye problemy bor'by i profilaktiki [Status and trends of juvenile delinquency. Regional problems of struggle and prevention]. Kazan': Kazanskogo un-ta Publ., 1999. 168 p. (In Russian)
16. *Bakaev A.A.* Sistema profilaktiki pravonarushenii nesovershennoletnikh: uchebnoe posobie [Juvenile Delinquency Prevention System: A Study Guide]. Moscow: Logos Publ., 2004. 218 p. (In Russian)
17. *Babaev M.M., Kruter M.S.* Molodezhnaya prestupnost' [Youth crime]. Moscow: Yurist Publ., 2006. 382 p. (In Russian)
18. *Prozumentov L.M.* Kriminologicheskaya kharakteristika i preduprezhdenie narkoprestupnosti [Criminological characteristics and prevention of drug crime]. Tomsk: NTL Publ., 2009. 172 p. (In Russian)
19. *Prozumentov L.M.* Gruppovaya prestupnost' nesovershennoletnikh i osnovnye napravleniya ee preduprezhdeniya [Group delinquency of minors and the main directions of its prevention]. Tomsk: Tomskogo gos. un-ta Publ., 2001. 280 p. (In Russian)
20. *Sapronova N.A.* Prestupnost' nesovershennoletnikh v sel'skoi mestnosti i ee preduprezhdenie [Juvenile delinquency in rural areas and its prevention]. Avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk. 12.00.08. Tomsk, 2011. 22 p. (In Russian)
21. *Loginova K.Yu.* Imushchestvennaya prestupnost' nesovershennoletnikh i mery ee preduprezhdeniya [Property crime of minors and measures for its prevention]. Avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk. 12.00.08. Tomsk, 2015. 23 p. (In Russian)
22. *Larina E.S., Ovchinskii V.S.* Kriminal budushchego uzhe zdes' [The crime of the future is here]. Moscow: Knizhnyi mir Publ., 2018. 512 p. (In Russian)
23. *Shesler A.V., Shesler V.A.* Ugolovno-pravovaya kharakteristika khishcheniya narkoticheskikh sredstv ili psikhotropnykh veshchestv [Criminal-legal characteristics of theft of narcotic drugs or psychotropic substances]. Moscow: Prospekt Publ., 2022. 184 p. (In Russian)
24. *Panfilov E.E.* Preduprezhdenie delinkventnogo povedeniya nesovershennoletnikh osuzhdennykh bez izolyatsii ot obshchestva: ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty [Prevention of delinquent behavior of juvenile convicts without isolation from society: criminal law and criminological aspects]. Avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. Kursk, 2020. 26 p. (In Russian)
25. *Nikolaeva L.P., Popova G.I.* Gruppovaya prestupnost' nesovershennoletnikh i mery ee preduprezhdeniya [Prevention of delinquent behavior of juvenile convicts without isolation from society: criminal law and criminological aspects]. Moscow: VNII MVD SSSR Publ., 1973. 88 p. (In Russian)
26. *Burchak F.G.* Souchastie: sotsial'nye, kriminologicheskie i pravovye problem [Complicity: social, criminological and legal problems]. Kiev: Vishcha shkola Publ., 1986. 208 p. (In Russian)
27. *Bashkatov I.P.* Psikhologiya neformal'nykh podrostkovo-molodezhnykh grupp [Psychology of informal adolescent and youth groups]. Moscow: Informpechat' Publ., 2000. 336 p. (In Russian)
28. *Myalo K.* Kazanskii fenomen [Kazan phenomenon]. *Novoe vremya [New time]*, 1988, no. 33, pp. 41–43; no. 34, pp. 40–42. (In Russian)
29. *Bulatov R.M.* Sotsial'nye deformatsii v podrostkovo-molodezhnoi srede [Social deformations in the adolescent and youth environment]. Kazan': NII proftekhpedagogiki APN SSSR Publ., 1988. 32 p. (In Russian)
30. *Ageeva L.V.* Kazanskii fenomen: mif i real'nost' [Kazan Phenomenon: Myth and Reality]. Kazan': Tatarskoe knizhnoe Publ., 1991. 295 p. (In Russian)
31. *Pankratov V.V., Ermakov V.D., Romanova L.I. i dr.* Trudnye sud'by podrostkov — kto vinovat? [Difficult fate of teenagers — who is to blame?] Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1991. 334 p. (In Russian)
32. *Dolgova A.I.* Sotsial'no-psikhologicheskie aspekty prestupnosti nesovershennoletnikh [Socio-psychological aspects of juvenile delinquency]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1981. 160 p. (In Russian)

33. *Shesler A.V.* Kriminologicheskie i ugodovno-pravovye aspekty gruppovoi prestupnosti [Criminological and criminal law aspects of group crime]. Tyumen': Tyumenskii yuridicheskii institut MVD RF Publ., 2005. 118 p. (In Russian)

34. *Shesler A.V.* Gruppovaya prestupnost': kriminologicheskie i ugodovno-pravovye aspekty. Spetsializirovannii uchebnyi kurs [Group crime: criminological and criminal law aspects. Specialized training course]. Saratov, Saratovskii Tsentr po issledovaniyu problem organizovannoi prestupnosti i korruptsii Publ., 2006. 152 p. (In Russian)

35. *Shesler A.V.* Ustoichivye prestupnye gruppy nesovershennoletnikh (ugodovno-pravovye i kriminologicheskie voprosy) [Stable criminal groups of minors (criminal law and criminological issues)]. Diss. ... kand. yurid. nauk. 12.00.08. Tomsk, 1991. 206 p. (In Russian)

36. *Prozumentov L.M.* Gruppovaya prestupnost' nesovershennoletnikh i ee preduprezhdenie [Group delinquency of minors and its prevention]. Tomsk, Tomskogo un-ta Publ., 1993. 144 p. (In Russian)

37. *Podol'nyi N.A.* Molodezhnaya organizovannaya prestupnost' [Youth organized crime]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2006. 296 p. (In Russian)

38. *Shesler A.V.* Gruppovaya prestupnost': kriminologicheskie i ugodovno-pravovye aspekty [Group crime: criminological and criminal law aspects]. Diss. ... d-ra yurid. nauk. 12.00.08. Ekaterinburg, 2000. 395 p. (In Russian)

ОБЩИЕ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Квитко Антон Владимирович

Цель: экологическая безопасность в России является составной частью национальной безопасности. Организованная деятельность по предупреждению правонарушений природоохранного законодательства должна представлять собой многогранный и системный подход органов исполнительной власти, местного самоуправления, общества в целом. В статье автору предстоит рассмотреть современные общие и специальные меры предупреждения экологической преступности в России, обозначить основные детерминирующие признаки совершения данной категории преступности, а также раскрыть мероприятия превентивного характера. На основе аналитических сведений в статье представлен криминологический портрет лиц, совершивших экологическое преступление, а также основные природные объекты и компоненты преступного посягательства. В публикации автором представлены обоснования необходимости формирования новых методов превентивного характера, отвечающих современным вызовам и угрозам экологии страны, а также борьбы с экологическими преступлениями.

Методология: анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, системный метод, метод межотраслевых юридических исследований.

Выводы. В целях повышения эффективности предупреждения экологической преступности и обеспечение неотвратимости уголовного наказания за совершенное деяние необходимо разрабатывать новые и интегрировать существующие современные цифровые технологии в профилактику, а также борьбу с экологической преступностью.

Научная и практическая значимость. Предложение новых современных криминологических методов противодействия экологической преступности с учетом потенциала инновационных цифровых, спутниковых, геолокационных возможностей в целях снижения уровня латентности исследуемой категории преступных деяний. Установление уровня скрытой преступности в области окружающей природной среды позволит эффективно выполнять стратегические задачи в сфере экологической безопасности России.

Ключевые слова: экологическая безопасность, преступность, предупреждение преступности, латентность, закон, деяние, противодействие преступности, уровень преступности, неотвратимость наказания.

Проблематика обеспечения экологической безопасности Российской Федерации имеет повышенный научный и организационно-практический интерес.

Государственная защита экологии является одной из приоритетных задач, в связи с чем законом, обладающим высшей юридической силой, в России провозглашено право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии, а также на возмещение ущерба (Конституция Российской Федерации // Российская газета. 1993. № 237. 25 декабря).

В настоящее время экологическая безопасность является одной из составляющих национальной безопасности. Принимается множество амбициозных экологических национальных проектов, целевых программ.

Однако указанные стратегические документы не содержат решений по созданию комплекса мероприятий по оцениванию латентности экологической преступности в целях защиты секторов с наиболее высокими рисками криминального посягательства. При отсутствии криминологического прогнозирования преступности в области

экологии весьма сложно реализовывать задачи уголовного законодательства, основанные на конституционных положениях.

Прежде чем перейти к рассмотрению общих и специальных мер предупреждения экологической преступности, представим детерминирующие признаки этого явления и обозначим основные из них:

- низкая экологическая культура населения;
- социально-экономические факторы;
- масштабная теневая экономика в области оборота отдельных природных ресурсов;
- несовершенство уголовного законодательства;
- слабая коммуникативность служб и ведомств в области экологической охраны и безопасности;
- недостаточность интеграции цифровых технологий в процесс охраны окружающей природной среды и отдельных ее компонентов.

Представлен далеко не исчерпывающий перечень проблемных аспектов в реализации государственной политики уголовно-правового и криминологического обеспечения экологической безопасности.

Общие социально-криминологические меры противодействия экологической преступности выражены в комплексе государственных мер предупреждения данного противоправного явления через призму воспитательного воздействия на семейном, социально-бытовом, экономическом, политическом и правовом уровнях. Воспитание населения должно быть системным, направленным на установление ценностных ориентиров в обществе, а также духа нетерпимости к действиям, негативно влияющим на окружающую среду.

С учетом изложенного требуется следующее:

- повышение ответственности бизнеса за экологические правонарушения [1, с. 23–27];
- усиление роли общественного контроля природопользования;
- усиление роли гражданского общества в жизни страны, развитие экологического просвещения, мировоззрения и образования.

По существу ответственности бизнеса и других хозяйствующих субъектов автор отмечает, что экологические правонарушения (загрязнение почвы, незаконная добыча водных биологических ресурсов и т. д.), в том числе и совершаемые при осуществлении производственных процессов, которые требуют особенной сбалансированности экологических и экономических интересов, иными словами баланса извлекаемой материальной выгоды и сохранения благоприятного состояния

окружающей среды. Современные формы бережливого производства исполнителями должны восприниматься как догма. В этих целях политика национальных корпораций и нефтедобывающих компаний должна быть ориентирована на государственную политику по охране экологии в одной приоритетной плоскости на едином уровне с выполнением плана доходного показателя.

Особую роль сегодня играет общественный контроль, проявляющий беспрецедентную социальную активность, ресурсы и возможности которого являются значительным подспорьем для реализации государственной политики в области охраны окружающей среды и отдельных ее компонентов. Институт общественного контроля в действительности только начинает набирать обороты в нашей стране, его потенциал следует развивать и обеспечивать ему государственную поддержку.

При исследовании детерминант экологической преступности важным элементом являются характерные особенности личности преступников как система криминогенных свойств преступников, совершающих деяния, относящиеся к данной категории.

При совершении экологических преступлений, связанных с производственным фактором, в качестве субъекта деяния, как правило, выступают должностные лица, ответственные за проведение тех или иных технологических процессов, при нарушении которых наступают общественно-опасные последствия для экологии или отдельных компонентов окружающей природной среды.

В свою очередь, корыстные преступления в области экологической безопасности (незаконная рубка, незаконная охота, незаконная добыча водных биоресурсов) может совершить абсолютно любое физическое лицо, независимо от его социального статуса.

Исходя из разновидности преступных деяний, входящих в главу 26 УК РФ, специальные криминологические меры предупреждения экологической преступности должны быть направлены на соответствующую категорию предполагаемых и потенциальных правонарушителей природоохранного законодательства.

Анализ судебной статистики осужденных в России за 2018–2020 гг. за преступления в области экологической безопасности на основе демографических признаков, иных особенностей и обстоятельств позволяет сформировать криминологический портрет личности преступника, посягающего на компоненты окружающей среды и природные ресурсы.

Итак, это трудоспособный мужчина старше 30 лет без постоянного источника дохода, не имеющий высшего образования и проживающий в сельской местности. При этом каждый второй или третий ранее подвергался уголовному преследованию.

В процессе поиска действенной модели государственно-правового влияния на благоприятное состояние окружающей среды и отношение к биоресурсам все более важное значение приобретает механизм интеграции современных инновационных, высокоинтеллектуальных достижений в части повышения эффективности предупредительных мер по сокращению количества деяний преступного характера. Применение подобного инструментария способно кардинально изменить ситуацию, трансформировать восприятие населения о мере ответственности за стояние экологии, экосистем и отдельных их компонентов.

Интеграция цифровых возможностей мониторинга состояния общественной безопасности и общественного порядка сегодня ориентирована в большей степени на предупреждение экономической, уличной и коррупционной преступности. В этой связи представляется перспективным использование интегрированного криминологического подхода к изучению общественной опасности экологической преступности с учетом ее особенностей [2, с. 64–69].

В свою очередь, Я.Б. Дицевич отмечает, что ускоренная цифровизация является одной из основных задач развития экономики нового технологического поколения. В действительности государством на федеральном и региональном уровнях проведен широкий спектр мероприятий правового и организационного характера по обеспечению экологической безопасности [3, с. 59–69]. Цифровая экономика способствует внедрению современных технических форм контроля за состоянием природной среды и отдельных ее составляющих. Ожидаемым итогом цифровизации управления в исследуемой области является повышение эффективности государственной политики в сфере правовой экологической защищенности страны.

Перспективы модернизации технологий на основе искусственного интеллекта в скором будущем безусловно станут основой профилактики преступности, в том числе и экологической, а также выявления преступных деяний [4, с. 142–145].

В соответствии с проведенным автором статьи исследованием в виде анкетирования судей, представителей прокуратуры, сотрудников

правоохранительной системы и других ведомств (СК, МВД, МЧС, ФСИН) более 74% респондентов согласились, что развитие геоинформационных технологий в будущем способно существенно влиять на профилактику и предупреждение экологических правонарушений. При этом 77,2% респондентов склоняются к необходимости развития современных технологий дистанционного контроля, при которых искусственный интеллект будет способен самостоятельно выявлять некоторые составы экологических преступлений и одновременно информировать правоохранительные органы.

Общедоступность информации о существовании подобного государственного инструмента контроля и надзора в природном пространстве сама по себе безусловно окажет положительный эффект. Любой, даже самый беспечный гражданин, понимающий, что его местоположение может быть установлено системами наблюдения, будет более осторожно и заботливо относиться к природной среде. Такова сущность человека, и менталитет граждан нашей страны не исключение.

Уместным будет провести параллель между системой наблюдения, обеспечивающей визуальный контроль за состоянием общественной безопасности и правопорядка в общественных местах населенных пунктов в режиме реального времени и аналогичной системой, которая может осуществляться в природоохранной сфере. Благодаря аппаратно-программному комплексу «Безопасный город» сдерживается уличная преступность в зонах массового скопления людей, других местах и территориях. А при совершении преступных деяний система позволяет своевременно отреагировать на них, предупреждая наступление более серьезных общественно-опасных последствий, а также установить виновных лиц по горячим следам. Поэтапно данная система модернизируется и оснащается камерами видеонаблюдения с высокоточным разрешением, что позволит идентифицировать личностей, причастных к совершению противоправных деяний, по их биометрическим особенностям.

По мнению М.Ю. Койнова, очевидность эффективности системы сигнализирует о необходимости дальнейшего развития данного сегмента правоохранительной деятельности [5, с. 38–43].

В зарубежной практике цифровизация в сфере государственного управления рассматривается как использование возможностей современных прорывных цифровых технологий, в том числе искусственного интеллекта, для трансформации

выработки государственной политики и нормотворчества, оперативной и контрольно-надзорной деятельности [6, с. 14–19].

Государственные меры должны быть надежным и эффективным щитом, отвечающим вызовам современной преступности в области экологической безопасности.

Вред, причиняемый окружающей природной среде в результате аварий на внутрипромысловых трубопроводах с разливом водонефтяной эмульсии на почву, незаконных вырубок лесных насаждений, лесных пожаров, негативно сказывается в целом на состоянии экологии в стране. При этом раскрываемость данной категории преступлений остается на крайне невысоком уровне. Отсутствие должного уровня выявляемости и раскрываемости за подобные латентные события, а также отсутствие неотвратимости наказания, создают условия для недобросовестных должностных, а также иных

лиц, и в дальнейшем совершать противоправные деяния, подрывая экологическую безопасность страны.

По мнению М.В. Соболевой, количество аварий на добывающих производствах может сократиться при формировании мер экономического стимулирования и инвестирования недропользователями средств в развитие инфраструктуры [7, с. 79–83].

На основании изложенного, общие и специальные меры предупреждения экологической преступности имеют динамическое развитие с учетом криминальных вызовов и рисков. В целях обеспечения благоприятного состояния окружающей среды и надлежащей охраны отдельных природных компонентов необходимо разрабатывать новые и интегрировать существующие современные цифровые технологии в профилактику, а также борьбу с экологической преступностью.

Литература

1. *Власенко В.Н.* О перспективах реализации конституционного полномочия Правительства Российской Федерации по созданию условий для развития системы экологического образования и воспитания экологической культуры // *Экологическое право*. 2021. № 1. С. 23–27.
2. *Кузнецова Н.А.* Общественная опасность экологических преступлений: криминологический аспект // *Вестник Омской юридической академии*. 2018. Т. 15. № 1. С. 64–69.
3. *Дицевич Я.Б.* Анализ правовых аспектов противодействия экологическим преступлениям и иным нарушениям природоохранного законодательства в период действия Уголовного кодекса Российской Федерации // *Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России*. 2020. № 1 (92). С. 59–69.
4. *Квитко А.В.* Перспективные инновационные криминологические меры обеспечения экологической безопасности // *Закон и право*. 2022. № 4. С. 142–145.
5. *Койнов М.Ю.* Развитие и внедрение современных информационно-телекоммуникационных технологий и систем в повседневную деятельность органов внутренних дел // *Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России*. 2018. № 2 (11). С. 38–43.
6. *Жаворонкова Н.Г., Шпаковский Ю.Г.* Цифровизация в сфере экологической безопасности: административно-правовые аспекты // *Юрист*. 2019. № 4. С. 14–19.
7. *Соболева М.В.* Пожары в нефтегазовом комплексе ХМАО — Югры как фактор техногенной и экологической опасности // *Инновационные перспективы Донбасса. Материалы IV Международной научно-практической конференции, Донецк, 22–25 мая 2018 г. Донецк, 2018. С. 79–83.*

References

1. *Vlasenko V.N.* O perspektivakh realizatsii konstitutsionnogo polnomochiya Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii po sozdaniyu uslovii dlya razvitiya sistemy ekologicheskogo obrazovaniya i vospitaniya ekologicheskoi kul'tury [On the prospects for the implementation of the constitutional authority of the Government of the Russian Federation to create conditions for the development of the system of environmental education and environmental culture]. *Ekologicheskoe pravo [Ecological Law]*, 2021, no. 1, pp. 23–27. (In Russian, abstract in English)
2. *Kuznetsova N.A.* Obshchestvennaya opasnost' ekologicheskikh prestuplenii: kriminologicheskii aspekt [Public danger of environmental crimes: criminological aspect]. *Vestnik Omskoi yuridicheskoi akademii [Bulletin of the Omsk Law Academy]*, 2018, v. 15, no. 1, pp. 64–69. (In Russian, abstract in English)

3. *Ditsevich Ya.B.* Analiz pravovykh aspektov protivodeistviya ekologicheskim prestupleniyam i inym narusheniyam prirodookhrannogo zakonodatel'stva v period deistviya Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii [Analysis of the legal aspects of counteracting environmental crimes and other violations of environmental legislation during the period of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennikh del Rossii* [Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2020, no. 1 (92), pp. 59–69. (In Russian, abstract in English)

4. *Kvitko A.V.* Perspektivnye innovatsionnye kriminologicheskie mery obespecheniya ekologicheskoi bezopasnosti [Perspective innovative criminological measures to ensure environmental safety]. *Zakon i pravo* [Law and Right], 2022, no. 4, pp. 142–145. (In Russian, abstract in English)

5. *Koinov M.Yu.* Razvitie i vnedrenie sovremennykh informatsionno-telekommunikatsionnykh tekhnologii i sistem v povsednevnyuyu deyatel'nost' organov vnutrennikh del [Development and implementation of modern information and telecommunication technologies and systems in the daily activities of internal affairs bodies]. *Vestnik Tyumenskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii* [Bulletin of the Tyumen Institute for Advanced Studies of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2018, no. 2 (11), pp. 38–43. (In Russian, abstract in English)

6. *Zhavoronkova N.G., Shpakovskii Yu.G.* Tsifrovizatsiya v sfere ekologicheskoi bezopasnosti: administrativno-pravovye aspekty [Digitalization in the field of environmental security: administrative and legal aspects]. *Yurist* [Lawyer], 2019, no. 4, pp. 14–19. (In Russian, abstract in English)

7. *Soboleva M.V.* Pozhary v neftegazovom komplekse KhMAO — Yugry kak faktor tekhnogennoi i ekologicheskoi opasnosti [Fires in the oil and gas complex of KhMAO-Yugra as a factor of technogenic and environmental hazard]. In *Innovatsionnye perspektivy Donbassa. Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Donetsk, 22–25 maya 2018 g.* [Innovative prospects of Donbass. Proceedings of the 4th International Scientific and Practical Conference, Donetsk, May 22–25, 2018]. Donetsk, 2018, pp. 79–83. (In Russian)

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

ЗАЩИТА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ В СФЕРЕ ДОБЫЧИ И ОБОРОТА ДРАГОЦЕННЫХ И ПОЛУДРАГОЦЕННЫХ КАМНЕЙ: ВЫЗОВЫ И РЕШЕНИЯ

Астраханцева Екатерина Юрьевна

Цель: рассмотрение и анализ спорных вопросов, возникающих в правоприменительной практике при квалификации преступлений и правонарушений, связанных с добычей и оборотом драгоценных и полудрагоценных камней, а также представление рекомендаций для разрешения этих проблем.

Методология: дедукция, анализ, описание, формально-юридический метод.

Выводы. В статье рассматриваются проблемы и спорные вопросы, связанные с правоприменением в области защиты окружающей среды и экономических интересов государства при использовании драгоценных и полудрагоценных камней, анализируются различные точки зрения, предлагаются рекомендации и выводы, имеющие практическую значимость для судебных и правоохранительных органов. Отмечается, что современное законодательство не предоставляет исчерпывающего перечня полудрагоценных камней, что вызывает трудности в правоприменительной практике. Также рассматривается неоднозначность в определении предмета преступного посягательства, толковании административной преюдиции и определении общественно опасных последствий. Делается вывод, что разрешение данных проблем требует проведения глубоких теоретических исследований и установления единого подхода к квалификации преступлений и правонарушений в данной области.

Научная и практическая значимость. В статье рассматриваются актуальные проблемы, связанные с правоприменением в области защиты окружающей среды и экономических интересов при использовании драгоценных и полудрагоценных камней. Отсутствие исчерпывающего перечня полудрагоценных камней в законодательстве и неоднозначность в определении административной преюдиции являются новыми аспектами, которые требуют дальнейшего исследования и обсуждения. Результаты исследования могут быть полезны для правоохранительных органов, прокуратуры и судебных органов, занимающихся преследованием и судебным разбирательством дел, связанных с нарушениями в сфере добычи и оборота драгоценных и полудрагоценных камней. Автором предлагаются рекомендации для разрешения спорных вопросов, которые могут быть использованы в практике правоприменения. Это поможет установить единый подход и обеспечить более справедливое и эффективное преследование нарушений в данной сфере.

Ключевые слова: экологические преступления, янтарь, нефрит, полудрагоценные камни, самовольная добыча, незаконный оборот, административная преюдиция, уголовная ответственность, квалификация преступлений.

Природа есть объективная реальность, существующая вне сознания людей. Повсеместно преобразовывая ее для удовлетворения собственных потребностей, человек становится виновником многих экологических проблем. Такие проблемы имеют преимущественно трансграничный характер, затрагивая любые страны и народы, не-

зависимо от уровня жизни населения, развития экономики и прочих факторов. Скорее наоборот, многие экологические проблемы стали неминуемым результатом постоянных попыток общества улучшить свое экономическое положение, используя для этого любые природные ресурсы. Очевидно, что чем мощнее и устойчивее экономи-

ка, тем больше существует противоречий в сфере природопользования.

Так, в России одним из видов экономической деятельности, оказывающей существенное влияние на экологию, является недропользование. Проведенный Федеральной государственной автоматизированной системой лицензирования недропользования анализ соблюдения обязательных требований данной деятельности ее субъектами выявил около 10 тыс. нарушений, треть из которых влечет досрочное прекращение лицензии, предоставляющей право пользования недрами (*Доклад о деятельности Федеральной службы по надзору в сфере недропользования в 2022 году // [Электронный ресурс]: URL: <https://rpn.gov.ru/> (дата обращения: 01.04.2023)*). Составы правонарушений в области использования и охраны недр сформулированы в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ), а также в отраслевых нормативных правовых актах, регулирующих данную сферу деятельности.

В настоящее время, в условиях принятых санкций и иных ограничений, минерально-сырьевая база является гарантией экономического суверенитета нашей страны. При наличии огромных площадей залегания полезных ископаемых, используя различные методики и способы их добычи, Россия может ежегодно экспортировать в другие страны свои ресурсы, в том числе драгоценные и полудрагоценные камни. Федеральный закон «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» от 26 марта 1998 г. № 41-ФЗ относит к категории драгоценных природных алмазы, изумруды, рубины, сапфиры, александриты и жемчуг как в сыром, так и в обработанном виде. Кроме того, данное понятие распространяется и на уникальные янтарные образования в случае их соответствия необходимым критериям (*Порядок отнесения уникальных янтарных образований к драгоценным камням, утв. Постановлением Правительства РФ от 5 января 1999 г. № 8 «Об утверждении Порядка отнесения уникальных янтарных образований к драгоценным камням» // СЗ РФ. 1999. № 2. Ст. 310*). Представленный перечень драгоценных камней едва ли можно назвать исчерпывающим, поскольку это лишь одна из существующих классификаций. Еще во времена СССР данные драгоценные камни являлись валютным резервом государства, служившим средством межгосударственных расчетов, но, впоследствии потеряв былую значимость, были все же оставлены законодателем в принятом Федеральном законе. Очевидно, что для торговой

и ювелирной промышленности классификация будет иной и проводится она исходя из рыночной стоимости драгоценных камней, которые применимы для изготовления ювелирных изделий. С точки зрения минералогии камень может быть признан драгоценным, в то время как все существующие на нем изъяны в виде сколов, трещин, изменений цвета, влияющие на его стоимостной показатель, могут стать причиной отнесения такого камня к категории полудрагоценных. Соответственно, принятые со стороны закона классификации драгоценных камней во многом не совпадают с принятыми в минералогии, торговле и ювелирном промысле, что рождает трудности для правоприменителей в вопросе отнесения тех или иных их видов к категории драгоценных.

Добычаемые на территории Российской Федерации драгоценные и полудрагоценные камни являются стратегически важным ресурсом государства, а их незаконные добыча и оборот угрожают не только стабильности экономики в силу неправомерного использования одного из главного источника ее финансирования, но и нормальному состоянию окружающей среды по причине применения несанкционированных способов добычи, переработки и дальнейшего пользования важных, а порой и невозможных природных ресурсов. Оборот драгоценных и полудрагоценных камней находится под контролем государства. Нарушение установленных требований ведет к наказанию виновных в административном или уголовно-правовом порядке. Но в настоящий момент так и не выработан системный подход в привлечении к ответственности нарушителей данных предписаний.

Согласно статистике ГИАЦ МВД России, за период с января по март 2023 г. было выявлено и зарегистрировано 2 тысячи экологических преступлений, что на 9,5 % меньше, чем за аналогичный период прошлого года. Среди них выделено 20 преступлений, связанных с незаконным оборотом янтаря, нефрита и иных полудрагоценных камней, драгоценных металлов либо жемчуга, совершенных в крупном и особо крупном размере либо причинивших крупный ущерб, что превышает показатели аналогичного периода прошлого года на 15 % (*Статистические данные ФКУ ГИАЦ МВД России // [Электронный ресурс]: URL: <https://мвд.рф/reports/item/36479770/> (дата обращения: 09.04.2023)*). Несмотря на отраженную положительную динамику экологических преступлений, их латентность все равно остается высокой. Экоэкстремизм, такие его разновидности, как экологический терроризм, политическая экология, экологическая миграция огромных масс насе-

ления — новые, еще не изученные наукой виды угроз, но уже существующие в нашей повседневной жизни. К тому же, казалось бы, уже «привычный» нам незаконный оборот полудрагоценных и драгоценных камней, драгоценных металлов и жемчуга возрастает, поскольку все большие объемы данных ресурсов остаются в теневом секторе экономики, а способы их самовольной добычи только совершенствуются.

Категория полудрагоценных камней пусть и не имеет столь высокой стоимости и уникальности, но с учетом обширности территорий их возможной добычи их экспорт является не менее важной статьей доходов бюджета страны. Изготовленные с их использованием ювелирные изделия и различные предметы быта по праву ценятся как внутри государства, так и за его пределами. Современное российское законодательство не содержит расширенного перечня полудрагоценных камней, что вызывает трудности в отнесении их различных видов к данной категории, в том числе при квалификации деяний, связанных с их самовольной добычей и незаконным оборотом. Для целей ст. 7.5 КоАП РФ, ст. 191 и ст. 255 УК РФ Постановление Правительства РФ от 11 сентября 2020 г. № 1406 содержит перечень полудрагоценных камней, в котором законодатель отмечает «берилл, в том числе аквамарин и гелиодор». Стоит учитывать, что берилл имеет более десятка разновидностей, некоторые из которых (например, изумруд, тот же аквамарин и гелиодор) по классификации торговой и ювелирной промышленности, а также по геолого-минералогическим классификациям (например, А.Е. Ферсмана — М. Бауэра), вопреки установленному законом перечню, относят к категории драгоценных камней. Кроме того, по смыслу вышеуказанных статей к полудрагоценным законодатель также относит янтарь и нефрит, информации о которых в данном постановлении не содержится. Согласно минералогической классификации, янтарь и нефрит не являются полудрагоценными камнями. В Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (ТН ВЭД) (в ред. от 7 марта 2023 г.) в разделе XIV все же содержатся сведения об отнесении нефрита к категории полудрагоценных камней, в то время как янтарь снова не оговаривается. Но, учитывая важность данного природного ресурса на сегодняшний день, законодатель все же обоснованно относит его к данной категории. Данной позиции придерживается и Э.Н. Жевлаков, говоря о том, что янтарь был отнесен законодателем к категории полудрагоценных камней условно, исходя из его

правового положения, но не минералогической сущности [4, с. 187].

С 27 декабря 2019 г., согласно обновленной редакции ст. 191 УК РФ, лицо может быть привлечено к уголовной ответственности за совершение сделки с заведомо самовольно добытыми янтарем, нефритом и иными полудрагоценными камнями при наличии административной преюдиции. За самовольную добычу указанных предметов установлена административная (ст. 7.5 КоАП РФ) и уголовная (ч. 2, 3 ст. 255 УК РФ) ответственность. Вместе с тем на сегодняшний день отсутствует единая правоприменительная практика по квалификации действий лиц, которые охватываются одновременно диспозицией ст. 191 УК РФ и ч. 2, 3 ст. 255 УК РФ. Одновременно сложности возникают и при установлении бланкетных признаков данных преступлений, содержания общественно опасных последствий в ст. 255 УК РФ, отграничении данного состава преступления от схожего с ним административного правонарушения, предусмотренного ст. 7.3 КоАП РФ.

В литературе проведены исследования отдельных проблем заявленной темы, которые касались, в частности, проблем применения ст. 191 и 255 УК РФ, оценки их целесообразности и обоснованности, классификации ценных минералов и природных образований для квалификации их незаконного оборота и других вопросов. Обзор этих источников позволяет рассмотреть различные аспекты правоприменения и квалификации преступлений и правонарушений, связанных с добычей и оборотом драгоценных и полудрагоценных камней.

Новая редакция ст. 191 УК РФ расширила предмет преступного посягательства, включив туда янтарь, нефрит и иные полудрагоценные камни (ч. 1–3), ответственность за незаконный оборот которых стала трехуровневой. Данное преобразование объясняется желанием государственных органов ввести самостоятельные меры ответственности за незаконный оборот вышеуказанных предметов, как одних из важнейших стратегических ресурсов российской экономики. Соответствующие законопроекты неоднократно рассматривались на заседаниях Государственной Думы РФ еще с 2003 г. [3, с. 174–180], но были реализованы лишь в 2019 г. Учитывая, что в ч. 1–3 данной статьи янтарь рассматривается в качестве полудрагоценного камня, остается неразрешенным вопрос об уникальных янтарных образованиях, приравниваемых при определенных условиях к драгоценным камням. По мнению Е.Н. Бархатовой, название ст. 191 УК РФ долж-

но быть изменено в части указания еще одного предмета преступного посягательства, а именно уникальных янтарных образований, ответственность за незаконный оборот которых должна быть предусмотрена отдельной частью статьи и, соответственно, повлечь за собой более строгое наказание [2, с. 394–395].

Кроме того, в 2021 г. на рассмотрение Государственной Думы РФ был вынесен проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», также предусматривающий изменение некоторых положений ст. 191 УК РФ с целью ужесточения ответственности за совершение указанных в ее диспозициях деяний. В пояснительной записке к данному законопроекту отмечалось, что имеющиеся меры воздействия на лиц, занимающихся незаконным оборотом драгоценных металлов и драгоценных камней, не обеспечивают должного противодействия данным нарушениям и не искореняют их, с целью чего необходимо пересмотреть практику применения данной статьи в части назначения наказания виновным, а также привести ее в соответствие с положениями Федерального закона «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» (*Пояснительная записка к законопроекту №1172932-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // [Электронный ресурс]: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1172932-7> (дата обращения: 21.04.2023)*). Так, в наименовании статьи было предложено исключить слова «либо жемчуга», а в диспозициях ч. 1 и 2 заменить словосочетание «и бытовых изделий» на «и других изделий из драгоценных металлов и (или) драгоценных камней». Также ч. 4 и 5 ст. 191 УК РФ необходимо изложить в новых редакциях с изменением установленных в них санкций, включив туда штрафы в размерах от пятикратной до десятикратной стоимости драгоценных металлов и (или) драгоценных камней, а имеющееся к статье примечание расширить, установив для целей ст. 191 и 192 УК РФ понятие крупного размера, которым признается стоимость янтаря, нефрита и иных полудрагоценных камней, драгоценных металлов и (или) драгоценных камней, превышающая 1 млн рублей.

Данный проект федерального закона не был представлен к утверждению и был отправлен на доработку. Несмотря на его рациональность, и обращаясь к приведенной в пояснительной записке статистике, все же нельзя однозначно сказать, способствуют ли предлагаемые изменения в части

ужесточения ответственности повышению противодействия совершаемым или предупреждению готовящихся преступлений в данной сфере. Хотя является очевидным тот факт, что ответственность лиц, совершающих незаконный оборот янтаря, нефрита, иных полудрагоценных камней, драгоценных металлов и (или) драгоценных камней, ограничивается сегодня лишь условным лишением свободы с назначением малозначительного штрафа по сравнению с незаконно получаемой ими прибылью, в связи с чем противоправная деятельность продолжается.

Так, приговором Тунгокоченского районного суда Забайкальского края от 23 марта 2023 г. № 1-16/2023 гр-н К., с целью незаконного обогащения и, реализуя свой преступный умысел, направленный на совершение незаконного хранения, перевозки, а также возможной сделки, путем намыва в водоемах и заброшенных шахтах, с периодичностью один раз в месяц, добывал драгоценный металл — золото. В результате, с января по май 2023 г. ему удалось незаконно добыть 659,66 граммов золота, стоимость которого, по экспертным оценкам, составляет более 2 миллионов рублей. Впоследствии К. незаконно хранил драгоценный металл у себя дома, а также, с целью заключения возможной сделки, перевозил на своем автомобиле. Таким образом, решением суда гр-н К. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 191 УК РФ, и ему было назначено наказание в виде 2-х лет лишения свободы (условно) со штрафом в размере 100 тысяч рублей. Из приведенного приговора можно сделать вывод о явном несоответствии причиненного государству как собственнику природных ресурсов ущерба назначенному виновному лицу размеру наказания. Тем не менее предлагаемый законопроект имеет и исключительно положительную сторону, заключающуюся в приведении положений статей, касающихся незаконного оборота янтаря, нефрита, иных полудрагоценных камней, драгоценных металлов и (или) драгоценных камней, в соответствие с иными нормативными правовыми актами, обращение к которым обязательно при квалификации данных деяний, что все же разрешило бы некоторые проблемные вопросы правоприменения.

Одновременно со внесением изменений в ст. 191 УК РФ, в соответствии с Федеральным законом от 27 декабря 2019 г. № 500-ФЗ, также произошли изменения в ст. 255 УК РФ. Ранее статья состояла из одной части, касающейся нарушения правил охраны и использования недр, однако она была дополнена двумя новыми квалифициро-

ванными составами. Первый состав связан с повторной незаконной добычей янтаря, нефрита и полудрагоценных камней (административная преюдиция), а второй состав относится к незаконной добыче этих камней в крупном размере. Важно отметить, что для ст. 255 УК РФ крупным размером считается стоимость указанных предметов, превышающая 1 миллион рублей, в то время как незаконный оборот этих камней считается крупным размером только при сумме свыше 2,25 миллионов рублей.

Хотя в КоАП РФ есть аналогичный состав правонарушения, описанный в ст. 7.5 и связанный с самовольной добычей янтаря, нефрита и полудрагоценных камней, законодатель решил привлечь лиц, повторно совершивших подобное нарушение, к уголовной ответственности. В связи с этим ст. 255 УК РФ была представлена в новой редакции. Кроме того, в проекте федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 2021 г. предлагалось дополнить статью частями 4 и 5, которые упоминали о совершении деяний в крупном размере и организованных группами лиц или по предварительному сговору. Однако, как уже было упомянуто, эти изменения не были одобрены и не вступили в силу.

Расположение ст. 191 и 255 в разных разделах УК РФ указывает на разграничение данных статей законодателем по объекту преступного посягательства. Согласно закону, объектом незаконного оборота янтаря, нефрита и других полудрагоценных камней являются общественные отношения, связанные с правомерным оборотом этих предметов. А объектом самовольной добычи указанных камней являются общественные отношения, связанные с геологическим изучением, рациональным использованием и охраной недр, а также обеспечением экологической безопасности и экологического правопорядка [6, с. 131–142]. Этот подход обоснован тем, что, несмотря на экономическую ценность данных предметов, таких как янтарь, нефрит и полудрагоценные камни, они являются природными ресурсами. Определение, подпадают ли они под экономические или природоохранные отношения, возможно только путем установления «момента, с которого они теряют свойства естественного элемента природы и превращаются в имущество». Для того чтобы ресурс был признан имуществом, он должен олицетворять в себе определенное количество человеческого труда и быть полностью извлеченным или иным образом отделенным от природы [5, с. 58–59].

Однако расположение данных статей в разных главах УК РФ вызывает дискуссии в теоретическом аспекте данного вопроса. Например, в своем исследовании А.А. Котова предлагает перенести норму, относящуюся к самовольной добыче янтаря, нефрита и других полудрагоценных камней (ч. 2 и 3 ст. 255 УК РФ), из главы 26 УК РФ «Экологические преступления» в главу 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности» для более точного отражения объекта состава преступления [9, с. 79].

Представленный подход едва ли можно считать единственно верным, поскольку добыча любых полезных ископаемых, совершенная в нарушение установленных предписаний, неминуемо наносит вред в первую очередь окружающей среде и недрам, ставшим источниками их получения. Такого мнения придерживается и Р.А. Забавко, говоря о том, что составы преступлений, связанные с самовольной добычей и незаконным оборотом указанных предметов, должны располагаться в главе «Экологические преступления» [8, с. 133].

Усовершенствованные законодателем редакции ст. 191 и ст. 255 УК РФ позволили вывести борьбу с незаконными добычей и оборотом янтаря, нефрита и иных полудрагоценных камней на новый уровень. Но стоит сказать и о недоработках нововведений, породивших проблемы в применении данных норм, отмеченные нами ранее.

Одной из таких проблем является неоднозначность административной преюдиции, включенной в данные составы Федеральным законом от 27 декабря 2019 г. № 500-ФЗ. В пояснительно записке к данному законопроекту отмечалось, что «существующие административно-правовые механизмы охраны законного оборота янтаря, нефрита и полудрагоценных камней не позволяют в полной мере осуществлять предупреждение и пресечение нарушений в данной области» (*Пояснительная записка к законопроекту № 657608-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части установления ответственности за самовольную добычу и незаконный оборот янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней)» // [Электронный ресурс]: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/657608-7> (дата обращения: 06.04.2023)). Фактически внесенные поправки обосновывались тем, что лица, занимающиеся незаконными добычей и оборотом янтаря, нефрита и иных полудрагоценных камней, имеют многомиллиардные доходы, которые, в свою очередь, лежат в теневом секторе экономики и недоступны для государства, терпящего огромные убытки из-за неуплаченных*

данными лицами налогов и денежных сумм за получение лицензий на разработку недр.

Так, ч. 1 ст. 191 УК РФ содержит деяния, заключающиеся в совершении сделки, связанной с заведомо самовольно добытыми янтарем, нефритом или иными полудрагоценными камнями, в их незаконных хранении, перевозке, пересылке лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, предусмотренное ст. 7.5 КоАП РФ. По мнению А.В. Чернова и С.В. Габеева, указанная в данной статье «аналогичность» предполагает тождественность выполняемых лицом действий [11, с. 98]. Данную позицию разделяет и В.И. Тюнин, говоря о том, что проблемы правоприменения связаны с частичной несогласованностью диспозиций ст. 7.5 КоАП РФ и ст. 191 УК РФ, которые, наоборот, должны быть аналогичны друг другу [11, с. 283–286]. Но, обращаясь к ст. 7.5 КоАП РФ, можно сделать вывод, что аналогичным для ст. 191 УК РФ в данном случае будет являться лишь незаконное хранение незаконного добытого янтаря, нефрита и иных полудрагоценных камней, в то время как остальные действия остаются за рамками неоднократного совершения. Кроме того, содержащиеся в данных статьях термины «перевозка» и «пересылка» для целей ст. 191 УК РФ и «транспортировка» — ст. 7.5 КоАП РФ, казалось бы, близкие по смыслу, вряд ли можно толковать одинаково. Транспортировкой считается перемещение янтаря, нефрита и иных полудрагоценных камней любым видом транспорта, что делает ее идентичной перевозке. Но пересылка осуществима и без использования непосредственно транспортных средств, охватывая больший спектр действий, нежели транспортировка. Аналогичная ситуация складывается с понятиями «сбыта» (ст. 7.5 КоАП РФ) и «сделки» (ст. 191 УК РФ). Очевидно, что незаконному сбыту предшествует так называемая сделка, что объединяет эти понятия воедино, но не дает права толковать их одинаково хотя бы потому, что незаконная сделка предполагает привлечение к ответственности каждого из ее участников, в то время как сбыт дает основания привлечения только одной стороны.

М.Г. Жилкин выразил свою точку зрения по вопросу квалификации деяний, связанных с повторным совершением правонарушений, утверждая, что если объективные признаки не совпадают и повторное деяние нельзя считать полностью однородным, то нет оснований для привлечения к уголовной ответственности [7, с. 83]. Р.А. Забавко также высказывается по данному вопросу, считая, что преступления с признаком админи-

стративной преюдиции имеют формальный характер, и для квалификации деяния как преступного достаточно повторения аналогичного, но не тождественного деяния, ранее совершенного в виде административного правонарушения [8, с. 139].

Обращаясь к ч. 2 ст. 255 УК РФ, можно сделать вывод, что объективная сторона данного деяния в большей части совпадает с объективной стороной административного правонарушения по ст. 7.5 КоАП, поскольку данные составы предусматривают ответственность за самовольную добычу янтаря, нефрита и иных полудрагоценных камней. Но в то же время остается неразрешенным вопрос о неоднократности незаконного хранения, транспортировки и сбыта, также содержащихся в ст. 7.5 КоАП РФ. Предполагается, что по смыслу данной статьи вышеуказанные действия возможно произвести только с ранее незаконно добытым янтарем. Выходит, что самовольность и незаконность в этом случае стоит рассматривать как полностью идентичные друг другу понятия. Соответственно, лицо, ранее привлеченное к административной ответственности, к примеру, за незаконную транспортировку незаконно добытого янтаря, нефрита и иных полудрагоценных камней, будет привлечено к уголовной ответственности при совершении повторной незаконной (самовольной) добычи указанных предметов, независимо от того, предполагалась ли их дальнейшая транспортировка или же нет.

При привлечении к уголовной ответственности за незаконный оборот янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней, совершенный лицом, подвергнутым ранее административному наказанию (ч. 1 ст. 191 УК РФ), необходимо обращаться к положениям ст. 4.6 КоАП РФ, согласно которым лицо считается подвергнутым административному наказанию со дня вступления постановления о его назначении в законную силу до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления [13, с. 107–108]. Но, принимая во внимание установленный десятидневный срок обжалования ранее вынесенного постановления, можно сделать вывод о том, что лицо, ежедневно совершающее деяния, предусмотренные ст. 7.5 КоАП РФ, в течение данного срока, еще не будет считаться привлеченным к административной ответственности, соответственно, и специальный субъект ст. 191 и ст. 255 УК РФ будет отсутствовать.

Таким образом, вопрос правильного толкования административной преюдиции для целей ст. 191 и ст. 255 УК РФ остается неразрешенным, что вызывает трудности для правильной квалифи-

кации совершенных деяний в части их отнесения к уголовно наказуемым.

Другая проблема, порожденная новеллами уголовного законодательства в данной сфере, — это квалификация деяний, охватываемых сразу двумя составами преступлений, предусмотренных ст. 191 и ч. 2, 3 ст. 255 УК РФ. Речь идет о ситуациях, когда лицо, самовольно добывшее янтарь, нефрит и иные полудрагоценные камни, в последующем совершает с ними одно из следующих действий: незаконно хранит, перевозит, пересылает либо идет на совершение незаконной сделки. Но стоит сказать, что данный процесс обычно является непрерывным и совершается одними и теми же лицами, что подтверждает и Р.А. Забавко [8, с. 133]. Самовольная добыча без цели последующего оборота вышеуказанных предметов представляется нелогичной, ибо не несет никакой материальной выгоды для совершающего ее лица. Судебная практика показывает, что данные ситуации, охватывая деяния, содержащиеся в диспозициях сразу двух статей УК РФ, квалифицируются лишь по одной из них, а именно по ст. 191 УК РФ.

Так, приговором Ленинградского районного суда г. Калининграда, гр-н Барсуков А.А. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 191 УК РФ, а именно в том, что он, действуя из корыстных побуждений, осуществил самовольную добычу янтаря с его последующим незаконным хранением (*Приговор Ленинградского районного суда города Калининграда от 12 января 2022 г. по делу № 1-41/2022*). Совершая два преступных деяния, лицо привлечено к ответственности лишь за одно из них. Ситуация применения только одной ст. 191 УК РФ объяснима в случае совершения данных действий разными лицами.

Приговором Октябрьского районного суда г. Улан-Удэ гр-н Т. был привлечен к ответственности по ч. 2 ст. 191 УК РФ, а именно за совершение незаконного хранения самовольно добытого нефрита в крупном размере (*Приговор Октябрьского районного суда города Улан-Удэ от 10 ноября 2021 г. по делу № 1-965/2021*). Из приговора следует, что гр-н Т., действуя из корыстных побуждений и осознавая противоправность своих действий, согласившись на просьбу своего знакомого Б., ранее самовольно добывшего нефрит, хранил на территории своего жилого дома 2598,7 кг данного камня с целью его последующего сбыта на территории Бурятии.

Разница приведенных ситуаций очевидна, и если во втором случае речь идет лишь о совершении лицом незаконного хранения, то в первом ему

предшествовала и самовольная добыча, к ответственности за которую виновный не привлекался. Наличие данных составов, как уже было отмечено ранее, объяснимо только тем, что законодатель таким образом отграничил два объекта преступного посягательства — общественные отношения в сфере экономической деятельности (ст. 191 УК РФ) в части упущенной выгоды со стороны государства и общественные отношения в сфере защиты окружающей среды (ч. 2, 3 ст. 255 УК РФ) из-за наносимого противоправными деяниями вреда ее объектам. Кроме того, данные преступления могут совершаться в составе организованных групп либо же групп по предварительному сговору, в связи с чем необходимо предусмотреть меры ответственности для каждого лица за отдельно совершенное им деяние. Но можно ли считать данный подход правильным, все же учитывая, что квалификация по совокупности данных преступлений будет явно излишней?

Незаконное хранение, перевозка, пересылка, а также заключение сделок осуществляется с уже ранее самовольно добытыми янтарем, нефритом и другими полудрагоценными камнями. Представляется целесообразным установить уголовную ответственность за данные деяния в одной статье УК РФ, тем самым разрешив проблему излишней квалификации. Ранее такая методика использовалась в соответствии со ст. 258¹ УК РФ и воспринималась учеными с оптимизмом. Кроме того, некоторые исследователи рекомендуют ее универсализацию в отношении экологических преступлений [12, с. 26].

Таким образом, уголовно-правовая оценка самовольной добычи и незаконного оборота янтаря, нефрита и иных полудрагоценных камней весьма осложнена необходимостью постоянного сопоставления иногда противоречащих друг другу экономических и экологических интересов, а также отсутствием достаточной следственно-судебной практики по указанной категории дел.

Вопрос бланкетности ст. 191 и ст. 255 УК РФ также является спорным и вызывает трудности у правоприменителей. Для правильной квалификации деяний необходимо обращаться к экологическому законодательству и иным нормативным правовым актам. Начиная от определения предмета преступного посягательства, будь то полудрагоценные или драгоценные камни, драгоценные металлы и пр., и до законодательного определения указанных в диспозициях статей действий (хранение, перевозка, пересылка, транспортировка и др.), не говоря уже о правилах недропользования, приходится прибегать к определению ука-

занных категорий посредством применения различных нормативных правовых актов.

Так, если при определении предмета посягательства можно обратиться, к примеру, к Федеральному закону «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» от 26 марта 1998 г. № 41-ФЗ или Постановлению Правительства РФ от 11 сентября 2020 г. № 1406 «Об утверждении перечня полудрагоценных камней в целях применения ст. 7.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и ст. 191 и 255 Уголовного кодекса Российской Федерации», то определить точный перечень правил охраны и использования недр уже сложнее. В 2021 г. было отменено Постановление Федерального горного и промышленного надзора России (Федеральной службы по технологическому надзору) «Об утверждении Правил охраны недр», конкретизирующее положения Закона РФ от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах». В данный момент область недропользования все так же регулируется Законом РФ от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах», содержащим правовые и экономические основы комплексного рационального использования и охраны недр. Но, несмотря на отсутствие конкретизирующих его законодательных актов, многие положения все же требуют обращения к иным источникам. Так, для правильного установления факта нарушения правил охраны и использования недр при проектировании, размещении, строительстве, вводе в эксплуатацию и эксплуатации горнодобывающих предприятий или подземных сооружений, не связанных с добычей полезных ископаемых, что предусмотрено ч. 1 ст. 255 УК РФ, необходимо применение положений соответствующего административного регламента (*Приказ Федерального агентства по недропользованию от 22 апреля 2020 г. № 161 «Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральным агентством по недропользованию государственной услуги по выдаче заключений об отсутствии полезных ископаемых в недрах под участком предстоящей застройки и разрешений на застройку земельных участков, которые расположены за границами населенных пунктов и находятся на площадях залегания полезных ископаемых, а также на размещение за границами населенных пунктов в местах залегания полезных ископаемых подземных сооружений в пределах горного отвода // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 14.04.2023)*), предусматривающего процедуру получения разрешения на застройку территорий залегания полезных ископаемых, отсутствие которого может являться нарушением правил, указанных в ч. 1 ст. 255 УК РФ.

Но является ли отсутствие такого разрешения единственным нарушением установленных «правил охраны и использования недр»? Ни один из ныне действующих нормативных правовых актов не предусматривает исчерпывающий перечень таких правил, обращение к которому облегчало бы правоприменителю задачу по правильной квалификации того или иного деяния. Требования по рациональному использованию недр содержит только лицензия на недропользование, форма которой предусмотрена совместным Приказом Министерства природных ресурсов и экологии РФ и Федерального агентства по недропользованию № 782/13 от 25 октября 2021 г. «Об установлении формы лицензии на пользование недрами и порядка оформления, государственной регистрации и выдачи лицензий на пользование недрами». Но считается ли любое отклонение от установленных лицензией требований тем самым нарушением правил рационального использования и охраны недр? Каждый из поставленных нами ранее вопросов до сих пор не имеет своего ответа, что также порождает немало трудностей для правильной оценки совершаемых деяний в данной сфере.

Между тем следует отметить, что одна из главных функций бланкетных диспозиций и признаков состоит в их компенсационной роли. Они способствуют поддержанию необходимого баланса между стабильностью уголовного закона и динамикой социальной системы в случае отсутствия собственной иерархической структуры нормативных актов [14, с. 151]. Хотя полное исключение влияния других отраслей права на уголовное право невозможно, необходимо разрабатывать меры для минимизации такого влияния и обеспечения автономии уголовной сферы.

Структура ст. 255 УК РФ имеет недостатки. По мнению А.В. Аршамовой, название статьи подразумевает, что она охватывает любые действия или бездействие, нарушающие правила охраны и использования недр [1, с. 10]. Однако диспозиция статьи ограничена нарушением правил охраны и использования недр только при строительстве, эксплуатации горнодобывающих предприятий или подземных сооружений, не связанных с добычей полезных ископаемых, а также самовольной застройкой площадей залегания полезных ископаемых, что значительно ограничивает ее применение.

Кроме того, общественно опасные последствия в виде причиненного ущерба весьма неоднозначны. Учитывая расположение ст. 255 УК РФ в главе 26 «Экологические преступления», логично предположить, что ущерб причиняется именно экологии в виде порчи ресурсов, мест их залегания и пр. Но

одновременно с этим причиняется вред и экономическим интересам, поскольку в ином случае эти ресурсы могли быть должным образом добыты и выпущены в оборот. Такой точки зрения также придерживается И.В. Попов, который указывает, что под значительным ущербом следует понимать не только наносимый экологический вред, но и стоимость незаконно добытого природного ресурса. Это связано с тем, что такая сумма прямо отражает экономический ущерб для правообладателя-недропользователя (если недра предоставлены на законных основаниях, например, по лицензии) или для государства в качестве собственника недр в пределах своей территории и континентального шельфа [10, с. 34]. К сожалению, все еще остается неразрешенным вопрос о том, каким образом оценивать причиненный преступлением ущерб и какие показатели использовать для этого — будь то конкретные суммы, таксы, либо оценочная стоимость ресурса, величина затраченных сил добывающих лиц или другие. Нужно сказать, что проблемы, связанные с уголовно-правовой оценкой формально неопределенных последствий преступлений, всегда вызывали сложности на практике и являлись объектом научных исследований [6]. В отношении исследуемых деяний вопросы качественных и количественных аспектов ущерба пока остаются неизученными.

Оценочный характер общественно опасных последствий ст. 255 УК РФ также создает немало трудностей для правильной квалификации предусмотренных данной статьей деяний. В том числе такие трудности возникают при разграничении состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 255 УК РФ, и административных правонарушений, предусмотренных ст. 7.3 и ст. 7.4 КоАП РФ. Диспозиции указанных статей имеют схожие, если говорить о ст. 7.4 КоАП — аналогичные, действия, но должны отличаться, во-первых, по степени их общественной опасности, а во-вторых, по тяжести наступивших в результате их совершения последствий. Если административные правонарушения имеют формальный состав, то уголовно наказуемое деяние, наоборот, признается таковым при причинении значительного ущерба. Соответственно, отсутствие точного его определения не позволяет отграничить состав правонарушения от преступления, поскольку не содержится ни в одном из Примечаний к статьям УК РФ и не предусмотрен соответствующим Пленумом Верховного Суда РФ.

Анализ проведенных исследований и рассмотрение представленных законопроектов позволяют сделать следующие выводы.

Внесение изменений в ст. 191 УК РФ, включая янтарь, нефрит и другие полудрагоценные камни в качестве объектов преступления, свидетельствует о стремлении государственных органов ужесточить ответственность за незаконный оборот этих важных ресурсов. Однако остается вопрос об уникальных янтарных образованиях, которые при определенных условиях могут быть приравнены к драгоценным камням.

Проект федерального закона, направленный на изменение положений ст. 191 УК РФ с целью ужесточения ответственности и приведения ее в соответствие с Федеральным законом «О драгоценных металлах и драгоценных камнях», находится на стадии доработки и не был утвержден. Проанализированные приговоры по делам о незаконной добыче драгоценных металлов подчеркивают несоответствие размера наказания причиненному ущербу государству. В этом контексте предлагаемый законопроект имеет положительную сторону, так как он направлен на приведение положений ст. 191 УК РФ в соответствие с другими нормативными правовыми актами и решение некоторых проблемных вопросов правоприменения в области незаконного оборота драгоценных и полудрагоценных камней.

Усовершенствованные редакции ст. 191 и 255 УК РФ значительно повысили эффективность борьбы с незаконной добычей и оборотом янтаря, нефрита и полудрагоценных камней. Однако данные нововведения также имеют недоработки, которые приводят к проблемам в их применении.

Одной из проблем является неоднозначность административной преюдиции, которая была введена в составы статей Федеральным законом от 27 декабря 2019 г. № 500-ФЗ. Существующие поправки не полностью согласуются с диспозициями статей и между собой. Например, термины «перевозка», «пересылка» и «транспортировка» в разных статьях имеют различное толкование, что затрудняет их однозначное применение. Также не разрешен вопрос о неоднократности незаконного хранения, транспортировки и сбыта, что может привести к разногласиям в квалификации совершенных деяний.

Ситуация с административной преюдицией означает, что для квалификации деяний как преступных достаточно повторения аналогичного, но не тождественного деяния, ранее совершенного административного правонарушения. Однако проблема заключается в том, что уголовная ответственность возникает только при незаконной (самовольной) добыче, но не при хранении, транспортировке или сбыте, если ранее лицо было

привлечено к административной ответственности за аналогичное деяние.

Таким образом, вопрос правильного толкования административной преюдиции для целей ст. 191 и 255 УК РФ остается неразрешенным, что создает трудности при квалификации совершенных деяний и определении их уголовной наказуемости. Необходимо дальнейшее изучение и доработка законодательства с целью устранения проблемных моментов и обеспечения более точного и согласованного применения этих статей.

Введение новелл в уголовное законодательство, касающихся самовольной добычи и незаконного оборота янтаря, нефрита и полудрагоценных камней, привело к возникновению проблем с квалификацией совершаемых деяний. В случаях, когда лицо самовольно добывает указанные предметы и затем совершает их незаконное хранение, перевозку, пересылку или сделку, возникает неоднозначность в выборе статьи УК РФ для квалификации преступления. Судебная практика показывает, что в большинстве случаев лицо привлекается к ответственности только по одной из статей, обычно по ст. 191 УК РФ.

Однако такая ситуация приводит к отсутствию консенсуса в правоприменительной практике. Разница в квалификации ситуаций обусловлена наличием двух объектов преступного посягательства: экономические отношения (ст. 191 УК РФ) и защита окружающей среды (ч. 2 и 3 ст. 255 УК РФ). Также важно отметить, что данные преступления могут быть совершены в организованных группах или по предварительному сговору, что требует отдельной ответственности для каждого лица за его отдельные действия.

Для решения проблемы избыточной квалификации предлагается установить уголовную ответственность за незаконное хранение, перевозку, пересылку и сделки с самовольно добытыми янтарем, нефритом и полудрагоценными камнями в одной статье УК РФ, аналогично подходу, примененному в ст. 258¹ УК РФ для экологических преступлений. Такой подход считается более целесообразным и получает поддержку ученых.

В целом уголовно-правовая оценка самовольной добычи и незаконного оборота янтаря, нефрита и полудрагоценных камней осложнена необходимостью сопоставления экономических и экологических интересов, а также недостатком достаточной следственно-судебной практики в данной области. Дальнейшие меры по уточнению законодательства и развитию судебной практики могут помочь в разрешении этих проблем.

Статьи 191 и 255 УК РФ вызывают споры и трудности у правоприменителей в связи с неоднозначностью и недостатком определений, требуемых для квалификации преступных деяний. Правильная квалификация требует обращения к экологическому законодательству и другим нормативным актам, чтобы определить предмет преступного посягательства и конкретные действия, а также правила недропользования.

Определение предмета посягательства может быть произведено с использованием соответствующих законов и постановлений, однако точный перечень правил охраны и использования недр более сложен в установлении. Отмена регламентирующих актов создает проблемы для правоприменителей, которые должны обращаться к различным источникам для определения этих правил. Некоторые положения могут требовать применения административных регламентов для определения нарушений правил охраны и использования недр. В целом необходимы уточнения и дополнения в законодательстве, а также разработка конкретных правил и определений, чтобы облегчить правоприменителям задачу по квалификации преступных деяний в сфере охраны и использования недр.

Оценка общественно опасных последствий в ст. 255 УК РФ вызывает трудности и неоднозначность. Ущерб, причиняемый преступлениями, имеет две стороны: экологическую и экономическую. Экологический ущерб связан с порчей ресурсов и мест их залегания, а экономический ущерб проявляется в потере стоимости незаконно добытого природного ресурса. Однако оценка этого ущерба и определение его величины остаются нерешенными вопросами.

Также возникают трудности при разграничении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 255 УК РФ, и административных правонарушений, предусмотренных ст. 7.3 и 7.4 КоАП РФ. Действия, описываемые в этих статьях, могут быть схожими, но должны отличаться по степени общественной опасности и тяжести последствий. Административные правонарушения имеют формальный состав, в то время как уголовное преступление признается таковым при причинении значительного ущерба. Однако отсутствие точного определения исключает возможность четкого разграничения между правонарушениями и преступлениями.

В заключение можно отметить, что незаконный оборот драгоценных и полудрагоценных камней, таких как янтарь и нефрит, вызывает серьезные проблемы с квалификацией и определением уго-

ловной наказуемости. Внесение изменений в законодательство и дальнейшая разработка конкретных правил и определений помогут справиться с этими проблемами. Усиление ответственности за незаконный оборот данных ресурсов свидетельствует о стремлении государства бороться с этими преступлениями. Однако требуется разработка законодательства и уточнение правил, чтобы достичь более точной и согласованной при-

менительной практики. Введение единой статьи УК РФ для квалификации различных действий с незаконно добытыми камнями может быть эффективным решением, поддерживаемым учеными. Общая оценка ущерба и разграничение преступлений и административных правонарушений также требуют дальнейшего изучения и уточнения в законодательстве для правильной квалификации деяний и определения мер ответственности.

Литература

1. *Аршамова А.В.* Некоторые проблемы применения статьи 255 УК РФ // Вестник Национального института бизнеса. 2018. № 31. С. 8–12.
2. *Бархатова Е.Н.* Уголовная ответственность за незаконный оборот янтаря: целесообразность и обоснованность // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы XVII Международной научно-практической конференции. М., 2020. С. 393–396.
3. *Бархатова Е.Н., Беломестнов Н.Е.* Янтарь — природное богатство вне уголовно-правовой защиты // Правовая парадигма. 2019. Т. 18. № 4. С. 174–180.
4. *Жевлаков Э.Н.* Классификация ценных минералов и иных природных образований для целей квалификации их незаконного оборота // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2022. № 10. С. 183–189.
5. *Жевлаков Э.Н.* О разграничении экономических и экологических преступлений: теория, законодательство, практика // Уголовное право. 2017. № 2. С. 55–63.
6. *Жилкин М.Г.* Уголовно-правовая оценка последствий преступлений в сфере экономической деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. М., 2001. — 27 с.
7. *Жилкин М.Г.* Некоторые проблемы квалификации преступлений в сфере предпринимательской деятельности, связанных с повторным (неоднократным) совершением правонарушений // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 5 (67). С. 81–85.
8. *Забавко Р.А.* Уголовная ответственность за незаконные добычу и оборот янтаря, нефрита и других полудрагоценных камней // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10. № 8-1. С. 131–142.
9. *Котова А.А.* Дифференциация уголовной ответственности за незаконный оборот в Российской Федерации драгоценных и полудрагоценных камней, драгоценных металлов либо жемчуга: дис. ... канд. юрид. наук. 5.1.4. М., 2023. — 248 с.
10. *Попов И.В.* Безлицензионная (самовольная) добыча полезных ископаемых как нарушение правил охраны и использования недр (ст. 255 УК) // Уголовное право. 2012. № 4. С. 31–34.
11. *Тюнин В.И.* О проблемах применения статьи 191 УК РФ // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра. Материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции. СПб., 2022. С. 283–286.
12. *Фиськов И.А.* Уголовная ответственность за незаконное использование лесов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Владивосток, 2019. — 26 с.
13. *Чернов А.В., Габеев С.В.* Незаконный оборот янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней, драгоценных металлов, драгоценных камней либо жемчуга: проблемы, детерминируемые новой редакцией ст. 191 УК РФ // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 3. С. 97–109.
14. Экономическая безопасность (уголовно-правовые механизмы обеспечения): монография / отв. ред. И.И. Кучеров, О.А. Зайцев, С.Л. Нудель. М.: ООО «Юридическая фирма «Контракт»», 2021. — 320 с.

References

1. *Arshamova A.V.* Nekotorye problemy primeneniya stat'i 255 UK RF [Some problems of application of Article 255 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Vestnik Natsional'nogo instituta biznesa [Bulletin of the National Institute of Business]*, 2018, no. 31, pp. 8–12. (In Russian)

2. *Barkhatova E.N.* Ugolovnaya otvetstvennost' za nezakonnyi oborot yantarya: tselesoobraznost' i obosnovannost' [Criminal liability for illegal amber trafficking: expediency and validity]. In *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke. Materialy XVII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Criminal law: development strategy in the XXI century. Materials of XVII International Scientific and Practical Conference]. Moscow, 2020, pp. 393–396. (In Russian)
3. *Barkhatova E.N., Belomestnov N.E.* Yantar' — prirodnoe bogatstvo vne ugolovno-pravovoi zashchity [Amber is a natural wealth out of criminal protection]. *Pravovaya paradigma* [Legal Concept], 2019, v. 18, no. 4, pp. 174–180. (In Russian, abstract in English)
4. *Zhevlakov E.N.* Klassifikatsiya tsennykh mineralov i inykh prirodnykh obrazovaniy dlya tselei kvalifikatsii ikh nezakonno go oborota [Classification of valuable minerals and other natural formations for the purposes of qualifying their illegal trafficking]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina* [Bulletin of the O.E. Kutafin University], 2022, no. 10, pp. 183–189. (In Russian, abstract in English)
5. *Zhevlakov E.N.* O razgranichenii ekonomicheskikh i ekologicheskikh prestuplenii: teoriya, zakonodatel'stvo, praktika [On differentiation between economic and environmental crimes: theory, legislation, practice]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal law], 2017, no. 2, pp. 55–63. (In Russian, abstract in English)
6. *Zhilkin M.G.* Ugolovno-pravovaya otsenka posledstviy prestuplenii v sfere ekonomicheskoi deyatel'nosti [Criminal-legal assessment of the consequences of crimes in the sphere of economic activity]. Avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk. 12.00.08. Moscow, 2001. 27 p. (In Russian)
7. *Zhilkin M.G.* Nekotorye problemy kvalifikatsii prestuplenii v sfere predprinimatel'skoi deyatel'nosti, svyazannykh s povtornym (neodnokratnym) soversheniem pravonarusheniya [Some problems of qualification of crimes in the sphere of business activity connected with repeated (repeated) commission of offenses]. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation], 2018, no. 5 (67), pp. 81–85. (In Russian, abstract in English)
8. *Zabavko R.A.* Ugolovnaya otvetstvennost' za nezakonnye dobychu i oborot yantarya, nefrita i drugikh poludragotsennykh kamnei [Criminal liability for the illegal extraction and circulation of amber, jade and other semiprecious stones]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Issues of Russian and international law], 2020, v. 10, no. 8-1, pp. 131–142. (In Russian, abstract in English)
9. *Kotova A.A.* Differentsiatsiya ugolovnoi otvetstvennosti za nezakonnyi oborot v Rossiiskoi Federatsii dragotsennykh i poludragotsennykh kamnei, dragotsennykh metallov libo zhemchuga [Differentiation of criminal liability for illegal trafficking in the Russian Federation of precious and semi-precious stones, precious metals or pearls]. Diss. ... kand. jurid. nauk. 5.1.4. Moscow, 2023. 248 p. (In Russian)
10. *Popov I.V.* Bez litsenziy naya (samovol'naya) dobycha poleznykh iskopaemykh kak narusheniye pravil okhrany i ispol'zovaniya nedr (st. 255 UK) [Unlicensed (unauthorized) mining as a violation of the rules of protection and use of mineral resources (Article 255 of the Criminal Code)]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal law], 2012, no. 4, pp. 31–34. (In Russian)
11. *Tyunin V.I.* O problemakh primeneniya stat'i 191 UK RF [On the problems of applying Article 191 of the Criminal Code of the Russian Federation]. In *Ugolovnoe zakonodatel'stvo: vchera, segodnya, zavtra. Materialy ezhegodnoi vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Criminal law: yesterday, today, tomorrow. Materials of the annual all-Russian scientific and practical conference]. St. Petersburg, 2022, pp. 283–286. (In Russian)
12. *Fis'kov I.A.* Ugolovnaya otvetstvennost' za nezakonnoe ispol'zovanie lesov [Criminal liability for illegal use of forests]. Avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk. 12.00.08. Vladivostok, 2019. 26 p. (In Russian)
13. *Chernov A.V., Gabeev S.V.* Nezakonnyi oborot yantarya, nefrita ili inykh poludragotsennykh kamnei, dragotsennykh metallov, dragotsennykh kamnei libo zhemchuga: problemy, determiniruemye novoi redaktsiei st. 191 UK RF [Illegal Circulation of Amber, Jade or other Semi-Precious Stones, Precious Metals, Precious Stones or Pearls: Problems Determined by New Edition of Art. 191 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual problems of Russian law], 2021, v. 16, no. 3, pp. 97–109. (In Russian, abstract in English)
14. Ekonomicheskaya bezopasnost' (ugolovno-pravovye mekhanizmy obespecheniya): monografiya [Economic security (criminal legal mechanisms for ensuring): monograph]. Eds. I.I. Kucherov, O.A. Zaitsev, S.L. Nudel'. Moscow: OOO «Yuridicheskaya Firma Kontrakt» Publ., 2021. 320 p. (In Russian)

СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ДАТЫ ОБЪЕКТИВНОГО БАНКРОТСТВА ПОСРЕДСТВОМ СУДЕБНОЙ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Зубков Дмитрий Денисович,
Маркелова Алина Владимировна

Цель: рассмотрение существующих научных и практических подходов к определению даты объективного банкротства и их адаптация с учетом практических, теоретических и методических особенностей судебной финансово-экономической экспертизы как особого процессуального действия. Выявление проблемных вопросов, связанных с недостаточностью данных для производства судебной финансово-экономической информации, содержащейся в материалах дела, на основании анализа практики арбитражных судов по делам о привлечении контролирующего должника лиц к субсидиарной ответственности за несвоевременную подачу заявления о несостоятельности (банкротстве). Предложение путей решения проблем, связанных с дефицитом экономической информации, необходимой для обоснованного и полного решения задачи путем адаптации метода скорректированных чистых активов.

Методология: диалектический метод, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, системный метод, метод межотраслевых юридических исследований.

Выводы. Предложенные авторами в настоящей статье методические подходы позволяют адаптировать существующие научные и практические разработки в области установления даты объективного банкротства и оценки бизнеса к судебной экспертизе как особому процессуальному действию.

Научная и практическая значимость. В настоящей работе сформулированы положения, направленные на укрепление теоретических и практических основ деятельности экспертов в ходе их участия в судебном рассмотрении дел о несостоятельности (банкротстве) при решении задач, связанных с установлением даты объективного банкротства. С практической точки зрения положения, содержащиеся в данной работе, направлены на совершенствование деятельности судебных экспертов, что способствует более полному и достоверному установлению всех обстоятельств дела арбитражными судами.

Ключевые слова: финансово-экономическая экспертиза, судебная экспертиза, чистые активы, банкротство, финансовый анализ, оценка бизнеса, объективное банкротство, экспертная методика, недостаток активов, дисконтирование.

На сегодняшний день в процессе признания юридических лиц банкротами в соответствии с действующим законодательством нередко возникает необходимость в рассмотрении в рамках обособленных производств отдельных аспектов деятельности должника — юридического лица. Исследование таких аспектов невозможно без понимания банкротства как отдельной экономической категории. Одним из видов таких

производств выступает процесс привлечения контролирующих должника лиц (далее — КДЛ) к субсидиарной ответственности по обязательствам организации-должника.

Как следует из открытых данных единого федерального реестра сведений о банкротстве (далее — ЕФРСБ) и данных, публикуемых Судебным департаментом при ВС РФ, количество лиц, привлекаемых к субсидиарной ответственности

по обязательствам должника, и размер ответственности неуклонно растут. Так, если в 2018 г. к субсидиарной ответственности было привлечено 2592 человека на общую сумму 330,3 млрд рублей, в 2019 г. — 3401 человека на сумму 440,5 млрд рублей, то уже в 2021 г. эти значения достигли 4792 человека на общую сумму 513,4 млрд рублей (без учета дел о банкротстве финансовых организаций) (*Единый федеральный реестр сведений о банкротстве* // [Электронный ресурс]: URL: <https://bankrot.fedresurs.ru/>; *Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации* // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 15.02.2023)).

Одним из оснований привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности выступает основание, предусмотренное ст. 61.12 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», предполагающее неподачу (несвоевременную подачу) КДЛ заявления должника о признании банкротом (*СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190*).

Рассмотрение указанного заявления по смыслу Постановления Пленума ВС РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующего должника лиц к ответственности при банкротстве» предполагает установление даты наступления «объективного банкротства», которая в современных реалиях судебной практики (*например, в определении АС Северо-Западного Округа от 20 октября 2021 г. по делу № А56-40551/2017*) подразумевает определение реальной стоимости активов должника.

Датой же объективного банкротства, исходя из сущности указанных судебных актов, будет выступать тот момент времени, когда реальная стоимость активов должника не могла покрыть все требования кредиторов и такая невозможность сохранялась в дальнейшем.

Одной из процессуальных возможностей, направленных на установление указанной нами даты, выступает судебная экспертиза, предполагающая использование экспертом специальных экономических знаний.

С учетом наличия противоречий в судебно-экспертной науке и практике, принимая во внимание специфику банкротства как сложную экономико-юридическую категорию, мы полагаем, что данную экспертизу в рамках настоящего исследования можно именовать судебной финансово-экономической экспертизой, выступающей родом класса судебно-экономических экспертиз.

Особая актуальность дел о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности по обязательствам должника порождает, на наш взгляд, необходимость остановиться на методических

особенностях производства данного вида судебно-экспертного исследования по вопросу определения даты объективного банкротства.

В этой связи особое внимание следует уделить работам А.З. Бобылевой, О.А. Львовой [1] и Д.М. Хлопцова, О.С. Беломытцовой, А.С. Баландиной [2], предложившим собственную методику установления даты объективного банкротства.

В работе Д.М. Хлопцова, О.С. Беломытцовой, А.С. Баландиной предложена последовательность действий для определения даты объективного банкротства, которые могут быть, на наш взгляд, использованы экспертом в ходе производства указанного вида исследования. Так, авторами выделяются следующие этапы:

- исследование структуры активов по данным бухгалтерского баланса организации-должника за весь период ее деятельности;

- расчет «балансовой» стоимости чистых активов организации в соответствии с приказом Министерства финансов РФ № 84н;

- определение рыночной стоимости отдельных статей активов и обязательств организации (здесь следует отметить, что авторы справедливо указывают на существенность правового оформления необходимости оценки обязательств по реальной стоимости) с оформлением специального бухгалтерского баланса на основании реальной стоимости активов и обязательств и составлением отдельных строк «Излишек активов» или «Недостаток активов»;

- в случае выявления недостатка активов определяется реальная стоимость чистых активов и выявляются даты, по состоянию на которые указанная стоимость носила отрицательное значение, с целью определения первичной даты объективного банкротства;

- расчет коэффициентов платежеспособности и финансовой устойчивости организации, исходя из данных бухгалтерского баланса;

- трактовка сочетания показателей, определенных на четвертом и пятом этапе, и установление даты объективного банкротства.

Соглашаясь в целом со структурой и содержанием предложенных авторами этапов, полагаем, что указанные этапы могут быть положены в основу методики судебной финансово-экономической экспертизы по делам о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности за несвоевременную подачу заявления должника, направленной на решение вопросов об установлении даты объективного банкротства.

Вместе с тем при адаптации положений указанной методики необходимо учитывать особенности

судебной экспертизы как особого процессуального действия.

Предполагая, что под судебной экспертной деятельностью следует понимать «разновидность процесса познания объективной действительности, представляющего собой применение соответствующих средств и осуществление определенных операций, основанных в том числе на алгоритмических правилах» [3, с. 105], обоснованным представляется имплементация указанных подходов к определению даты объективного банкротства в рамках существующих в науке и практике методических подходов к производству судебно-экспертных исследований.

Исходя из этого, представляется, что для определения методических подходов судебной финансово-экономической экспертизы, направленной на установление даты объективного банкротства организации-должника, следует прежде всего определить типичные для данной экспертизы объекты, методы и средства исследования: последовательность применения методов и средств, описание возможных результатов применения методов и средств с точки зрения их влияния на решение экспертной задачи. С этой целью необходимо обратиться к материалам экспертной практики и научно обоснованным предложениям таких ученых, как В.А. Тимченко [4], Е.Р. Росинская [5].

Исходя из дефиниции экспертной задачи, под которой понимается «экспертная деятельность, направленная на преобразование потенциальной доказательственной информации, содержащейся в представленных на экспертизу в качестве исходных данных материалов дела, в актуальную доказательственную информацию, которая мо-

жет быть использована для правильного решения дела» [6, с. 21], отметим, что в данном случае экспертная задача может быть сформулирована следующим образом: анализ данных бухгалтерского учета организации-должника, отражающих финансово-хозяйственную деятельность, а также исследование показателей бухгалтерской финансовой отчетности с целью определения даты объективного банкротства.

Понимая объекты судебно-экономической экспертизы как «материальные носители, содержащие регламентируемую и не регламентируемую нормативными актами информацию о фактах хозяйственной жизни в отношении средств организации и их источников, позволяющие идентифицировать лиц, составивших эти носители информации, лиц, ответственных за имевшие место факты хозяйственной жизни в отношении средств организации и их источников, а также проверить достоверность информации, содержащейся на материальных носителях» [7, с. 7], можно отнести к объектам экспертного исследования следующие документы:

1. Бухгалтерская финансовая отчетность.
2. Договоры, заключенные организацией-должником.
3. Регистры учета.
4. Финансовый анализ, проведенный арбитражным управляющим.
5. Результаты инвентаризации, проведенной арбитражным управляющим.

Характер экспертной задачи судебного финансово-экономического экспертного исследования, предполагающего установление даты объективного банкротства, предусматривает решение ряда подзадач (см. таблицу 1).

Таблица 1

Характеристика подзадач судебного финансово-экономического экспертного исследования, предполагающего установление даты объективного банкротства

№	Наименование подзадачи	Принцип решения
1	Установление рыночной стоимости чистых активов	На данном этапе эксперт рассчитывает стоимость чистых активов на основании данных бухгалтерского баланса и бухгалтерского учета организации-должника и производит их корректировку путем применения подходов к оценке, вывода рыночную стоимость
2	Установление соотношения активов и обязательств с учетом их рыночной стоимости	На данном этапе эксперт (с учетом рыночной стоимости активов и обязательств) производит сопоставление данных показателей и выводит информацию об излишке или недостатке активов
3	Установление даты объективного банкротства	В ходе решения данной подзадачи эксперт при выявлении недостатка активов рассчитывает при помощи метода финансового анализа первую дату, по состоянию на которую рыночная стоимость обязательств превысила рыночную стоимость активов так, чтобы в дальнейшем недостаток активов сохранялся

Указанные подзадачи, в свою очередь, решаются экспертом в ходе проведения исследования, которое, исходя из положений теории судебной экспертизы, отраженных в работе Т.В. Аверьяновой [8] и Е.Р. Россинской [3], носит многостадийный характер. Так, традиционно в науке выделяют стадии предварительного, отдельного, сравнительного исследований и стадию оценки результатов исследования и формулирования выводов, содержание которых определяет характер экспертной задачи.

Рассматриваемая нами экспертная задача носит сложный диагностический характер и предполагает мысленное моделирование финансового состояния организации на основании изучения свойств, характеризующих рыночную стоимость активов и обязательств юридического лица, и сопоставление следствий из полученной модели. Последнее выражается в сопоставлении дат недостатка активов с целью определения той из них, после которой рыночная стоимость обязательств превысила рыночную стоимость активов таким образом, что в дальнейшем недостаток активов сохранился.

Итак, решение первой и второй подзадачи экспертного исследования реализуется экспертом в ходе производства отдельного исследования, а решение третьей — в ходе сравнительного исследования.

Обращаясь к характеристикам методов и средств рассматриваемого нами исследования, отметим, что в ходе производства указанного исследования следует, прежде всего, наряду с общенаучными методами исследования отметить методические приемы, разработанные в работах Д.М. Хлопцова, О.С. Беломытцовой, А.С. Баландиной, применимость которых, однако, на наш взгляд, в ряде случаев носит ограниченный характер.

Так, при определении реальной стоимости отдельных статей активов и обязательств организации авторы отмечают возможность использования отдельных дополнительных документов «свидетельствующих, например, об износе основных средств, договоров займа и иных документов» [2, с. 4]. Однако в отдельных ситуациях такие документы могут отсутствовать. Например, в случае привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности за невозможность полного погашения требования кредиторов, сопряженного с непередачей КДЛ документов бухгалтерского учета и иных документов конкурсному управляющему, повлекшей невозможность последнего сформировать конкурсную массу (дело № А43-20716/2016 о несостоятельно-

сти (банкротстве) общества с ограниченной ответственностью «Мир»).

В связи с этим применение указанных методических приемов для установления даты объективного банкротства будет осложнено дефицитом информации у эксперта. Несмотря на возможность судебного эксперта ходатайствовать о предоставлении дополнительных материалов в соответствии со ст. 55 АПК РФ, из обстоятельств дела усматривается отсутствие объективной возможности получения указанных документов по причине, что КДЛ уже было привлечено к субсидиарной ответственности, как в вышеприведенном примере, или в случае уклонения КДЛ от исполнения обязанности по передаче первичной документации. Следовательно, решение первой экспертной подзадачи затруднено в связи с отсутствием документов.

Данная проблема, по нашему мнению, может быть решена путем применения в рамках производства рассматриваемого нами вида судебно-экспертного исследования элементов метода скорректированных чистых активов и иных методов оценки бизнеса, предполагающих определение реальной стоимости чистых активов, исходя из данных бухгалтерской финансовой отчетности организации.

Обращаясь к зарубежной и отечественной научной литературе, посвященной оценке бизнеса, в частности, к работам таких авторов, как Е.В. Лещукова, Г.А. Маховикова, А.А. Савицкий, Е.Р. Россинская, В.М. Рутгайзер, У. Кентон [9, 10, 11, 12, 13, 14, 15], мы отметим следующие пути определения реальной стоимости активов и обязательств организации-должника в условиях объективной невозможности получения бухгалтерских, организационно-распорядительных и иных документов, раскрывающих отдельные строки бухгалтерской (финансовой) отчетности организации.

Стоит отметить, что в рассматриваемой нами методике, предложенной Д.М. Хлопцовой, О.С. Беломытцовой, А.С. Баландиной [2], предусмотрена возможность использования элементов метода оценки стоимости бизнеса, связанной с дисконтированием. Однако авторами отмечается, что данный метод применяется к оценке реальной стоимости дебиторской и кредиторской задолженностей. Мы же полагаем, что указанный метод может быть применен также к оценке реальной стоимости иных активов следующим образом.

Основные средства

В случае невозможности предоставления документов бухгалтерского учета, раскрывающих

состав основных средств, отраженных в бухгалтерском балансе организации на конкретную дату, важнейшим источником информации о составе основных средств организации являются результаты инвентаризации и оценки, проведенных конкурсным управляющим в соответствии со ст. 129 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», которые следует запросить у суда в порядке ст. 55 АПК РФ.

При определении реальной стоимости основных средств эксперту, при наличии специальных знаний в области оценочной деятельности, следует определить стоимость указанного имущества путем применения подходов к оценке, указанных в ФСО V «Подходы к оценке», утвержденных Приказом Минэкономразвития России от 14 апреля 2022 г. № 200.

Запасы

Как и в случае с объектами основных средств, важным источником информации будет являться результат инвентаризации, проведенной конкурсным управляющим.

Вместе с тем оценка скорректированной стоимости запасов также может быть осуществлена с учетом их ликвидности, предполагающей возможность их продажи с наценкой, приблизительно равной средней рентабельности продаж за анализируемые периоды, и исходя из периода оборачиваемости запасов, рассчитанных по данным бухгалтерской отчетности.

Такая оценка предполагает расчет фактора приведения по следующей формуле:

$$k = 1 / (1 + r)^n / 365, \quad (1)$$

где k — фактор дисконтирования;
 r — ставка дисконтирования, %;
 n — период оборачиваемости, дни.

Полученная величина используется для корректировки стоимости запасов с учетом наценки соответствующей рентабельности продаж.

Налог на добавленную стоимость по приобретенным ценностям

Налог на добавленную стоимость по приобретенным ценностям является налогом на добавленную стоимость, который принимается к зачету при расчетах с бюджетом.

Так, на сумму НДС может быть уменьшена сумма платежей, уплачиваемых в бюджет, при реализации продукции, что говорит о высокой ликвидности данного актива. Исходя из этого, статья не подлежит корректировке: рыночная стоимость

НДС по приобретенным ценностям принимается равной балансовой.

Дебиторская задолженность

В условиях объективной невозможности получения бухгалтерских документов сведения о дебиторской задолженности могут быть получены из результатов инвентаризации имущества должника, в которых отражена сверка расчетов по каждому должнику в разрезе отдельных договоров и оснований.

Определение реальной стоимости данного актива будет осуществлено с предположением, что дебиторская задолженность обращается в денежные средства за период оборота. Корректировка общей суммы дебиторской задолженности осуществляется аналогичным образом с корректировкой величины запасов, порядок которой был изложен ранее.

Денежные средства

Ввиду того, что денежные средства являются наиболее ликвидными активами, они не нуждаются в корректировке. В связи с чем рыночная стоимость данного актива будет равна балансовой.

Прочие оборотные активы

Аналогичным образом источником получения сведений о прочих внеоборотных активах можно считать сведения о проведенной инвентаризации.

Следует отметить, что оценка прочих оборотных активов в ряде случаев будет основываться на том, что они представлены расходами будущих периодов. В связи с этим данная статья не нуждается в корректировке. Таким образом, как и в случае с вышеупомянутыми активами, рыночная стоимость определятся в соответствии с балансовой.

Заемные средства и кредиторская задолженность

Стоимость указанных строк бухгалтерского баланса может быть установлена из результатов инвентаризации организации-должника, проведенной арбитражным управляющим. Реальная стоимость указанных строк корректируется путем дисконтирования, при этом для заемных средств в качестве ставки дисконтирования используется средневзвешенная стоимость модели капитала.

Оценку скорректированной стоимости кредиторской задолженности следует проводить посредством дисконтирования, которое осуществляется на срок, сопоставимый с периодом оборачиваемости

мости, на основе ставки по краткосрочным кредитам. При этом, как и в случае с дебиторской задолженностью, корректировка осуществляется с учетом коэффициента приведения, рассчитанного по формуле 1.

Стадия оценки результатов исследования и формулирования выводов в ходе производства рассматриваемого нами вида финансово-экономического экспертного исследования, в свою очередь, зависит от результатов решения третьей подзадачи экспертного исследования. На данной стадии эксперт оценивает свое исследование с точки зрения объективности, полноты и всесторонности.

Таким образом, в связи с ростом привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности по обязательствам должника особенно актуальным является содействие арбитражным судам в определении всех обстоятельств дела, связанных в том числе с определением даты объективного бан-

кротства. Особенно эффективным средством является проведение судебной финансово-экономической экспертизы, методические подходы к проведению которой на сегодняшний день не до конца разработаны. Предложенные в настоящей статье авторами методические подходы позволяют адаптировать существующие научные и практические разработки в области установления даты объективного банкротства и оценки бизнеса к судебной экспертизе как особому процессуальному действию. Кроме того, предложенная методика позволяет учитывать возникающие на практике случаи недостаточности информации о финансово-хозяйственной деятельности должника в процессе банкротства. Вместе с тем с учетом актуальности и важности данной темы полагаем, что существует необходимость дальнейшего рассмотрения теоретических и методических аспектов данного судебного экспертного исследования.

Литература

1. *Бобылева А.З., Львова О.А.* Финансово-экономический инструментарий выявления признаков объективного банкротства // *Актуальные проблемы экономики и права.* 2020. Т. 14. № 1. С. 22–39.
2. *Хлопцов Д.М., Беломытцева О.С., Баландина А.С.* О методике определения даты объективного банкротства организации // *Имущественные отношения в Российской Федерации.* 2022. № 1. С. 30–40.
3. *Россинская Е.Р.* Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М.: Норма, Инфра-М, 2014. — 735 с.
4. *Тимченко В.А.* Принципы формирования экспертных методик судебно-бухгалтерской экспертизы // *Сборник докладов международной научной конференции «Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы».* Нижний Новгород, 2020. С. 273–284.
5. *Россинская Е.Р.* Современная судебно-экспертная деятельность и направления ее совершенствования // *Закон.* 2019. № 10. С. 31–42.
6. *Зинин А.М., Майлис Н.П.* Судебная экспертиза: учебник. М.: Право и закон, Юрайт-Издат, 2002. — 318 с.
7. *Тимченко В.А.* Объекты судебно-экономической экспертизы // *Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского.* 2020. № 2. С. 200–206.
8. *Аверьянова Т.В.* Судебная экспертиза. Курс общей теории: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2015. 480 с.
9. *Оценка бизнеса: учебное пособие / ред. В.Е. Есипов, Г.А. Маховикова.* СПб.: Питер, 2010. — 512 с.
10. *Лещукова И.В.* Метод откорректированных чистых активов, используемый при оценке предприятия затратным подходом // *Инновационная наука.* 2017. № 10. С. 31–33.
11. *Щепотьев А.В., Вязьмов А.А., Карпова Т.Е.* Оценка стоимости предприятия (бизнеса): учебное пособие. М. — Берлин: Директ-Медиа, 2014. — 183 с.
12. *Kenton Will.* Return on Total Assets — ROTA Definition // *Investing, financial analysis.* 2019.
13. *Савицкий А.А.* Экономические экспертизы в судопроизводстве России: теория и практика: дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.12. М., 2021. — 543 с.
14. *Савицкий А.А.* Актуальные проблемы назначения и производства судебных финансово-аналитических экспертиз // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина.* 2018. № 7 (47). С. 94–102.
15. *Рутгайзер В.М.* Подходы, методы и модели оценки стоимости бизнеса. М.: Лаборатория Книги, 2010. — 56 с.

References

1. *Bobyleva A.Z., L'vova O.A.* Finansovo-ekonomicheskii instrumentarii vyyavleniya priznakov ob"ektivnogo bankrotstva [Financial and economic tools for identifying signs of objective bankruptcy]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava [Actual problems of economics and law]*, 2020, v. 14, no. 1, pp. 22–39. (In Russian, abstract in English)
2. *Khloptsov D.M., Belomytseva O.S., Balandina A.S.* O metodike opredeleniya daty ob"ektivnogo bankrotstva organizatsii [On the methodology for determining the date of the objective bankruptcy of an organization]. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii [Property relations in the Russian Federation]*, 2022, no. 1, pp. 30–40. (In Russian, abstract in English)
3. *Rossinskaya E.R.* Sudebnaya ekspertiza v grazhdanskom, arbitrazhnom, administrativnom i ugovnom protsesse [Judicial examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings]. Moscow: Norma Publ., INFRA-M Publ., 2014. 735 p. (In Russian)
4. *Timchenko V.A.* Printsipy formirovaniya ekspertnykh metodik sudebno-bukhgalterskoi ekspertizy [Principles of formation of expert methods of forensic accounting]. In *Sbornik dokladov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Natsional'nye i Mezhdunarodnye tendentsii i perspektivy razvitiya sudebnoi ekspertizy» [Collection of reports of the international scientific conference "National and International trends and prospects for the development of forensic examination"]*. Nizhnii Novgorod, 2020, pp. 273–284. (In Russian)
5. *Rossinskaya E.R.* Sovremennaya sudebno-ekspertnaya deyatel'nost' i napravleniya ee sovershenstvovaniya [Modern forensic activity and directions for its improvement]. *Zakon [Law]*, 2019, no. 10, pp. 31–42. (In Russian)
6. *Zinin A.M., Mailis N.P.* Sudebnaya ekspertiza. Uchebnik [Forensic examination. Textbook]. Moscow: Pravo i zakon Publ., Yurait-Izdat Publ., 2002. 318 p. (In Russian)
7. *Timchenko V.A.* Ob"ekty sudebno-ekonomicheskoi ekspertizy [Objects of forensic economic expertise]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo [Bulletin of the Nizhny Novgorod Lobachevsky University]*, 2020, no. 2, pp. 200–206. (In Russian, abstract in English)
8. *Aver'yanova T.V.* Sudebnaya ekspertiza. Kurs obshchei teorii: monografiya [Forensic examination. General theory course: monograph]. Moscow: Yur. Norma Publ., INFRA-M Publ., 2015. 480 p. (In Russian)
9. *Otsenka biznesa. Uchebnoe posobie [Business Valuation. Textbook]*. Eds. V.E. Esipov, G.A. Makhovikova. St. Petersburg, Piter Publ., 2010. 512 p. (In Russian)
10. *Leshchukova I.V.* Metod otkorrektirovannykh chistykh aktivov, ispol'zuemyi pri otsenke predpriyatiya zatratnym podkhodom [The method of adjusted net assets used in the evaluation of an enterprise by the cost approach]. *Innovatsionnaya nauka [Innovative science]*, 2017, no. 10, pp. 31–33. (In Russian, abstract in English)
11. *Shepot'ev A.V., Vyaz'mov A.A., Karpova T.E.* Otsenka stoimosti predpriyatiya (biznesa). Uchebnoe posobie [Valuation of an enterprise (business). Study guide]. Moscow–Berlin: Direkt-Media Publ., 2014. 183 p. (In Russian)
12. *Kenton Will.* Return on Total Assets — ROTA Definition. *Investing, financial analysis*. 2019. (In English)
13. *Savitskii A.A.* Ekonomicheskie ekspertizy v sudoproizvodstve Rossii: teoriya i praktika [Economic expertise in legal proceedings in Russia: theory and practice]. Diss. ... d-ra jurid. nauk. 12.00.12. Moscow, 2021. 543 p. (In Russian, abstract in English)
14. *Savitskii A.A.* Aktual'nye problemy naznacheniya i proizvodstva sudebnykh finansovo-analiticheskikh ekspertiz [Actual problems of appointment and production of judicial financial and analytical expertise]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina [Bulletin of the Kutafin University]*, 2018, no. 7 (47), pp. 94–102. (In Russian, abstract in English)
15. *Rutgaizer V.M.* Podkhody, metody i modeli otsenki stoimosti biznesa [Approaches, methods and models for business valuation]. Moscow: Laboratoriya Knigi Publ., 2010. 56 p. (In Russian)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СУДЕБНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Пивоваров Федор Юрьевич

Цель: провести анализ наиболее актуальных вопросов методического обеспечения экономических экспертиз, а также предложить решение по устранению проблем, заключающихся в отсутствии согласованности в подходе к решению наиболее типичных экспертных задач при рассмотрении арбитражных дел.

Методология: диалектический подход, включающий категории и законы диалектической и формальной логики; общенаучные методы: логический, системно-структурный и др.; частнонаучные методы: догматико-юридический метод и методы толкования норм права.

Выводы. Необходимо производить поступательную гармонизацию выработанных методических рекомендаций и положений типовых методик для производства судебных экономических экспертиз с требованиями стандартизации, предъявляемыми к разработке, валидации и актуализации судебно-экспертных методик, а также к их структуре и оформлению. Соблюдение указанных процедур на практике позволит выработать единый научно-методический подход к производству судебных экономических экспертиз, что в итоге приведет к очищению их от умозрительных и спекулятивных методик.

Научная и практическая значимость. Методическое обеспечение судебных экономических экспертиз зиждется на научном фундаменте в силу особых требований, предъявляемых к экспертному исследованию. Судебно-экспертные технологии являются неотъемлемой частью судебной экспертологии, а их актуализация обладает первостепенной важностью для соответствия таких технологий вызовам современных достижений науки. Результаты анализа подходов к проведению экспертных экономических исследований, отвечающих текущим запросам арбитражного процесса, послужат совершенствованию экспертной практики.

Ключевые слова: экономические экспертизы, экономические исследования, арбитражный процесс, экспертные технологии, экспертные методики, стандартизация методик, организация стандартизации, финансовое состояние, объективное банкротство, стоимость доли.

Введение. Безусловной проблематикой к настоящему моменту обладает методическое обеспечение экспертного экономического исследования, первопричиной которой выступает неизменность безотлагательного тезиса, указывающего на «отсутствие единого методического обеспечения, рассогласованность методического аппарата, отсутствие единых методик» [1, с. 966]. Однако же, как представляется, наиболее пристального внимания такое положение заслуживает в первую очередь в отношении экономической экспертизы в цивилистических процессах, а наи-

более предметно — в рамках дел, рассматриваемых арбитражными судами. Подобная гипотеза следует из предпосылки особой компетенции арбитражных судов, рассматривающих дела по экономическим спорам и другие дела, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, как это регламентировано ч. 1 ст. 27 АПК РФ. Что наиболее существенно, отмеченный тезис в действительности отражает текущее состояние и имеет непосредственное влияние как на сам процесс экспертного экономического исследования, так

и на его результаты. В итоге ознакомления эксперта-экономиста с определением о назначении судебной экспертизы и уяснения задач, поставленных перед ним, эксперт на подготовительной стадии должен наметить план предстоящего экспертного исследования, а также осуществить выбор подходящих метода, группы методов либо типовой методики [2, с. 235]. В пределах же оценки заключения эксперта наиболее важным этапом является проверка научной обоснованности экспертной методики [2, с. 275]. Указанные предпосылки сформировали востребованность в анализе наиболее актуальных вопросов методического обеспечения экономических экспертиз, а также преодоления существующей проблематики в указанном направлении.

Основная часть. На основе анализа научных работ достаточно обширного спектра к настоящему моменту возможно обобщенно представить методическую составляющую экспертного экономического исследования в следующем виде по наиболее крупным группам:

— Положения специального правового регулирования («специальных правил» [3, с. 73]), отраженные в нормативно-правовых актах — законах и подзаконных правовых актах (в особенности актах органов исполнительной власти), актах толкования норм права (например, в рамках судебной экономической экспертизы по налоговым спорам таковым выступает Постановление Пленума ВАС РФ от 12 октября 2006 г. № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» при осуществлении налоговой реконструкции), а также в обширной группе актов органов исполнительной власти разъяснительного характера, содержащих нормативные признаки и проч. Указанные акты не являются нормативными, тем не менее должны быть приняты к учету судебным экспертом-экономистом. Например, признаки фиктивного характера финансово-хозяйственной деятельности экономического субъекта подробно раскрываются ФНС РФ в следующих разъяснительных актах: Письмо ФНС РФ от 10 марта 2021 г. № БВ-4-7/3060@; Письмо ФНС РФ от 23 марта 2017 г. № ЕД-5-9/547@; Письмо ФНС РФ от 24 июля 2015 г. № ЕД-4-2/13005@; Письмо ФНС РФ от 11 февраля 2010 г. № 3-7-07/84; Письмо ФНС РФ от 03 августа 2016 г. № ГД-4-14/14126@; Приказ ФНС РФ от 30 мая 2007 г. № ММ-3-06/333@; Письмо ФНС РФ от 24 июня 2016 г. № ЕД-19-15/104.

— Экономическая теория и методики «экономического» исследования, разработанные

специалистами-практиками в различных областях экономической деятельности или учеными-экономистами, воспринятые экспертами-экономистами с определенной степенью допущения и лишь в той части, которая не противоречит законодательству о судебно-экспертной деятельности [4].

— Методические рекомендации, разработанные экспертами-практиками, как правило, на базе личного экспертного опыта, раскрывающие один или несколько элементов типовой экспертной методики и основанные на применении отдельных положений специального правового регулирования либо приспособлении обозначенных выше методик «экономического» исследования.

— Методики экспертного исследования, разработанные экспертами-практиками и необходимые исключительно для решения экспертных задач в пределах производства судебных экономических экспертиз.

В силу текущего состояния экспертных технологий, а также сформированности частной теории судебных экономических экспертиз, необходимо отметить, что развитие требуемого методического обеспечения судебных экономических экспертиз должно быть сфокусировано именно на выработке положений стандартизированных типовых методик, которые могут быть использованы целенаправленно для экспертного экономического исследования.

Однако необходимо также отметить, что весомая доля типичных экспертных задач, исходя из практики назначения и производства судебных экономических экспертиз, может и не требовать разработки специальных методик экспертного экономического исследования. Решение таковых в полной мере базируется на знании экспертом-экономистом положений специального правового регулирования области, составляющей предмет его исследования, а также методов, представляющих «комплексное изучение достоверности, эффективности, законности и целесообразности хозяйственных операций на основе использования учетной и внеучетной информации» [5, с. 89]. Таковыми могут являться прямые сложные диагностические задачи, включающие фактологические, причинно-динамические, нормативистские, классификационные вопросы [6, с. 90].

Так, например, достаточно типичные для арбитражного процесса вопросы: «Какие первичные документы подтверждают выполнение работ, услуг, поставки товаров (подтверждают ли вообще) и на какую сумму?» (в рамках дела о признании сделок недействительными (*Определение Арби-*

тражного суда Хабаровского края от 15 июля 2022 г. по делу А73-11915/2021)); «Какими первичными документами подтверждается учет расчетов с подотчетными лицами? Имеются ли расхождения в учетных данных о приходе и расходе денежных средств? Производился ли расчет с юридическими лицами наличными средствами? Соответствуют ли записи в документации, касающиеся этих средств, правилам ведения бухгалтерского учета? Являются ли документально обоснованными операции бухгалтерского учета по сделкам организации 1 с организацией 2? Оприходованы ли должным образом товарно-материальные ценности, поступившие в распоряжении организации 1 в результате этих сделок?» (в рамках дела о признании общества несостоятельным (банкротом) (*Определение Арбитражного суда Тюменской области от 07 сентября 2021 г. о назначении судебной экспертизы по делу А70-950/2017*)) и проч. Экспертное же исследование по подобным задачам необходимо проводить на основе положений законодательства о бухгалтерском учете, а также действующих федеральных стандартов бухгалтерского учета, что позволит утверждать об обоснованности и достоверности полученных экспертом результатов. Разработка же особых методик для решения подобных задач нецелесообразна и не приведет к повышению качества экспертной работы.

В то же время в экспертной практике к настоящему моменту накопился имеющий принципиальное научное значение опыт по проведению разнородных экономических исследований для содействия арбитражным судам по решению обратных диагностических задач. Крайне затруднительно всеобъемлюще синтезировать эмпирику по указанному направлению, тем не менее необходимо продемонстрировать ряд наиболее знаковых примеров. В числе указанных обозначим следующие.

1. Проведение экспертом-экономистом анализа финансового состояния. Каково финансовое состояние организации 1? Приводит ли удовлетворение организацией 1 требований одного кредитора или нескольких кредиторов к невозможности исполнения должником денежных обязательств, обязанностей по уплате обязательных платежей и (или) иных платежей в полном объеме перед другими кредиторами на определенные даты? Имелись ли у организации 1 признаки неплатежеспособности и (или) недостаточности имущества на дату? (Постановка вопроса в указанной формулировке в настоящий момент противоречит позиции Верховного Суда РФ. Неплатежеспособность с точки зрения законодательства о банкротстве является

юридической категорией, определение наличия которой относится к исключительной компетенции судов, равно как и категории добросовестности, разумности, злоупотребления, вины и проч., как это установлено в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28 сентября 2020 г. № 310-ЭС20-7837 по делу № А23-6235/2015) (в рамках дела о признании общества несостоятельным (банкротом) (*Определение Арбитражного суда Самарской области от 2 октября 2020 г. о назначении судебной экспертизы по делу А55-32949/2017*)).

В рамках первого из обозначенных примеров эксперт-экономист, безусловно, столкнется с методической преградой в виде необходимости выбора одной из множества методик финансового анализа, представленных в научной литературе, так и не сформировавших единого подхода. Тем не менее значительный научный вклад в указанной проблемной области был достигнут в отдельных исследованиях [7]. За отсутствием унифицированной методики эксперт, воспользовавшийся определенными рекомендациями, должен в своем заключении обосновать свой выбор (иначе указанное обоснование будет необходимо предоставить на допросе в судебном заседании). Таким образом, данная причина ограничивает лиц, назначивших экспертизу, в оценке заключения эксперта с позиции научной обоснованности примененной методики, а также правомерности ее применения в конкретном случае.

2. Определение даты наступления объективного банкротства. Установление указанного обстоятельства арбитражными судами может трактоваться в качестве вопроса права в соответствии с позицией Верховного Суда РФ, отраженной в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30 января 2020 г. № 305-ЭС18-14622(4,5,6) по делу № А40-208525/2015 (*например, Определение 15-го Арбитражного апелляционного суда от 23 сентября 2022 г. по делу № А53-5234/2017*), то есть определение даты наступления (а при необходимости также причин) неспособности в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, в том числе об уплате обязательных платежей, из-за превышения совокупного размера обязательств над реальной стоимостью его активов (в рамках дела о признании общества несостоятельным (банкротом) (*Определение Арбитражного суда Томской области от 11 августа 2020 г. о назначении судебной экспертизы по делу № А67-5407-144/2016*)).

Одним из наиболее существенных обстоятельств, подлежащих установлению в рамках дел о признании юридических лиц несостоятельными (банкротами) и споров о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, является определение даты наступления объективного банкротства. Необходимо отметить, что указанная задача в силу разнородной правовой регламентации самой категории **объективного банкротства**, а также несформировавшейся позиции правоприменителя относительно степени возможного участия эксперта-экономиста в его установлении (см. выше) к настоящему моменту является недостаточно изученной (объективное банкротство — критический момент, в который должник из-за снижения стоимости чистых активов стал неспособен в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, в том числе по уплате обязательных платежей (*Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20 июля 2017 г. № 309-ЭС17-1801 по делу № А50-5458/2015*); момент, в который должник стал неспособен в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, в том числе об уплате обязательных платежей, из-за превышения совокупного размера обязательств над реальной стоимостью его активов (*Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»*)). Взгляд на данную проблему систематически изложен лишь в некоторых работах [8, с. 22–39; 9, с. 77–80], а предложенные методические рекомендации позволяют определять указанную дату лишь в качестве достаточно широкого периода [10, с. 36] в силу специфики составления документов, на которых основывается такое экспертное исследование. Весомым аргументом в разработке методики по указанному направлению также выступает комплексный характер исследования, подразумевающего наличие знаний, помимо финансового анализа, также в области оценочной деятельности.

3. Определение **«действительной» стоимости доли** в уставном капитале (указанный термин используется арбитражным судом для определения стоимости доли на основе определения рыночной стоимости всех активов организации). Учитывая разъяснения, данные в постановлении Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 9 декабря 1999 г. № 90/14, в судебной практике выработался общий подход, согласно которому действительная стоимость доли в уставном капитале общества

при выходе его участника определяется с учетом рыночной стоимости недвижимого имущества, отраженного на балансе общества (*постановления Президиума ВАС РФ от 26 мая 2009 г. № 836/09, от 6 сентября 2005 г. № 5261/05, от 7 июня 2005 г. № 15787/04*). Какова действительная стоимость доли учредителя в размере процентной доли уставного капитала организации, определенной на основании данных бухгалтерской отчетности по состоянию на дату (в рамках дела о взыскании действительной стоимости доли) (*Определение Арбитражного суда Самарской области от 24 декабря 2021 г. о назначении судебной экспертизы по делу № А55-33959/2020*)? Какова действительная стоимость доли каждого из участников организации по состоянию на дату с учетом рыночной стоимости активов организации (в рамках дела о взыскании действительной стоимости доли) (*Определение Арбитражного суда Московской области от 17 февраля 2022 г. о назначении судебной экспертизы по делу № А41-23328/2021*)?

Одним из наиболее перспективных направлений экспертного экономического исследования, безусловно, является расчет экспертом-экономистом в рамках производства судебной экспертизы стоимости доли в уставном капитале. При этом проведение такого экономического исследования необходимо при рассмотрении споров, связанных с отчуждением в пользу учредителей или третьих лиц доли в уставном капитале и проч. Однако же противоречия, как правило, возникают при уяснении экспертом категории «действительности» в отношении определяемой стоимости. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 14 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 16.04.2022) «Об обществах с ограниченной ответственностью» под действительной стоимостью доли участника общества понимается часть **стоимости чистых активов** общества, пропорциональной размеру его доли, то есть никакой «рыночности» законодатель в данном случае не подразумевал. Стоимость чистых активов определяется как разность между величиной принимаемых к расчету активов организации и величиной принимаемых к расчету обязательств организации в соответствии с п. 4 Порядка определения стоимости чистых активов, утв. Приказом Минфина России от 28 августа 2014 г. № 84н (ред. от 27.11.2020) «Об утверждении Порядка определения стоимости чистых активов». В то же время в случае, если в нормативном правовом акте, содержащем требование обязательного проведения оценки какого-либо объекта оценки, ... не определен конкретный вид стоимости

объекта оценки, установлению подлежит рыночная стоимость данного объекта в соответствии с абз. 1 ст. 7 Федерального закона от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ (ред. от 19.12.2022) «Об оценочной деятельности в Российской Федерации». Тем не менее не совсем понятно, почему лица, назначающие экспертизу, при постановке вопросов эксперту в некоторых случаях определяют условие о рыночной стоимости активов организации, но опускают обязательства, которые также должны быть оценены.

Отраженные выше особенности текущего состояния методического обеспечения судебных экономических экспертиз в арбитражном процессе предопределили саму необходимость в синтезе предложенных экспертами-практиками и апробированных рекомендаций, унификации существующих подходов к решению вышеупомянутых экспертных задач, ведущих к разработке типовых методик, направленных на решение типичных экспертных задач, а также последующей их валидации или (и) сертификации. Как на то указывала профессор Е.Р. Россинская, «последующее развитие экспертизы нового рода неизбежно приводит к необходимости решения обратных диагностических задач <...>, что невозможно без разработки специфических экспертных методик, характерных именно для судебно-экспертной деятельности» [11, с. 124]. В свою очередь, по мнению профессора С.А. Смирновой, «динамика роста числа судов и судейского корпуса, развитие институтов частной собственности и частного предпринимательства привели к существенному повышению требований участников судопроизводства

к качеству производства экспертиз, подготовке квалифицированных судебных экспертов, проведению экспертиз на основе единого научно-методического подхода» [12, с. 297]. Указанные позиции отражают действительную необходимость в объективизации процесса экспертного экономического исследования в арбитражном процессе через разработку современных типовых методик, подкрепленных научным фундаментом, отражающих реальный опыт применения выработанных рекомендаций на практике и прошедших оценку пригодности их использования как в научном сообществе, так и в судопроизводстве.

Заключение. В ключе актуализации принятия проекта Федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» необходимо производить поступательную гармонизацию выработанных методических рекомендаций и положений типовых методик для производства судебных экономических экспертиз с требованиями стандартизации, предъявляемыми к разработке, валидации и актуализации судебно-экспертных методик, а также их структуре и оформлению [13, с. 25]. Соблюдение указанных процедур на практике позволит выработать единый научно-методический подход к производству судебных экономических экспертиз, что в итоге приведет к очищению их от умозрительных и спекулятивных методик, публикуемых авторами не для целей устранения субъективности в экспертном исследовании, но для заверения субъекта, назначившего экспертизу, в псевдонаучной обоснованности выработанного экспертом подхода.

Литература

1. Савицкий А.А., Козлова Т.А. Актуальные вопросы экономических исследований в судопроизводстве России // Экономика и предпринимательство. 2022. № 2 (139). С. 965–967.
2. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2023. — 576 с.
3. Виноградова М.М., Бондарь Н.Н. Экспертное исследование вопросов, связанных с начислением и выплатой заработной платы и иных установленных законодательством выплат: методические рекомендации // Теория и практика судебной экспертизы. 2022. Т. 17. № 1. С. 72–95.
4. Коссов В.В., Лившиц В.Н., Шахназаров А.Г. Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов. М.: б. и., 2008. — 234 с.
5. Судебно-бухгалтерская экспертиза: учебное пособие для студентов вузов / ред. Е.Р. Россинская, Н.Д. Эриашвили. М.: Юнити, 2006. — 351 с.
6. Савицкий А.А. Экономические экспертизы в судопроизводстве России: монография. М.: Проспект, 2021. — 352 с.
7. Виноградова М.М. Теоретические и методологические основы экспертного исследования финансового состояния хозяйствующего субъекта при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.09. М., 2006. — 214 с.

8. *Бобылева А.З., Львова О.А.* Финансово-экономический инструментарий выявления признаков объективного банкротства // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14. № 1. С. 22–39.
9. *Ермилов В.В.* «Объективное банкротство»: теория и практика // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 3. С. 77–80.
10. *Хлопцов Д.М., Беломытцева О.С., Баландина А.С.* О методике определения даты объективного банкротства организации // Имущественные отношения в РФ. 2022. № 1 (244). С. 30–40.
11. *Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М.* Теория судебной экспертизы. Судебная экспертология: учебник. М.: Норма, Инфра-М, 2023. — 368 с.
12. *Смирнова С.А.* Перспективы стандартизации на современном этапе развития судебно-экспертной деятельности // Восток — Запад: партнерство в судебной экспертизе. Актуальные вопросы теории и практики судебной экспертизы. Материалы Международной научно-практической конференции, г. Алматы, 15–16 октября 2015 г. Астана, 2015. С. 297–300.
13. *Чеснокова Е.В.* Методические материалы по производству судебной экспертизы: основные понятия, сходство и различие // Теория и практика судебной экспертизы. 2022. Т. 17. № 4. С. 24–32.

References

1. *Savitskii A.A., Kozlova T.A.* Aktual'nye voprosy ekonomicheskikh issledovaniy v sudoproizvodstve Rossii [Topical Issues of Economic Research in Legal Proceedings in Russia]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo [Economy and entrepreneurship]*, 2022, no. 2 (139), pp. 965–967. (In Russian, abstract in English)
2. *Rossinskaya E.R.* Sudebnaya ekspertiza v grazhdanskom, arbitrazhnom, administrativnom i ugovnom protsesse: monografiya. [Forensic examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings: monograph]. Moscow: Norma Publ., INFRA-M Publ., 2023. 576 p. (In Russian)
3. *Vinogradova M.M., Bondar' N.N.* Ekspertnoe issledovanie voprosov, svyazannykh s nachisleniem i vyplatoi zarabotnoi platy i inykh ustanovlennykh zakonodatel'stvom vyplat: metodicheskie rekomendatsii [Expert research of issues related to the calculation and payment of wages and other payments established by law: guidelines]. *Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy [Theory and practice of forensic examination]*, 2022, v. 17, no. 1, pp. 72–95. (In Russian, abstract in English)
4. *Kossov V.V., Livshits V.N., Shakhnazarov A.G.* Metodicheskie rekomendatsii po otsenke effektivnosti investitsionnykh projektov [Guidelines for evaluating the effectiveness of investment projects]. Moscow: no Publ., 2008. 234 p. (In Russian)
5. *Sudebno-bukhgalterskaya ekspertiza: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov* [Forensic accounting examination: a textbook for students]. Eds.: E.R. Rossinskaya, N.D. Eriashvili. Moscow: YuNITI Publ., 2006. 351 p. (In Russian)
6. *Savitskii A.A.* Ekonomicheskie ekspertizy v sudoproizvodstve Rossii: monografiya [Economic expertise in Russian legal proceedings: monograph]. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 352 p. (In Russian)
7. *Vinogradova M.M.* Teoreticheskie i metodologicheskie osnovy ekspertnogo issledovaniya finansovogo sostoyaniya khozyaistvuyushchego sub"ekta pri rassledovanii prestupleniy v sfere ekonomicheskoi deyatel'nosti [Theoretical and methodological foundations of an expert study of the financial condition of an economic entity in the investigation of crimes in the sphere of economic activity]. Diss. ... kand. jurid. nauk. 12.00.09. Moscow, 2006. 214 p. (In Russian)
8. *Bobyleva A.Z., L'vova O.A.* Finansovo-ekonomicheskii instrumentarii vyyavleniya priznakov ob"ektivnogo bankrotstva [Financial and economic tools for identifying signs of objective bankruptcy]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava [Current problems of economics and law]*, 2020, v. 14, no. 1, pp. 22–39. (In Russian, abstract in English)
9. *Ermilov V.V.* «Ob"ektivnoe bankrotstvo»: teoriya i praktika [“Objective bankruptcy”: theory and practice]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki* [Humanitarian, socio-economic and social sciences], 2020, no. 3, pp. 77–80. (In Russian, abstract in English)
10. *Khloptsov D.M., Belomytseva O.S., Balandina A.S.* O metodike opredeleniya daty ob"ektivnogo bankrotstva organizatsii [On the method of determining the date of objective bankruptcy of an organization]. *Imushchestvennyye otnosheniya v RF [Property relations in the Russian Federation]*, 2022, no. 1 (244), pp. 30–40. (In Russian, abstract in English)

11. *Rossinskaya E.R., Galyashina E.I., Zinin A.M.* Teoriya sudebnoi ekspertizy. Sudebnaya ekspertologiya: uchebnyk [Theory of Forensic Science. Forensic Expertology: textbook]. Moscow: Norma Publ., INFRA-M Publ., 2023. 368 p. (In Russian)

12. *Smirnova S.A.* Perspektivy standartizatsii na sovremennom etape razvitiya sudebno-ekspertnoi deyatel'nosti [Prospects for standardization at the present stage of development of forensic activities]. In *Vostok-Zapad: partnerstvo v sudebnoi ekspertize. Aktual'nye voprosy teorii i praktiki sudebnoi ekspertizy. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, g. Almaty, 15–16 oktyabrya 2015 g.* [East-West: partnership in forensics. Materials of the International Scientific and Practical Conference on Actual issues of the theory and practice of forensic examination, Almaty, October 15–16, 2015]. Astana, 2015, pp. 297–300. (In Russian)

13. *Chesnokova E.V.* Metodicheskie materialy po proizvodstvu sudebnoi ekspertizy: osnovnye ponyatiya, skhodstvo i razlichie [Methodological materials for the production of forensic examination: basic concepts, similarities and differences]. *Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy [Theory and practice of forensic examination]*, 2022, v. 17, no. 4, pp. 24–32. (In Russian, abstract in English)

КОНФЕРЕНЦИЯ III МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ «ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ. ЕВРАЗИЙСКИЙ СЦЕНАРИЙ»

Трибуна молодого ученого

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ИХ ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ В НАЦИОНАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Крайнов Николай Рамазович

***Цель:** национальная безопасность любого государства подразумевает наличие целого ряда гарантий, которые оформляются нормативными правовыми актами различной юридической силы. Современное развитие общества и государства включает в себя несколько сфер, одна из которых — энергетическая. Энергетические ресурсы являются критерием высокого уровня жизни населения, критерием успешности внутренней и внешней экономической политики государства, его стабильности на международной арене. Значимую роль в обеспечении энергетической безопасности играет Конституция РФ, которая устанавливает основы успешной реализации государственной политики в рассматриваемой сфере. Представляется интересным проанализировать конституционные принципы проведения государственно-властной деятельности по обеспечению энергетической безопасности, конкретные гарантии, которые предусматривает Конституция РФ, а также имплементацию всех вышеназванных институтов в национальное законодательство. Также представляется важным проанализировать различные доктринальные подходы, выработанные различными представителями отечественной науки, в которых раскрывается роль Конституции РФ в обеспечении энергетической безопасности России.*

***Методология:** методологическую совокупность проведенного исследования составляют различные методы познания, среди которых можно выделить диалектический метод, сравнительный анализ, дедукцию, индукцию, синтез, системный метод, а также такие частноправовые методы, как сравнительно-правовой, формально-юридический. Также в ходе исследования применялся исторический метод и метод толкования норм права.*

***Выводы.** В настоящее время Конституция РФ в первых двух главах устанавливает основные направления реализации государственной политики в сфере энергетической безопасности. Представляется обоснованным, что конституционные принципы и гарантии должны пронизывать все нормы текущего законодательства, быть критерием их законности и целесообразности. Конституция — важнейший источник правовой жизни общества, именно опираясь на него, возможно достичь максимальной эффективности в правовом регулировании энергетической безопасности.*

***Научная и практическая значимость.** В исследовании проведен анализ множества нормативных правовых актов, в которых проявляются конституционные принципы и гарантии энергетической безопасности РФ.*

Рассмотрена историческая подоплека и доктринальные подходы к толкованию термина энергетическая безопасность, рассмотрены отдельные преимущества и недостатки теоретических положений. Выводы, сделанные в данной работе, содержат рекомендации, которые следует учитывать как правоприменителю, так и законодателю при дальнейшем развитии законодательной базы.

Ключевые слова: Конституция РФ, энергетическая безопасность, законодательство РФ, конституционные принципы, конституционные гарантии, Доктрина энергетической безопасности, права и свободы человека и гражданина.

Место и роль энергетики в развитии общества и государства невозможно недооценить, ее важность обусловлена и повседневными потребностями отдельных индивидов, организаций, и внутренним оборотом энергии, и внешнеторговым экономическим обменом, и необходимостью обеспечения национальной безопасности государства. Традиционно принято считать, что Россия занимает ведущее положение по основным запасам энергетических ресурсов. При численности населения страны менее 2,5% от общего числа обитателей Земли геологические запасы энергоресурсов оцениваются примерно в 30% от суммарных мировых запасов [9]. Россия занимает 6 место в мире по запасам и 2 место по объемам добычи нефти, 1-е место по объему природного газа и 2-е место по его добыче, 4-е место по запасам угля и 6-е место по уровню его добычи (*Минерально-сырьевые ресурсы России // [Электронный ресурс]: URL: <https://tass.ru/infographics/9419?ysclid=li3bou4ui8974965075> (дата обращения: 24.03.2023)*). Конституция как основной нормативный правовой акт, обладающий высшей юридической силой, закрепляющий основные отношения между обществом, государством и личностью, играет важнейшую роль в формулировании и упрочении нормативно-правовых основ энергетической безопасности российского общества [9, с. 32–33]. Конституция РФ устанавливает основные общественные институты, реализующие различные функции в области энергетической безопасности, определяет их социально-политическую роль [1, с. 306–308].

Следует понять, включает ли национальная безопасность в себя энергетический аспект и в чем он выражается. Начало употребления в мировой политике и международных отношениях термина «энергетическая безопасность» относят к 1973 г. — первому энергетическому кризису, имевшему место в самых развитых ресурсодобывающих странах того периода [10, с. 87–88]. Как отмечают исследователи, термин «энергетическая безопасность» впервые на законодательном уровне был закреплен в США (*Михалевич А. Пора всерьез заняться энергобезопасностью // Экономическая газета. 2003. 20 мая. № 35 (652)*). Устоявшаяся трактовка, данная Мировым энергетическим советом (МИ-

РЭС), толкует энергетическую безопасность как уверенность в том, что энергия будет иметься в распоряжении в том количестве и того качества, которые требуются при данных экономических условиях [9, с. 31]. В соответствии с оценкой американских специалистов в сфере энергетики «энергетическая безопасность — обеспеченность доступа к энергетическим ресурсам, необходимым для поступательного развития национальной мощи (государства)», при этом для США понятие «энергетическая безопасность» стало идентифицироваться с понятием «энергетическая независимость» [11, с. 64]. В настоящее время термин определяется в Доктрине энергетической безопасности России (далее — Доктрина), утвержденной указом президента от 13 мая 2019 г., где устанавливается, что энергетическая безопасность — это состояние защищенности экономики и населения страны от угроз национальной безопасности в сфере энергетики, при котором обеспечивается выполнение предусмотренных законодательством России требований к топливо- и энергоснабжению потребителей, а также выполнение экспортных контрактов и международных обязательств РФ (*СЗ РФ. 2019. № 20. Ст. 2421*). В данном определении, на мой взгляд, сделан верный акцент на связь национальной и энергетической безопасности с уровнем социально-экономического развития, чему уделялось несравнимо малое внимание в предыдущих версиях Доктрины. Несомненным преимуществом приведенного в Доктрине определения является формулировка объекта энергетической безопасности: общество, человек и государство, оптимальное согласование их интересов — показатель успеха энергетической политики государства. Однако в легальном определении упускается момент, на который обращают внимание исследователи, а именно — энергетическая безопасность подразумевает под собой способность при любом состоянии системы тепло- и энергообеспечения обеспечивать и удовлетворять потребности внутреннего потребителя, прежде всего рядовых граждан [6]. Неменьшую роль играет способность достижения конечных целей потребителей энергии в необходимом количестве и качестве (*Михалевич А. Пора всерьез заняться энер-*

гобезопасностью // *Экономическая газета*. 2003. 20 мая. № 35 (652)). Доктрина, развивая определение энергетической безопасности, указывает на внутренние риски в рассматриваемой области. К сожалению, вновь мы видим, что правотворческий орган не учитывает важность обеспечения граждан РФ возможностью удовлетворения их потребностей в области энергообеспечения. Так как национальная безопасность подразумевает состояние защищенности национальных интересов от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются конституционные права и свободы человека и гражданина, гражданский мир и согласие в стране, Конституция РФ закрепляет ряд гарантий, обеспечивающих поддержание энергетической безопасности страны (*СЗ РФ*. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351). По мимо этого, Конституция предусматривает наличие целого ряда принципов, которым должно подчиняться все нормативное правовое регулирование в сфере энергетической безопасности. Исходя из этого, следует разделить дальнейшее изложение на три части.

Энергетическая безопасность РФ основывается на ряде конституционных принципов, которые пронизывают всю деятельность государственных органов, должностных лиц, невластных субъектов в сфере энергетики. Прежде всего, следует отметить такой принцип, как верховенство прав и свобод человека и гражданина. Уважение личности, нормативное признание, юридическая охрана и защита ее прав — неотъемлемый атрибут конституционной государственности, гарантия реализации субъективных прав граждан РФ [2, с. 414]. Второй важный принцип — это суверенитет Российской Федерации, который равным образом распространяется на всю территорию России и проявляется в верховенстве федерального законодательства, обязательности всех решений федеральных государственных органов, а также судебных решений (ст. 2 Конституции РФ). Третий конституционный принцип энергетической безопасности — единство экономического пространства, которое обеспечивает одинаковый правовой режим всех природных ресурсов, их распределение и потребление во всех субъектах федерации (ст. 8 Конституции РФ). Четвертый принцип напрямую не закреплен Конституцией РФ, но сущность российской государственности, выраженная в главах 1 и 2, отражает этот принцип — приоритет национальных интересов при уважении, соблюдении и защите норм международного права, добросовестности на международной энергетической арене. Именно с изучения конституционных принципов следует начинать рассматривать поднятый вопрос, так

как именно они определяют ключевое содержание и последующую регламентацию в законодательных и правотворческих актах основы энергетической безопасности [3, с. 181–182].

Основы конституционного строя закрепляют крайне важный для рассматриваемой темы блок отношений, а именно — основы экономического устройства государства. Непосредственный фундамент для энергетического комплекса России создают такие нормы, как ст. 8, гарантирующая единство экономического пространства и свободу товарооборота, ст. 9, устанавливающая правовой режим земли и природных ресурсов, также именно этими статьями гарантируется равенство форм собственности и их равная юридическая защита. Нормы первой главы Конституции устанавливают фундамент энергетической безопасности, очерчивая два основных направления, основные цели обеспечения энергетической безопасности — реализацию прав и свобод, охрану суверенитета. Отдельные гарантии энергетической стабильности предусмотрены второй главой Конституции и входят в состав конституционного статуса личности. В целом правовое регулирование основных прав и свобод человека и гражданина носит обобщенный характер, не конкретизируются отдельные желаемые или необходимые нормы, формулируются лишь общие условия существования человека в современных правовых реалиях [4, с. 307]. Общезначимую роль играет ст. 17 Конституции, предусматривающая безусловное признание и защиту прав и свобод, ч. 2 ст. 19 предусматривает равенство прав человека вне зависимости от определенных обстоятельств, в том числе и места жительства, что обуславливает права всех граждан РФ на получение необходимых для поддержания жизнедеятельности энергетических ресурсов, ст. 35 и 36 предусматривают экономические гарантии жизнедеятельности человека, которые также подразумевают свободное пользование энергетическими ресурсами, в ст. 40 гарантируется право на жилище, необходимое для достойного существования человека, ст. 45–54 напрямую регулируют вопрос различных видов охраны гарантированных конституционных прав и свобод. Перечисленные конституционные гарантии имеют безусловный характер, обеспечивают наиболее важные потребности человека, включая потребность в обеспечении энергией. Именно эти гарантии закладывают те условия, при которых удастся добиться предусмотренных Указом президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 целей национальной безопасности (*СЗ РФ*. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351).

Федеральный законодатель, с одной стороны, указывает на исключительный предмет ведения РФ в области федеральных энергетических систем в п. «и» ст. 71 Конституции РФ, с другой стороны, подчеркивает, что вопросы природопользования, распоряжения недрами, природными ресурсами, а также экологическая безопасность находятся в совместном ведении Федерации и субъектов. Данное положение развивается в федеральном законодательстве: так, в ст. 21 ФЗ «Об электроэнергетике» определяется разграничение полномочий правительства, федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов РФ в сфере государственного регулирования и контроля в области электроэнергетики, однако именно Правительству РФ принадлежит ключевая роль в рассматриваемой области (СЗ РФ. 2003. № 13. Ст. 1177). Важной гарантией соблюдения прав потребителей являются принципы государственного регулирования цен в электроэнергетике, основанные на признании открытости и доступности для населения в процессе тарифного регулирования, в частности, принцип обеспечения открытости и доступности для потребителей, в том числе населения, процесса тарифного регулирования, а также определение экономической обоснованности планируемых себестоимости и прибыли при расчете и утверждении цен (ст. 23 Федерального закона от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» // СЗ РФ. 2003. № 13. Ст. 1177). Сам законодатель, следуя конституционным принципам, подчеркивает, что именно баланс экономических интересов является одной из важнейших целей государственного регулирования цен в электроэнергетике. Развивая концепцию внутренней энергетической безопасности, законодатель устанавливает социальную норму потребления электрической энергии, определяемую в качестве размера платы за коммунальную услугу по электроснабжению, предоставляемую населению, и стоимости электрической энергии, потребленной для коммунально-бытовых нужд (Постановление Правительства РФ от 22 июля 2013 г. № 614 «О порядке установления и применения социальной нормы потребления электрической энергии (мощности)...» // СЗ РФ. 2013. № 31. Ст. 4216). На примере установления социальной нормы об уплате коммунальных услуг за электроснабжение можно пронаблюдать взаимодействие Российской Федерации и субъектов: ст. 3 раздела 2 Постановления Правительства № 614 предусматривает, что установление величины социальной нормы осуществляется уполномоченным органом государственной власти субъекта

Российской Федерации, но типовые формы об информации о годовом объеме потребления электрической энергии в жилых домах, методике расчета социальной нормы потребления электрической энергии, информации о различных группах домохозяйств устанавливаются Правительством РФ (СЗ РФ. 2013. № 31. Ст. 4216).

Крайне важной гарантией также является государственное антимонопольное регулирование в сфере энергетики. Так, Конституция РФ в ч. 2 ст. 34 провозглашает запрет на осуществление экономической деятельности, направленной на монополизацию и недобросовестную конкуренцию, что развивается в ст. 25 ФЗ «Об электроэнергетике» (СЗ РФ. 2003. № 13. Ст. 1177). Важной гарантией, развиваемой законодательством, является принцип энергосбережения, основанный на эффективном и рациональном использовании энергетических ресурсов, повышении энергетической эффективности (Федеральный закон от 23 ноября 2009 г. № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 48. Ст. 5711).

Наиболее тесно энергетическая безопасность связана с защитой окружающей среды, так как топливно-энергетические ресурсы являются неотъемлемой частью природы, но при этом могут стать и серьезным фактором ее загрязнения (Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022)» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724). Важную роль для реализации энергетической безопасности имеет обеспечение благоприятного состояния окружающей среды, право на которое предусмотрено ст. 42 Конституции РФ. Данное конституционное положение реализуется посредством норм федерального и регионального законодательства. Так, например, в ФЗ «Об охране окружающей среды», в общих принципах предусмотрены ответственность за нарушение законодательства в области охраны окружающей среды, обязательность участия органов государственной власти в охране окружающей среды, учет соблюдения природных и социально-экономических условий при осуществлении хозяйственной деятельности (СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133) [8, с. 32–35]. Без имплементации общеконституционных гарантий внутренней энергетической безопасности невозможно добиться основной цели — удовлетворения потребителя качественной и в нужном объеме электроэнергией.

Не менее важной частью энергетической безопасности является внешнеторговый и транснациональный аспект. Международная энергетическая безопасность стала актуальной с 70-х гг. предыдущего столетия и на данный момент оформилась в двух моделях ее существования и развития. Первая модель — западная, которая предполагает устранение политико-правовых барьеров, препятствующих доступу иностранных инвесторов к источникам энергии и сырья, а также перспективным рынкам развивающихся стран, что обеспечивает эффективную приватизацию нефтегазового сектора в интересах промышленно развитых стран [10, с. 88]. Вторая модель обеспечения глобальной энергетической безопасности получила название «пекинский консенсус», в этом направлении идут страны, входящие в группу БРИК, и государства — члены ОПЕК, в большинстве из которых установлен государственный контроль над стратегическими отраслями национальной экономики, а энергетические ресурсы являются государственной собственностью и представляют собой опору национальной безопасности [10, с. 88]. Российская Федерация до недавнего времени являлась частью европейской архитектуры энергетической безопасности, которая основывалась на положениях Европейской энергетической хартии. Хартия утверждала методы достижения энергетического сотрудничества в Европе, определяла области и сферы координации усилий стран — участников Хартии, а также устанавливала показатели эффективности механизмов использования энергии (*Европейская энергетическая хартия // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.energychartertreaty.org/ru> (дата обращения: 25.05.2023)*). Конституция РФ также предусматривает ряд важных гарантий, которые содержатся в ст. 3 и 4 Конституции РФ, устанавливающих суверенитет народа и государства, ч. 4 ст. 15, закрепляющей имплементацию общепризнанных норм и принципов международного права в национальную правовую систему. Доктрина энергетической безопасности уделяет значительное внимание внешнеэкономическим вызовам энергетической безопасности РФ, среди которых можно отметить перемещение центра мирового

экономического роста в Азиатско-Тихоокеанский регион, увеличение доли возобновляемых источников энергии в мировом топливно-энергетическом балансе и наращивание международных усилий по реализации климатической политики и ускоренному переходу к «зеленой экономике» (*СЗ РФ. 2019. № 20. Ст. 2421*). На фоне острой политической ситуации на международной арене обострились угрозы, определяемые в Доктрине энергетической безопасности — сокращение традиционных для Российской Федерации внешних энергетических рынков и трудности, связанные с выходом на новые энергетические рынки, незаконный отбор экспортируемых Россией энергоресурсов при их транспортировке по территориям иностранных государств, дискриминация российских организаций топливно-энергетического комплекса на мировых энергетических рынках (*СЗ РФ. 2019. № 20. Ст. 2421*). Предусматривается совокупность мер, направленных на утверждение безопасности энергосистем с точки зрения внешних угроз. В частности, особую опасность для энергетической безопасности представляют диверсионно-террористические действия, а также согласованные антироссийские санкционные меры, направленные на подрыв имиджа Российской Федерации как надежного экспортера нефти.

Таким образом, анализ положений Конституции и законодательства позволяет определить наиболее важные и фундаментальные гарантии, которые закладывают основы для обеспечения энергетической безопасности. В работе было уделено внимание аспекту внутренней энергетической безопасности, так как, по мнению автора, именно она играет ключевую роль в формировании устойчивого развития государства на современном этапе. Именно конституционному регулированию здесь принадлежит наиважнейшая роль. Конституция учреждает именно те гарантии, которые лежат в основе законодательного регулирования энергетической безопасности, но при этом в ней заложен грандиозный потенциал, который может при любых изменениях в топливно-энергетической схеме грамотно и четко заложить основы для нормативного регулирования в рассматриваемой сфере.

Литература

1. Шустров Д.Г. Учение о конституции: учебник: в 2 т. Т. 1. М.: Проспект, 2023. — 512 с.
2. Кутафин О.Е. Избранные труды: в 7 т. Т. 7: Российский конституционализм: монография. М.: Проспект, 2022. — 544 с.
3. Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс: учебное пособие: в 2 т. М.: Норма, Инфра-М, 2023. — 864 с.

4. *Эбзеев Б.С.* Конституционное право России: учебник. М.: Проспект, 2021. — 768 с.
5. *Щепанский И.С.* К вопросу о понятии энергетической безопасности // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 4. С. 161–169.
6. *Титов Е.С.* Концепция определения категории «Энергетическая безопасность» в базовых нормативных документах стратегического развития национальной экономики // Крымский научный вестник. 2015. № 4. С. 309–318.
7. *Сергеев Н.Н.* Формирование системы энергетической безопасности Российской Федерации // Вестник АГТУ. Серия: Экономика. 2016. № 1. С. 14–20.
8. *Нарутто С.В., Таева Н.Е., Шугрина Е.С.* Конституционное право России: учебник. М.: РIOR, Инфра-М, 2018. — 435 с.
9. *Карпов В.В., Симанчев Р.Ю.* Определение и угрозы энергетической безопасности // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. 2016. № 4. С. 30–38.
10. *Косов Ю.В.* Взаимосвязь энергетической и экологической безопасности в условиях современного мирового экономического кризиса // Управленческое консультирование. 2011. № 2. С. 87–95.
11. *Хлопов О.А.* Международная энергетическая безопасность: проблемы и угрозы // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2014. № 7 (129). С. 62–73.

References

1. *Shustrov D.G.* Uchenie o konstitutsii: uchebnik: v 2 t. T. 1 [The doctrine of the Constitution: textbook: in 2 vols., vol. 1]. Moscow: Prospekt Publ., 2023. 512 p. (In Russian)
2. *Kutafin O.E.* Izbrannye trudy: v 7 tomakh. Tom 7. Rossiiskii konstitutsionalizm: monografiya [Selected works: in 7 volumes. Volume 7. Russian Constitutionalism: Monograph]. Moscow: Prospekt Publ., 2022. 544 p. (In Russian)
3. *Avak'yan S.A.* Konstitutsionnoe pravo Rossii. Uchebnyi kurs: uchebnoe posobie: v 2 t [Constitutional law of Russia. Training course: textbook: in 2 v.]. Moscow: Norma Publ., Infra-M Publ., 2023. 864 p. (In Russian)
4. *Ebzeev B.S.* Konstitutsionnoe pravo Rossii: uchebnik [Constitutional Law of Russia: textbook]. Moscow: Prospekt Publ., 2021. 768 p. (In Russian)
5. *Shepanskiy I.S.* K voprosu o ponyatii energeticheskoi bezopasnosti [On the question of the concept of energy security]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava [Actual problems of Russian law]*, 2011, no. 4, pp. 161–169. (In Russian, abstract in English)
6. *Titov E.S.* Kontsepsiya opredeleniya kategorii «Energeticheskaya bezopasnost'» v bazovykh normativnykh dokumentakh strategicheskogo razvitiya natsional'noi ekonomiki [The concept of defining the category “Energy security” in the basic regulatory documents of the strategic development of the national economy]. *Krymskii nauchnyi vestnik [Crimean Scientific Bulletin]*, 2015, no. 4, pp. 309–318. (In Russian)
7. *Sergeev N.N.* Formirovanie sistemy energeticheskoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii [Formation of the energy security system of the Russian Federation]. *Vestnik AGTU. Seriya: Ekonomika [Bulletin of ASTU. Series: Economy]*, 2016, no. 1, pp. 14–20. (In Russian, abstract in English)
8. *Narutto S.V., Taeva N.E., Shugrina E.S.* Konstitutsionnoe pravo Rossii: uchebnik [Constitutional Law of Russia: textbook]. Moscow: RIOR Publ., Infra-M Publ., 2018. 435 p. (In Russian)
9. *Karpov V.V., Simanchev R.Yu.* Opredelenie i угрозы energeticheskoi bezopasnosti [Definition and threats to energy security]. *Vestnik OmGU. Seriya: Ekonomika [Bulletin of OmSU. Series: Economy]*, 2016, no. 4, pp. 30–38. (In Russian, abstract in English)
10. *Kosov Yu.V.* Vzaimosvyaz' energeticheskoi i ekologicheskoi bezopasnosti v usloviyakh sovremennogo mirovogo ekonomicheskogo krizisa [The relationship between energy and environmental security in the context of the current global economic crisis]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie [Management consulting]*, 2011, no. 2, pp. 87–95. (In Russian, abstract in English)
11. *Khlopov O.A.* Mezhdunarodnaya energeticheskaya bezopasnost': problemy i угрозы [International energy security: problems and threats]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Political science. Story. International relationships]*, 2014, no. 7 (129), pp. 62–73. (In Russian, abstract in English)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАБОТЫ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НА ОБЪЕКТАХ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

Маснева Елизавета Вадимовна

***Цель:** всестороннее рассмотрение актуальных проблем, с которыми сталкиваются сотрудники правоохранительных органов при расследовании преступлений против собственности, совершаемых на объектах топливно-энергетического комплекса.*

***Методология:** системный анализ и сравнение, описание, абстрагирование, анализ литературы и документации, индукция и дедукция, гипотетический метод, метод межотраслевых юридических исследований.*

***Выводы.** Топливо-энергетический комплекс является криминогенной средой и охватывает достаточно большую часть хищений, в связи с чем были выявлены наиболее распространенные преступления против собственности, совершаемые на объектах ТЭК, и их особенности, а также проблемы, с которыми могут столкнуться сотрудники правоохранительных органов при расследовании преступлений данной направленности на указанных объектах.*

***Научная и практическая значимость.** Данная статья может послужить основой для формирования теоретической базы, которая позволила бы усовершенствовать и организовать работу правоохранительных органов с учетом всех тонкостей распространенных преступлений против собственности, совершаемых на объектах топливно-энергетического комплекса, и охватом всех возможных опасностей, возникающих в момент и после совершения деяний, направленных на хищение в данном секторе.*

***Ключевые слова:** расследование преступлений, правоохранительные органы, следственные органы, проблемы, топливно-энергетический комплекс, объекты ТЭК, кража, мошенничество, хищения, экономическая направленность, сложности расследования.*

Топливо-энергетический комплекс сохраняет ключевую роль в экономике страны и является наиболее уязвимой в криминогенном плане отраслью промышленности в связи с высокой ценой и ценностью энергоресурсов и результатов их переработки, их свойств и иных факторов. Преступления на объектах ТЭК подрывают в первую очередь экономическую безопасность государства и обладают при этом высочайшим уровнем латентности. Специфика этой сферы состоит также в том, что в отношении вовлечены такие важные отрасли экономики, как промышленность, транспорт, торговля, бюджетная сфера и т. д.

В последние годы активное распространение получают преступления, совершаемые на объектах топливно-энергетического комплекса, которые включают различные деяния: среди них имеют место преступления экологической и террористической направленности. Однако согласно статистике, приводимой управлениями Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Министерством внутренних дел Российской Федерации, преступления в сфере экономики имеют немалый вес. Хотя не единичны факты совершения экологических преступлений, связанных с загрязнением почв и земель лесного фонда в результате разливов нефти, но распространенный характер в структуре

данной преступности носят и нарушения лицензионных требований и ограничений, хищения углеводородного сырья, продукции и оборудования предприятий топливно-энергетического комплекса, денежных средств, выделенных на развитие отрасли (*Новости Управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации по Уральскому федеральному округу* // [Электронный ресурс]: URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_urfo/mass-media/news?item=56115565 (дата обращения: 10.01.2023)), то есть деяния, предусмотренные статьями глав 21 и 22 УК РФ. Так, по словам секретаря Совета безопасности Российской Федерации Николая Патрушева: «Вопросы декриминализации топливно-энергетического комплекса продолжают сохранять актуальность. В первом полугодии 2016 г. число преступлений в сфере ТЭК возросло на 23 %». Он сделал акцент на необходимости поставить надежный заслон хищениям (*Патрушев: в условиях санкций против России энергобезопасность имеет особое значение* // [Электронный ресурс]: URL: <https://tass.ru/politika/3503127> (дата обращения: 11.04.2023)).

О важности рассматриваемой сферы для экономики России свидетельствует и то, что к приоритетным направлениям деятельности подразделений ЭБиПК МВД России по рассматриваемому направлению в 2019–2020 гг. были отнесены: выявление, пресечение, предупреждение и раскрытие хищений углеводородов из трубопроводной системы и их незаконной переработки; противодействие хищениям активов предприятий ТЭК, фактам незаконного перемещения стратегических топливно-энергетических ресурсов через российскую границу (*Сводный отчет по России. Сведения о результатах работы по выявлению и раскрытию преступлений экономической направленности за 2020 г.* // ФКУ «ГИАЦ МВД России». 2021. Форма: «5» (050). Том 2. Л. 72–79). Причем, несмотря на принимаемые меры, количество преступлений в сфере ТЭК остается на прежнем уровне или вовсе увеличивается. Например, только в Уральском федеральном округе за 10 месяцев 2020 г. зарегистрировано 227 криминальных деяний, а размер причиненного ущерба превысил 1 млрд рублей (*Новости Управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации по Уральскому федеральному округу* // [Электронный ресурс]: URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_urfo/mass-media/news?item=56115565 (дата обращения: 10.01.2023)).

Еще в 2019 г. Министр внутренних дел Российской Федерации В.А. Колокольников в своем выступлении на расширенном заседании коллегии МВД России 28 февраля отметил высокий уровень

криминализации топливно-энергетического комплекса и назвал количество врезок в трубопроводы значительным. Именно борьба с незаконными врезками является основной задачей органов внутренних дел в сфере добычи и транспортировки нефти [7, с. 31–45].

По данным ФКУ «ГИАЦ МВД России», в 2020 г. в топливно-энергетическом комплексе было зарегистрировано 1597 преступлений экономической направленности. Из них 891 — против собственности (*Сводный отчет по России. Сведения о результатах работы по выявлению и раскрытию преступлений экономической направленности за 2020 г.* // ФКУ «ГИАЦ МВД России». 2021. Форма: «5» (050). Том 2. Л. 72–79).

Важно отметить, что вообще относится к объектам ТЭК. Объекты топливно-энергетического комплекса — объекты электроэнергетики, нефтедобывающей, нефтеперерабатывающей, нефтехимической, газовой, угольной, сланцевой и торфяной промышленности, а также объекты нефтепродуктообеспечения, теплоснабжения и газоснабжения. Охраняемые объекты топливно-энергетического комплекса — здания, строения, сооружения, иные объекты топливно-энергетического комплекса, а также прилегающие к ним территории и акватории в пределах границ, установленных в соответствии с законодательством Российской Федерации (*Закон Российской Федерации от 21 июля 2011 г. № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса»* // СЗ РФ. 2011. № 30 (часть I). Ст. 4604). Значит, объекты топливно-энергетического комплекса включают в себя не только места добычи ресурсов и непосредственно предприятия, но и трубопроводы, кусты скважин, пункты сбора, подготовки и перекачки нефти и газа, промышленные площадки объектов транспортировки газа, газораспределительные станции, теплоэлектроцентрали, водозаборные сооружения (*Приказ Министерства энергетики Российской Федерации «Об утверждении методических рекомендаций по включению объектов топливно-энергетического комплекса в перечень объектов, подлежащих категорированию»*. Приложение от 10 февраля 2012 г. № 48 «Виды объектов топливно-энергетического комплекса, рекомендуемых к включению в перечень объектов топливно-энергетического комплекса, подлежащих категорированию» // документ опубликован не был) и т. д.

Расследование уполномоченными на это органами дел, отнесенных к объектам топливно-энергетического комплекса, требует дополнительных решений для проведения следственных действий

надлежащим образом в связи с тем, что рассматриваемые преступления, совершаемые в структурах данного комплекса, обладают характерными чертами и особенностями, среди которых: высокий уровень латентности, участие организованных преступных формирований, часто включающих в состав специальный субъект, имеющих коррупционные связи и использующих современные новейшие технологии, многоэпизодный и межрегиональный характер деяний, а также многие другие характеристики, на которые стоит обратить внимание при организации работы правоохранительных органов.

При определении объекта хищения в сфере ТЭК считаю важным отметить, что в уголовном законодательстве ни одного государства нет такого раздела, как «Энергетические преступления» [6, с. 320–330]. Тогда не представляется возможным говорить о том, что такой объект преступного посягательства, как «отношения в сфере ТЭК», подпадает под уголовно-правовую защиту, но все-таки можно заключить, что все противоправные деяния, совершаемые в этой сфере, охватываются уже имеющимися в российском законодательстве составами преступлений.

Признаком данного элемента состава является предмет, который может включать полезные ископаемые и результаты их обработки / переработки: нефть, нефтепродукты, горюче-смазочные материалы, бензин, природный газ, уголь, торф, электроэнергия; различного рода техническое оборудование, обеспечивающее функционирование объектов топливно-энергетического комплекса (*Методические рекомендации о порядке учета дополнительных характеристик преступлений, формируемых в соответствии со справочником № 15. Генеральная прокуратура Российской Федерации*), а также денежные средства и ценные бумаги компаний топливно-энергетической отрасли. При этом предметом мошенничества является не только имущество, но и право на имущество. А для такой формы, как присвоение или растрата, предмет будет составлять именно вверенное имущество другого участника правоотношений.

Отсюда вытекает такая особенность, как необходимость для сотрудников следственных и иных правоохранительных органов обладания углубленными знаниями в области энергетики, корпоративного права, обеспечения безопасности предприятий и т. д. в силу опасности производства и сложности организации данной отрасли промышленности. Проблемой же может стать недостаточная осведомленность о процессе работы предприятий такого типа.

Разумеется, в качестве признака некоторых хищений, выбранных для рассмотрения, стоит отметить обстоятельство места совершения преступления — место преступления — это объекты топливно-энергетического комплекса, которые были перечислены ранее. Так, например, ст. 158 УК РФ включает особо квалифицированный состав, обозначенный в п. «б» ч. 3, который содержит указание на место совершения преступления: кража, совершенная <...> из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода.

Если продолжать рассматривать непосредственно место происшествия, то таковыми являются также: железнодорожные цистерны, резервуары, склады, шахты, подпольные цеха и т. д. Здесь существует проблема для криминалистов в выявлении и всестороннем исследовании следов преступления: затрудненность или невозможность изъятия образцов для дальнейшего проведения судебной экспертизы экспертом в лаборатории; поэтому экспертиза по большей части проводится на месте расследования преступления. Из-за обширности и рельефности территорий, на которых обычно располагаются объекты топливно-энергетического комплекса, процесс является время-, ресурсозатратным и делающим более вероятным упущение из вида некоторых следов. Предшествующая началу расследования авария или действия лиц, участвующих в устранении опасной ситуации, уничтожают следы в ходе ликвидации происшествия на объекте. Или, если говорить о некоторых конкретных преступлениях, например, о хищении нефти, то врезка зачастую располагается в труднопроходимом, заболоченном месте, территория которого окружена лесопосадками, либо преступники выбирают открытый, неконтролируемый участок местности, находящийся далеко от населенного пункта.

Следующим признаком состава таких преступлений следует упомянуть и раскрыть способ хищения. Если говорить о кражах на объектах ТЭК, то они чаще всего происходят путем:

- 1) незаконного подключения к трубопроводам (врезки) (более 80 % из преступлений против собственности на объектах ТЭК — хищения нефти из нефтепровода путем несанкционированного подключения) [7, с. 31–45] во время транспортировки энергоресурса;
- 2) хищения нефти со сборного пункта нефти;
- 3) хищения нефти из технологического трубопровода пункта налива нефти на территории месторождения;
- 4) создания неучтенных излишков за счет недолива при заправке;

5) занижения реального объема нефтепродуктов при транспортировке за рубеж.

Что касается способов, характерных для мошенничества на объектах топливно-энергетического комплекса, то такие преступления совершаются путем:

1) злоупотребления доверием, которое заключается в использовании с корыстной целью доверительных отношений с владельцем имущества или иным лицом, уполномоченным принимать решения о передаче этого имущества третьим лицам. Доверие может быть обусловлено различными обстоятельствами, например, служебным положением лица;

2) обмана, который определяется как сознательное сообщение заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо умышленные действия (например, предоставление фальсифицированного товара или иного предмета сделки, использование различных обманных приемов при расчетах за товары или услуги и т. д.), направленные на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение (активный обман), либо умолчание об истинных фактах (пассивный обман). Сообщаемые при мошенничестве ложные сведения (либо сведения, о которых умалчивается) могут относиться к любым обстоятельствам, в частности, к юридическим фактам и событиям, качеству, стоимости имущества. Здесь важно учесть, что, если обман не направлен непосредственно на завладение чужим имуществом, а используется только для облегчения доступа к нему, действия виновного образуют состав кражи (*Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»*);

3) создания неучтенных нефтепродуктов на нефтеперерабатывающих заводах, которые получают за счет обмана поставщиков при отпуске нефтепродуктов с помощью маневрирования в желаемую сторону величинами измерений (объемом, плотностью, температурой), использования действующих допусков, предусмотренных нормативно-технической документацией (например, за счет завышения плотности увеличивают вес моторного топлива или за счет разбавления иными жидкостями уменьшают количество использованного энергоматериала, оставляя объем таким же);

4) продажи фальсифицированных низкокачественных товаров под видом более дорогих;

5) использования поддельных платежных документов об оплате, доверенностей, сертификатов соответствия для получения и вывоза со склада

(иного хранилища) нефтепродукции. Так как Постановление Пленума ВС РФ говорит о том, что хищение лицом чужого имущества или приобретение права на него путем обмана или злоупотребления доверием, совершенные с использованием изготовленного другим лицом поддельного официального документа, полностью охватывается составом мошенничества и не требует дополнительной квалификации по ст. 327 УК РФ, значит, такое использование является способом хищения [2, с. 12–21];

6) фальсификации сведений о потерях — недостоверного декларирования;

7) неправомерного установления сверхнормативных показателей безвозвратных потерь. В ходе технологического процесса переработки нефти и нефтепродуктов образуются потери. Однако к безвозвратным потерям, которые предполагается невозможным переработать, преступники относят часть нефтепродуктов, которые фактически могут быть переработаны и возвращаются на переработку, становясь товарной продукцией, списанной в соответствии с документами;

8) завышения норм выработки нефтепродуктов.

Чаще всего хищение топливно-энергетических ресурсов является лишь одним из актов цепочки правонарушений различного характера, среди которых в том числе обнаруживаются и преступления, составы которых располагаются в других главах Уголовного Кодекса Российской Федерации. Сложность заключается в том, что преступные деяния, совершаемые на объектах ТЭК, сопровождается большое количество скрытых преступных схем, то есть существующих параллельно, предшествующих или последующих неправомерных махинаций, которые выступают в качестве подготовительных или маскирующих действий по отношению к основным. В качестве таких деяний могут выступать фальсификация документации, осуществление расчетов путем проведения бартерных и взаимозачетных операций через счета третьих лиц, вывоз нефтепродуктов с территории нефтебазы по фиктивной накладной и другие.

В этом случае при характеристике хищений на объектах ТЭК мы можем утверждать о наличии такого явления, как множественность преступлений — случай одновременного или последовательного совершения одним лицом двух или более преступлений, каждое из которых является самостоятельным преступлением и сохраняет свое уголовно-правовое значение [5, с. 76]. Так как преступления совершаются в короткий промежуток времени либо даже одновременно, и лицо в этот

момент еще не уличено, а значит, и не осуждено ни за одно из них, мы говорим о совокупности. В ст. 17 УК РФ содержится следующее определение: совокупностью преступлений признается совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено, за исключением случаев, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части Уголовного Кодекса в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание. Причем в рассматриваемых случаях может иметь место как реальная (совершение лицом преступлений различными действиями), так и идеальная совокупность (которую образуют не менее двух совершенных лицом преступлений, содержащих все признаки составов самостоятельных преступлений, предусмотренных разными статьями, а в определенных случаях и частями одной и той же статьи Особенной части УК РФ). Комментарии к ст. 158 УК РФ, например, гласят, что если в ходе совершения кражи нефти, нефтепродуктов и газа из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода путем врезок в трубопроводы происходит их разрушение, повреждение или приведение в негодное для эксплуатации состояние, а также технологически связанных с ними объектов, сооружений, средств связи, автоматики, сигнализации, которые повлекли или могли повлечь нарушение их нормальной работы, то содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 3 комментируемой статьи и ст. 215³ УК. Здесь идет речь об идеальной совокупности.

Рассматриваемые преступления, предусмотренные ст. 158, 159 и 160 УК РФ, могут идти в совокупности с самовольным подключением к нефтепроводам (ст. 215³ УК РФ); легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления (ст. 174¹ УК РФ); с иными преступлениями (ст. 210, 174, 250, 254, 291, 327 УК РФ и др.).

От совокупности преступлений следует отличать продолжаемое хищение, состоящее из ряда тождественных преступных действий, совершаемых путем изъятия чужого имущества из одного и того же источника, объединенных единым умыслом и составляющих в своей совокупности единое преступление (*Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»*), что тоже составляет особенность некоторых хищений на объектах ТЭК, в частности, краж, осуществляемых путем несанкционированного

подключения к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и т. д.

Комплексность преступлений, совершаемых в ТЭК, говорит о необходимости привлечения таких служб, как Федеральная налоговая служба, Федеральная таможенная служба, Федеральная служба по финансовому мониторингу и др. Возникает потребность создания единых межведомственных баз данных в целях оперативного расследования дела, что сводится к недостаточности их взаимодействия на данном этапе ввиду неудовлетворительного развития таких электронных систем, наличия уязвимых мест в подобных программах, отсутствия квалификации и необходимых навыков сотрудников в работе с электронными системами.

Требуется установление взаимосвязи преступлений, их принадлежности одному и тому же лицу / группе лиц, а также других условий в случае объединения преступлений в множественность. Имеет место и нередко возникающая необходимость пересмотра дела, а значит, возобновления и продолжения ведения расследования в связи с обнаружением новых или вновь открывшихся обстоятельств из-за наличия большого количества скрытых схем, которые не всегда удается выявить после проведения первых следственных операций.

Дальность объектов топливно-энергетического комплекса также является одной из проблем, с которой сталкиваются работники правоохранительных органов при проведении расследования, так как удаленность различных структурных элементов комплекса от районных центров и расстояние, которое необходимо преодолеть сотрудникам для прибытия на место совершения преступления, в еще большей мере снижают оперативность расследования конкретного дела и отдаляют начало проведения оперативных действий от момента непосредственного совершения деяния, а значит, и от возможности раскрытия его по горячим следам, что имеет колоссальное значение в делах, относящихся к ТЭК, в связи со следующим.

Так как предметы, по поводу которых совершаются противоправные деяния, потенциально взрывоопасны и обладают токсическими свойствами, значительная доля хищений в сфере ТЭК сочетает материальный состав и состав опасности, который «характеризуется деянием, создавшим угрозу наступления указанных в законе последствий» [5, с. 31]. Ввиду этой причины осмотр места происшествия по делам на объектах ТЭК должен производиться незамедлительно.

Врезки в трубопроводы в целях хищения нефти чаще всего совершаются под давлением, то есть

в момент прохождения нефти по трубопроводу, с использованием переносного приспособления, снабженного самостоятельным вентилем и трубкой. В этой связи данный способ хищения нефтепродуктов является небезопасным даже для преступников, так как иногда при попытке хищения нефтепродукта из трубопровода высокого давления погибают сами похитители. Нередко в процессе перекачки нефти и нефтепродуктов из несанкционированной врезки загорается оборудование, автомашины и прилегающая территория [1, с. 88–95]. Или в связи с тем, что использование некоторых способов хищения может влечь приведение в негодность нефтепроводов, нефтепродуктопроводов и газопроводов, это способно привести к нарушению их нормальной работы, вследствие чего может происходить и загрязнение окружающей среды, почв, вод.

Однако в рамках этого пункта существует еще одна тонкость. Условие, которое необходимо соблюдать при совершении следственных действий на объектах топливно-энергетического комплекса или при работе с продуктами энергетической промышленности в случае совершенных хищений таких ресурсов, — это обязательное присутствие сотрудника предприятия ТЭК с целью обеспечения безопасности сотрудников правоохранительных органов, что может повлечь утечку внутренней информации правоохранительных органов. Так, например, при осмотре криминальной врезки на объекте магистральных нефтепродуктопроводов необходимо присутствие специалиста транспортирующей компании, работника линейной производственно-диспетчерской станции.

Помимо этого, доктрина уголовного права выделяет состав с двойной превенцией, то есть такие нормы уголовной ответственности за деяния, осуществление которых создает условия, а иногда и непосредственную обстановку для совершения преступлений [3, с. 116–122], что будет более подробно раскрыто далее.

Из-за оперативности самих преступников в сворачивании своих афер за счет оборудования постов наблюдения за местами реализации противоправных махинаций и меток — индикаторов обнаружения их схемы можно выделить в отдельную проблему для работы следователей.

Для мошенничеств, совершаемых на объекте ТЭК, актуальным является общий субъект, то есть лицо, совершающее противоправное, общественно опасное деяние и способное нести за него уголовную ответственность — вменяемое физическое лицо, достигшее 16 лет. Для возможности несения уголовной ответственности за кражу лицу

необходимо достичь 14 лет, то есть установлен пониженный возраст. Субъект присвоения и растраты — специальный (только лицо, которое собственником или иным уполномоченным субъектом наделено правомочиями, обусловленными законом, договором или служебным положением виновного).

Однако характер и сложность совершаемых деяний свидетельствует, во-первых, о частых случаях участия в любых хищениях самих работников предприятий ТЭК, а во-вторых, о действиях лиц в специально создаваемых для этого преступных формированиях. Исполнение некоторых действий теоретически невозможно в одиночку без взаимодействия с другими осведомленными лицами или без обладания профессиональными навыками или информацией, доступной исключительно сотрудникам комплекса. Это указывает на использование специальных знаний с целью сокрытия преступления из-за того, что преступник ввиду своей хорошей освоенности на местности берет под учет многие важные аспекты. Поэтому можно выделить специальный субъект и в двух других формах хищений в данной ситуации.

Наличие специального субъекта также говорит о повышенной опасности деяния, так как, осуществляя свое прикрытие, рабочие, в особенности кто-либо из руководящего состава, имеют возможность ослаблять некоторые механизмы работы предприятия, создавать условия, способствующие совершению преступления, что может спровоцировать других сотрудников воспользоваться ситуацией и совершить иные правонарушения в случае их осведомленности об ослаблении охраны объекта в определенный период или наличия иных благоприятных факторов (образуя при этом состав с двойной превенцией).

Как правило, специальные умения и навыки распространяются на бурильные и сварочные работы, вождение специальных автотранспортных средств (бензовозов, иного грузового автотранспорта) [7, с. 31–45], это может быть также инженерно-технический персонал, сотрудники служб охраны и безопасности, линейные обходчики и другие, которые могут сообщить соучастникам сведения о графике перекачки нефтепродуктов, обеспечить маскировку действий при осуществлении врезок в трубопровод под видом выполнения производственных работ и так далее.

Однако зачастую не только специалисты в области топливно-энергетического сектора становятся специальными субъектами в таких преступлениях — оказываются задействованы в различных махинациях и сами сотрудники правоохранительных

органов, муниципальные служащие, так как большая доходность этой сферы промышленности позволяет активно заниматься коррупцией и долгое время избегать привлечения к ответственности за правонарушения, совершаемые на объектах ТЭК [4, с. 26]. Это приводит к несвоевременному обнаружению противоправных деяний, что позволяет преступникам совершенствовать методы совершения криминальных деяний, взаимодействие в группе, искать наиболее безопасные и оптимальные варианты поведения, отрабатывать преступные схемы, что делает этих лиц более сплоченными, организованными и неуязвимыми.

Что касается соучастия, то группы лиц по предварительному сговору и организованные группы — именно эти две формы преступных формирований фигурируют в изучаемых нами случаях. Важная задача для правоохранительных органов — найти организатора группы для предотвращения или пресечения совершения иных преступлений, для устранения руководящего звена. При рассматриваемых действиях чаще всего оказываются задержанными именно исполнители — рядовые члены — низшие звенья отлаженной системы, в то время как организаторы, двигающее и направляющее преступление звено, остается в тени. Зачастую не удается доказать их причастность к преступлению, они остаются на свободе — криминал сохраняет возможность контролировать крупные секторы экономики, топливно-энергетический комплекс, значимые бюджетные активы и экспортные операции, создавать новые преступные группы. Пособниками же деятельности выступают, как правило, руководители железнодорожных станций, собственники путей необщего пользования (подъездных путей), владельцы специальной техники (перевозчики) и другие.

Можно утверждать и о дополнительных денежных затратах. В частности, в случаях хищения нефтяных ресурсов процесс расследования может упрощаться или ускоряться посредством использования такой техники, как вертолеты или дроны, для прохождения больших расстояний в короткий промежуток времени и обнаружения мест выхода и разлива нефти, врезок и отводов. Для охраны нефтепроводов патрулируются сотрудниками частных охранных предприятий, полицией, также в нефтепроводы устанавливаются системы сигнализаций, способные реагировать на колебания в почве, потерю давления, проводятся полицейские рейды в деревнях, расположенных вблизи нефтепроводов, на выявление цистерн, насосов и других приспособлений, пригодных для хищения нефти, производятся проверки бензовозов

на соответствие их содержимого товарно-транспортной накладной, производятся контрольные закупки топлива сомнительного происхождения.

Таким образом, несмотря на современную и постоянно совершенствуемую систему охраны предприятий и других объектов ТЭК, до сих пор наблюдается достаточно большая доля хищений, совершаемых на данных объектах. Объекты топливно-энергетического комплекса остаются криминогенной средой и охватывают достаточно большую часть преступлений в сфере экономики, в частности, хищений. Востребованность и ограниченность энергоресурсов, высокие цены и ценность такого товара, наличие не просто стабильного, но и растущего в связи с политической ситуацией на мировой арене спроса — все это является причиной того, что эти предметы материального мира становятся объектами многочисленных преступных посягательств. Однако немалая часть деяний, предусмотренных некоторыми статьями главы 21 Уголовного Кодекса Российской Федерации, все-таки остается в тени, что сказывается на качестве расследований, проводимых следственными органами. В связи с тем, что трубопроводы для транспортировки энергоресурсов протягиваются из одного региона в другой, в том числе, в другие государства, преступления имеют еще и межрегиональный и иногда даже международный (транснациональный) характер охраняемых отношений, например, незаконная поставка в страны СНГ нефти и нефтепродуктов в режиме таможенного транзита, контрабандные поставки энергоносителей в страны ближнего и дальнего зарубежья.

Самый распространенный способ краж — это врезки. Наряду с ними имеют место и обман потребителя, и недостоверное декларирование заправок транспорта при перевозках энергоресурсов и продуктов, и множество иных путей совершения краж, мошенничеств, присвоения и растраты, что требует особого внимания и сбора большего объема информации для доказывания всех фактов.

Материальный состав часто дополняется составом опасности или даже составом с двойной превенцией, который является достаточно современным и спорным видом в уголовно-правовой теории. Этот признак требует незамедлительности принятия решений и действий по обнаружению и раскрытию преступлений на объектах ТЭК.

Следовательно, акцент стоит делать не только на особенностях функционирования топливно-энергетической отрасли, сложностях организации деятельности в этом комплексе, но и на рассмотрении криминогенной обстановки на таких объектах с целью профилактики, пресечения преступлений про-

тив собственности и правильной ликвидации последствий в случае совершения посягательств. Мы приходим к выводу, что все вышеперечисленные проблемы, возникающие при работе органов предварительного расследования на объектах топливно-энергетического комплекса, несомненно замедляют

и затрудняют процесс ведения необходимых действий, это непосредственно влияет на результаты и общее качество расследования. Существует необходимость в нормативно-правовом регулировании некоторых отдельных вопросов, а также решении стоящих трудностей посредством иных методов.

Литература

1. *Карабашев К.Б.* Характеристика преступлений, совершаемых на объектах добычи, переработки и реализации нефти и нефтепродуктов, расположенных в южном федеральном округе // *Адвокат*. 2008. № 7. С. 88–95.
2. *Каламбаев А.Г.* О некоторых проблемах выявления и расследования хищений, совершаемых в сфере нефтегазового комплекса // *Вестник Восточно-Сибирского института МВД России*. 2009. № 2 (49). С. 12–21.
3. *Образжиев В.К., Шуйский А.С.* Уголовно-правовые нормы с двойной превенцией: понятие, сущность и виды // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2009. № 12. С. 116–122.
4. *Кручинин М.В., Потапова Н.Н., Долгачева О.И.* Некоторые вопросы выявления и раскрытия преступлений в сфере топливно-энергетического комплекса // *Вестник ВГАВТ*. 2015. С. 23–31.
5. *Арямов А.А., Басова Т.Б., Благов Е.В. и др.* Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / отв. ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. М.: Контракт, 2017. — 348 с.
6. *Татаринов М.К., Волеводз А.Г.* Преступления в сфере энергетики: сравнительно-правовой взгляд // *Библиотека криминалиста*. 2018. № 3 (38). С. 320–330.
7. *Горенская Е.В.* Характеристика экономических преступлений в сфере добычи и транспортировки нефти // *Вестник Восточно-Сибирского института МВД России*. 2021. № 2 (97). С. 31–45.

References

1. *Karabashev K.B.* Kharakteristika prestuplenii, sovershaemykh na ob"ektakh dobychi, pererabotki i realizatsii nefiti i nefteproduktov, raspolozhennykh v yuzhnom federal'nom okruge [Characteristics of crimes committed at the facilities of production, processing and sale of oil and oil products located in the southern federal district]. *Advokat [Lawyer]*, 2008, no. 7, pp. 88–95. (In Russian)
2. *Kalambaev A.G.* O nekotorykh problemakh vyyavleniya i rassledovaniya khishchenii, sovershaemykh v sfere neftegazovogo kompleksa [On some problems of identifying and investigating theft committed in the oil and gas complex]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2009, no. 2 (49), pp. 12–21. (In Russian)
3. *Obrazhiev V.K., Shuiskii A.S.* Ugolovno-pravovye normy s dvoinoi preventsiei: ponyatie, sushchnost' i vidy [Criminal legal norms with double prevention: concept, essence and types]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika [Laws of Russia: experience, analysis, practice]*, 2009, no. 12, pp. 116–122. (In Russian)
4. *Kruchinin M.V., Potapova N.N., Dolgacheva O.I.* Nekotorye voprosy vyyavleniya i raskrytiya prestuplenii v sfere toplivno-energeticheskogo kompleksa [Some issues of detection and disclosure of crimes in the sphere of the fuel and energy complex]. *Vestnik VGAVT [Bulletin of the Volga State Academy of Water Transport]*, 2015, pp. 23–31. (In Russian)
5. *Aryamov A.A., Basova T.B., Blagov E.V. etc.* Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya i Osobennaya chasti. Uchebnik [Criminal law of Russia. General and Special parts. Textbook]. Eds. Yu.V. Gracheva, A.I. Chuchaev. Moscow: Kontrakt Publ., 2017. 348 p. (In Russian)
6. *Tatarinov M.K., Volevodz A.G.* Prestupleniya v sfere energetiki: sravnitel'no-pravovoi vzglyad [Crimes in the energy sector: a comparative legal view]. *Biblioteka kriminalista [Forensic Library]*, 2018, no. 3 (38), pp. 320–330. (In Russian, abstract in English)
7. *Gorenskaya E.V.* Kharakteristika ekonomicheskikh prestuplenii v sfere dobychi i transportirovki nefiti [Characteristics of economic crimes in the field of oil production and transportation]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2021, no. 2 (97), pp. 31–45. (In Russian, abstract in English).

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЪЕКТОВ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рашитханов Руслан Салихович

***Цель:** осуществить комплексный анализ угроз безопасности объектов топливно-энергетического комплекса Российской Федерации, а также определить основные меры, направленные на их предупреждение.*

***Методология:** анализ, синтез, индукция, дедукция, описание, абстрагирование, формально-юридический метод.*

***Выводы.** Безопасность объектов ТЭК основана на системном подходе, включающем в себя обеспечение общественной безопасности, надежность энергосистемы, защиту от угроз и внешних воздействий (в том числе террористических атак), а также соблюдение высоких стандартов качества и соответствия требованиям. Эти принципы и меры позволяют нивелировать риски и обеспечивать безопасность работы объектов ТЭК.*

В целом обеспечение безопасности объектов ТЭК — это сложная и многогранная задача, требующая комплексного подхода и постоянного мониторинга. Однако только через совместные усилия государства, предприятий и общественности можно достичь высокого уровня безопасности, гарантировать надежное функционирование объектов и защиту интересов общества.

***Научная и практическая значимость.** Проведен анализ нормативно-правовой базы обеспечения безопасности объектов ТЭК, выявлены ключевые траектории развития мер предупредительного характера, обозначены возможности проведения дальнейших исследований по данной проблематике.*

***Ключевые слова:** топливно-энергетический комплекс, объекты ТЭК, угрозы ТЭК, безопасность ТЭК, нефтяная отрасль, нефть и нефтепродукты, преступления, энергетика, стратегические интересы, государство.*

Любые вопросы, связанные с деятельностью топливно-энергетического комплекса (далее — ТЭК), приумножили свою важность в последнее десятилетие, однако особенно важной становится проблема обеспечения безопасности объектов ТЭК. В Российской Федерации, как в стране — флагмане мировой энергетической системы, этими вопросами занимаются довольно давно, тем не менее новое время бросает новые вызовы. Возможность аварийных ситуаций, экологических катастроф, противодействие различного рода посягательствам — все это требует реализации широкого круга мер по обеспечению безопасности объектов ТЭК, а учитывая возрастающие риски обострения криминогенной обстановки, сложно

игнорировать актуальность рассмотрения данного вопроса.

Одним из ключевых аспектов безопасности в ТЭК является обеспечение надежности и стабильности функционирования и работы энергетической системы.

Безопасность объектов ТЭК зиждется на системном подходе и соблюдении ряда обязательных принципов. Первоочередной и наиболее важной задачей является обеспечение безопасности персонала, населения и окружающей среды. Для этого необходимо строго соблюдать правила и инструкции, касающиеся обслуживания и эксплуатации технических устройств, а также проводить регулярные проверки и контрольные мероприятия.

Для этого необходимо поддерживать в исправности и регулярно обновлять основное оборудование, проводить профилактические и ремонтные работы, а также обеспечивать достаточное количество резервных систем и источников энергии. Еще одним аспектом безопасности является обеспечение гарантий качества и стандартов в процессе производства и транспортировки топлива и энергии. Это включает в себя контроль и испытания на соответствие требованиям, а также соблюдение всех регуляторных и нормативных документов. Безопасность в этом случае связана, прежде всего, с предотвращением аварий и нарушений. Все это относится к технической стороне работы объекта ТЭК, и несмотря на всю важность, не относится к предмету настоящей работы.

Неотъемлемым аспектом безопасности является также защита от возможных угроз и внешних воздействий. Это включает в себя создание системы видеонаблюдения, контроля доступа, автоматизацию, автономность процессов, применение контрмер, защитных механизмов. Кроме того, крайне важно иметь оперативную и эффективную систему связи, которая позволит быстро реагировать на чрезвычайные ситуации и проводить своевременные мероприятия по ликвидации возможных проблем. Именно эту сторону безопасности объектов ТЭК целесообразно рассмотреть в данной работе.

Рассмотрение вопроса обеспечения безопасности объектов ТЭК не может обойтись без рассмотрения нормативной основы. На сегодняшний день, ключевыми актами, непосредственно затрагивающими данный вопрос, являются Федеральный закон от 21 июля 2011 г. № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» (Российская газета. 2011. 26 июля. № 161) (далее — Федеральный закон) и Доктрина энергетической безопасности Российской Федерации (СЗ РФ. 2019. № 20. Ст. 2421) (далее — Доктрина ЭБ).

Федеральный закон (Федеральный закон от 21 июля 2011 г. № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» // Российская газета. 2011. 26 июля. № 161) был принят в целях формирования системного подхода в вопросах обеспечения безопасности объектов ТЭК. Согласно ст. 1 указанного закона, «закон устанавливает организационные и правовые основы в сфере обеспечения безопасности объектов ТЭК в Российской Федерации, за исключением объектов атомной энергетики». Как видно, из предмета регулирования исключены объекты атомной энергетики. Причина этого заключается как в особой природе объектов атомной энергетики,

так и в наличии специального законодательства в виде закона от 21 ноября 1995 г. № 170-ФЗ «Об использовании атомной энергии».

Доктрина ЭБ (Указ Президента РФ от 13 мая 2019 г. № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 20. Ст. 2421) представляет собой разновидность документа стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности, что обуславливает широту ее предмета и общность ее положений. В нем отражены официальные взгляды государства по данному вопросу, обозначаются вызовы, угрозы, а также риски в области энергетической безопасности. Помимо этого, в Доктрине ЭБ фиксируются цель, принципы, основные направления и задачи обеспечения энергетической безопасности, а также организационные основы обеспечения энергетической безопасности.

Непосредственно связанными с темой настоящего исследования являются следующие положения доктрины:

16. Внутренними угрозами энергетической безопасности являются:

г) рост количества преступлений и правонарушений в сфере энергетики (хищения, коррупция, производство и продажа контрафактной продукции, неплатежи).

19. Трансграничными угрозами энергетической безопасности являются:

а) террористическая и диверсионная деятельность, наносящая ущерб инфраструктуре и объектам топливно-энергетического комплекса;

б) противоправное использование информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе осуществление компьютерных атак на объекты информационной инфраструктуры и сети связи, используемые для организации их взаимодействия, способное привести к нарушениям функционирования инфраструктуры и объектов топливно-энергетического комплекса.

Несмотря на то, что Доктрина ЭБ рассматривает ТЭК в составе энергетического комплекса в целом, в п. 5 подчеркивается его системообразующее значение.

Согласно Федеральному закону, объекты топливно-энергетического комплекса — это объекты электроэнергетики, нефтедобывающей, нефтеперерабатывающей, нефтехимической, газовой, угольной, сланцевой и торфяной промышленности, а также объекты нефтепродуктообеспечения, теплоснабжения и газоснабжения. Доктрина ЭБ в ТЭК включает нефтяную, газовую, угольную и торфяную отрасли, электроэнергетику

и теплоснабжение. В целом, если не углубляться в вопросы детализации отдельных отраслей, нормативные акты солидарны в понимании того, что из себя представляет ТЭК и его структуры.

Основой для обеспечения безопасности объектов ТЭК, как и в любой иной области, является система госрегулирования и госконтроля. Государственные органы разрабатывают каскад норм и требований, регулирующих деятельность предприятий ТЭК.

Так, например, ст. 7 Федерального закона предусматривает следующее: «Субъекты топливно-энергетического комплекса, владеющие на праве собственности или ином законном основании объектами, которым присвоена категория опасности, обязаны соблюдать установленные Правительством Российской Федерации требования обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности объектов топливно-энергетического комплекса, которым присвоена категория опасности».

На сегодняшний день предприятия ТЭК могут охраняться как бюджетными, так и частными организациями (предприятиями). Характеристика субъектов, осуществляющих охрану объектов ТЭК, после постановления Правительства РФ от 20 сентября 2019 г. № 1218 «О внесении изменения в пункт 21 приложения № 1 к постановлению Правительства Российской Федерации от 14 августа 1992 г. № 587» (СЗ РФ. 2019. № 39. Ст. 5422) несколько изменилась. Обусловлено это тем, что если раньше объекты ТЭК преимущественно охранялись ведомственной охраной Министерства энергетики РФ (позже Росгвардией), то сейчас постепенно все больше и больше объектов переходит под охрану частных охранных предприятий. Последние, в свою очередь, не всегда добросовестно осуществляют свою деятельность и периодически практикуют политику ценового демпинга. Это, как следствие, приводит к снижению уровня защищенности объектов ТЭК.

Антитеррористическая защищенность объектов ТЭК является одной из наиболее важных угроз в области безопасности объектов ТЭК. В Федеральном законе антитеррористическая защищенность определяется как состояние защищенности здания, строения, сооружения или иного объекта топливно-энергетического комплекса, препятствующее совершению на нем террористического акта. В свете постоянной угрозы террористических актов защита объектов ТЭК становится первоочередной задачей для обеспечения стабильного и непрерывного функционирования энергетической инфраструктуры всего государства.

Поскольку объекты ТЭК представляют собой критическую инфраструктуру, обеспечивающую снабжение населения энергией и топливом, террористические группы и организации могут специально направить свои действия на эти объекты, чтобы нанести значительный ущерб экономике и обществу в целом. В связи с этим антитеррористическая защищенность объектов ТЭК включает в себя систему мер, направленных на предотвращение, обнаружение и противодействие террористическим актам.

Концепция защиты таких объектов, на наш взгляд, должна быть основана на трех основных принципах:

- профилактика террористической угрозы;
- обеспечение безопасности персонала;
- физическая защищенность объектов.

Профилактика террористической угрозы включает в себя широкий спектр мероприятий, включая улучшение информационной безопасности, разработку и внедрение технологических решений, направленных на предотвращение террористических актов, а также обучение персонала по вопросам безопасности и реагирования на возможные угрозы. Это также включает в себя создание и поддержание системы оповещения и контроля, а также механизмов для обеспечения оперативного реагирования на возникшие угрозы. Такие механизмы с учетом обострившейся обстановки должны подвергаться регулярным проверкам или даже аудиту в целях подтверждения качества их работы. Причем контрольные и проверочные мероприятия, на наш взгляд, должны проводиться преимущественно и в первую очередь самими предприятиями, их руководством.

Обеспечение безопасности персонала является неотъемлемой частью антитеррористической защищенности. Это включает в себя разработку и внедрение процедур и правил по безопасности, обучение персонала в области противодействия террористическим актам и обеспечение их соответствующими средствами индивидуальной защиты.

Под системой физической защиты объектов ТЭК Федеральный закон призывает понимать совокупность направленных на предотвращение актов незаконного вмешательства организационных, административных и правовых мер, инженерно-технических средств охраны и действий подразделений, ответственных за такую защиту. Это включает в себя:

- установку систем контроля и безопасности;
- внедрение технических средств защиты;
- улучшение системы видеонаблюдения и доступа;

- формирование подразделений, ответственных за защиту объекта;
- разработку и реализацию планов эвакуации и аварийного реагирования и др.

Антитеррористическая защищенность объектов ТЭК должна рассматриваться как системный процесс, объединяющий деятельность государственных и частных структур. Только через такую комплексную работу можно обеспечить эффективную защиту от террористических угроз и обеспечить надежную и безопасную работу объектов ТЭК.

Отдельно необходимо затронуть вопрос контроля исполнения требований, касающихся антитеррористической защищенности объектов ТЭК, со стороны Федеральной службы войск национальной гвардии. На наш взгляд, стоит на ведомственном уровне уделить большее внимание вопросам формирования методик (в виде инструкций) по проверке защищенности объектов ТЭК. Это позволит реализовать потенциал в предупредительной деятельности Росгвардии.

Еще одним вызовом в сфере физической защиты объектов ТЭК выступает появления дронов с новыми возможностями и преимуществами. Несмотря на то, что правовые ограничения предусматривают различные требования к использованию беспилотников, действующие нормативные акты не всегда способны обеспечить полноту защиты от возможных угроз.

Поэтому особое внимание следует уделить разработке и внедрению надежных систем физической защиты объектов ТЭК от дронов. Данные системы должны обеспечивать своевременное обнаружение и классификацию беспилотных летательных аппаратов (на потенциально опасные и неопасные).

Один из возможных подходов к решению данной проблемы — использование инновационных технологий, включающих в себя передовые радиолокационные и оптические системы, обнаруживающие дроны на ранних этапах их приближения к объектам. Такие системы должны быть адаптированы к специфике объектов ТЭК и обладать высокой производительностью для обеспечения оперативной реакции.

Важным аспектом защиты объектов ТЭК от дронов является также разработка методов и технологий снижения возможности несанкционированного доступа беспилотных аппаратов к конфиденциальной информации и техническим средствам объектов. Для этого могут применяться специализированные блокировщики связи, функциональное программное обеспечение и сервисные решения.

Крайне важно проработать эффективные меры по предупреждению и пресечению незаконного использования беспилотников, а также разрешить потенциальные вопросы ответственности за противоправные действия, осуществляемые с дронами. Здесь, в свою очередь, может подняться такой вопрос, как возможность запрета пользования дронами в целом либо определенными их видами на момент действия какого-либо административно-правового режима, однако он не является предметом настоящей работы.

Достижение максимальной безопасности объектов ТЭК от дронов требует системного подхода, объединяющего физическую защиту, инновационные технологии и правовые основы данных процессов. Только такой подход способен обеспечить надежную охрану предприятий и предотвратить возможные угрозы, которые могут причинить ущерб национальной безопасности.

Хотелось бы отметить положительное влияние в вопросе организации охраны объектов ТЭК в виде категорирования объектов ТЭК (*Федеральный закон от 28 июня 2022 г. № 230-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 27. Ст. 4631*). После внесения поправок процесс такого категорирования позволяет концентрировать внимание и дифференцировать уровень контроля по отношению к различным объектам ТЭК в целях обеспечения оптимального распределения ресурсов контролирующих органов.

Отдельно необходимо рассмотреть вопрос кибербезопасности объектов ТЭК. С учетом активной цифровизации особое внимание следует обратить на возрастающее количество и качество цифровых угроз. Согласно статистике, Россия занимает ведущую позицию по годовым темпам роста кибератак на информационные системы.

Киберпреступность и кибертерроризм уже не являются чем-то новым для отечественной правовой действительности, а становятся обыденным и рутинным явлением [1, 156 с.].

В настоящее время, когда мир все больше зависит от технологических достижений и сетей связи, кибербезопасность становится одним из наиболее актуальных вопросов для объектов ТЭК. Уязвимость систем, которые обеспечивают поставку энергии и топлива в наши дома, предприятия и социальные объекты, может привести к серьезным последствиям. Поэтому профессиональная охрана цифровых активов становится необходимостью,

чтобы защитить общество от возможных кибератак и катастрофических последствий.

Стоит учитывать, что в исходном базовом законе от 21 июля 2021 г. № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» имеется ряд несостыковок в организации обеспечения безопасности объектов ТЭК от информационных террористических атак в виртуальной среде. Закон сосредоточен главным образом на физической защите зданий, сооружений и территории, играющих роль объектов ТЭК, и почти не рассматривает вопросы обеспечения информационной безопасности от атак в сетевом пространстве.

Более тщательно вопросы информационной безопасности рассматриваются в Федеральном законе от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» (*СЗ РФ. 2017. № 31 (часть I). Ст. 4736*), в контексте которого организации, деятельностью которых связана с топливно-энергетическим комплексом, рассматриваются как субъекты критической информационной инфраструктуры.

Обеспечение кибербезопасности объектов ТЭК требует комплексного подхода и круглосуточного мониторинга (автоматизированного). Особенно следует подвергать мониторингу системы управления и контроля. Они должны быть обеспечены надежными и защищенными средствами связи (в том числе автоматизированными, внутрисистемными), чтобы предотвратить несанкционированный доступ и перехват информации. Важно также осуществлять систематическую проверку и обновление программного обеспечения, чтобы минимизировать риски уязвимостей и обнаружить возможные угрозы, поскольку именно посредством устаревшего ПО могут осуществляться самые «болезненные заражения».

Для эффективной защиты от кибератак необходимы также обучение и подготовка персонала. Операторы и инженеры должны быть осведомлены о современных методах атак, таких как фишинг, использование вредоносных программ, методов с использованием социальной инженерии и кражей персональных данных, чтобы своевременно распознавать и предотвращать угрозы. Кроме того, важно проводить плановые аудиты и проверки, чтобы убедиться в соответствии систем и сетей самым высоким стандартам безопасности.

Следующим важным аспектом обеспечения кибербезопасности объектов ТЭК является создание резервных систем (обеспечивающих работу

объекта ТЭК) и планов действий в случае возникновения кибератаки. Возможность быстро восстановить системы и минимизировать простой производства или поставки топлива становится критически важной. Постепенное внедрение системы резервного копирования и ретроспективный анализ инцидентов помогают улучшить реакцию на потенциальные угрозы.

Наконец, необходимо учитывать сотрудничество и совместную работу с учреждениями и организациями, занимающимися кибербезопасностью. Обмен информацией о новых угрозах и методах защиты, а также организация совместных тренировок и симуляций атак помогут повысить качество кибербезопасности объектов ТЭК.

Таким образом, комплексные меры по обеспечению кибербезопасности объектов ТЭК являются неотъемлемой частью современного и надежного функционирования энергетической отрасли. Безопасность систем и сетей становится необходимым условием для предотвращения возможных киберугроз и обеспечения стабильного и эффективного функционирования энергетической системы РФ.

Актуальные угрозы, в том числе киберугрозы, требуют ответственного подхода к профилактике и вынуждают предвосхищать потенциальные опасности. Крайне актуальным и необходимым шагом в этом направлении может стать имплементация на предприятиях интегрированной комплексной системы безопасности, основанной на принципе автоматизации.

Автоматизация деятельности предприятий и объектов топливно-энергетического комплекса включает широкий спектр задач и процессов, начиная от автоматизированного управления и мониторинга технологических процессов до управления энергообеспечением и регулирования потока сырья.

Применение автоматизации в топливно-энергетическом комплексе позволяет организациям значительно повысить точность и надежность работы, а также снизить риски возникновения аварийных ситуаций. Благодаря системам мониторинга и контроля операторы имеют возможность своевременно получать информацию о состоянии оборудования и процессов.

Одной из основных задач автоматизации в топливно-энергетическом комплексе является оптимизация управления ресурсами, снижение управленческой нагрузки и минимизация человеческого фактора при принятии решений. Благодаря автоматическому контролю сырья, энергии и других ресурсов предприятия могут существенно

сократить простои и утилизировать ресурсы в максимально эффективных режимах. Это позволяет снизить затраты на производство и повысить его прибыльность.

Помимо управления ресурсами, системы автоматизации также обеспечивают более оперативное и точное управление цепочками поставок, контроль и обработку данных, анализ и прогнозирование рыночных тенденций и потребностей. Это помогает компаниям рационально планировать свою деятельность, адаптироваться к изменяющимся условиям рынка и эффективно конкурировать.

Однако внедрение автоматизации в топливно-энергетический комплекс требует соответствующих инвестиций и квалифицированных кадров, занимающихся настройкой и обслуживанием систем. Это означает, что организации должны серьезно подойти к выбору систем автоматизации и обеспечивать регулярное обучение своих сотрудников. Более того, это требует серьезных финансовых инвестиций.

В целом автоматизация деятельности предприятий и объектов топливно-энергетического комплекса является неотъемлемой частью современного управления в данной отрасли. Она позволяет повысить эффективность работы, снизить риски и расходы, а также быть конкурентоспособными на рынке. Использование передовых технологий и систем автоматизации в данной сфере является важным шагом в развитии предприятий и компаний, работающих в топливно-энергетическом секторе.

Такие системы, базирующиеся на единой цифровой платформе (в виде комплексного ПО), объединяют все ресурсы различных систем безопасности, действующих в рамках одного предприятия.

Получая данные от всех источников в рамках предприятий, система управляет полученной информацией. Четко слаженный и систематизированный информационный обмен обеспечивает контроль всего функционала подсистем, участвующих в обеспечении безопасности объекта.

Высокий уровень кибербезопасности на объектах ТЭК будет обеспечен посредством нивелирования ключевых рисков. Среди рисков, специфичных для ТЭК, можно назвать следующие:

- использование старого программного обеспечения, оборудования и коммуникационных протоколов, изначально не предполагавших даже самой возможности киберугроз;

- административные и технологические трудности для обновления ПО;

- неконтролируемое подключение автоматизированной сети управления к общей сети предприятия или даже к сети Интернет;

- доступ сторонних компаний (как правило, контрагентов) к технологической сети и др.

Вышеуказанные риски нивелируются при соблюдении рекомендаций, которые мы указывали выше: обучение и подготовка персонала, создание резервных систем и планов действий в случае возникновения кибератаки.

Успешность кибератаки зависит не только от качества технических средств, но и от слабоуправляемых процессов, таких как лояльность и человеческий фактор [2].

Примером таких слабостей может стать акт кибертерроризма в виде атаки вируса Stuxnet на объект ядерной энергетики Ирана [3, с. 98]. Вирус распространялся исключительно через флеш-накопители и был настроен таким образом, чтобы «проснуться» исключительно на данном объекте. В результате попадания в локальную сеть объекта он замедлил вращение центрифуг, в которых происходило обогащение урана, чем отбросил продвижение иранской ядерной программы на несколько лет назад. Это лишь один из примеров того, как защищенность одного объекта может влиять на деятельность всего государства в целом.

Таким образом, результативное обеспечение безопасности объектов ТЭК возможно лишь путем влияния на все факторы в их совокупности и многообразии.

По итогам рассмотрения вопроса представляется возможным прийти к следующим выводам.

1. На сегодняшний день государством принимается ряд последовательных мер по защите объектов ТЭК, однако, учитывая эволюцию угроз и обострение криминогенной обстановки, необходимо форсировать процессы активной защиты объектов ТЭК, в первую очередь в вопросах информационной и антитеррористической защищенности.

2. Под защитой объектов ТЭК, на наш взгляд, следует понимать систему мер правового, организационного, ресурсно-финансового и технического характера, направленную на создание условий, при которых исключаются или существенно затрудняются преступные посягательства на объекты ТЭК.

3. Необходимо принять меры, направленные на автоматизацию процессов на предприятиях ТЭК, что позволит минимизировать человеческий фактор и риски, связанные с ним.

4. Меры, направленные на борьбу с дронами как средством совершения террористических

атак, являются одними из самых актуальных и требуют пристального внимания со стороны предприятий ТЭК.

Таким образом, безопасность объектов ТЭК основана на системном подходе, включающем в себя обеспечение общественной безопасности, надежность энергосистемы, защиту от угроз и внешних воздействий (в том числе террористических атак), а также соблюдение высоких стандартов качества и соответствия требованиям. Эти принципы и меры

позволяют нивелировать риски и обеспечивать безопасность работы объектов ТЭК.

В целом обеспечение безопасности объектов ТЭК — это сложная и многогранная задача, требующая комплексного подхода и постоянного мониторинга. Однако только через совместные усилия государства, предприятий и общественности можно достичь высокого уровня безопасности, гарантировать надежное функционирование объектов и защиту интересов общества.

Литература

1. Комплексная безопасность критически важной инфраструктуры: опыт СНГ: сборник научных статей / ред. Н.В. Ступаков. М.: Неолит, 2020. — 156 с.
2. Белоус А.И. Кибербезопасность объектов топливно-энергетического комплекса. Концепции, методы и средства обеспечения: практическое пособие. М., Вологда: Инфра-Инженерия, 2020. — 644 с.
3. Ромашкина Н.П., Махукова А.В. Компьютерная вредоносная атака на ядерную программу Ирана // Информационные войны. 2013. № 4 (28). С. 88–98.

References

1. Kompleksnaya bezopasnost' kriticheski vazhnoi infrastruktury: opyt SNG. Sbornik nauchnykh statei [Integrated security of critical infrastructure: the experience of the CIS. Collection of scientific articles]. Ed. N.V. Stupakov. Moscow: Neolit Publ., 2020. 156 p. (In Russian, abstract in English)
2. Belous A.I. Kiberbezopasnost' ob"ektov toplivno-energeticheskogo kompleksa. Kontseptsii, metody i sredstva obespecheniya: prakticheskoe posobie [Cybersecurity of objects of the fuel and energy complex. Concepts, methods and means of support: a practical guide] Moscow, Vologda: Infra-Inzheneriya Publ., 2020. 644 p. (In Russian)
3. Romashkina N.P., Makhukova A.V. Komp'yuternaya vredonosnaya ataka na yadernuyu programmu Irana [Computer malicious attack on Iran's nuclear program]. *Informatsionnye voyny [Information wars]*, 2013, no. 4 (28), pp. 88–98. (In Russian)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НЕФТЯНОЙ ОТРАСЛИ РОССИИ

Сапожкина Полина Александровна

Цель: провести общий анализ угроз безопасности функционирования нефтяной отрасли России, а также факторов обеспечения данной безопасности. В науке отмечается, что нефтяная отрасль, входящая в систему ТЭК, является стратегически важной для российского государства и поэтому значительно криминализованной. Соответственно, необходима разработка предложений по усилению защиты данной сферы.

Методология: анализ, синтез, индукция, дедукция, описание, абстрагирование, формально-юридический метод.

Выводы. Важно усилить обеспечение безопасности и защиты объектов, входящих в нефтяную отрасль, ввиду совершения различных по своей природе правонарушений и преступлений, в том числе с использованием новых методов и цифровых технологий.

Научная и практическая значимость. Угрозами безопасности нефтяной отрасли являются в основном преступные посягательства, соответственно, при осуществлении государственной политики в этой сфере следует уделять повышенное внимание предупреждению и расследованию преступлений. Дана характеристика некоторым составам преступлений, совершаемых в нефтяной сфере: это преступления против собственности, в сфере экономической деятельности, против общественной безопасности. Были изучены действующие меры предупреждения посягательств, а также даны предложения в улучшении качества работы по обеспечению безопасности.

Ключевые слова: топливно-энергетический комплекс, объекты ТЭК, угрозы ТЭК, безопасность ТЭК, нефтяная отрасль, нефть и нефтепродукты, преступления, энергетика, стратегические интересы, государство.

Согласно Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 9 июня 2020 г. № 1523-р // [Электронный ресурс]: URL: <https://minenergo.gov.ru/nod/e/1026?ysclid=la9tm3pqdv408221594> (дата обращения: 13.05.2023)) в экономике РФ топливно-энергетический комплекс (далее — ТЭК), в который входят предприятия нефтяной отрасли, занимает существенное место и является основой формирования доходов бюджетной системы страны. Добыча нефти в России в 2022 г. составила 535,2 млн т, что на 2 % больше, чем в 2021 г. Экспорт вырос на 7,6 %, до 242 млн т [1, с. 4]. В свою очередь, прогнозируемый объем нефтегазовых доходов федерального бюджета в 2023 г. составляет 8,9 трлн рублей (Силуанов назвал основные

риски для бюджета на 2023 г. // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.rbc.ru/economics/27/12/2022/63a9a4b89a794764186d1b2d> (дата обращения: 13.05.2023)). Нефтяная отрасль включает в себя добычу, транспортировку, переработку нефти, в результате которой производятся топливо (бензин, керосин, дизельное), масла (трансмиссионное, моторное), твердые соединения (битум, мазут, парафин), и ее реализацию.

В Доктрине энергетической безопасности РФ (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2019 г. № 21 // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44252?ysclid=la8gmdq5rz4492702> (дата обращения: 13.05.2023)) содержится определение энергетической безопасности — это состояние защищенности экономики и населения страны от угроз

национальной безопасности в сфере энергетики, при котором обеспечивается выполнение предусмотренных законодательством РФ требований к топливо- и энергоснабжению потребителей, а также выполнение экспортных контрактов и международных обязательств РФ. Одной из внутренних угроз энергетической безопасности, указанных в Доктрине, является рост количества преступлений и правонарушений в сфере ТЭК (соответственно, и в нефтяной отрасли).

Согласно обзору, представленному на конференции Kaspersky Industrial Cybersecurity Conference, в первом полугодии 2022 г. доля атакованных компьютеров с автоматизированными системами управления в нефтегазовой отрасли составила почти треть (*Kaspersky ICS CERT: в 1-м полугодии 2022 г. доля атакованных компьютеров АСУ в нефтегазовой отрасли составила почти треть // [Электронный ресурс]: URL: <https://neftegaz.ru/news/exhibitions/751501-kaspersky-ics-cert-v-1-m-polugodii-2022-g-dolya-atakovannykh-kompyuterov-asu-v-neftegazovoy-otrasli-/> (дата обращения: 13.05.2023)*). Это говорит о повышенном уровне криминогенности нефтяной сферы, где преступность носит транснациональный характер. В настоящее время при совершении преступлений также задействуются современные информационные технологии, что наносит действительно крупный ущерб нефтяной сфере.

Как известно, административные правонарушения и преступления являются общественно опасными деяниями. В Кодексе РФ об административных правонарушениях (*СЗ РФ. 2002. № 1 (часть 1). Ст. 1*) (далее — КоАП РФ) содержатся некоторые составы, характеризующие такие нарушения в нефтяной сфере. Например, это ст. 7.19, устанавливающая ответственность за самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам либо самовольное (безучетное) использование нефти или нефтепродуктов, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния (данное правонарушение именуется врезкой, за которую лицу, подвергнутому ранее административному наказанию за аналогичное деяние, будет грозить уголовная ответственность). Следует отметить, что преступления в отличие от административных правонарушений — деяния, обладающие повышенной общественной опасностью. Поэтому в данной статье будет также уделено внимание анализу некоторых составов преступлений, совершаемых в нефтяной отрасли.

Представляется, что одна из главных причин преступности в данной сфере — повышенный рыночный спрос на нефть и продукты ее переработки

в совокупности с высокими ценами. Соответственно, здесь происходит крупный оборот финансовых средств, сосредотачиваются большие объемы материальных ценностей и высокотехнологичного оборудования [2, с. 125]. Более того, сам факт значительного влияния нефтяной отрасли на экономику страны и доходы бюджета — предпосылка повышения уровня криминогенности в этой сфере.

Помимо всего, существует проблема коррупции со стороны государственных служащих (в таких федеральных органах исполнительной власти, как ФНС, ФТС, Ростехнадзор, Минприроды, Минэнерго, Роснедра, Росприроднадзор, а также в органах исполнительной власти субъектов) и руководителей самих предприятий [3, с. 39]. Так, в 2020 г. в отношении бывшего заместителя министра энергетики России Анатолия Тихонова было возбуждено уголовное дело о хищении более 700 млн рублей при создании государственной информационной системы (ГИС) ТЭК и закупках необходимой для этого техники, а с недавнего времени и о получении многомиллионных взяток (*Замминистра добавили коррупции // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5621397> (дата обращения: 19.05.2023)*).

Не во всех случаях работа правоохранительных органов по борьбе с преступностью в нефтяной сфере имеет высокую эффективность. Следует отметить недостаточный уровень взаимодействия между линейными производственно-диспетчерскими станциями предприятий, их службами безопасности, руководством и правоохранительными, таможенными органами — это приводит к несвоевременному раскрытию преступлений в случае позднего предоставления оперативной информации. Также пока не существует единого метода при определении размера причиненного преступлением ущерба нефтяным компаниям, поэтому достаточно сложно установить объемы похищенных нефтепродуктов и, соответственно, суммы ущерба. Не всегда представляется возможным доказать и вменить объемы ранее похищенной нефти и определить сумму причиненного ущерба, так как такие сведения находят отражение лишь в показаниях, а сам предмет хищения (нефть или нефтепродукты) к этому моменту, как правило, уже отсутствует и его идентификация невозможна [4, с. 29].

Важным вопросом является наличие проблем при проведении отдельных следственных действий по уголовным делам в нефтяной сфере из-за нетипичных способов и особенностей совершения преступлений (организованными группами и преступными сообществами, с использованием

специфического оборудования), сложности доказывания их конкретных эпизодов [5, с. 276]. Более того, влияют такие факторы, как совершение преступных посягательств в ночное время и частое нахождение объектов нефтяной отрасли (прежде всего трубопроводов) в труднодоступных местностях, что затрудняет оперативное прибытие органов на место преступления.

Приведем некоторые преступления в сфере производства, транспортировки и реализации нефти и нефтепродуктов, которые упомянуты в Уголовном кодексе РФ (*СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954*) (далее — УК РФ). Наибольшее распространение в нефтяной сфере имеют преступные посягательства против собственности, к ним относятся все формы хищения. Прежде всего это кража, предусмотренная п. «б» ч. 3 ст. 158 и осуществляемая из нефтепровода, нефтепродуктопровода, то есть видов трубопровода, а также, согласно судебной практике, со сборных пунктов нефти. В науке указывается, что спецификой таких краж является использование арендованного автотранспорта [6, с. 11], при перевозке используются поддельные либо фальсифицированные документы [7, с. 40]. Вследствие этого предлагается предусмотреть в УК РФ конфискацию транспортных средств, умышленно используемых для перевозки похищенной нефти и нефтепродуктов и других орудий совершения этих преступлений, так как в результате одни и те же автомобили могут многократно использоваться для данной цели [4, с. 28–29].

Выделение кражи из нефтепровода, нефтепродуктопровода в качестве квалифицирующего признака ч. 3 ст. 158 УК РФ объясняется повышенной общественной опасностью таких хищений из-за возможного наступления тяжких последствий в виде загрязнения окружающей среды, возникновения ЧС техногенного характера, прекращения поставок транспортируемых веществ [8, с. 14].

Другие формы хищения также имеют место: мошенничество (ст. 159), присвоение или растрата имущества нефтяных компаний (ст. 160), чаще всего осуществляемые лицами, имеющими опыт экономической деятельности в нефтяной отрасли (например, руководством компаний). Пунктом «в» ч. 2 ст. 161 предусмотрен грабеж с незаконным проникновением в хранилище, под которым в том числе понимается трубопровод, а в ч. 3 ст. 162 — разбой, совершенный с незаконным проникновением в данное хранилище.

Отличительной чертой преступлений против собственности в нефтяной сфере является их латентность, которую можно объяснить скрытностью процесса приготовления и маскировку

самого факта совершенного преступления, завуалированностью бухгалтерского и иного учета. В таких преступлениях ярко выражены корыстные мотивы, высокий уровень криминального профессионализма, организованность, использование служебного положения [9, с. 7].

В нефтяной отрасли также имеют место преступления в сфере экономической деятельности. В ст. 171 предусмотрена ответственность за незаконное предпринимательство в сфере производства и реализации нефти и нефтепродуктов, осуществляемое чаще всего на нелегальном рынке (например, лицом без государственной регистрации в качестве предпринимателя или юридическим лицом без получения лицензии на эксплуатацию опасных производственных объектов). Для данных преступлений характерно появление стойких к утрате следов на теле, одежде, транспортных средствах, оборудовании, почве, которые в большинстве случаев можно идентифицировать с образцами, полученными в ходе проведения оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий [10, с. 266].

Статьями 174 и 174¹ предусмотрена ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем или лицом в результате совершения им преступления, а в п. «б» ч. 2 ст. 175 — за приобретение или сбыт нефти и продуктов ее переработки, заведомо добытых преступным путем в крупном размере. Кроме того, в случае ограничения конкуренции на нефтяном рынке ответственность наступает по ст. 178: такие деяния имеют место в силу наличия естественных монополий в отрасли.

Для нефтяной сферы также характерны налоговые преступления: уклонение от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией, и (или) страховых взносов, подлежащих уплате организацией — плательщиком страховых взносов (ст. 199), которое выражается, например, в предоставлении декларации по НДС с заведомо недостоверными сведениями [7, с. 39]. Также имеет место сокрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов, сборов, страховых взносов (ст. 199²).

Отдельным деянием в УК РФ обозначена вышеупомянутая врезка, при которой разрушается внешний слой трубопровода и различными способами происходит изъятие нефти. Это преступление квалифицируется самостоятельно по ч. 1, 2 и 5 ст. 215³ (если за такое деяние уже назначено административное наказание по ст. 7.19

КоАП РФ). Согласно данным судебной практики, врезка может осуществляться как единолично, так и в соучастии: группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой, преступным сообществом. Например, Б. был признан виновным в приведении в негодность, то есть повреждении нефтепродуктопровода, которое повлекло нарушение его нормальной работы, из корыстных побуждений группой лиц по предварительному сговору в отношении магистрального трубопровода в период с 1 января по октябрь 2017 г. в г. Москве. Деяние заключалось в продолжаемом хищении группой лиц по предварительному сговору, состоящем из ряда преступных действий, направленных к общей цели и составляющих в своей совокупности единое преступление, начиная от достижения преступного сговора между соучастниками с последующим осуществлением незаконной врезки в нефтепродуктопровод и хищением топлива (*Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 14 июля 2022 г. № 77-2407/2022*).

Следует отметить, что зачастую лица, совершающие врезки, имеют опыт работы в нефтяной отрасли, и сами врезки делаются на профессиональном уровне. Используются различные способы конспирации и сокрытия следов преступления, а к совершению деяния могут быть отдельно привлечены специалисты по врезкам.

К преступлениям в нефтяной отрасли также относятся разрушение, повреждение или приведение иным образом в негодное для эксплуатации состояние нефтепроводов, нефтепродуктопроводов и других связанных с ними объектов, совершенные из корыстных или хулиганских побуждений, которые квалифицируются по ч. 3–5 ст. 215³. В случае если такое разрушение произошло при совершении кражи — это будет квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 3 ст. 158 и ст. 215³, о чем указал Верховный Суд РФ (*Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 (ред. от 29.06.2021) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2*).

Для квалификации содеянного в случае разрушения, повреждения или приведения иным образом в негодность нефтепроводов, нефтепродуктопроводов и других связанных с ними объектов необходимо установить наличие низменных мотивов — корыстных или хулиганских побуждений. Их понятие также разъяснил Верховный Суд РФ (*Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. «О судебной практике по делам об*

убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2). Хулиганские побуждения имеют место при совершении преступления на почве явного неуважения к обществу и общепринятым нормам морали, когда поведение виновного является открытым вызовом общественному порядку и обусловлено желанием противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное к ним отношение. Корыстные побуждения выражаются в желании лица получить материальную выгоду для себя или других лиц либо избавиться от материальных затрат (например, тайно добыть нефть с целью ее дальнейшей перепродажи).

Остро стоит вопрос об обеспечении антитеррористической защищенности объектов ТЭК, в том числе нефтяной отрасли, ввиду их стратегического значения для государства. В упомянутой Доктрине энергетической безопасности РФ террористическая и диверсионная деятельность, наносящая ущерб инфраструктуре и объектам ТЭК, и недостаточные темпы разработки и внедрения новых средств защиты этих объектов выделены как трансграничные угрозы энергетической безопасности страны. Террористические акты в нефтяной отрасли выражаются, например, в подрыве трубопроводов, а также в компьютерных атаках на объекты информационной инфраструктуры компаний. Большое распространения получают именно террористические акты, совершенные в сети. Это может быть промышленный или военный шпионаж за операциями энергокомпании с поставщиками и потребителями путем взлома компьютерных сетей и скрытой установки программ перехвата данных, ложное или фальсифицированное предоставление данных по аварийным ситуациям и операционным методам разрушения программного обеспечения для дезинформации служб безопасности [11, с. 18]. Не менее опасны координация и финансирование террористической деятельности.

Существует специальное правовое регулирование в нефтяной отрасли — это Федеральный закон от 21 июля 2011 г. № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» (*СЗ РФ. 2011. № 30 (часть 1). Ст. 4604*) (далее — ФЗ «О безопасности объектов ТЭК»), в котором содержится понятие антитеррористической защищенности объекта ТЭК. Под ней понимается состояние защищенности здания, строения, сооружения или иного объекта ТЭК, препятствующее совершению на нем террористического акта. В свою очередь, обеспечение антитеррористической защищенности объектов ТЭК — это реализация определяемой государством системы право-

вых, экономических, организационных и иных мер, направленных на обеспечение безопасности объектов ТЭК. Под требованиями обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности объектов ТЭК понимаются правила, которые обязательны для выполнения и соблюдение которых обеспечивает безопасность и антитеррористическую защищенность объектов ТЭК.

Соответственно, за нарушение данных требований в зависимости от категории опасности объекта (низкая, средняя или высокая) установлена административная ответственность в ст. 20.30 КоАП РФ. Уголовная ответственность будет наступать в соответствии со ст. 217¹ УК РФ, если данное деяние повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека или причинение крупного ущерба либо смерть человека или двух и более лиц.

Последствия рассмотренных в статье посягательств опасны для России. Прежде всего, происходит покушение на стратегические интересы, связанные с добычей и использованием нефти и продуктов ее переработки, которые входят в содержание внутренней политики государства [3, с. 38]. Однако вред может наноситься интересам государства и во внешней политике, когда стоит вопрос о роли страны на мировых энергетических рынках и ее геополитическом влиянии [2, с. 127]. Также в ряду негативных последствий имеет место недополучение необходимых сумм акцизов, таможенных пошлин, налогов и сборов (в частности, налогов на добычу полезных ископаемых, на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья), что является прямой угрозой разрушения механизма деятельности государства [3, с. 38]. Наносится вред инвестиционной привлекательности нефтяной сферы, что приводит к проблемам во внутренних и внешних экономических отношениях.

В связи с этим приложены значительные усилия к обеспечению безопасности функционирования нефтяной отрасли России. Во-первых, в данной сфере действуют Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России (ГУЭБиПК МВД) и подразделения ЭБиПК в территориальных органах внутренних дел. Согласно Положению о ГУЭБиПК МВД, функцией органа является организация и участие в выявлении, предупреждении, пресечении и раскрытии тяжких и особо тяжких преступлений экономической и коррупционной направленности, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших в сферах нефтедобычи, ее переработки и транспортировки (*Приказ МВД России*

от 16 марта 2015 г. № 340 «Об утверждении Положения о Главном управлении экономической безопасности и противодействия коррупции Министерства внутренних дел Российской Федерации» // [Электронный ресурс]: URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Glavnie_upravljenija/Glavnoe_upravlenie_jekonomicheskoj_bezop/Polozhenie (дата обращения: 20.05.2023)).

Во-вторых, вышеназванным ФЗ «О безопасности объектов ТЭК» установлены нормы и правила осуществления защиты объектов ТЭК, а также регламентировано создание реестра объектов ТЭК и их охранная паспортизация. В данный ФЗ относительно недавно были внесены изменения. Теперь установлены повышенные требования к безопасности объектов ТЭК, например, разграничение структур, осуществляющих их защиту. Введено право создания частной охранной организации субъекта ТЭК, являющегося головной организацией; до этого существовала только охрана, осуществляемая подразделениями и организациями Росгвардии, подразделениями ведомственной охраны ПАО «Газпром», ПАО «НК «Роснефть» и ПАО «Транснефть», а также частными охранными организациями, не являющимися корпоративными. Например, недавно ПАО «ЛУКОЙЛ» стало первой компанией ТЭК, которая получила разрешение на создание корпоративной частной охранной организации (*Правительство разрешило ЛУКОЙЛу создать охранную компанию // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.rbc.ru/business/05/11/2022/636650cb9a794745dc3dedbd> (дата обращения: 20.05.2023)).*

В целях превенции также было внесено изменение в ст. 10 данного ФЗ: работу, непосредственно связанную с обеспечением безопасности объектов ТЭК, не вправе выполнять лица, представившие недостоверные или неполные сведения при приеме на эту работу. Также будет отказано иностранным гражданам, гражданам РФ, имеющим гражданство иностранного государства либо вид на жительство или иной документ, подтверждающий право на постоянное проживание на территории иностранного государства, и лицам без гражданства.

Согласно пояснительной записке к законопроекту о внесении изменений в данный ФЗ, названные меры предусмотрены для предотвращения преступлений на объектах ТЭК, а также проверки лиц, привлекаемых к трудовой деятельности (*Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» и отдельные законодательные акты*

Российской Федерации» // [Электронный ресурс]: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1249055-7> (дата обращения: 20.05.2023)). Предоставление недостоверных или неполных сведений может выражаться, например, в скрытии от руководства компании факта наличия судимости. Запрет занимать данные должности иностранным гражданам, гражданам РФ, имеющим гражданство иностранного государства либо вид на жительство или иной документ, подтверждающий право на постоянное проживание на территории иностранного государства, и лицам без гражданства обусловлен необходимостью обеспечить национальную безопасность России и защиту ее государственного суверенитета, а также минимизировать риск террористической угрозы, в том числе международной.

В-третьих, в нефтяной отрасли осуществляется спутниковый ГЛОНАСС- и GPS-мониторинг через передачу информации с датчиков и модулей и ее обработку в виде отчетов для контроля за эксплуатацией транспорта и оборудования. Также на трубопроводах размещаются инновационные датчики давления, которые мгновенно сообщают о его изменении, с помощью чего возможно вовремя раскрыть преступление.

Однако есть необходимость в улучшении работы по обеспечению безопасности функционирования нефтяной отрасли. Высказывается мнение об увеличении количества оперативных позиций сотрудников подразделений ГУЭБиПК МВД

в органах управления компаний, что позволит расширить разведывательные возможности этих работников с целью противодействия преступности [3, с. 42]. Более того, важно укрепление взаимодействия правоохранительных органов, служб безопасности предприятий и органов исполнительной власти, таких как ФСБ, ФТС [3, с. 41].

Положительный эффект может принести совершенствование технических средств информационного дистанционного мониторинга, использование нанотехнологий по слежению с помощью скрытой аппаратуры за особо охраняемыми объектами энергетической инфраструктуры. Также необходимо внедрить новые методы государственного управления по предупреждению возникновения аварий и их возможных последствий в ТЭК, повысить результативность проверок состояния промышленной безопасности объектов нефтяной отрасли, сократить число брошенных и неэксплуатируемых энергообъектов [11, с. 15, 17].

Таким образом, обеспечение безопасности функционирования нефтяной отрасли — одна из стратегических задач российского государства. Нефть и продукты ее переработки — жизненно необходимые и дорогостоящие ресурсы, их особое значение для экономики России предопределяет важность охраны и защиты от посягательств, главным образом преступных, которые распространены в данной сфере.

Литература

1. *Новак А.В.* Российский ТЭК — 2022: вызовы, итоги и перспективы // Энергетическая политика. 2023. № 2 (180). С. 4—11.
2. *Салеева Ю.Е., Гуськова А.В.* Актуальные вопросы предупреждения и расследования преступлений в сфере топливно-энергетического комплекса // Экономика и право. 2015. Т. 25. № 3. С. 125—130.
3. *Алабердеев Р.Р.* Причины преступности в нефтегазовом комплексе России // Научный портал МВД России. 2015. № 3. С. 38—43.
4. *Морозов О.Л.* Профилактика преступлений в топливно-энергетическом комплексе Российской Федерации на примере Приволжского федерального округа // На страже экономики. 2018. № 3 (6). С. 25—30.
5. *Самойлов А.Ю.* Противодействие расследованию преступлений в сфере топливно-энергетического комплекса: виды, особенности и субъекты // Евразийский юридический журнал. 2016. № 3 (94). С. 274—276.
6. *Бикетов П.В.* Криминологические меры противодействия хищениям нефти и нефтепродуктов, совершаемым на предприятиях нефтегазовой отрасли: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2010. 29 с.
7. *Горенская Е.В.* Характеристика экономических преступлений в сфере добычи и транспортировки нефти // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 2 (97). С. 31—45.
8. *Вележев С.И.* Отдельные проблемные вопросы квалификации преступных действий, совершаемых в топливно-энергетическом комплексе // Вестник Самарского юридического института. 2022. № 4 (50). С. 11—18.

9. Лысенко С.А. Криминологическая характеристика и профилактика преступлений против собственности в нефтегазовом комплексе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. Тюмень, 2011. — 27 с.
10. Пимонов Б.В. Содержание криминологической характеристики незаконного предпринимательства в сфере оборота нефти и нефтепродуктов // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 4. С. 265–269.
11. Ступаков Н.В. Политико-правовые меры государств — участников СНГ по защите энергетической безопасности и противодействию терроризму в топливно-энергетическом комплексе // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2019. № 4. С. 12–22.

References

1. Novak A.V. Rossiiskii TEK 2022: vyzovy, itogi i perspektivy [Russian Fuel and Energy Sector 2022: challenges, results and prospects]. *Energeticheskaya politika [Energy strategy]*, 2023, no. 2 (180), pp. 4–11. (In Russian, abstract in English)
2. Saleeva Yu.E., Gus'kova A.V. Aktual'nye voprosy preduprezhdeniya i rassledovaniya prestuplenii v sfere toplivno-energeticheskogo kompleksa [Topical issues of prevention and investigation of crimes in the sphere of fuel and energy complex]. *Ekonomika i pravo [Economics and law]*, 2015, v. 25, no. 3, pp. 125–130. (In Russian, abstract in English)
3. Alaberdeev R.R. Prichiny prestupnosti v neftegazovom komplekse Rossii [Causes of crime in the oil-and-gas complex of Russia]. *Nauchnyi portal MVD Rossii [Scientific portal of the Ministry of the interior of Russia]*, 2015, no. 3, pp. 38–43. (In Russian, abstract in English)
4. Morozov O.L. Profilaktika prestuplenii v toplivno-energeticheskom komplekse Rossiiskoi Federatsii na primere Privolzhskogo federal'nogo okruga [Crime prevention in the fuel and energy complex of the Russian Federation on the example of the Volga Federal District]. *Na strazhe ekonomiki [On guard of the economy]*, 2018, no. 3 (6), pp. 25–30. (In Russian, abstract in English)
5. Samoilov A.Yu. Protivodeistvie rassledovaniyu prestuplenii v sfere toplivno-energeticheskogo kompleksa: vidy, osobennosti i sub"ekty [Counteraction to investigation of crimes in the sphere of fuel-energy complex: types, characteristics and subjects]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal [Eurasian law journal]*, 2016, no. 3 (94), pp. 274–276. (In Russian, abstract in English)
6. Biketov P.V. Kriminologicheskie меры protivodeistviya khishcheniyam nefti i nefteproduktov, sovershaemym na predpriyatiyakh neftegazovoi otrasli [Criminological measures to counteract the theft of oil and petroleum products committed at oil and gas industry enterprises]. Avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08. Moscow, 2010. 29 p. (In Russian)
7. Gorenskaya E.V. Kharakteristika ekonomicheskikh prestuplenii v sfere dobychi i transportirovki nefti [Characteristics of economic crimes in the field of oil production and transportation]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2021, no. 2 (97), pp. 31–45. (In Russian, abstract in English)
8. Velezhev S.I. Otdel'nye problemnye voprosy kvalifikatsii prestupnykh deistvii, sovershaemykh v toplivno-energeticheskom komplekse [Some problematic issues of qualification of criminal acts committed in the fuel and energy complex]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta [Bulletin of the Samara Law Institute]*, 2022, no. 4 (50), pp. 11–18. (In Russian, abstract in English)
9. Lysenko S.A. Kriminologicheskaya kharakteristika i profilaktika prestuplenii protiv sobstvennosti v neftegazovom komplekse [Criminological characteristics and prevention of crimes against property in the oil and gas complex]. Avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk. 12.00.08. Tyumen', 2011. 27 p. (In Russian)
10. Pimonov B.V. Soderzhanie kriminalisticheskoi kharakteristiki nezakonnogo predprinimatel'stva v sfere oborota nefti i nefteproduktov [The content of the criminalistic characteristics of illegal entrepreneurship in the sphere of oil and petroleum products turnover]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve [Problems in Russian legislation]*, 2009, no. 4, pp. 265–269. (In Russian)
11. Stupakov N.V. Politiko-pravovye меры gosudarstv — uchastnikov SNG po zashchite energeticheskoi bezopasnosti i protivodeistviyu terrorizmu v toplivno-energeticheskom komplekse [Political and legal measures of the CIS member States to protect energy security and counter terrorism in the fuel and energy complex]. *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evraziiskikh gosudarstv: politika, ekonomika, pravo [International cooperation of the Eurasian States: politics, economics, law]*, 2019, no. 4, pp. 12–22. (In Russian, abstract in English)

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

Цысс Зинаида Александровна

Цель: уголовно-правовое обеспечение безопасности топливно-энергетического комплекса является важнейшей задачей, так как преступления причиняют вред как отдельной личности, так и государству. Одной из целей работы является анализ нормативной базы, регламентирующей безопасность топливно-энергетического комплекса, что позволит определить область преступлений, совершаемых на данных объектах. Также целью является рассмотрение норм Уголовного кодекса РФ, расположенных в разделах VIII и IX. Отдельное внимание будет уделено ст. 158 УК РФ, а именно ее квалифицирующим признакам, определению размера похищенного, квалификации деяния. Также будет проведен сравнительный анализ ст. 174, 174¹ и 175 УК РФ для определения проблем регламентации квалифицирующих признаков. Далее будут рассмотрены нормы главы 24 УК РФ, а также проведено сравнение редакций ст. 215³ УК РФ для анализа проблем правоприменения данной нормы. Отдельное внимание будет уделено нормам, регламентирующим терроризм на объектах топливно-энергетического комплекса. Для достижения данных целей также будет рассмотрена судебная статистика.

Методология: основу проведенного исследования составляют различные методы научного познания, среди которых можно выделить диалектический, сравнительный анализ, дедуцию, индукцию, синтез, системный метод, а также такие частноправовые методы, как сравнительно-правовой, формально-юридический.

Выводы. В настоящее время нормы, регламентирующие преступления на объектах топливно-энергетического комплекса, имеют ряд проблем, что влияет на их применение. Приведен ряд проблем, устранение которых будет способствовать более точному применению норм УК РФ на практике. Также сравнительный анализ смежных составов преступлений показал необходимость их разграничения для недопущения «излишней» квалификации.

Научная и практическая значимость. Объекты топливно-энергетического комплекса являются объектами особой охраны, поэтому преступления на них обладают большей опасностью. По данной причине законодательный запрет на отвержение преступлений в данной области не должен содержать неточностей, которые будут приводить к ошибкам при квалификации. Выводы, сделанные в данной работе, содержат рекомендации по конкретизации норм УК РФ, что должно способствовать более точному применению норм; также данные выводы могут стать теоретической основой для выработки рекомендаций по исправлению данных проблем.

Ключевые слова: топливно-энергетический комплекс, национальная безопасность, уголовно-правовой запрет, уголовная ответственность, квалификация деяния, определение ущерба, общественно опасные последствия хищения, квалифицирующие признаки, состав преступления.

Основой функционирования современного общества является обеспечение безопасности, которая представляет собой состояние защищенности личности, государства, собственности от внешних и внутренних угроз, что гарантируется различными нормативными актами, в том числе

Конституцией Российской Федерации (*Российская газета*. 1993. 12 декабря. № 237). Также приведем положение Указа Президента «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации», в котором говорится, что национальная безопасность — «состояние защищенности наци-

ональных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны» (*СЗ РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351*). Данная стратегия также отмечает, что для обеспечения экономической безопасности необходимо «обеспечение энергетической безопасности Российской Федерации, в том числе обеспечение устойчивого тепло- и энергоснабжения населения и субъектов национальной экономики, повышение энергетической эффективности экономики и эффективности государственного управления в сфере топливно-энергетического комплекса».

Далее рассмотрим энергетическую безопасность и ее уголовно-правовое закрепление, так как данная отрасль права устанавливает наиболее жесткие санкции за деяние, а следовательно, имеет большое влияние как на личность, так и на правоприменителя при определении наказания. Безопасность топливно-энергетического комплекса (далее — ТЭК), который представляет собой совокупность отраслей промышленности, осуществляющих добычу первичных энергетических ресурсов, их переработку в другие виды топлива и преобразование в тепловую и электрическую энергию, а также транспортировку и распределение энергоресурсов, топлива и энергии, является ее основой его деятельности. Федеральный закон от 21 июля 2011 г. № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» (*СЗ РФ. 2011. № 30 (часть I). Ст. 4604*), закрепляет цели и задачи, принципы и особенности обеспечения безопасности в сфере ТЭК.

ТЭК также можно считать объектом критической инфраструктуры [1, с. 26–29], так как нарушение или прекращение его работы приводит к негативным изменениям для экономики и населения определенной области или страны в целом. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что обеспечение безопасности ТЭК является важнейшей задачей государства и его органов. ТЭК является объектом повышенной опасности, по этой причине преступления, совершенные в данной сфере, могут причинить вред как населению, так и экономике страны.

При анализе Уголовного кодекса Российской Федерации (*СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954*) (далее — УК РФ) можно сделать вывод, что преступления, связанные с областью ТЭК, предусмотрены раз-

делами VIII (преступления в сфере экономики) и IX (преступления против общественной безопасности и общественного порядка).

Далее необходимо определить, какие преступления совершаются на объектах ТЭК. Данные преступления можно условно разделить на две группы [2, с. 14–19]:

1. Преступления, совершаемые под влиянием внешних угроз — преступления, связанные с незаконным проникновением на территорию объектов, совершением террористических актов, грабежей, краж лицами, не являющимися работниками комплекса и т. д.

2. Преступления, совершаемые под влиянием внутренних угроз — данные преступления совершаются по вине работников самого комплекса. В основном это может быть хищение имущества, включая составные детали оборудования, нефть и нефтепродукты. Также это могут быть преступления, связанные с халатностью, должностные преступления и т. д.

Рассмотрим нормы главы 21 УК РФ, посвященной преступлениям против собственности, а также выделим проблемы регулирования преступлений именно в области ТЭК. Специфика ТЭК учтена только в норме ст. 158 УК РФ, а именно: п. «б» ч. 3 предусматривает квалифицирующий признак состава преступления как совершение кражи, то есть тайного хищения чужого имущества из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода. Если рассматривать данную норму подробнее, то можно отметить, что законодатель определяет данное преступление как тяжкое, и санкция подразумевает наказание в виде лишения свободы на срок до 6 лет, штрафа в размере до 500 тыс. рублей с ограничением свободы или без такового. При этом стоит сказать, что согласно статистике Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации по п. «б» ч. 3 ст. 158 УК были осуждены: в 2019 г. — 392 лица, в 2020 г. — 458 лиц, в 2021 г. — 167 лиц (*Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 07.04.2022)*), то есть мы видим, что данная норма применяется довольно часто.

Однако стоит указать, что похожий квалифицирующий признак отсутствует в других нормах статей главы 21 УК РФ, хотя хищения на объектах ТЭК могут совершаться и открытым путем (грабеж, разбой), путем обмана или злоупотребления доверием (мошенничество), также имущество может переходить в руки преступников под угрозой применения насилия, уничтожения имущества, распространения сведений, позорящих потер-

певшего или его близких, а также действий, наносящих существенный вред его правам (вымогательство) и т. д. При этом отсутствие данного квалифицирующего признака не позволяет точно определить количество совершаемых преступлений в области ТЭК и установить схожий уровень ответственности за их совершение.

Говоря о норме, предусмотренной ст. 158 УК РФ, следует отметить, что согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (*Российская газета*. 2003. 18 января. № 9) при повреждении, разрушении, приведении в негодное состояние в ходе кражи газа, нефти и ее продуктов трубопроводов, а также связанных с ними объектов деяние следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 3 ст. 158 и ст. 215³ УК РФ. Если посмотреть на количество лиц, осужденных по ст. 215³, можно заметить, что оно значительно менялось: 2019 г. — 425 лиц, 2020 г. — 83 лица, первая половина 2021 г. — 427 лиц. Такая практика может свидетельствовать о недостаточной точности данной нормы, так как она определяется законодателем как более опасное преступление по сравнению с деянием, предусмотренным п. «б» ч. 3 ст. 158 УК, при этом присущая им корыстность совершения обуславливает конкуренцию данных норм, что вместе с «вынужденной» квалификацией по совокупности усложняет разграничение данных преступлений.

Следует отметить, что диспозиция нормы ст. 158 УК РФ подразумевает совершение кражи, то есть тайное хищение чужого имущества, а следовательно, имущественный ущерб собственнику или иному владельцу является обязательным последствием совершения деяния. Правильный расчет ущерба является важной частью для квалификации деяния, так как влияет на наказание. Однако данный вопрос вызывает дискуссии: необходимо ли учитывать упущенную выгоду, подлежат ли включению стоимость аварийных работ по приведению нефтепровода в надлежащее состояние, финансовые потери от наступивших экологических последствий [3, с. 25]. Мы согласимся с мнением, что при расчете ущерба не должны учитываться недостачи нефтепродуктов, упущенная выгода, а затраты на аварийные работы могут быть предметом гражданского иска [4, с. 23–26]. Но даже при определении того, что именно входит в ущерб, возникают сложности при его правильном расчете. Можно обнаружить нелегальную врезку в трубопровод, однако при этом определить хотя бы приблизительный размер изъятого ресурса очень сложно, а сумма ущерба рассчитывается на основе показаний об-

виняемого или документов потерпевшей стороны [5, с. 146–149]. Таким образом, определение общественно-опасных последствий представляет трудности, что является недопустимым для материального состава преступления, так как может приводить к неверной квалификации, а следовательно, назначению несправедливого наказания, что нарушает принципы уголовного права. Следовательно, необходимо определить состав данной нормы как формальный или разработать унифицированные правила оценки ущерба.

Далее хотелось бы рассмотреть нормы главы 22 УК РФ, связанные с регулированием преступлений в сфере экономической деятельности. Пункт «б» ч. 2 нормы ст. 175 УК РФ содержит такой квалифицирующий признак состава преступления, как заранее не обещанные сбыт или приобретение имущества, добытого преступным путем в отношении нефти и продуктов ее переработки, автомобиля или иного имущества в крупном размере. То есть мы видим, что в данной статье квалифицирующий признак относится к преступлениям, которые могут быть совершены в сфере ТЭК. Деяние, предусмотренное данной нормой, относится к преступлениям средней тяжести, а санкция представляет собой наказание в виде лишения свободы на срок до 5 лет со штрафом, ограничения свободы, принудительных работ или ареста. Приведем статистику совершения преступлений, предусмотренных данной нормой: в 2019 г. — 21 лицо, в 2020 г. — 14 лиц, в первом полугодии 2021 г. — 18 лиц (*Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации* // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 07.04.2022)). При этом хотелось бы отметить, что п. «б» ч. 2 ст. 175 УК РФ подразумевает ответственность за преступление, совершенное в крупном размере, то есть ущерб должен превышать два миллиона двести пятьдесят тысяч рублей.

Однако, согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» (*Российская газета*. 2015. 13 июля. № 151), «по смыслу закона, для квалификации содеянного по п. «б» ч. 2 ст. 175 УК РФ не требуется, чтобы стоимость нефти и продуктов ее переработки, а равно автомобиля, заведомо добытых преступным путем, составляла крупный размер, то есть сумму, превышающую два миллиона двести пятьдесят тысяч рублей». То есть мы видим, что норма, закрепленная в п. «б» ч. 2 ст. 175 УК РФ,

изложена недостаточно четко, что может приводить к проблемам при правоприменении.

Рассмотрим данный вопрос подробнее. При совершении кражи при наличии квалифицирующего признака, закрепленного в п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, ответственность наступает вне зависимости от стоимости похищенных газа, нефти и продуктов ее переработки. При этом стоит отметить, что данная кража с большой вероятностью будет совершена опасным способом (например, путем врезок в различные трубопроводы), а умысел преступников скорее всего будет направлен на кражу нефти, продуктов ее переработки и газа в крупном и особо крупном размере. Данные обстоятельства были учтены законодателем, и поэтому наказание, предусмотренное санкцией данной нормы, является довольно серьезным для лица, совершившего данное деяние. При этом норма, предусмотренная ст. 175 УК РФ, не подразумевает подобного опасного способа совершения и умысла, направленного на заранее не обещанное приобретение или сбыт имущества, полученного незаконным путем, в крупном и особо крупном размере. И это вызывает вопросы к правильности применения данной нормы без указания на размер имущества, так как формально может быть осужден человек, который приобрел канистру бензина для автомобиля или газовый баллон для дачи. Таким образом, мы видим, что недостаточная урегулированность нормы, предусмотренной п. «б» ч. 2 ст. 175, может привести к излишней жестокости уголовного наказания.

Стоит также выделить проблему, связанную с нормами ст. 174 УК и 174¹ УК РФ, которые регулируют те же общественные отношения, что норма ст. 175 УК РФ. Но при этом данные нормы не предусматривают квалифицирующий признак в виде совершения преступления в отношении нефти, продуктов ее переработки и газа. Таким образом, мы снова видим недостаточную правовую регламентацию данных деяний.

Далее рассмотрим норму главы 24 УК РФ, посвященной преступлениям против общественной безопасности. Статья 215³ УК РФ подразумевает ответственность за самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам либо приведение их в негодность. Стоит проанализировать изменения, которые произошли в диспозиции данной нормы. До июля 2018 г. ответственность по ч. 1 ст. 215³ УК РФ наступала за «разрушение, повреждение или приведение иным способом в негодное для эксплуатации состояние нефтепроводов, нефтепродуктопроводов, газопроводов, а также технологически связанных с ними объектов, сооружений, средств связи, ав-

томатики, сигнализации, которые повлекли или могли повлечь нарушение их нормальной работы и были совершены из корыстных или хулиганских побуждений». В данной редакции мы видим, что объективная сторона преступления включала в себя такие действия, как разрушение, повреждение или приведение в негодное состояние иным способом, а также законодатель устанавливал обязательные признаки субъективной стороны — корыстные и хулиганские побуждения.

После внесения изменений в УК РФ Федеральным законом от 29 июля 2018 г. № 229-ФЗ «О внесении изменений в статью 215³ Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (СЗ РФ. 2018. № 31. Ст. 4818) диспозиция ч. 1 ст. 215³ УК РФ приобрела следующий вид: «Самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние». То есть мы видим, что объективная сторона преступления подразумевает действие только в виде подключения, а также была введена административная преюдиция (совершенные деяния, предусмотренного ст. 7.19 КоАП РФ (СЗ РФ. 2002. № 1 (часть I). Ст. 1)).

Следует также отметить, что квалифицированный состав подвергся изменениям, а именно: ч. 2 ст. 215³ УК РФ после внесения изменений предполагает ответственность за совершение преступления в отношении магистральных трубопроводов, а в ч. 2 ст. 215³ УК РФ до изменений также присутствовал признак «группой лиц по предварительному сговору». А деяния, предусмотренные объективной стороной ч. 1 ст. 215³ УК РФ, до внесения изменений стали особо квалифицирующими признаками в ч. 3 ст. 215³ УК РФ в действующей редакции УК РФ.

Анализ санкции рассматриваемой нормы показывает, что до внесения изменений основной состав являлся преступлением средней тяжести, после — небольшой тяжести.

Такой анализ позволяет нам сделать вывод, что сфера применения нормы ст. 215³ УК РФ стала шире, так как основной состав нормы, несмотря на административную преюдицию, охватывает более широкий круг действий, поскольку является формальным. Также законодатель подчеркнул, что общественная опасность действий по разрушению, повреждению или приведению иным способом в негодное для эксплуатации состояние является серьезнее в силу переноса данного состава в особо квалифицирующие признаки деяния, предусмотренного ст. 215³ УК РФ.

Следует отметить, что после внесения изменений статистика по количеству осужденных за совершение деяния, предусмотренного ст. 215³ УК РФ, увеличилась. Так, в 2012 г. — 7 осужденных; в 2016 г. — 16 осужденных; в 2017 г. — 25 осужденных; в 2018 г. — 38 осужденных; в 2019 г. — 408 осужденных [6, с. 87–96]. Данные подтверждают ранее сделанный вывод о более широкой сфере применения ст. 215³ УК РФ после внесения изменений.

Однако стоит отметить, что самовольное подключение в силу особенности строения нефтепровода, нефтепродуктопровода и газопровода чаще всего совершается путем врезок в них, а следовательно, их повреждения, также лица совершают данные деяния в основном из корыстных побуждений (например, для улучшения собственного положения путем использования полученных продуктов в хозяйственных целях). Данные особенности совершения деяния создают сложности с разграничением с п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, о котором говорилось ранее, что приводит к конкуренции норм и вынужденной квалификации по совокупности преступлений [7, с. 45–50]. Эта проблема может привести к назначению более тяжелого наказания преступнику, что нарушает такой принцип уголовного права, как справедливость.

Следует уделить отдельное внимание нормам УК РФ, которые направлены на защиту объектов ТЭК от преступлений террористической направленности. Терроризм сам по себе является одним из самых опасных преступлений, так как влечет наиболее серьезные последствия. Специальной нормой для объектов ТЭК можно считать п. «а» ч. 3 ст. 205 УК РФ, которая подразумевает совершение деяния, сопряженного с посягательством на объекты использования атомной энергии, потенциально опасные биологические объекты либо с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических веществ или патогенных биологических агентов. Данное деяние в силу своей общественной опасности подразумевает наказание вплоть до пожизненного лишения свободы.

При рассмотрении норм, направленных на защиту от действия террористической направленности, следует упомянуть ст. 217¹ УК РФ, которая подразумевает ответственность за нарушение требований обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности объектов топливно-энергетического комплекса, если это деяние повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека или причине-

ние крупного ущерба. Данные требования обозначены в Федеральном законе от 21 июля 2011 г. № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» (СЗ РФ. 2011. № 30 (часть I). Ст. 4604). При отсутствии указанных последствий деяние будет считаться административным правонарушением. Для анализа нормы следует обозначить, что санкция за данное деяние подразумевает лишение свободы на срок до 3 лет, что сопоставимо с санкцией ст. 215 УК РФ. Таким образом, законодатель приравнивает данное преступление к нарушению требований безопасности на объектах атомной энергетики. Однако на данный момент норма ст. 217¹ УК РФ носит превентивный характер, так как с 2018 г. по первое полугодие 2021 г. осужденных по ней не было.

Таким образом, следует отметить, что в Уголовном кодексе нет отдельного раздела, посвященного преступлениям в сфере ТЭК, однако нормы, регулирующие данные деяния, расположены в рассмотренных в данной работе главах 21, 22 УК РФ. Также следует отметить, что нормы, определяющие преступления в сфере ТЭК, расположены в главах 23 (преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях), 26 (экологические преступления), 30 (преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления) УК РФ. То есть мы видим довольно широкую сферу регламентации деяний, которые могут создать угрозу безопасности объектов ТЭК.

Однако следует отметить, что при правовом регулировании преступлений, совершаемых на объектах ТЭК, возникает ряд проблем: недостаточная точность норм, их конкуренция, несогласованность санкций, сложности при определении общественно-опасных последствий, их размеров и т. д., что приводит к ошибкам правоприменения.

Обеспечение безопасности ТЭК, как мы уже отмечали ранее, является одной из важнейших задач государства, на что указывает широкая законодательная база, а также определение тяжести деяний, предусмотренных УК РФ. Наличие проблем при уголовно-правовой регламентации может приводить к нарушению национальной безопасности страны, а также нарушению таких принципов уголовного права, как справедливость, законность, принцип вины.

Из этого следует, что законодательство нуждается в дальнейшем совершенствовании путем уточнения и добавления квалифицирующих признаков в соответствующие нормы; более четкого определения вида состава преступления по объективной стороне, регламентации определения

общественно опасных последствий, их размера; устранения коллизий между нормами и разграничения похожих составов преступлений с учетом специфики объекта преступления и его значения, обуславливающего высокую общественную опасность преступных деяний.

Литература

1. Гунченко А.Г. Формирование единого подхода к подготовке специалистов в области правового обеспечения безопасности критически важной инфраструктуры // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2022. № 2. С. 26–29.
2. Борисов С.В., Будило Н.Н. Топливо-энергетический комплекс как объект уголовно-правовой охраны // Криминологический журнал. 2021. № 4. С. 14–19.
3. Подчерняев А.Н. Уголовно-правовые и криминологические меры борьбы с хищениями нефти и нефтепродуктов в нефтяной отрасли: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.08. М., 2008. — 25 с.
4. Клыев С.В. Уголовно-правовая квалификация хищений нефти из трубопроводов // Законность. 2008. № 11. С. 23–26.
5. Приходько А.И. Общественно-опасные посягательства на объекты топливо-энергетического комплекса (ТЭК) // Социально-политические науки. 2017. № 2. С. 146–149.
6. Авдеев В.А., Авдеева О.А. Энергетическая безопасность как вид общественной безопасности: доктринально-методологические и уголовно-правовые аспекты реализации // Вестник Югорского государственного университета. 2021. № 1 (60). С. 87–96.
7. Решняк М.Г., Моисеев С.С. К вопросу о соотношении уголовной и административной ответственности за незаконное подключение к газопроводу и использование газа в бытовой сфере // Безопасность бизнеса. 2019. № 2. С. 45–50.

References

1. Gunchenko A.G. Formirovanie edinogo podkhoda k podgotovke spetsialistov v oblasti pravovogo obespecheniya bezopasnosti kriticheskoi infrastruktury [Formation of a unified approach to the training of specialists in the field of legal support for the security of critical infrastructure]. *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evraziiskikh gosudarstv: politika, ekonomika, pravo* [International cooperation of the Eurasian states: politics, economics, law], 2022, no. 2, pp. 26–29. (In Russian, abstract in English)
2. Borisov S.V., Budilo N.N. Toplivno-energeticheskii kompleks kak ob"ekt ugolovno-pravovoi okhrany [Fuel and energy complex as an object of criminal law protection]. *Kriminologicheskii zhurnal* [Journal of Criminology], 2021, no. 4, pp. 14–19. (In Russian, abstract in English)
3. Podchernyaev A.N. Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie mery bor'by s khishcheniyami nefiti i nefteproduktov v neftyanoi otrasli [Criminal-legal and criminological measures to combat the theft of oil and oil products in the oil industry: Abstract of the thesis]. Avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. Moscow, 2008. 25 p. (In Russian)
4. Klyuev S.V. Ugolovno-pravovaya kvalifikatsiya khishchenii nefiti iz truboprovodov [Criminal-legal qualification of oil theft from pipelines]. *Zakonnost'* [Legality], 2008, no. 11, pp. 23–26. (In Russian)
5. Prikhod'ko A.I. Obshchestvenno-opasnye posyagatel'stva na ob"ekty toplivno-energeticheskogo kompleksa (TEK) [Socially dangerous encroachments on objects of the fuel and energy complex (FEC)]. *Sotsial'no-politicheskie nauki* [Socio-political sciences], 2017, no. 2, pp. 146–149. (In Russian, abstract in English)
6. Avdeev V.A., Avdeeva O.A. Energeticheskaya bezopasnost' kak vid obshchestvennoi bezopasnosti: doktrinal'no-metodologicheskie i ugolovno-pravovye aspekty realizatsii [Energy security as a type of public security: doctrinal-methodological and criminal-legal aspects of implementation]. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Yugorsk State University], 2021, no. 1 (60), pp. 87–96. (In Russian, abstract in English)
7. Reshnyak M.G., Moiseev S.S. K voprosu o sootnoshenii ugolovnoi i administrativnoi otvetstvennosti za nezakonnoe podklyuchenie k gazoprovodu i ispol'zovanie gaza v bytovoi sfere [On the issue of the ratio of criminal and administrative liability for illegal connection to the gas pipeline and the use of gas in the domestic sphere]. *Bezopasnost' biznesa* [Business Security], 2019, no. 2, pp. 45–50. (In Russian, abstract in English)

СТЕНОГРАММА

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРАВЕ И ПРЕСТУПЛЕНИИ В ПЕРИОД МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО КРИЗИСА

Бабурин Сергей Николаевич

Цель: привлечь внимание к глобальным изменениям, которые повлияли и продолжают влиять на трансформацию не только социальных явлений, но и понятия преступления, правового отношения «общество — государство».

Методология: доклад.

Выводы. Необходимо задуматься о понятии измены Родине, о понятиях, которые связаны с экономическими преступлениями и преступлениями против порядка управления. Сохранение такой конституционной нормы, как в ст. 13 Конституции, где запрещена любая идеология в качестве государственной или обязательной, закрепляет в Конституции нигилизм. Нигилизм сегодня, защищенный Конституцией Российской Федерации, является чрезвычайно опасным явлением во всех отношениях, потому что именно нигилизм, отрицая различия добра и зла, отрицая национальные особенности, порождает идеологию космополитизма. Космополитизм относят к важнейшим несистемным способам десоверенизации. Он уничтожает суверенность, потому что если нет цивилизационно идентичных носителей, то нет и цивилизационно идентичной государственности.

Мы сегодня вступили на путь изменения вектора движения и действия России, которую поддерживают все традиционные общества. Это потребует усилий, изменений правовой системы, права, корректировки многих вещей. Шанс на выздоровление общества есть, и он целиком зависит от победы Российской Федерации. А чтобы победа пришла быстрее, нам нужно навести порядок (прежде всего, в своем обществе, чтобы Россия вновь стала социально привлекательной), вернуть смысл нашему развитию. У нас в Конституции стыдливо не записан ни капитализм, ни социализм, и не надо нам идти ни туда, ни туда. Нам нужно (но это уже задача для коллег из естественных наук) сформулировать идеал, который должен быть целью нашего развития, — принципы нового справедливого общества.

Научная и практическая значимость. Текст доклада представляет интерес для ученых в разных областях знаний, включая криминологов, криминалистов, социологов, ученых, занимающихся конституционным, административным, уголовным правом.

Ключевые слова: Конституция, западные страны, либерализм, Советский Союз, измена Родине, государственная измена, Уголовный кодекс, государственность, традиционное общество, принципы нового общества, цивилизационный кризис.

Стенограмма выступления на итоговом заседании Союза криминалистов и криминологов (15 декабря 2022 г., МГЮА имени О.Е. Кутафина, г. Москва)

Уважаемые члены Клуба! Для меня было неожиданным приглашение к выступлению, по-

тому что при всем том, что сказал Юрий Ильич, что говорил Игорь Михайлович, когда делал это приглашение, я не смею считать себя специалистом в области уголовного права, криминологии и криминалистики. Но жизнь такова, что сегодня все правовые вопросы настолько переплелись, что, занимаясь конституционным правом, пора

думать о тюрьме, а занимаясь уголовным правом или криминологией, неизбежно нужно выходить к вопросам философии государства и права. Поэтому в рамках регламента я постараюсь достаточно лаконично изложить ту тему, которую предлагаю вашему вниманию.

Хочу привлечь ваше внимание к неким действительно глобальным изменениям, которые повлияли и продолжают влиять на трансформацию не только социальных явлений, но и понятий преступления, правового отношения. Трансформируются общество, государство и право.

Мы с вами привыкли считать, что государство должно быть демократическим, правовым, социальным. Сегодня все европейские страны являются государствами демократическими, правовыми, социальными. Но мы сталкиваемся с тем, что эта характеристика недостаточна для того, чтобы считать эти государства пригодными для достойной жизни. Не случайно ныне многие граждане европейских стран начинают тяготиться тем, что происходит у них на родине. Прежде всего, потому что государства абсолютно перестали соответствовать традиционным нравственным принципам человечества. И если философы и социологи уже достаточно давно констатируют наличие глобального системного кризиса, то сегодня понимание этих вызовов и угроз перекочевало на высший государственный уровень. Не случайно Президент Российской Федерации В.В. Путин подчеркнул в своем выступлении: «Мир попал в глубокий мировоззренческий и цивилизационный кризис, поскольку люди впервые столкнулись с одновременными системными изменениями по всем направлениям. От усложняющегося геофизического состояния нашей планеты, до все более парадоксальных толкований того, что есть сам человек, в чем смысл его существования» Выйти из сегодняшнего кризиса можно только при опоре на духовно-нравственные ценности и культурно-исторические традиции. Ведь именно нравственность, т.е. нравы и следование им (как и многие традиции) относят к естественным ограничителям действия биосоциальных законов

Пора вспомнить о работах выдающегося отечественного математика — академика Н.Н. Моисеева, под руководством которого в 70-е гг. XX в. в Вычислительном центре Академии наук СССР смоделировали последствия применения ядерного оружия. Была создана теория ядерной зимы, было доказано, что в результате применения ядерного оружия начнется такой «зимний» период, что погибнут все, и победители, и побежденные. Та математическая модель заставила руководителей

Советского Союза и США сесть за стол переговоров, приступить к ядерному разоружению.

Хочу напомнить о других научных результатах работы Вычислительного центра Академии наук СССР. В 90-е гг. XX в., смоделировав социальное развитие человечества, ученые пришли к выводу, что при продолжении тех тенденций, которые наметились во второй половине XX в., человечество без всякой ядерной войны может погибнуть в 30-е гг. XXI в. И основная причина гибели человечества, по мнению Н.Н. Моисеева и его коллег, — в деградации самого человека, в уничтожении Божественного начала человеческой сущности. Н.Н. Моисеев уже в начале 90-х гг. прогнозировал закат Американского Мира и замену его миром ТНК (транснациональных корпораций. — *ред.*), которому потребуется зомбированное человечество.

В соревновании людей с искусственным интеллектом, когда утверждают, что искусственный интеллект скоро превзойдет человека, упускают из виду, что искусственный интеллект никогда не будет иметь души. Он никогда не будет сопоставим с человеком. Это будет, возможно, другая, но уже не человеческая цивилизация. И деградация человека, рост его безнравственности и эгоизма привели уже в конце XX в. к противостоянию человека и природы.

Именно отсюда растут корни той трагедии, что разворачивается ныне на территории Украины. Иногда наивно полагают, что происходит вооруженный конфликт между Россией и Украиной. Люди, которые более глубоко смотрят в суть вещей, давно убедились, что это конфликт между Россией и НАТО, США и их сателлитами. А если еще глубже разобраться в происходящих процессах, мы с вами увидим, что на наших глазах разворачивается конфликт Добра и Зла.

Не преувеличиваю. Конфликт цивилизаций, опирающихся на традиционные ценности, на ценности семьи, нравственности, когда святыни остаются незабываемыми, любовь к Отечеству является ценностью, и той частью человечества, которая духовно уже погибла. Где однополые браки приравнены к традиционным, где расизм вывернут наизнанку настолько, что обрел еще более уродливые формы беспощадной жестокости. Ведь эта ситуация сюрреалистична, когда Папа Римский целует туфлю первому попавшемуся ему африканскому президенту, искупая грехи рабовладения. Не буду напоминать о других элементах, о той же ювенальной юстиции и многом ином. Просто хочу подчеркнуть, что именно культ сюрреалистической безнравственности и бездуховности

создал тот Запад, который уже не является Европой. Европа, привычная нам, в том числе Европа Аристотеля и Платона, Фомы Аквинского и Дени Дидро, Жан-Жака Руссо и Огюста Конта, Чезаре Беккариа, Гуго Гроция, Пуффендорфа, и всех других мыслителей и творцов политико-правовой мысли уже погибла. Сегодня мы имеем дело с тем Западом, где происходит подмена смыслов, в том числе смысла права смысла правоотношения и смысла преступления.

Обращаю ваше внимание на то, как незаметно подмена смыслов произошла в международном праве, в том числе в международном уголовном праве. Когда, формально продолжая тенденцию, наметившуюся после создания ООН, принимаются декларации Генеральной ассамблеи ООН, подменяющие принципы Устава ООН. Далеко не все обратили внимание, что 16 сентября 2005 г. по настоянию США была принята резолюцией 60/1 Декларация Генеральной ассамблеи ООН «Обязанность вмешательства» (смягченный перевод — «Обязанность защищать»). Формально она продолжает декларацию от 24 октября 1970 г. № 2625 «О принципах международного права», но на самом деле эта декларация убивает понятие суверенитета, она покончила с суверенитетом как качеством или свойством государства. В этой декларации большинство стран мира поддержали США в том, что суверенитет — это обязанность государства. И если государство плохо справляется с этой обязанностью, то возникает обязанность у соседних государств вмешаться и защитить жителей такого государства от его государственной власти, навести в этом государстве порядок, защитить там права человека. Вплоть до военного вторжения в этих целях.

Легализована доктрина гуманитарной интервенции. Под прикрытием этой доктрины США осуществили в XX в. более двадцати гуманитарных интервенций, осуществляя военные вторжения, свергая законно избранных политиков, меняя политические режимы.

Казалось бы, ничего не изменилось в международном праве, тот же самый Устав ООН, а международное право уже не то. Понятие агрессии получило другой смысл. Понятие войны сегодня обретает другие характеристики. У нас идут военные действия на территории Украины. Погибли, по моим представлениям сотни тысяч человек. Но войны нет — идет «специальная военная операция» с нашей стороны. Но и Украина не объявляет войны России. А что же происходит? Это большой вопрос, который требует официальной правовой квалификации, но квалификации не имеет.

Международное право многополярного мира должно стать другим, сохранив все лучшее из опыта ООН и самого Устава ООН.

А что происходит под влиянием всех этих процессов в национальном праве и в национальном уголовном праве? Хочу только обозначить несколько вещей, которые, на мой взгляд, заставляют по-новому взглянуть на самые старые проблемы. Уголовное право должно впитать в себя цивилизационные духовно-нравственные ценности, что не может не повлечь трансформации составов преступлений, как и трансформации самой преступности.

Оговорюсь сразу, что при любых трансформациях нашей задачей останется сохранить понятие преступления как деяния, предусмотренного в Уголовном кодексе, имеющее конкретный состав преступления, включающий наличие вины. Вроде банально, но будет это непросто.

Ныне возникает необходимость вспомнить о том, что трансформация нашего подхода к преступлениям тоже парадоксальна. Ведь у нас до 1917 г. не было, например, понятия «измена Родине». Более того, не было единого понятия «государственная измена». Во всех правовых актах Российской Империи, в том числе в Уложении об уголовных наказаниях, содержатся понятия измен, которые бывают 3–4 видов. Но общего понятия государственной измены там нет. Когда произошла Революция, буржуазное право было отменено, появилось в Кодексе 1926 г. понятие «контрреволюционные преступления».

Контрреволюционные преступления (это ст. 58¹) были достаточно велики по своему спектру. Только в 1934 г. в Кодексе появилось понятие преступления «измена Родине». Когда большевики осознали необходимость ориентироваться на некие традиционные ценности, создавать новые ценности, когда стало восстанавливаться преподавание истории в наших вузах, когда стали восстанавливаться многие специальности в университетах и появилось понятие такого преступления, как измена Родине. Из ст. 58¹ «а» оно трансформировалось в ст. 64 Кодекса 1961 г., но в 1991–1993 гг. после антисоциалистических социальных потрясений такое преступление, как «измена Родине», опять исчезло.

Появилось преступление «государственная измена», которое присутствует в сегодняшнем Уголовном кодексе. Однако, обращаю ваше внимание, что для русского народа, да, наверное, для любого народа, который себя осознает субъектом мировой истории, понятие «Родина» — это сакральное понятие. Сакральность исходит из того,

что «Род» у нас не просто так соотносим с этим понятием. «Род» — это от рождения, от рождения женщиной ребенка. «Род» — это вертикаль, восходящая к одному предку. И поэтому сакральность Родины имеет отношение к тем архетипам национального сознания, без которых народ существовать не может, как бы ни давили соседние цивилизации, как бы ни пытались нас перевоспитать, сделать либеральными людьми мира.

На мой взгляд, понятие «государственная измена» очень стерильно, универсально, тиражировано многими правовыми системами, опирающимися на позитивизм. Оно формально понятно, но абстрактно, не имеет цивилизационного акцента, ответственность за государственную измену защищает уже не род, Родину, где ты жил, а защищает лишь государство и государственную власть. Для Европы это, может быть, и нормально, потому что Запад уничтожает национальности, превращает жителей всех государств континента в единую национальность — в европейцев. Хотим ли мы потерять свою культурно-цивилизационную идентичность?

Конституционной реформой 2020 г., характером конституционной поправки мы восстановили свою культурно-историческую традицию, укрепили Россию как цивилизационный союз народов, вернулись к своей собственной национальной самоидентичности. Даже не трогая главу 11 и 2 Конституции РФ, мы конституировали некие принципы нашей национальной культуры как основу дальнейшего нашего развития, в том числе преемственность от предков идеалов и веры в Бога, преемственность РФ от Советского Союза. Мы сокрушили главный постулат Беловежского соглашения 1991 г. о том, что Советский Союз прекращает свое существование навсегда и никто не является его продолжателем. Через 30 лет, в 2020 г., мы закрепили в Конституции, что вообще-то именно мы являемся его продолжателями и правопреемниками.

Ныне мы восстанавливаем непрерывность своей истории. И тому одна из потребностей изменений в уголовном праве, на мой взгляд, — нужно возвращаться к понятию измены Родине как преступлению. Измена Родине, а не абстрактная государственная измена. Дескать, обслуживайте любую власть, которая есть, и будьте довольны.

Модернизация сегодняшнего законодательства на Западе приходит к тому, что многие вещи перестают быть преступлениями. Декриминализация — это нормальное явление в правоприменении, но важен ее смысл. Вспомните расширяющуюся легализацию продажи легких

наркотиков — это у них давно не преступление. Как, практически во многих странах Запада и педофилия. В той же Испании скотоложество ограничено только требованием не причинять вреда животным.

Нам пора переосмыслить подход общества к преступлениям против нравственности в классическом традиционном смысле слова, задуматься над понятием уголовной неблагонадежности.

В 1993 г. у нас убрали понимание брака как союза мужчины и женщины из Конституции РФ. Некие поклонники Запада уже готовили нашу страну к однополой жизни. Но, к счастью, ситуация изменилась. В 2020 г. мы восстановили эту норму как принципиальную цивилизационную ценность. Но нужно идти дальше и осуществлять модернизацию массива нашего законодательства. Как и определиться с вопросом смены пола, ныне легально практикуемым российской медициной.

Когда мы говорим о мобилизации общества на защиту Русского мира, речь не сводится только к мобилизации военных, а сводится к тому, что нам нужно мобилизовать силы на совершенствование гражданского общества и экономики, на приведение законодательства в соответствии с новыми конституционными нормами.

Желательно, чтобы юристы проанализировали, а не актуально ли нам сегодня предусмотреть уголовную ответственность за саботаж или за вредительство. Такие составы преступления были в России после гражданской войны, а такие дела и ныне стали реальностью. Президент РФ принимает решение, издает указ, а после этого ничего не делается ни правительством, ни должностными лицами различных уровней. Но кто-то же должен отвечать за невыполнение указа президента! Можно приводить бесконечное число примеров.

Вместе с тем мы вступаем в опасную зону, когда можем дойти до объективного вменения. Юристы должны сохранить механизмы, которые бы оградили нас от появления нового, а точнее, хорошо забытого наказания без вины, уже имевшего место в нашей истории. Я имею в виду меры социальной защиты, когда во время гражданской войны людей, не совершивших ничего противоправного, помещали в лагеря на период до конца гражданской войны в качестве меры социальной защиты. Многие, сев в лагерь в 1919 г., вышли только в 1934 г. для того, чтобы предстать перед ревтрикой и быть расстрелянными.

Нам, юристам, нужно обеспечить сохранение принципов объективности, принципов доступности и прозрачности правосудия. Ненормально, когда юридическая общественность смотрит на

современные социально-политические перемены отстраненно и по-прежнему живет в старой системе нравственных и правовых координат. Пора признать, что подходы и многие понятия позитивизма не могут быть сегодня применимы. Механическое обращение к естественной теории права тоже неуместно, поскольку естественная теория права была альтернативой божественного происхождения права. Как нам сегодня быть? Как нам обеспечить защиту ценности человеческой жизни, но уйти от формального приоритетов прав человека над всеми другими ценностями?

Еще в 2006 г. Всемирный Русский Народный Собор призвал обратить внимание на то, что есть ценности не ниже прав человека: это Отечество, вера, нравственность, святыни. Частично это учтено в поправках 2020 г., но в общественном сознании такого духовно-нравственного перелома нет.

А ведь общественное понимание высших ценностей поможет все расставить по своим местам. Когда мне говорят: «Видите, российская элита покинула Россию при объявлении мобилизации», то я отвечаю: «Разберитесь с понятиями». Россию покинула не элита, с поверхности ее общества схлынула пена. Кто сказал, что шоумены и представители компрадорской олигархии — это элита? Долгое время, к сожалению, они так себя позиционировали, а власть не возражала. Когда Г. Хазанов стал полным кавалером Ордена «За заслуги перед Отечеством», я решил разобраться, кто у нас еще является таким полным кавалером. В тот момент это были всего 32 человека, из них 17 были артисты и другие деятели культуры. Ни одного писателя или производственника. Будем верить, что те времена ушли.

Принадлежность к элите должна определять роль в обществе, лидерством в сфере нравственного примера и социально-экономической пользы. В этом отношении нам необходимо разобраться с нравственными критериями, о которых говорит Президент, о которых когда-то еще сказал Ницше, о которых до него говорил Фихте. Ведь Фихте еще в своих «Речах к германской нации» сказал, что восстановление справедливого общества и будущее государства лежит на нравственных началах. Для нас такой русский духовный камертон — это Ф.М. Достоевский. Почему на Западе крушат сегодня Достоевского? Потому что именно Достоевский тот символ России и Русского мира, которого даже западные аналитики называли выразителем русского характера, Певцом свободы, но свободы духовной.

Завершая свое выступление, хочу подчеркнуть, что в ходе правовых трансформаций современно-

сти необходимо задумываться не только о понятии измены Родине, о понятиях, которые связаны с экономическими преступлениями и преступлениями против порядка управления. Конечно, нам следует осознать, что сохранение такой конституционной нормы, как в ст. 13 Конституции, где запрещена любая идеология в качестве государственной или обязательной, закрепляет в Конституции нигилизм. Нигилизм сегодня, защищенный Конституцией Российской Федерации, является чрезвычайно опасным явлением во всех отношениях, потому что именно нигилизм, отрицая различия добра и зла, отрицая национальные особенности, порождает идеологию космополитизма. А космополитизм — это весьма важное цивилизационное явление, его справедливо относят к важнейшим несистемным способам десоверенизации. Он уничтожает суверенность, потому что, если просто внимательно подумать на эту тему, если поразмышлять, то мы должны признать: если нет цивилизационно идентичных носителей, то нет и цивилизационно идентичной государственности.

Отсюда мы идем к глобальному управлению всемирным государством, отсюда была попытка во время пандемии в мире в 2020 г. уничтожить суверенитеты государств и попытаться поставить человечество под всемирное управление, начиная с бездумного подчинения Всемирной организации здравоохранения, а через нее привести народы под управление транснациональными корпорациями. Ничего не было случайным. И надо быть готовыми к повторению какой-нибудь «пандемии» в еще более страшных масштабах, особенно если сбудутся прогнозы, что новый, выращенный в неведомых лабораториях вирус будет более смертоносным. Хотя напомним, еще Авиценна говорил, что во время любых эпидемий большинство умирает не от болезни, а от страха перед эпидемией.

Нам, юристам, важно не допустить, чтобы в обществе пустил корни страх по любому поводу. Эта задача не только для криминологов, но и для всех обществоведов, для всех думающих людей без исключения.

Ну и наконец, уже окончательно завершая, хочу сказать, что прогнозы Н.Н. Моисеева на возможность самоуничтожения человечества жесткие. Если Зло не остановить, люди исчезнут как вид. Но мы сегодня вступили на путь изменения вектора движения и действия России, которую поддерживают все традиционные общества. Именно поэтому православие как никогда близко взаимодействует с исламом, со всеми авраамическими и традиционными религиями, которые

ставят ценности выше интересов, чтут традицию своего народа. Мы должны повернуть колесо истории от пропасти небытия на путь выживания. Это потребует усилий, изменений правовой системы, права, корректировки многих вещей, но наша задача — при этом вместе с грязной водой не выплеснуть ребенка. Шанс на выздоровление общества есть, и он целиком зависит от победы Российской Федерации, которая ныне является лидером сил Добра. Там, на Украине, Россия противостоит Злу.

Дай Бог, чтобы мы, российская власть и российское общество, не испугались. Чтобы Победа пришла быстрее. Она все равно будет, но, чтобы она пришла быстрее, я убежден, что нам нужно навести порядок, прежде всего, в своем обществе, чтобы Россия вновь стала социально привлекательной, вернуть смысл нашему развитию. Отсутствие смысла и цели развития губит наше общество последние 60 лет.

Если в Конституции СССР было записано, что высшей целью советского государства является построение бесклассового коммунистического общества, то к какой цели стремится сегодняшнее российское государство? Что и во имя чего мы делаем? Чего хотим? В каком обществе хотим жить? В российской Конституции стыдливо не упомянут ни капитализм, ни социализм. И не надо нам возвращаться ни туда, ни туда. Нам пора сформулировать идеал, который должен быть целью нашего развития, — принципы нового справедливого общества. Но ни построение нравственного государства, ни переход к новому общественному строю будут невозможны, если юристы отстанут от меняющегося мира в трансформации понятий государства, права, преступления. Задача криминологов конкретна — бороться со всеми проявлениями преступного мира, которые будут мешать движению России в будущее. Тогда мы победим! Спасибо!

Игорь Михайлович Мацкевич: Юрий Ильич, можно вопрос?

Сергей Николаевич, можно вопросы задавать?

Сергей Николаевич Бабурин: Я знал, что «приглашен на голгофу», ну конечно!

Игорь Михайлович Мацкевич: Нет-нет. На самом деле спасибо за очень интересный доклад, сообщение. Я оставлю острые вопросы коллегам. А у меня очень практический вопрос: Вы вначале о цифровизации заговорили, а как Вы относитесь к тому, и, кстати, в научной среде это обсуждается, и на практике это пытаются внедрять, что юристы скоро в значительном количестве будут не нужны. Их заменит стандартизация, алгоритмы,

и все споры будут решаться по некому шаблону. Вы знаете это лучше меня.

Сергей Николаевич Бабурин: Спасибо за вопрос! Вы знаете, на самом деле цифровизация — это очень серьезный скальпель, помогающий делать операционные манипуляции лучше и эффективнее. Но когда скальпель попадает в руки злодеев, он становится очень опасным. На сегодняшний день тема цифровизации, очень популярная последние 2–3 года, является дымовой завесой серьезных процессов по сокращению численности населения на земном шаре. Раньше спокойно это отбрасывали и говорили: «Не выдумывайте, это теория заговора, ничего тут нет».

Сегодня уже фактически официально опубликовано, что 8 миллиардов жителей наша планета не выдержит и нужно сокращать население уже не до миллиардов, а до 500 миллионов. И этому служит пропаганда однополых браков, этому служит пандемия, этому служат другие механизмы, в том числе и цифровизация. Цифровизация — это культ машин. У нас сегодня нравственная проблема, чтобы мы машины развивали, цифровизацию развивали, но как средство помощи людям в решении их насущных проблем, а не подменяли цифровизацией социальные отношения. Потому что, когда мне говорят «как хорошо, что у нас уже есть компьютеры, КОИБы есть, которые позволяют все считать на выборах», я говорю, что сейчас можно участвовать в голосовании, не выходя из дома. Следующий шаг — нам не нужны будут депутаты, потому что мы сможем из дома голосовать за любые законы, постановления. Зачем нам тратить деньги на парламент, совершенно лишняя трата денег. Следующий этап — мы наконец-то будем сокращать правительство, потому что тоже сможем сами все решать. Но возникает вопрос, а кто будет выкладывать информацию, кто будет выкладывать и править законопроекты, которые будут выноситься на такие голосования? Те, кто будет все это готовить, они и будут править миром. А электроникой прикрываться. Это совершенно не те, кто значатся у нас в высоких кабинетах. Это могут быть те серые кардиналы, имен которых мы не знаем.

Цифровизация нужна, совершенствование используемых нами информационных технологий необходимо, но еще больше нам нужен серьезный народный контроль за процессом цифровизации. Я сторонник того, что нам нужно нравственное государство, а в нравственном государстве должен быть серьезный народный контроль за публичной властью. Сегодня публичная власть оторвалась от гражданского общества очень сильно. Закон о на-

родном контроле СССР был очень четким, очень хорошим. Именно поэтому реформы в 1990 г. у нас начали с отмены народного контроля. Потому что все боятся независимых проверяющих, потому что с ними можно не договориться. А у нас эпоха сплошных «договорняков» — между должностными лицами, между государствами. Вот сейчас поменяли Бута. Хорошо, слава Богу, мужик хоть домой вернулся. Но у меня, как у стороннего наблюдателя, вопрос: если раньше американцы отказывались менять Бута на ту же самую торговку наркотиками и какого-то еще шпиона, осужденного на 16 лет, а потом вдруг согласились на нее одну, то чего мы не знаем? Что там за кулисами еще? О чем еще там договорились? Ну явно там был еще какой-то компонент, который сегодня является государственной тайной. Я за то, чтобы государственные тайны упорядочить и не делать их доминирующими в обществе. Общество должно знать и контролировать свою судьбу и делать все шаги, чтобы был путь к выживанию общества. Постараюсь отвечать короче, если есть еще вопросы.

Юрий Ильич Скуратов: Да, пожалуйста, уважаемые коллеги, интересное выступление, затрагивающее даже более широкий круг проблем. Пожалуйста, какие вопросы?

Шкабин Геннадий Сергеевич: В рамках Вашего выступления «Трансформация представления о праве», наверное, Вы согласитесь, что одним из базовых понятий, категорий в праве является жизнь. На одном из выступлений примерно полтора года назад профессор Михайлов Валентин Иванович высказал свое мнение, что жизнь у нас принадлежит государству. В то время это вызвало, мягко говоря, недоумение, поскольку жизнь традиционно принадлежит каждому человеку, она священна. Но прошло несколько месяцев, слова Валентина Ивановича звучат совершенно по-иному. Я хочу попросить Вас высказаться относительно этого тезиса, что жизнь принадлежит государству. Спасибо!

Сергей Николаевич Бабурин: Вопрос тяжелый, потому что нам нужно определиться в критериях ответа. Чисто в позитивистском отношении, когда мы говорим о том, что нет ничего ценнее прав и свобод человека и жизни человека, конечно, только человек распоряжается своей жизнью. Для традиционных обществ подход иной, потому что самопожертвование человека является частью человеческой культуры, и человек жертвует своей жизнью во имя родных, во имя своего рода, во имя своей Родины. Это нормально! Именно поэтому мы осуждаем трусость и подлость. Мы осуждаем

дезертирство, хотя человек спасал свою жизнь, что вы к нему прицепились? Он спасал свою жизнь и поэтому отказался воевать. Но в то же время наша с вами задача как юристов не допустить, чтобы государство злоупотребляло этой нравственной позицией. Ведь самопожертвование — это не правовая позиция, это нравственная позиция. Хотя во время войны бывали случаи, вы знаете это из истории, когда отдавались приказы занять где-то оборону, и все понимали, что это приказ потерять жизнь, потому что там не спасется никто. Не выполнить приказ — это дезертирство, преступление. Выполнить приказ — значит осознанно пойти на самопожертвование. Здесь я сторонник того, чтобы вы понимали, что само понятие справедливости — это гармония между понятиями нравственности и правом. Справедливо только то, что гармонично относится к нравственности и к праву. Поэтому, отвечая на Ваш вопрос, я считаю, что высшая ценность — это не жизнь, а душа человека. Иногда, чтобы спасти душу, от человека требуется жертвовать жизнью. Но это его выбор.

Шкабин Геннадий Сергеевич: Спасибо!

Юрий Ильич Скуратов: Пожалуйста, еще вопросы, уважаемые коллеги.

Лебедев Семен Яковлевич: Мне кажется, что вы подняли уже столько пластов. Отвечая на вопрос уважаемого Игоря Михайловича, можно сказать, что юристам работы хватит. Да, если мы стоим на пороге различной трансформации, тогда кто должен эти трансформации закреплять? Наверное, юристы. Но вопрос мой касается измены Родине, поскольку мне кажется, что он согласуется с той моей первоначальной репликой. Мне кажется, что измена Родине тогда потребует столько юридических осмыслений. А что есть Родина с точки зрения юридического понятия? И тогда мы столкнемся с еще большей тенденциозностью, потому что введение в Уголовный кодекс различных новаций, какими бы политическими идеями ни руководствовались наши лидеры, общество в целом, требует огромной работы, не только предварительной — юристов, а самое печальное для меня лично, как для юриста, огромной работы практиков, правоохранителей. В этом смысле мне кажется, что Уголовный кодекс лучше не трогать. Потому что правоохранительная система — это система самая консервативная. Если ее лишить инструмента, даже на уровне отдельной статьи... Может быть, не стоит ничего менять? Или, по крайней мере, не менять тех базовых юридических категорий в уголовном праве, которые являются инструментом для правоохранительного контроля?

Сергей Николаевич Бабурин: Спасибо, Семен Яковлевич! Согласен с Вашим размышлением, потому что ни в коей мере не хочу сказать, что по тем проблемам, которые я затронул, у меня везде есть однозначные предложения. Я как раз и считаю, что не нужно трогать наше законодательство до тех пор, пока мы в научном кругу не разобрались с фундаментальными вещами. Наша беда в том, что у нас сегодня поправки в закон, как и новые законы, принимаются без оглядки на профессиональное сообщество. Без оглядки на то, что уже есть в Уголовном кодексе, в Уголовно-процессуальном. Да и во всех других кодексах. Это приводит к совершенно непонятным вещам, когда многие нормы являются базой для судебного произвола и беззакония, когда такое усмотрение судье дается, что от нормы ничего не осталось. Но если говорить по существу, например, в отношении преступления «измена Родине», то здесь огромная теоретическая проблема: а измена Родине охватывает государственную измену? Или нет, оно противопоставляется этому понятию? Надо до того, как депутаты схватились за поправки, чтобы научное сообщество дало квалифицированное заключение. Так что надо думать и отвечать на все эти вопросы. Но готовиться к изменениям юристам необходимо. Спасибо!

Юрий Ильич Скуратов: Еще вопросы, уважаемые коллеги, к Сергею Николаевичу! Нет больше вопросов?! Сергей Николаевич, присаживайтесь, спасибо Вам большое. Кто-то хотел бы выступить? С точки зрения дискуссии поделить свои самыми свежими соображениями.

Юрий Владимирович Голик: Разрешите?

Юрий Ильич Скуратов: Да, пожалуйста!

Юрий Владимирович Голик: Уважаемые коллеги, я специально не планировал выступать, но одно замечание Сергея Николаевича заставило меня изменить свое мнение. Он сказал о том, что всеми нами любимая ст. 13 Конституции — это нигилизм. Какая-то мягкая позиция. Еще когда обсуждался проект этой Конституции больше 20 лет назад, уже тогда говорили, что это диверсия, настоящая идеологическая диверсия! Потому что это дурацкая и гнусная формулировка! Она нацелена против государства — развалить государство! Вместо государства не должно быть ничего, должны быть руины! Очень интересным путем пошло наше государство сегодня, как оно решает эти вопросы. Появилось несколько документов — основы государственной политики, государственная политика. Но политика — это, прежде всего, идеология. По-другому политики быть не может! Значит, государство в лице пре-

зидента и правительства плевать хотело на эту ст. 13! И правильно делает. Мы ее выбросим. И не нужно думать, что выбросим это когда-нибудь. Я бы вообще выбросил всю Конституцию и написал новую. Нельзя оставлять в Конституции подобного рода формулировки, которые направлены на развал государства. Но сегодня мы видим процесс, когда все те, кого в нашем обществе называли либерастами, постепенно сходят со сцены, они очень сильно этого боятся. Помните, когда не только в прошлом году, а и раньше предлагалось внести изменения в Конституцию, какой вал поднимался: «Нельзя, нельзя вносить изменения в Конституцию! Все посыплется». Я всегда спрашивал: что все-то, что посыплется? Внесли изменения. И надо же, действительно посыпалось! Но что посыпалось? Посыпались позиции этих так называемых либерастов. Они, очевидно, в нашем обществе никому не нужны, кроме их самих. И слава Богу! Спасибо за внимание!

Юрий Ильич Скуратов: Спасибо! Так, еще какие-нибудь соображения возникли? Пожалуйста, просим Вас!

Вячеслав Иванович Селиверстов: Сергей Николаевич, я согласен с Вами, что, помимо наших идей, взглядов по изменению политики, необходимо, конечно, совершенствование законодательства. Наверное, здесь роль юриста в том, чтобы посмотреть с этих позиций. Это довольно серьезные изменения и в общественном сознании, и в идеологии, и в политике. Во всем, что у нас происходит в настоящее время.

Применительно к нашей уголовно-исполнительной тематике, с 1997 г. в Уголовно-исполнительном кодексе предусмотрена возможность заключения однополых браков. В ст. 158 Уголовно-исполнительного кодекса указано, что осужденный военнослужащий, отбывающий наказание в дисциплинарной воинской части, имеет право на свидание со своим супругом. Поскольку там только мужчины отбывают наказание, и оснований для того, что женщин будут призывать в армию, нет пока, значит получается, что супруг с супругом на длительном свидании. Когда я обращал внимание на это на парламентских слушаниях, мне сказали: «Вячеслав Иванович, сейчас не время поднимать это, вы же видели, здесь были высказывания. У нас половина правительства голубых. Зачем вы поднимаете вопрос? Может быть, эта статья и пригодится». Сейчас уже, наверное, определились. И в Конституции, и везде, конечно, уже нужно менять. Я думаю, что таких нюансов есть много и в других отраслях права. Надо в данном случае смотреть.

Что касается роли юристов, еще, наверное, хочу добавить, что я недавно выступал в Общественной палате и сказал о необходимости гражданизации нашего общества и, соответственно, взаимодействия правоохранительных органов и общественности. Под словом «гражданизация» я понимаю слово «консолидация» на основе того, что каждый должен почувствовать себя в первую очередь гражданином государства и избавиться от личных необоснованных амбиций. А власти — избавиться от того, чтобы видеть какие-то социальные группы врагами. Я думаю, что враги у нас сейчас находятся за пределами нашего государства. В большей степени нам нужно консолидироваться на том, что мы все в одной лодке. Осужденные, отбывающие наказание, — это граждане нашего государства и не надо смотреть на них, как на врагов, полностью. Люди разные, ситуации разные, патриотические чувства они проявляют, и не в редком случае, даже в большей степени, чем наши граждане. Заходите на сайт Федеральной службы исполнения наказания, там, особенно летом, вы увидите: пожары идут и в Сибири, и в Красноярском крае, и в Коми, и так далее. Выводят осужденных на пожары, а они отстаивают и поселки, и города, не дают распространиться огню. Это как раз обращение с гражданским чувством осужденных, это как раз чувство опасности. Так вот, я думаю, что нам нужно консолидироваться внутри нашего общества и эту тенденцию гражданизации поставить наравне с теми тенденциями, о которых говорил уважаемый Сергей Николаевич. Спасибо!

Сергей Николаевич Бабурин: Если можно, одну реплику, коллеги. Юристу нужно быть готовым к тому, что в ближайшее время у нас могут быть запрещены аборты. Они введены впервые, разрешены у нас в стране после революции 1920 г. А сегодня аборт — это принцип либеральных ценностей. У нас по оценкам врачей и экспертов ежегодно от полумиллиона до миллиона абортов делается. Это страшно, конечно! Как защитить жизнь женщины и в то же время добиться, чтобы аборты не были прихотью. Это тоже большая проблема для медицинской и юридической общественности. Потому что вы правы, у нас подготовлены на сегодняшний день все правовые основания для смены пола. Когда я выступал в одном из университетов по конституционному праву, обратил внимание, что на соседней секции тема доклада: «Правовые основания смены пола в Российской Федерации». Я из интереса пошел на ту секцию, как раз успел к нужному докладу. Самое потрясающее, отвечая на наши вопросы, докладчик

сказала: «Даже в нашем университете в прошлом году 7 человек сменили пол». А это провинциальный университет, не Москва, не Санкт-Петербург. Семь человек! И в Петербургской клинике, которая специализируется на смене пола, очередь на операции. Сама процедура — проблема, серьезная проблема.

Юрий Ильич Скуратов: Пожалуйста.

Кузнецов Александр Павлович: Сергей Николаевич, если сможете прокомментировать, прокомментируйте заявление Зорькина. Когда он касался вопроса о смертной казни, говорил, что нужно менять Конституцию Российской Федерации. Я видел, что Президент не стал вступать с ним в дискуссию, видимо, в дискуссию не нужно было вступать.

Как Вы сами считаете, действительно ли нужно восстановить смертную казнь, которая была незаконно неправомерным путем исключена из Уголовного кодекса? Менять всю Конституцию, как заявил Зорькин? Вы же конституционалист. Скажите, пожалуйста. Так это или не так?

Сергей Николаевич Бабурин: Спасибо за Ваш вопрос. Я многие годы был сторонником смертной казни. Сегодня я считаю, что смертную казнь в нашей стране применять нельзя, потому что, на мой взгляд, утрачено доверие к системе правосудия. Кто будет решать вопрос о смертной казни? Да первые, кого отправят на тот свет, — это будут борцы с коррупцией.

Юрий Ильич Скуратов: Пожалуйста, есть еще, уважаемые коллеги, кто хотел бы выступить в разных качествах либо в виде вопроса, либо выступления с репликой, другими рассуждениями? Нет больше желающих!

Разрешите еще раз поблагодарить Сергея Николаевича Бабурина за интересное выступление. Может быть, стоит и дальше расширять эту практику, когда люди, не только узко специализирующиеся в сфере проблем уголовного права, процесса, криминологии, но из более широких философско-правовых позиций, с позиции науки конституционного права и других отраслей рассматривали бы проблемы. Они в общем-то нас в той или иной степени касаются, и у нас есть возможность посмотреть несколько по-другому на нашу собственную проблематику. Где-то пошире, где-то, так сказать, сбоку. Поэтому такую практику надо приветствовать. Сергей Николаевич, спасибо Вам большое еще раз! И надеюсь, что Вы будете более активно принимать участие в работе нашего Союза криминалистов и криминологов.

ГЛАВЫ НАШИХ КНИГ

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ «ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА»

Цель: познакомить с наследием советских криминологов, собранным в книге «Личность преступника» под редакцией выдающегося советского и российского ученого-правоведа, доктора юридических наук, профессора, академика В.Н. Кудрявцева.

Методология: цитирование.

Выводы. В книге, написанной на базе криминологических исследований, содержатся теоретические положения и практические рекомендации по вопросам организации профилактической работы с различными категориями правонарушителей, назначения и исполнения наказаний, которые могут быть использованы в деятельности следственных и судебных органов.

Научная и практическая значимость. Издание рассчитано на следователей, судей, работников органов МВД, а также может быть полезно преподавателям и студентам юридических вузов, научным работникам, юристам и социологам.

Ключевые слова: преступник, личность преступника, структура личности, классификация преступников.

Личность преступника / ред. коллегия: В.Н. Кудрявцев, Г.М. Миньковский, А.Б. Сахаров. М.: Юрид. лит., 1975. 272 с.

Глава II

Структура и основы классификации личности преступника

§ 1. Структура личности преступника

1. При рассмотрении структуры личности преступника возникают такие вопросы: из чего складывается личность преступника; какие характеризующие правонарушителя признаки, свойства, связи образуют в своей совокупности это понятие; как группируются, соотносятся и классифицируются признаки, образующие личность преступника.

Все это важно для построения правильной научной концепции данной проблемы, для разработки и реализации системы практических мероприятий, призванных исправить и перевоспитать лиц, совершивших преступление, предупреждать преступления.

Личность преступника как разновидность человеческой личности включает в себя прежде всего общие признаки последней. При этом для криминолога эти общие признаки важны постольку, поскольку в структуре личности преступника они приобретают особое содержание и значение, оказываются так или иначе связанными с анти-

общественным поведением индивида. К структуре личности преступника относятся далее признаки, специфические именно для подобной личности, определяющие и выражающие ее общественную опасность, характер и степень последней. Следует подчеркнуть, что качественное различие между личностью преступника и неправошителя определяют не отдельные признаки (например, низкий образовательный уровень, ограниченность интересов, недобросовестное отношение к труду, пристрастие к алкоголю и т. д.). Ведь не все преступники характеризуются этими признаками и в то же время некоторые из таких признаков присущи порой и неправошителям. Важна определенная их совокупность.

Таким образом, криминологическая характеристика личности преступника представляет собой систему черт, которые в своей совокупности характеризуют лицо, совершающее то или иное преступление, различные стороны и проявления его общественного существования и жизненной практики и которые прямо или косвенно связаны с подобным антиобщественным поведением человека, обуславливают или облегчают совершение преступления либо помогают понять причины его совершения. При этом структура личности преступника отражает не только разнообразие образующих ее признаков, их различный характер, но и различную их роль в этиологии преступного

поведения и в то же время их взаимосвязь и взаимодействие. (*Ряд авторов правильно указывают на признак неустойчивости, внутренней противоречивости структуры личности преступника как системы [1, с. 114; 2, с. 83; 3, с. 49]. Эта неустойчивость облегчает возможность исправления и перевоспитания преступников. Однако на определенный момент или период структура личности преступника как система существует.*)

2. В литературе были высказаны различные соображения о структуре личности преступника [3, с. 61–71; 4; 5, с. 7–8; 6, с. 8; 7, с. 43–45; 8, с. 126–127; 9; 10, с. 64–69; 11, с. 9–12; 12, с. 9–11]. На данной стадии разработки этой проблемы наиболее обоснованной представляется следующая схема криминологической ее характеристики:

- 1) социально-демографические и уголовно-правовые признаки;
- 2) социальные проявления в различных сферах общественной жизни;
- 3) нравственные свойства;
- 4) психологические особенности.

К *социально-демографическим* признакам относятся пол, возраст, образование (*иногда образовательно-культурные признаки выделяются в самостоятельную группу*), социальное положение и род занятий, семейное положение, принадлежность к городскому или сельскому населению и некоторые другие данные (материальное положение, жилищные условия и т. п.).

Подобные признаки сами по себе характеризуют каждого человека, любую группу людей и все население в целом, однако взятые в статистическом выражении применительно к лицам, совершившим преступление, указывают на существенные «сдвиги» в характеристике именно этого контингента, т. е. дают криминологическую информацию, имеющую важное научное и практическое значение (*именно поэтому основные социально-демографические показатели, характеризующие личность преступника, учитываются уголовной статистикой, причем наблюдается тенденция расширения круга учитываемых данных*).

Так, данные о половом составе преступников характеризуют «удельный вес» в преступности мужчин и женщин, показывая значительное и притом устойчивое преобладание первых, сигнализируют о происходящих колебаниях в этом соотношении, указывают преступления, в которых доля женщин относительно больше, и т. д. Знание подобных данных помогает выявить причины и условия, влияющие на нежелательные явления в состоянии и динамике преступности, и принять меры к их устранению.

Возрастная характеристика преступников позволяет судить о криминогенной активности различных возрастных групп, об особенностях антиобщественного поведения людей различного возраста, о специфике возрастного состава различных категорий преступников. Все это помогает повысить конкретность и эффективность предупредительной работы среди различных возрастных групп населения — несовершеннолетних, молодежи, людей зрелого и пожилого возраста, учитывая возрастные особенности психологии, социальных ролей, производственно-бытовых условий жизни и т. п.

Данные об образовании преступников устойчиво свидетельствуют о зависимости антиобщественного поведения от уровня образования и интеллектуального развития, влияющих на круг интересов и потребностей, времяпрепровождение и поведение. Все это также помогает более глубоко понимать причины антиобщественного поведения и вместе с тем указывает на один из важных путей его предупреждения.

Весьма существенны данные о социальном положении и роде занятий лиц, совершающих преступления. Эти данные показывают, в каких социальных слоях и группах, в каких сферах общественной жизни и производства более распространены те или иные преступления; ориентируют на поиск и выявление криминогенных факторов, специфических для различных профессиональных и иных групп населения, для различных отраслей хозяйства, видов производства и т. п.

Аналогичное значение имеют данные о местожительстве преступников (город, село, рабочий поселок и т. д.), их миграционной подвижности, семейном положении, материальной обеспеченности и т. д.

Необходимо подчеркнуть, что криминологическая информационность и «показательность» социально-демографических признаков личности преступника возрастает, когда они анализируются в совокупности, динамически (за определенный период времени), в сопоставлении с данными общей демографической, экономической, социально-культурной и иной статистики.

Уголовно-правовые признаки личности преступника — это данные о характере совершенного преступления, его направленности и мотивации, единоличном или групповом характере преступной деятельности, рядовой или организаторской роли в ней, о прошлой судимости или фактическом рецидиве (повторности) преступления и т. п. Подобные признаки являются важнейшим критерием для суждения о личности виновного, о степени

его общественной опасности. Вместе с тем было бы серьезной ошибкой абсолютизировать явление преступления при оценке личности преступника, строить эту оценку только на данных о преступлении. Закон требует учитывать личность преступника наряду с характером и степенью общественной опасности совершенного преступления и обстоятельствами, смягчающими и отягчающими ответственность (ст. 32 Основ). Совершенное преступление, его мотивы (например, корысть, месть) и другие признаки (например, жестокость) могут соответствовать устойчивым нравственным свойствам личности виновного, ее направленности, ценностной ориентации и т. п., а могут расходиться с ними, быть для данной личности не характерными, случайными проявлениями, обусловленными особыми привходящими обстоятельствами. Исследования личности преступника способствуют, таким образом, правильному определению причин совершенного преступления и надлежащей индивидуализации ответственности.

Для характеристики личности преступника весьма существенны ее *проявления в различных сферах общественной жизни*. Речь идет, в частности, о положении индивида в системе существующих общественных отношений, о принадлежности к определенным социальным группам, его взаимоотношениях и взаимодействиях с другими людьми, учреждениями и организациями, в семейной, производственной (учебной), общественно-политической, бытовой сферах человеческой практики.

Функционирование в любой сфере человеческой практики связано с определенным статусом человека, с некоторыми обязанностями и правами. Общество в целом и непосредственное окружение (семья, производственный коллектив, бытовая среда и т. д.) устанавливают предписания определенного поведения, которого они ожидают от индивида применительно к сфере проявления и ситуации. Подобные предписания («ожидания») детерминируют поведение индивида, но иногда оказываются в противоречии с его собственными устремлениями и желаниями. Принимает ли индивид такие предписания? Оправдывает ли обращенные к нему ожидания? Все это также важно для характеристики личности. В частности, именно невыполнение этих предписаний может лечь в основу конфликта, который привел к совершению преступления.

Другим источником конфликта, нередко приводящего к преступлению, бывает разрыв между фактическим положением и возможностями лица и его притязаниями, т. е. тем, на что он претендует, чего хочет достичь. Такой конфликт неиз-

бежен, когда уровень притязаний не соответствует объективным возможностям и субъективным способностям индивида, вследствие чего они не могут быть удовлетворены обществом.

Социально-демографические признаки и проявления в различных сферах общественной жизни не дают еще полного представления о личности преступника, ибо характеризуют такую личность преимущественно с внешней стороны, не раскрывая ее внутреннего содержания. Подобное содержание в наибольшей степени проявляется в *нравственных свойствах и психологических особенностях личности*.

В этом плане особое значение имеют морально-политические, мировоззренческие и нравственные черты и свойства человека: взгляды, убеждения, оценки, жизненные ожидания и стремления, ценностные ориентации и т. п. Все многообразие этих качеств личности можно в конечном итоге свести к следующим двум моментам. Во-первых, установившиеся отношения к различным социальным и моральным ценностям и различным сторонам действительности, трудовым обязательствам как ведущей сфере деятельности члена социалистического общества, к социалистической собственности, к семье, детям, к посторонним лицам и собственной персоне и т. д. и т. п. И во-вторых, уровень, характер и социальная значимость испытываемых лицом потребностей и притязаний (социально полезные и оправданные или социально вредные, неоправданные) и избираемых способов их удовлетворения (легальные, неправомерные, общественно опасные).

Для характеристики личности преступника существенны также особенности ее интеллектуальных, эмоциональных и волевых свойств.

К интеллектуальным свойствам относятся: уровень умственного развития, объем знаний, жизненный опыт, широта или узость взглядов, содержание и разнообразие интересов и т. д.

Эмоциональные свойства личности составляют: сила, уравновешенность или подвижность нервных процессов (темперамент); динамичность чувств, степень эмоциональной возбудимости, сила и темп реакции на различные раздражители и ситуации, постоянство или изменчивость переживаний и т. п.

Волевые свойства личности включают: умение регулировать свою деятельность, способность принимать и осуществлять принятые решения, добиваться намеченной цели. Это проявляется в таких качествах, как целеустремленность, последовательность, инициативность, активность, находчивость, твердость, стойкость, настойчивость, выдержка,

самообладание, упрямство, решительность, энергичность, и в иных аналогичных, а также противоположных им чертах и свойствах личности.

Показателем и критерием нравственных свойств личности является поведение индивида, вся его жизненная социальная практика. Это значит, что в основе суждения о личности преступника должны лежать не просто мнения и оценки опрашиваемых в таких случаях лиц (родственников, сослуживцев, знакомых), а конкретные факты поведения исследуемого лица, оцениваемые в совокупности.

Рассмотренные выше признаки, характеризующие личность преступника, находятся в определенной зависимости и взаимосвязи. Так, конкретные условия жизни индивида и, в частности, то, что мы определили как социально-демографические признаки (возраст, образование, род занятий, местожителство и т. д.), в известной мере определяют его положение в различных сферах общественной жизни и вместе с последним являются решающими факторами в формировании и развитии нравственных свойств личности. В свою очередь нравственно-психологические свойства, несомненно, отражаются на том, как складываются социальные условия жизни индивида, каким влияниям и воздействиям он подвергается, какие социальные роли играет и как их выполняет.

Это взаимодействие всех сторон личности достаточно отчетливо проявляется и в случаях преступного поведения. Человек оказывается преступником под влиянием неблагоприятных внешних условий и воздействий (которые порой сам создает или «находит» в силу своих нравственно-психологических особенностей), воспринятых и преломленных им в соответствии с присущими ему нравственными представлениями, интеллектуальными, эмоциональными и волевыми свойствами.

Таким образом, мы имеем дело не с простой совокупностью признаков, а с определенной системой, образующей структуру личности преступника и требующей выявления и учета существующих связей и зависимостей их элементов.

Говоря о структуре личности преступника, нельзя обойти вопрос о роли и значении биологических признаков, о соотношении социального и биологического в изучении и объяснении причин преступного поведения.

Биологические признаки человеческой личности не следует, конечно, игнорировать. Однако представляется более правильным рассматривать их применительно к предмету криминологического изучения не как самостоятельную характери-

стику, а главным образом как компонент в процессе формирования и поведения личности.

§ 2. Соотношение социального и биологического в личности преступника

1. Вопрос о роли «приобретенного» (социального) и «естественного» (биологического) в преступном поведении человека имеет принципиальное значение. Необходимость в освещении этого вопроса связана, в частности, с появившимися в последние годы в литературе утверждениями, что якобы в советской криминологии существует недооценка биологических свойств преступника, изучаются социальные причины преступности, а биологические детерминанты человека при этом совершенно игнорируются [13, с. 14; 14, с. 139].

Решая вопрос о понятии личности преступника и ее признаках, необходимо подчеркнуть главное: человеческая личность, в том числе личность преступника, есть продукт определенных социальных влияний, связей, отношений. При любой природной основе различные социальные условия (воспитание, образование, окружение, образ жизни и т. п.) способны выработать как нравственно положительный, так и нравственно отрицательный облик личности, и, следовательно, в конечном итоге именно эти условия определяют ее социальную сущность. Это не означает, конечно, что в структуре индивидуально-личностных свойств и качеств человека, обуславливающих совершение им преступления, психофизиологические и вообще биологические признаки не имеют никакого значения. Но их роль не главная.

Имеются ли в личности преступника такие естественные психофизиологические свойства, которые отличают его от человека, не совершающего преступления, и, следовательно, имеют криминогенное значение?

На этот кардинальный вопрос следует ответить отрицательно. Наука и практика не выявили так называемой «преступной предрасположенности» человека. Биологические свойства (и то не целиком) обуславливают телесную организацию человека — структуру и функции его органов. Однако это только предпосылка для развития человеческого существа. Не она является решающим фактором развития и изменения человеческого рода и общества. Основоположники марксизма неоднократно отмечали, что человеческая деятельность как по своему содержанию, так и *по способу существования* носит общественный характер.

2. Биологический характер имеют такие откладывающиеся определенный отпечаток на личность человека признаки, как возраст, пол, а также

индивидуальные физические и психологические особенности. Однако во всех этих случаях «срабатывает» не столько биологическая природа подобных признаков, сколько их социальное содержание и значение (*именно с учетом социального содержания пол и возраст рассматриваются в числе социально-демографических признаков личности*). Рассмотрим это подробнее.

Возрастные особенности существенным образом влияют на формирование личности. Понятно, что внешние воздействия социальной среды различны в зависимости от возраста человека. К тому же эти воздействия падают на разную «почву»: незрелость нервной системы в раннем возрасте, неподготовленность организма к многим психическим проявлениям, особенности детского организма и тому подобное приводят к тому, что различны результаты этих воздействий. На каждом возрастном этапе развития личность с ее социальным содержанием неодинакова. Отсюда и разная реакция на одни и те же или объективно сходные конкретные жизненные ситуации, в которых могут находиться люди разного возраста.

Сам факт уменьшения распространенности антиобщественных поступков с повышением возраста соответствующей группы населения имеет, несомненно, социальные причины. С повышением возраста положительные социальные связи становятся обычно более прочными, более устойчивыми и разветвленными. Большой жизненный опыт дает возможность выбрать социально правильную линию поведения даже в сложных ситуациях.

Таким образом, возраст не выступает в качестве самодовлеющей причины каких-либо «криминогенных» свойств личности, а тем более — причины конкретных преступных актов поведения. Он лишь одно из обстоятельств, с которым связаны различные социальные проявления личности.

Характер интересов, представлений о жизненных ценностях, привычек, норм и особенностей поведения в различных условиях не может не быть связан с *половыми различиями*, преломляемыми в психике данного человека. А это в конечном итоге проявляется и в особенностях поведения.

Но значительно меньшая доля в преступности женщин в сравнении с мужчинами, о чем более подробно будет сказано ниже, объясняется не биологическими особенностями пола, она связана с положением, которое женщина занимает в семье, в быту, на производстве, в обществе в целом, т. е. с факторами явно социального характера. Биологическое различие полов настолько опосредствовано социальными факторами, что имен-

но им и принадлежит ведущая роль в различном формировании психологии мужчин и женщин.

Вот почему, рассматривая возраст, пол и прочие подобные показатели, следует говорить скорее о *социально-биологических*, а не просто о биологических признаках личности, имея в виду, что «даже за естественными характеристиками индивида (пол, возраст, этническая принадлежность и т. д.) стоят в конечном итоге социальные свойства» [15, с. 16–17].

В процессе нравственного формирования личности особое значение имеют физические и психические *индивидуальные особенности* человеческого организма. Они, как и половые либо возрастные различия, сказываются на формировании личности опосредствованным образом, изменяя условия восприятия человеком внешней среды.

Так, состояние здоровья и некоторые особенности физической конституции могут сказываться на выборе профессии, отразиться на семейном положении, обусловить некоторые потребности, а иногда и черты характера. Понятно, физические недостатки человека (уродство, хроническая болезнь и др.) — это такие обстоятельства, с которыми данный человек вынужден считаться в своем поведении, как он считается со своими экономическими и иными социальными возможностями. Стало быть, эти факторы, не являясь причинами антиобщественного поведения, могут вместе с тем оказать при определенных условиях неблагоприятное воздействие на формирование жизненных взглядов и привычек. Но и в таких случаях «срабатывает» не чисто биологическое содержание подобных признаков, а их социальное значение. Причем отрицательные последствия указанных особенностей личности не неизбежны. Все эти индивидуальные особенности могут и должны учитываться в социальной практике при обеспечении надлежащих условий воспитания в семье, учебном и трудовом коллективе и т. д. с тем, чтобы они не сказались отрицательно на формировании личности.

В еще большей мере сказанное относится к психическим особенностям личности (тип нервной системы, свойства памяти, восприятия, мышления), которые также сами по себе не определяют содержания поступков человека (будут ли они общественно полезными или вредными). «Представитель любого типа нервной системы может овладеть вершинами человеческой культуры и стать полноценным членом общества» [16, с. 365].

Психические особенности сказываются на формировании личности в ее взаимодействии со

средой, но опять-таки по-разному. Характер этого взаимодействия настолько сложен и в нем участвует такое число факторов, что заранее, априори мы не можем утверждать, что наличие или отсутствие тех или иных психических особенностей приведет к неблагоприятным (или, напротив, благоприятным) результатам в процессе формирования личности.

Известный русский психолог А.Ф. Лазурский обоснованно подчеркивал, что извращенное развитие человеческой личности связано не с отсутствием или недостаточностью тех или иных психических качеств, а большей частью с несоответствием между особенностями психики и теми внешними условиями, в которых происходит развитие человека. При этом может получиться так, что «основные потребности и задатки человека, заглушенные и подавленные неблагоприятными обстоятельствами, продолжают, тем не менее, развиваться, принимая, однако, в своем развитии самые уродливые и противоестественные формы» [17, с. 27].

Нередко такого рода процессы приводят к появлению отрицательных нравственных черт личности: лживости, жестокости, безразличия или недоброжелательства к другим людям и др. Нравственные качества получают, таким образом, извращенное, уродливое развитие, сказываясь затем и на конкретных поступках человека, его взаимоотношениях с другими людьми.

Социальное происхождение указанных нравственных извращений, казалось бы, не должно вызывать сомнений. Тем не менее в буржуазной философии и криминологии систематически высказывается мнение о том, что существуют врожденные отрицательные и положительные нравственные качества.

Марксизм принципиально иначе решает эти вопросы. «...Как эгоизм, так и самоотверженность, — подчеркивали К. Маркс и Ф. Энгельс, — есть при определенных обстоятельствах необходимая форма самоутверждения индивидов» [18, с. 236]. Человек от природы не может быть эгоистом или альтруистом, данные качества — продукт общественных отношений, результат формирования его личности.

Исследования особенностей нравственного формирования личности дают основания сделать вывод, что сами по себе биологические свойства личности нельзя считать причинами преступного поведения человека; самое большее — это то, что они иногда играют роль условий, способствующих или затрудняющих правильное нравственное формирование личности. Учет этих условий дол-

жен состоять прежде всего в том, чтобы обеспечить дифференцированный подход к воспитанию людей, в особенности подростков и молодежи. Особенности возраста, пола, физического и психического развития, если они правильно учтены при организации воспитательной работы, могут сыграть положительную роль в формировании личности. Если же воздействие социальной среды не учитывает этих особенностей и, более того, противоречит им, то неблагоприятный результат развития такой личности не должен нас удивлять. Мы не можем изменить некоторых биологических качеств людей, зато мы можем их использовать в положительном плане или нейтрализовать в результате продуманного социального воздействия (*академик Н.П. Дубинин, отмечая, что воспитание должно быть индивидуальным, учитывая генетические различия детей, решительно подчеркивает в то же время ошибочность взглядов «о якобы генетической обусловленности духовных и социальных черт личности» как проявление чуждой идеологии, направленной на подавление личности неоправданным «биологическим диктатом»* [19, с. 433–434, 439]).

3. В поведении преступника (в период формирования преступного намерения и совершения преступления) всегда взаимодействуют два социальных фактора: конкретная жизненная ситуация, играющая роль повода к совершению преступления, и личность с ее антиобщественными качествами, сложившимися под влиянием социальной среды. Вместе с тем взаимодействие этих факторов опосредствовано психической деятельностью мозга.

В каждом человеческом поступке так или иначе сказываются: во-первых, уровень развития, объем знаний, широта или узость взглядов, содержание и разнообразие интересов, т. е. интеллектуальные особенности; во-вторых, волевые качества, степень эмоциональной возбудимости, сила и темп реакции на внешние раздражители и ситуации; в-третьих, целостность или расщепленность, последовательность или противоречивость, устойчивость или податливость данной натуры и, наконец, в-четвертых, направленность личности, т. е. система взглядов, представлений, убеждений, отношение к различным социальным и моральным ценностям, характер испытываемых потребностей и допускаемые способы их удовлетворения.

Мотив преступного поведения представляет собой отражение в сознании человека действительно существующих или созданных его воображением потребностей. Эти потребности в большинстве случаев социально обусловлены,

а средства их удовлетворения всегда избираются индивидом в соответствии с его взглядами, жизненной установкой, которые также имеют социальное происхождение. «На основе социальных потребностей социальную окраску приобретают и биологические потребности. Изменяются способ и метод их удовлетворения» [20, с. 9]. Иными словами, сам отбор испытываемых потребностей в значительной мере носит социальный характер.

Нравственная дилемма — «можно или нельзя» встает перед лицом именно потому, что оно испытывает определенную потребность. Решение подобной дилеммы зависит от взаимодействия социальных качеств личности с силой и интенсивностью испытываемой потребности. Не случайно одним из важных аспектов нравственного воспитания личности является не только умение регулировать испытываемые потребности, но и отбор социально оправданных потребностей, воспитание и тренировка потребностей, влечений, в том числе и естественных, о чем неоднократно говорил А.С. Макаренко [21, с. 38, 43, 45 и др.].

Можно согласиться с П.С. Дагелем, что у «лица с антиобщественной установкой или у лица, у которого не выработаны твердые общественно-положительные установки, эти инстинкты, влечения и рефлексы могут вызвать соответствующее антиобщественное поведение» [22, с. 79]. Однако речь идет не о каких-то особых «преступных» инстинктах и рефлексах; это те же влечения и рефлексы, которые свойственны всякому человеку. Главной и здесь является социальная сущность данной личности, в частности недостаточно усвоенные культурные навыки и традиции, невоспитанность чувств, недостаточно выработанная привычка контролировать свое поведение. Как писал А.С. Макаренко, «половой инстинкт, инстинкт огромной действенной силы, оставленный в первоначальном «диком» состоянии и усиленный «диким» воспитанием, может сделаться только антиобщественным явлением» [21, с. 245].

Поскольку внешние воздействия среды оказывают влияние на поведение человека через его психику, нарушения нормальной деятельности организма могут подчас существенно исказить правильную линию поведения. Таковы, например, психопатии, аффективно-волевые аномалии и другие расстройства психических процессов (чрезмерная возбудимость, неустойчивость настроения, эмоциональная незрелость, повышенная внушаемость и др.), не исключаящие вменяемости. Можно ли их считать такими свойствами личности, которые являются причинами преступного поведения?

В этой связи надо отметить, что, во-первых, процент психопатов среди преступников не отличается существенно от аналогичного показателя для лиц, не совершающих преступлений [23, с. 109]. Во-вторых, сама проблема происхождения психопатий — в значительной мере социальная проблема (*детализированные данные на основании выборочного изучения несовершеннолетних приводятся в гл. V*). И, наконец, главное заключается в том, что в поведении любого вменяемого лица, в том числе и психопата, патологические черты не являются определяющими. Они опосредствуются социальным содержанием его сознания. Так, в зависимости от содержания сознания и морально-этических установок, в частности повышенная эффективная возбудимость может трансформироваться то в более высокие формы ее проявления, например в «бурную» нетерпимость к недостаткам, то в более примитивные и антисоциальные — в брутальность, в нанесение окружающим оскорблений и побоев [24, с. 97–98]. Стало быть, ведущая роль опять-таки принадлежит социальным факторам. Это же следует отнести и к оценке временных состояний (чрезмерное возбуждение, опьянение, усталость и др.). При этом временные состояния психики (если они не являются характерной чертой данного человека, например хронического алкоголика) скорее есть результат взаимодействия личности с ситуацией и во многом зависят именно от последней.

А как быть, если психические нарушения приобретают стойкий характер и их роль становится настолько большой, что именно они вызывают общественно опасное поведение?

Эта проблема решена в советской юридической науке и практике: те акты поведения, которые вызваны подобными причинами, «отсекаются», выводятся за пределы рассмотрения уголовным правом и криминологией. Это такие нарушения психики, которые делают человека невменяемым, так как лишают его способности отдавать отчет в своих действиях и руководить ими.

Ответственность как социальная форма воздействия на поведение людей возможна и эффективна лишь в том случае, если это поведение имеет социально обусловленный характер. Когда же биологические факторы начинают играть роль непосредственных причин опасного для общества поведения, когда само это поведение приобретает болезненный характер, порождается изъятиями в психике человека, необходимо медицинское вмешательство.

4. Все сказанное означает необходимость для криминолога знать и учитывать, какие индивидуальные признаки и свойства личности во взаимодействии с определенными условиями и обстоятельствами приводят к социально нежелательному результату, что способствует появлению подобных свойств, их развитию и проявлению в антиобщественном поступке. На этой основе могут быть обеспечены, с одной стороны, надлежащее нравственное формирование людей с учетом их индивидуальных особенностей, а с другой — эффективное предупреждение общественно опасных проявлений. Изучение личности преступника должно способствовать решению названных задач. Необходимо отметить, что различные звенья структуры личности преступника изучены в криминологии далеко не одинаково. Наиболее полно исследованы пока социально-демографические и правовые признаки, социальные проявления и связи личности преступника. В этой области собран значительный материал и имеется ряд обобщений. Серьезные шаги сделаны в последние годы в изучении условий нравственного формирования личности преступника, того «социального микроклимата», в котором складывается подобная личность: семья, производственный коллектив, ближайшее бытовое окружение, знакомства, связи и т. д., а также в изучении поведения такой личности в различных социальных группах и в разных ситуациях. Значительно меньше изучены социально-психологические, в том числе и нравственные черты и свойства личности преступника, поскольку в этой области встречаются наибольшие трудности, и в первую очередь связанные с методикой таких исследований.

§ 3. Проблема классификации преступников

1. Лица, совершающие преступления, отличаются друг от друга множеством признаков, в том числе конкретным содержанием тех признаков и свойств (социально-демографических, нравственно-психологических и др.), которые, как изложено выше, образуют структуру личности преступника. Каждый преступник, как и вообще каждый человек, индивидуален. Вместе с тем всю совокупность лиц, совершающих преступления, можно разбить на определенные группы (типы), характеризующиеся каким-либо одним или несколькими признаками, положенными в основу такого деления (классификации).

В советской юридической науке вопрос о классификации преступников решался преимущественно в связи с задачами назначения и исполнения наказаний, т. е. в уголовно-правовом

и исправительно-трудовом аспектах. Подходя к рассматриваемому вопросу с указанных позиций, М.Д. Шаргородский писал: «В основу классификации должны быть положены: 1) физиологические критерии: а) пол, б) возраст, в) болезнь; 2) социальные критерии: а) стойкие рецидивисты, б) лица, совершившие преступления в первый раз и к ним приравненные. Дальнейшая дифференциация режима должна проводиться в зависимости от характера совершенного преступления, его цели, мотива, средств и способа действия» [25, с. 9].

Эти положения были развиты Н.А. Беляевым. Он предложил всех заключенных в местах лишения свободы, помимо учета таких критериев, как возраст, пол, тяжесть преступлений и повторность, разделить на следующие группы: а) особо опасных государственных преступников, б) совершивших все иные преступления. Во второй группе в свою очередь, по мнению автора, следует различать лиц, совершивших преступления умышленно и по неосторожности, а лица, умышленно совершившие преступления, должны быть разделены на совершивших: а) корыстные преступления, б) преступления против личности, в) хулиганство, г) некорыстные преступления по должности [26]. Несколько иную классификацию предложил Н.А. Стручков, выделивший шесть групп преступников в зависимости от характера совершенного преступления (особо опасные государственные, насильственные, корыстные преступления, совершаемые должностными и частными лицами, некорыстные преступления, нарушение должностных, профессиональных или иных обязанностей и запретов, умышленное уничтожение или повреждение имущества) [27, с. 185–187].

Приведенные классификации имеют ряд уязвимых мест. Так, Н.А. Беляев не учитывает лиц, совершающих некорыстные нарушения неимущественных обязанностей и запретов (некоторые хозяйственные преступления, преступления против правосудия, против порядка управления, общественного порядка и общественной безопасности и т. п.), а Н.А. Стручков не выделяет в самостоятельную категорию правонарушителей, совершивших неосторожные преступления. Главный же недостаток указанных классификаций состоит в том, что они построены исключительно по признаку совершенного преступления и не учитывают иные весьма существенные для характеристики личности преступника обстоятельства, относящиеся как к преступлению, так и особенно к самой личности.

С развитием криминологических исследований были выдвинуты иные подходы к классификации преступников. Так, А.Б. Сахаров считал главным для такой классификации степень общественной опасности личности, ее нравственной испорченности и педагогической запущенности [28, с. 163–168; 29]. Здесь за основу взята уже непосредственная характеристика личности в сочетании с содеянным. Аналогичную позицию заняли также Г.М. Миньковский и Н.С. Лейкина.

Социально психологическую классификацию преступников предложил А.Г. Ковалев. На основе изучения лиц, отбывающих лишение свободы, он выделил три типа:

1) глобальный преступный тип, для которого характерна «полная преступная зараженность». К нему относятся бандиты, особо опасные рецидивисты и др.;

2) парциальный тип, т. е. с «частичной преступной зараженностью». «Личность этих людей, — пишет А.Г. Ковалев, — как бы раздвоена, в ней уживаются черты нормального социального типа и черты преступника». Это, например, лица, систематически совершающие хищения на производстве;

3) предкриминальный тип, охватывающий людей, которым присуща большая эмоциональная возбудимость, недостаточное самообладание и т. п. В конфликтной ситуации они способны на преступление (хулиганство, убийство из ревности и т. д.) [30, с. 50 и след.].

Нетрудно видеть, что в основе этой классификации лежат несколько критериев. Это и характер нравственной ориентации, и степень ее стойкости, и некоторые психологические черты (например, особенности темперамента). Многообразие черт личности и оснований деления соответствует практически наблюдаемым типам личностей преступников. Однако спорно выделение предкриминального типа по особенностям эмоционального склада, так как эмоциональные свойства сами по себе не имеют определяющего значения для совершения преступления, а сама терминология малоудачна.

2. Итак, классификация преступников может быть различной в зависимости от целей, которые она преследует. Это связано с тем, что единая задача борьбы с преступностью решается соответствующими отраслями права в различных аспектах и разными методами.

Так, уголовно-правовая классификация преступников призвана помочь правильной индивидуализации ответственности и наказания. Поэтому в уголовном праве принято деление преступников в зависимости от характера и сте-

пени общественной опасности совершенного преступления и связанной с этим опасности самой личности.

В исправительно-трудовом праве классификация преступников подчинена задаче правильной организации исполнения наказания и успешного исправления и перевоспитания осужденного. В соответствии с этим здесь, помимо дифференциации преступников по некоторым социально-демографическим признакам (пол, возраст), используется уголовно-правовая классификация осужденных по характеру и степени тяжести совершенного преступления и личности виновного, которая дополняется учетом некоторых нравственно-психологических особенностей различных категорий преступников, существенных для решения указанных задач и, в частности, для выбора средств педагогического и психического воздействия.

Криминологическая классификация преступников должна отразить причины индивидуального преступного поведения, их специфику и способствовать устранению этих причин, успешной профилактике преступлений. Следовательно, криминологическая классификация не может совпадать с уголовно-правовой и исправительно-трудовой.

В то же время из сказанного не следует делать вывода о противоположности или несовместимости указанных классификаций. Они совместимы, поскольку все три отрасли имеют одну общую цель — борьбу с преступностью. В принципе можно себе представить единую систему классификации преступников, в которой в качестве подсистем будут представлены криминологический, уголовно-правовой и исправительно-трудовой (а возможно, и процессуальный) аспекты. Но, исходя из задач настоящей монографии, мы ограничиваемся проблемами криминологической классификации преступников.

3. Криминологическая классификация преступников может быть построена по различным основаниям. Здесь следует выделить два аспекта: а) преступность и ее причины в целом и организация общепредупредительной работы; б) конкретные лица, совершающие преступления, и индивидуальная профилактика.

При анализе преступности обычно прибегают к классификации лиц, совершивших преступления, по отдельным социально-демографическим признакам, выделяя преступников, например, по полу (мужчины и женщины), по возрасту (не совершеннолетние, молодые, зрелые и престарелые), по социальному положению (рабочие, служащие, колхозники, учащиеся, пенсионеры, неработающие) и т. п. Подобные группировки

углубляют наши представления о состоянии преступности, подсказывают наиболее актуальные направления общепредупредительной работы. Но такая классификация не отражает различий в криминологической характеристике лиц, совершающих преступления.

Если мы ставим задачу индивидуального предупреждения преступлений, то многие из указанных признаков почти теряют смысл. Зато особое значение приобретают такие признаки (а следовательно, основания классификации), которые отражают характер и степень антиобщественной направленности личности.

Подобная классификация должна строиться по двум сочетающимся основаниям: 1) характеру антисоциальной направленности и ценностных ориентаций личности и 2) глубине, стойкости этой антисоциальности.

По характеру антисоциальной направленности и ценностным ориентациям можно выделить следующие группы:

а) *негативно-пренебрежительное* отношение к человеческой личности и ее важнейшим благам: жизни, здоровью, телесной неприкосновенности, чести, достоинству, спокойствию и т. п. Подобное отношение лежит в основе умышленных агрессивных насильственных преступлений против личности — убийств, телесных повреждений, изнасилований, оскорблений, клеветы и т. п., а также большинства случаев хулиганства;

б) *корыстно-частнособственнические* тенденции, связанные с игнорированием социалистического принципа распределения материальных благ по труду, права социалистической собственности и личной собственности других лиц. Это характерно для совершения хищений, краж, мошенничества, взяточничества, спекуляции и иных корыстных преступлений;

в) *индивидуалистическое* отношение к различным социальным установлениям и предписаниям, к своим общегражданским, служебным, семейным и прочим обязанностям. Подобные антисоциальные черты определяют совершение ряда хозяйственных преступлений (выпуск недоброкачественной продукции, приписки, нарушение правил производства различных промыслов и т. д.), преступлений против порядка управления (нарушение паспортного режима, самоуправство), против правосудия (применение незаконных мер при допросе, ложные показания, побег из-под стражи), воинских преступлений (неисполнение приказа, уклонение от воинской службы, самовольная отлучка, дезертирство) и т. п.;

г) особо следует выделить *легкомысленно-безответственное* отношение к установленным социальным ценностям и своим обязанностям по отношению к ним, проявляющееся в различных неосторожных преступлениях.

Хотя каждую из групп «а» и «б» характеризует единый родовый объект посягательства (личность и собственность), а группу «г» — неосторожная форма вины, сама классификация исходит не из этих критериев, а из характера антисоциальности и ценностной ориентации личности, отражающихся в указанных признаках.

Намеченные группы, позволяющие классифицировать лиц, совершающих преступления, не исчерпывают, по-видимому, всех существующих вариантов и должны рассматриваться лишь как основные. Кроме того, они не всегда выступают в «чистом» виде. Возможны различные вариации и сочетания, проявляющиеся в соответствующих преступлениях. Так, преступники, совершающие разбой, убийства из корысти, уклонение от уплаты средств на содержание детей или родителей, находятся как бы «на стыке» первой и второй групп. Торговля наркотиками, частнопредпринимательская деятельность, самогонварение — «на стыке» второй и третьей групп. Во всех этих случаях одна антисоциальная направленность проявляется в действии (например, нападение при разбое), другая — в его целях и мотивах (завладение чужим имуществом, обогащение).

Подобное положение возможно и при неосторожных преступлениях: например, водитель автомашины нарушает правила движения и допускает аварию потому, что решил на «левую» поездку ради вознаграждения и торопился ее выполнить.

Классификация преступников по характеру их антисоциальной направленности должна быть дополнена, как указывалось выше, их дифференциацией по степени злостности, глубины и стойкости этой антисоциальности. Было бы неправильно относить в одну группу крупного расхитителя и человека, совершившего мелкую кражу. Кроме того, хотя совершение преступления всегда представляет проявление антисоциальных свойств, преобладающих в структуре данной личности, важно знать, насколько они устойчивы и выражают ее действительную нравственную сущность, в том числе и общественную опасность. Ведь одна и та же антисоциальная направленность — корыстная, агрессивная насильственная и т. д. — у одних может иметь глубоко укоренившийся, доминирующий, злостный характер, а другим присуща в минимальной степени и вызывает совершение преступления лишь

в сочетании с особо неблагоприятной внешней ситуацией. В судебной практике и в обыденной жизни хорошо известны эти два полярных типа преступников — «злостный» и «случайный». Существуют, разумеется, и «промежуточные» варианты. Подобные различия весьма существенны для типологии преступников.

С учетом сказанного в намеченных выше трех группах преступников, умышленно совершающих преступления, следует различать:

а) лиц, впервые совершивших нетяжкие преступления, противоречащие их общей социально положительной направленности, характеризуемой всем предшествовавшим нравственно положительным поведением;

б) лиц, впервые совершивших тяжкие преступления под воздействием неблагоприятного

стечения внешних обстоятельств и характеризующихся, помимо этого преступления, положительно на производстве, в быту, во всех иных социальных проявлениях;

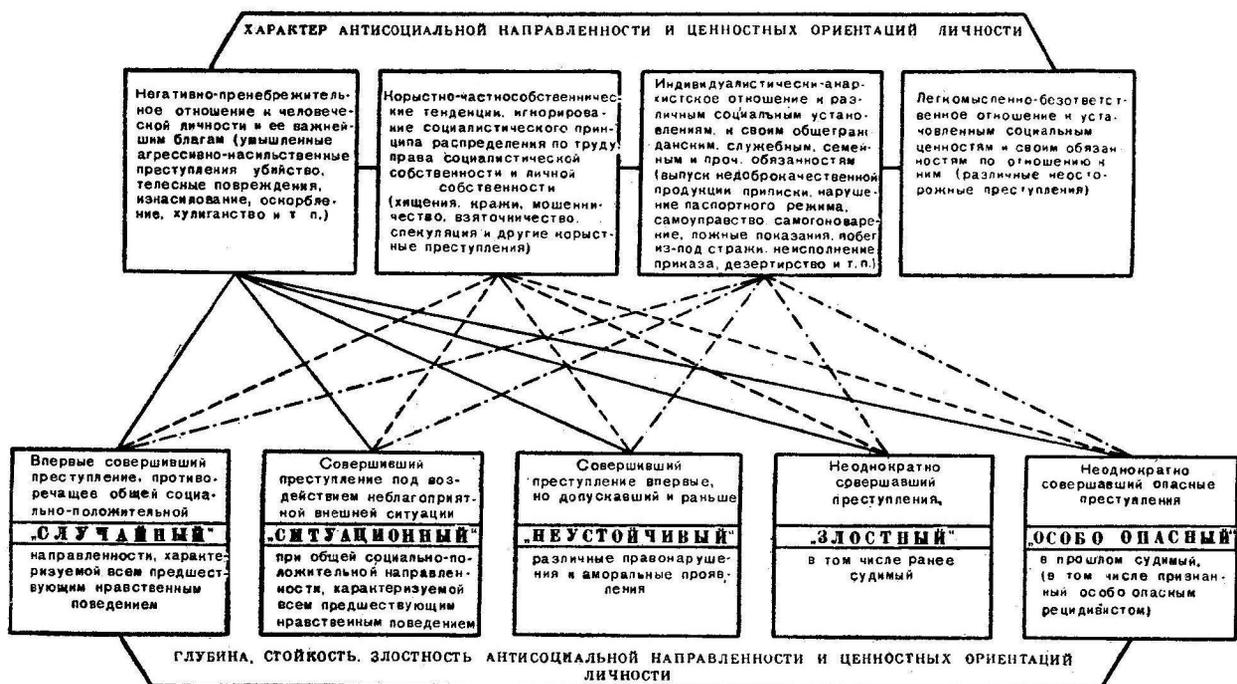
в) лиц, совершивших преступление впервые, но ранее характеризующихся аморальным поведением;

г) лиц, неоднократно совершивших преступления, в том числе и ранее судимых;

д) лиц, подпадающих под категорию особо опасных рецидивистов.

Намеченные группы преступников условно можно было бы назвать «случайными», «ситуационными», «неустойчивыми», «злостными» и «особо опасными», а всю классификацию представить в виде схемы (см. рис.).

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ (ТИПОЛОГИЯ) ПРЕСТУПНИКОВ

4. Изложенная типология не является, разумеется, исчерпывающей и завершенной. Дальнейшая разработка проблемы личности преступника позволит углубить и развить эту классификацию, дать развернутую криминологическую характеристику каждой из выделенных групп (типов) преступников. В настоящее время имеющийся эмпирический материал вынуждает ограничиться суммарной характеристикой полярных групп.

Ценностная ориентация личности злостного или особо опасного преступника различна применительно к характеру совершаемого им престу-

пления, которое обусловлено этой ориентацией и в которой последняя проявляется. Однако общим для этих преступников является устойчивость этой ориентации и ее специфически ярко выраженная антиобщественная направленность. Злостный преступник в большинстве случаев сам создает преступную ситуацию, а не следует за ней в своих поступках, что бывает характерно для менее опасных категорий преступников. Данные выборочного изучения особо опасных рецидивистов показали, что преступная биография их длится обычно от 6 лет и дольше (около 80 %); в течение

10 лет преступления совершали 43 % от общего числа изученных лиц [31, с. 228]. Наиболее распространен рецидив насильственных и имущественных преступлений [32, с. 19; 33, с. 31–33].

Что касается «случайного» и «ситуационного» преступников, то для них характерно совершение преступления без глубокой связи с устойчивыми чертами личности. Конечно, случайность всегда относительна, так как она выступает как конкретное выражение каких-то внутренних или внешних закономерностей и «является лишь в точке пересечения *необходимых* процессов» [34] (*о соотношении случайного и необходимого применительно к обстоятельствам конкретного уголовного дела см. [35, с. 202–206]*). Следовательно, «случайное» преступление отражает как внешние условия, так и некоторые свойства личности.

«...Каждая реакция на внешний факт, — указывает В.Н. Мясичев, — определяется не только и не столько этим фактом, сколько тем, какое отношение к себе он вызывает, важен он или не важен, интересен, привлекателен или отталкивает и т. п.» [36, с. 277].

Отсюда вытекает, что нельзя полностью отрицать у «случайного» и «ситуационного» преступников известные отрицательные личностные особенности. В принципе следует согласиться с тем, что «наличие антиобщественных взглядов, отрицательных черт и их проявление в соответствующей ситуации в виде преступления характерно для всех преступников» [37, с. 9].

При этом следует сделать два замечания.

Во-первых, отрицательные черты личности этих категорий преступников не идут в сравнение по степени интенсивности с антиобщественной установкой злостного преступника.

Во-вторых, эти отрицательные черты облика «случайного» и «ситуационного» преступников играют решающую роль лишь в определении антисоциального качества их деяния. Что же касается механизма возникновения этого деяния, то здесь особое место принадлежит внешним обстоятельствам, как предшествующим, так и сопутствующим действиям субъекта. Поэтому объяснение механизма «случайного» или «ситуационного» преступления должно идти в плоскости анализа взаимодействия «личность — ситуация».

Лицо с преимущественно положительной социально-нравственной ориентацией, оказавшись в нетипичной для него ситуации «соблазна», может совершить противоправный (преступный) поступок лишь при качественном совпадении с содержанием ситуации не только существующих у него взглядов, но и направленности одного из

доминирующих в этот период мотивов поведения. Без этого двойного совпадения (что еще более увеличивает *случайность* преступления) преступление не совершится.

«Случайный» и «ситуационный» преступники, несмотря на факт совершения ими преступления, признают систему морально-правовых требований общества, достаточно самокритично оценивают свое преступное поведение, считая его случайным эпизодом в своей жизни. Поэтому в большинстве случаев они *чистосердечно раскаиваются* в совершенном преступлении, а иногда и являются с повинной в органы следствия. Было бы ошибочно, однако, ставить этот последний момент во главу угла с тем, чтобы создавать неверное впечатление о тождественности социального содержания позиции преступника до и после факта преступления.

Один из объективных показателей степени общественной опасности личности преступника — данные о его прошлом поведении. Как правило, факт совершения лицом повторного преступления не позволяет отнести его к категории «случайных» или «ситуационных» преступников. Однако «первичность (или повторность) совершаемого преступления является одним из факторов, по которым лишь *в известной мере* можно судить о случайности или типичности преступного поведения и делать соответствующее прогнозирование» [38, с. 14]. Ведь и первое, и второе преступления могут «выпадать» из основной линии поведения индивида, особенно если их разделяет значительный промежуток времени и они не образуют специального рецидива.

Зато устойчивый отрицательный характер допреступного поведения индивида, выражающийся в *серии* аморальных проступков, административных и иных правонарушений и являющийся сам по себе одним из наиболее значительных факторов формирования его социального облика, исключает возможность отнесения данного лица к числу «случайных» преступников. Даже в тех случаях, когда подобное лицо совершает преступление под влиянием неблагоприятной обстановки, оно далеко не всегда может быть признано «ситуационным» преступником. Все зависит от того, что превалировало в совершенном преступлении — ситуация или социальная неустойчивость.

По выборочным данным, доля типа таких преступлений во всем изученном контингенте составляет в среднем 30–40 %.

Аналогичные данные приводят и другие исследователи. В.Ф. Зудин пишет, что 44 % из группы осужденных за кражи личного имущества до совершения преступления привлекались

к административной ответственности [39, с. 72–74]. Из осужденных за хулиганство (по выборочным данным Ю.А. Красикова) 20 % привлекались к административной ответственности, причем более половины из них — 2–3 раза [39, с. 119–121]. Эти данные позволяют в известной степени судить о степени устойчивости антиобщественных взглядов, а тем самым и о распространенности злостных и «случайных» преступников.

Литература

1. *Игошев К.Е.* Психология преступных проявлений среди молодежи. М.: Изд-во ВШ МВД СССР, 1971. — 173 с.
2. *Кудрявцев В.Н.* Категория причинности в советской криминологии // Советское государство и право. 1965. № 11. С. 80–89.
3. *Дагель П.С.* Учение о личности преступника в советском уголовном праве. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1970. — 132 с.
4. *Волженкин Б.В.* Общественная опасность преступника и ее значение для уголовной ответственности и наказания по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1964. — 21 с.
5. *Блувштейн Ю.Д.* Теоретические вопросы статистического изучения личности преступника: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1968. — 20 с.
6. *Ведерников Н.Т.* Изучение личности преступника в процессе расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1965. — 15 с.
7. *Коршик М.М., Степичев С.С.* Объем и методика изучения личности обвиняемого // Социалистическая законность. 1965. № 3. С. 43–45.
8. *Лейкина Н.С.* Личность преступника и уголовная ответственность. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. — 128 с.
9. *Миньковский Г.М.* Особенности классификации несовершеннолетних преступников // Вопросы изучения и предупреждения правонарушений несовершеннолетних: сборник трудов. Ч. 1. М., 1970. С. 79–91.
10. *Сахаров А.Б.* Учение о личности преступника // Советское государство и право. 1968. № 9. С. 64–69.
11. *Филимонов В.Д.* Общественная опасность личности преступника. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1970. — 277 с.
12. Личность преступника. Уголовно-правовое и криминологическое исследование / науч. ред. Б.С. Волков. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972. — 187 с.
13. *Ной И.С.* Личность преступника и ее значение в изучении преступности в условиях социалистического общества // Вопросы уголовного и исправительно-трудового права, уголовного процесса и криминалистики. Ученые записки Саратовского юридического института. Вып. XVI. Саратов, 1969. С. 5–24.
14. *Ной И.С.* Методологические проблемы советской криминологии. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1975. — 222 с.
15. *Кон И.С.* Социология личности. М.: Политиздат, 1967. — 383 с.
16. *Губко А.Г.* Тип нервной системы и успешность обучения // Материалы XVIII Международного психологического конгресса. Вып. 1. М., 1966. С. 364–365.
17. *Лазурский А.Ф.* Классификация личностей. М.: Гос. изд-во, 1924. — 368 с.
18. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 3. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. — 630 с.
19. *Дубинин Н.П.* Вечное движение. М.: Политиздат, 1973. — 431 с.
20. *Кикнадзе Д.А.* Потребности, поведение, воспитание. М.: Мысль, 1968. — 148 с.
21. *Макаренко А.С.* Сочинения. Т. 4. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1957. — 552 с.
22. *Дагель П.С.* Проблема «бессознательного» и некоторые вопросы вины в уголовном праве // Ученые записки Дальневосточного государственного университета. Т. 14. Владивосток, 1968. С. 79.
23. *Фрейеров О.Е.* О так называемом биологическом аспекте проблемы преступности // Советское государство и право. 1966. № 10. С. 109–113.

24. Луиц Д.Р. Проблема невменяемости в теории и практике судебной психиатрии. М.: Медицина, 1966. — 236 с.
25. Шаргородский М.Д. Научная классификация преступников и задачи исправительно-трудового права // Теоретическая конференция, посвященная вопросам советского исправительно-трудового права и советской исправительно-трудовой политики. Л., 1958. С. 9–12.
26. Беляев Н.А. Классификация преступников и ее значение // Вестник ЛГУ. 1965. № 5. С. 109–110.
27. Стручков Н.А. Советская исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1970. — 271 с.
28. Сахаров А.Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. М.: Госюриздат, 1963. — 279 с.
29. Сахаров А.Б. Личность преступника и классификация преступников // Социалистическая законность. 1973. № 3. С. 163–168.
30. Ковалев А.Г. Психологические основы исправления правонарушителя. М.: Юрид. лит., 1968. — 136 с.
31. Гальперин И.М. Об уголовной ответственности рецидивистов в свете некоторых криминологических показателей эффективности борьбы с рецидивной преступностью // Эффективность уголовно-правовых мер борьбы с преступностью. М., 1967. С. 214–255.
32. Степичев С.С., Моисеенко Г.З. Особо опасный рецидив в свете криминологического изучения рецидивистов, осужденных за грабеж и разбой // Советская юстиция. 1968. № 1. С. 19–20.
33. Гончаров А.Ф. К вопросу о криминологическом изучении рецидивной преступности // Доклады итоговой научной конференции юридических факультетов. Томск, 1968. С. 31–35.
34. Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1956. — 824 с.
35. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М.: Госюриздат, 1960. — 244 с.
36. Мясущев В.Н. Социальная психология и психология отношений // Проблемы общественной психологии. М., 1965. С. 273–285.
37. Лейкина Н.С. Личность преступника и уголовная ответственность. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. — 128 с.
38. Ласковский В. Особенности назначения условного осуждения // Советская юстиция. 1967. № 19. С. 14.
39. Изучение и предупреждение преступлений. Вып. 2. Воронеж, 1966. С. 72–74, 119–121.

References

1. Igoshev K.E. Psikhologiya prestupnykh proyavlenii sredi molodezhi [Psychology of criminal manifestations among youth]. Moscow: VSh MVD SSSR Publ., 1971. 173 p. (In Russian)
2. Kudryavtsev V.N. Kategoriya prichinnosti v sovetskoj kriminologii [The category of causality in Soviet criminology]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo [Soviet state and law]*, 1965, no. 11, pp. 80–89. (In Russian)
3. Dagal' P.S. Uchenie o lichnosti prestupnika v sovetskom ugovolnom prave [The doctrine of the identity of the criminal in the Soviet criminal law]. Vladivostok: Dal'nevost. un-ta Publ., 1970. 132 p. (In Russian)
4. Volzhenkin B.V. Obshchestvennaya opasnost' prestupnika i ee znachenie dlya ugovolnoi otvetstvennosti i nakazaniya po sovetskomu ugovolnomu pravu [Social danger of a criminal and its significance for criminal liability and punishment under Soviet criminal law]. Avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk. Leningrad, 1964. 21 p. (In Russian)
5. Bluvshstein Yu.D. Teoreticheskie voprosy statisticheskogo izucheniya lichnosti prestupnika [Theoretical issues of statistical study of the identity of the offender]. Avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk. Moscow, 1968. 20 p. (In Russian)
6. Vedernikov N.T. Izuchenie lichnosti prestupnika v protsesse rassledovaniya [The study of the identity of the offender in the process of investigation]. Avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk. Moscow, 1965. 15 p. (In Russian)
7. Korshik M.M., Stepichev S.S. Ob'em i metodika izucheniya lichnosti obvinyaemogo [The volume and methodology of studying the personality of the accused]. *Sotsialisticheskaya zakonnost' [Socialist legality]*, 1965, no. 3, pp. 43–45. (In Russian)
8. Leikina N.S. Lichnost' prestupnika i ugovolnaya otvetstvennost' [The identity of the offender and criminal liability]. Leningrad: Leningr. un-ta Publ., 1968. 128 p. (In Russian)

9. *Min'kovskii G.M.* Osobennosti klassifikatsii nesovershennoletnikh prestupnikov [Features of the classification of juvenile delinquents]. In *Voprosy izucheniya i preduprezhdeniya pravonarushenii nesovershennoletnikh. Sbornik trudov. Ch. 1* [Issues of studying and preventing juvenile delinquency. Collection of works. P. 1]. Moscow, 1970, pp. 79–91. (In Russian)
10. *Sakharov A.B.* Uchenie o lichnosti prestupnika [The doctrine of the personality of the criminal]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet state and law], 1968, no. 9, pp. 64–69. (In Russian)
11. *Filimonov V.D.* Obshchestvennaya opasnost' lichnosti prestupnika [The public danger of the identity of the offender]. Tomsk: Tom. un-ta Publ., 1970. 277 p. (In Russian)
12. Lichnost' prestupnika. Uголовно-правовое i kriminologicheskoe issledovanie [The identity of the offender. Criminal law and criminological research]. Scientific. ed. B.S. Volkov. Kazan': Kazan. un-ta Publ., 1972. 187 p. (In Russian)
13. *Noi I.S.* Lichnost' prestupnika i ee znachenie v izuchenii prestupnosti v usloviyakh sotsialisticheskogo obshchestva [The identity of the offender and its significance in the study of crime in a socialist society]. In *Voprosy uголовного i ispravitel'no-trudovogo prava, uголовного protsessa i kriminalistiki. Uchenye zapiski Saratovskogo yuridicheskogo instituta. Vyp. XVI* [Issues of criminal and correctional labor law, criminal procedure and criminalistics. Scientific notes of the Saratov Law Institute. Issue XVI]. Saratov, 1969, pp. 5–24. (In Russian)
14. *Noi I.S.* Metodologicheskie problemy sovetskoi kriminologii [Methodological problems of Soviet criminology]. Saratov: Sarat. un-ta Publ., 1975. 222 p. (In Russian)
15. *Kon I.S.* Sotsiologiya lichnosti [Sociology of personality]. Moscow: Politizdat Publ., 1967. 383 p. (In Russian)
16. *Gubko A.G.* Tip nervnoi sistemy i uspekhnost' obucheniya [Type of the nervous system and learning success]. In *Materialy XVIII Mezhdunarodnogo psikhologicheskogo kongressa. Vyp. 1* [Proceedings of the XVIII International Psychological Congress. Issue 1]. Moscow, 1966, pp. 364–365. (In Russian)
17. *Lazurskii A.F.* Klassifikatsiya lichnostei [Classification of personalities]. Moscow: Gos. izd-vo Publ., 1924. 368 p. (In Russian)
18. *Marx K., Engels F.* Sochineniya. T. 3 [Works. V. 3]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1955. 630 p. (In Russian)
19. *Dubin N.P.* Vechnoe dvizhenie [Perpetual motion]. Moscow: Politizdat Publ., 1973. 431 p. (In Russian)
20. *Kiknadze D.A.* Potrebnosti, povedenie, vospitanie [Needs, behavior, education]. Moscow: Mysl' Publ., 1968. 148 p. (In Russian)
21. *Makarenko A.S.* Sochineniya. T. 4 [Works. V. 4]. Moscow: Akad. ped. nauk RSFSR Publ., 1957. 552 p. (In Russian)
22. *Dagel' P.S.* Problema "bessoznatel'nogo" i nekotorye voprosy viny v uголовном prave [The problem of the "unconscious" and some questions of guilt in criminal law]. In *Uchenye zapiski Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo universiteta. T. 14* [Scientific Notes of the Far Eastern State University. V. 14]. Vladivostok, 1968, p. 79. (In Russian)
23. *Freierov O.E.* O tak nazyvaemom biologicheskom aspekte problemy prestupnosti [On the so-called biological aspect of the problem of crime]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet state and law], 1966, no. 10, pp. 109–113. (In Russian)
24. *Lunts D.R.* Problema nevmenyaemosti v teorii i praktike sudebnoi psikhiiatrii [The problem of insanity in the theory and practice of forensic psychiatry]. Moscow: Meditsina Publ., 1966. 236 p. (In Russian)
25. *Shargorodskii M.D.* Nauchnaya klassifikatsiya prestupnikov i zadachi ispravitel'no-trudovogo prava [Scientific classification of criminals and tasks of corrective labor law]. In *Teoreticheskaya konferentsiya, posvyashchennaya voprosam sovetskogo ispravitel'no-trudovogo prava i sovetskoi ispravitel'no-trudovoi politiki* [Theoretical conference dedicated to the issues of Soviet corrective labor law and Soviet corrective labor policy]. Leningrad, 1958, pp. 9–12. (In Russian)
26. *Belyaev N.A.* Klassifikatsiya prestupnikov i ee znachenie [Classification of criminals and its meaning]. *Vestnik LGU* [Bulletin of Leningrad State University], 1965, no. 5, pp. 109–110. (In Russian)
27. *Struchkov N.A.* Sovetskaya ispravitel'no-trudovaya politika i ee rol' v bor'be s prestupnost'yu [Soviet corrective labor policy and its role in the fight against crime]. Saratov: Sarat. un-ta Publ., 1970. 271 p. (In Russian)
28. *Sakharov A.B.* O lichnosti prestupnika i prichinakh prestupnosti v SSSR [On the identity of the criminal and the causes of crime in the USSR]. Moscow: Gosyurizdat Publ., 1963. 279 p. (In Russian)

29. *Sakharov A.B.* Lichnost' prestupnika i klassifikatsiya prestupnikov [The identity of the offender and the classification of criminals]. *Sotsialisticheskaya zakonnost' [Socialist legality]*, 1973, no. 3, pp. 163–168. (In Russian)
30. *Kovalev A.G.* Psikhologicheskie osnovy ispravleniya pravonarushitelya [Psychological bases of correction of the offender]. Moscow: Yurid. lit. Publ., 1968. 136 p. (In Russian)
31. *Gal'perin I.M.* Ob ugolovnoi otvetstvennosti retsidivistov v svete nekotorykh kriminologicheskikh pokazatelei effektivnosti bor'by s retsidivnoi prestupnost'yu [On the criminal liability of recidivists in the light of some criminological indicators of the effectiveness of the fight against recidivism]. In *Effektivnost' ugolovno-pravovykh mer bor'by s prestupnost'yu [Efficiency of criminal law measures to combat crime]*. Moscow, 1967, pp. 214–255. (In Russian)
32. *Stepichev S.S., Moiseenko G.Z.* Osobo opasnyi retsidiv v svete kriminologicheskogo izucheniya retsidivistov, osuzhdennykh za grabezh i razboi [A particularly dangerous recidivism in the light of the criminological study of recidivists convicted of robbery and robbery]. *Sovetskaya yustitsiya [Soviet Justice]*, 1968, no. 1, pp. 19–20. (In Russian)
33. *Goncharov A.F.* K voprosu o kriminologicheskom izuchenii retsidivnoi prestupnosti [To the question of the criminological study of recidivism]. In *Doklady itogovoi nauchnoi konferentsii yuridicheskikh fakul'tetov [Reports of the final scientific conference of law faculties]*. Tomsk, 1968, pp. 31–35. (In Russian)
34. *Plekhanov G.V.* Izbrannye filosofskie proizvedeniya. T. 2 [Selected Philosophical Works. V. 2]. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1956. 824 p. (In Russian)
35. *Kudryavtsev V.N.* Ob'ektivnaya storona prestupleniya [The objective side of the crime]. Moscow: Gosyurizdat Publ., 1960. 244 p. (In Russian)
36. *Myasishchev V.N.* Sotsial'naya psikhologiya i psikhologiya otnoshenii [Social psychology and psychology of relations]. *Problemy obshchestvennoi psikhologii [Problems of social psychology]*. Moscow, 1965, pp. 273–285. (In Russian)
37. *Leikina N.S.* Lichnost' prestupnika i ugolovnaya otvetstvennost' [The identity of the offender and criminal liability]. Leningrad: Leningr. un-ta Publ., 1968. 128 p. (In Russian)
38. *Laskovyi V.* Osobennosti naznacheniya uslovnogo osuzhdeniya [Features of the appointment of a suspended sentence]. *Sovetskaya yustitsiya [Soviet justice]*, 1967, no. 19, p. 14. (In Russian)
39. *Izucheniye i preduprezhdeniye prestuplenii. Vyp. 2 [Study and prevention of crimes. Issue 2]*. Voronezh, 1966, pp. 72–74, 119–121. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Авдеев Вадим Авдеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса Юридического института ФБГОУ ВО «Югорский государственный университет», vadim.avdeevich@mail.ru

Авдеева Ольга Анатольевна — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, Avdeeva_O_A@mail.ru

Акинина Наталья Юрьевна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правоохранительной деятельности и адвокатуры Югорского государственного университета, anu8671@mail.ru

Анисимов Иван Валерьевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры правоохранительной деятельности и адвокатуры Югорского государственного университета, adv.anis@yandex.ru

Астраханцева Екатерина Юрьевна — слушательница 181-го взвода 5-го курса Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, ekat.nikiforowa2016@yandex.ru

Бабурин Сергей Николаевич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, 1357343@mail.ru

Берндт Анастасия Анатольевна — преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса Югорского государственного университета, saguri@mail.ru

Жилкин Максим Геннадьевич — доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, zmax71@mail.ru

Зубков Дмитрий Денисович — эксперт ООО «Нижегородский экспертный союз», ассистент кафедры судебной экспертизы юридического факультета Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, gezhez@mail.ru

Квитко Антон Владимирович — аспирант кафедры уголовного права и криминологии Югорского государственного университета, kvitko2007@yandex.ru

Кемова Наталья Николаевна — соискатель по кафедре уголовного права Академии ФСИН России, natalyakoluntaeva@mail.ru

Кочупалов Роман Валериевич — магистрант Юридического института Югорского государственного университета, ko4upalovr@mail.ru

Крайнов Николай Рамазович — студент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), krajnovkola51@gmail.com

Лапшин Валерий Федорович — доктор юридических наук, доцент, проректор по научной работе Югорского государственного университета, kapitan-44@yandex.ru

Маркелова Алина Владимировна — помощник эксперта ООО «Нижегородский экспертный союз», alinamarkelovaa@mail.ru

Маснева Елизавета Вадимовна — студентка 2-го курса Института судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), elismas03@yandex.ru

Пивоваров Федор Юрьевич — эксперт Научно-образовательного центра судебных экспертиз Научно-исследовательского института, ассистент кафедры судебных экспертиз Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), senior.fp@yandex.ru

Рашитханов Руслан Салихович — студент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), ruslanrashes@gmail.com

Розенко Станислав Васильевич — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса Юридического института Югорского государственного университета, rozenko_sv@mail.ru

Сапожкина Полина Александровна — студентка Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), sapozhkinapolina@gmail.com

Трунцевский Юрий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела методологии противодействия коррупции Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессор Югорского государственного университета, trunzev@yandex.ru

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Хохрин Сергей Александрович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса юридического института Югорского государственного университета, hohrinsa@yandex.ru

Цысс Зинаида Александровна — студентка Института судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), zinaidatsyss@gmail.com

Чуканова Евгения Сергеевна — кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, cpik2021@mail.ru

Шапошников Алексей Сергеевич — аспирант Югорского государственного университета, shaposhnikovas@ugra86.ru

Шеслер Александр Викторович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса Юридического института Югорского государственного университета, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин и правоохранительной деятельности Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники, sofish@inbox.ru

Шеслер Софья Сергеевна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин и правоохранительной деятельности Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники, sofish@inbox.ru

INFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN

Akinina Natalya Yurievna — Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin, Dozentin der Abteilung für Rechtsdurchsetzung und Anwaltschaft an der Staatlichen Universität Yugra, anu8671@mail.ru

Anisimov Ivan Valeryevich — Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent der Abteilung für Rechtsdurchsetzung und Anwaltschaft an der Staatlichen Universität Yugra, adv.anis@yandex.ru

Astrakhanseva Ekaterina Yurievna — Studentin der 181. Gruppe des 5. Studienjahres Abteilung des Moskauer Gebiets der Moskauer Kikot-Universität des Innenministeriums Russlands, ekat.nikiforowa2016@yandex.ru

Avdeev Vadim Avdeevich — Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Strafverfahren Institut für Rechtswissenschaften an der Staatlichen Universität Yugra, vadim.avdeevich@mail.ru

Avdeeva Olga Anatolyevna — Doktorin der Rechtswissenschaften, Dozentin, Professorin am Lehrstuhl für öffentlich-rechtliche Disziplinen des Ostsibirischen Instituts des russischen Innenministeriums, Avdeeva_O_A@mail.ru

Baburin Sergey Nikolaevich — Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation, 1357343@mail.ru

Berndt Anastasia Anatolievna — Lektorin am Lehrstuhl für Strafrecht und Strafverfahren an der Staatlichen Universität Yugra, saguri@mail.ru

Chukanova Evgenia Sergeevna — Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin, stellvertretende Leiterin des Lehrstuhls für Strafrecht und Kriminologie der Abteilung des Moskauer Gebiets der Moskauer Kikot-Universität des Innenministeriums Russlands, upik2021@mail.ru

Cyss Zinaida Alexandrovna — Studentin am Institut für forensische Gutachten der Moskauer Staatlichen Kutafin-Rechtsuniversität (MSAL), zinaidatsyss@gmail.com

Kemova Natalia Nikolaevna — promovierende Studentin der Abteilung für Strafrecht an der Akademie des Föderalen Strafdienstes der Russischen Föderation, natalyakoluntaeva@mail.ru

Khokhrin Sergey Alexandrovich — Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Dozent am Lehrstuhl für Strafrecht und Strafverfahren des Juristischen Instituts an der Staatlichen Universität Yugra, hohrinsa@yandex.ru

Kochupalov Roman Valerievich — postgraduiertes Student des Juristischen Instituts der Staatlichen Universität Yugra, ko4upalovr@mail.ru

Krainov Nikolay Ramazovich — Student an der Moskauer Staatlichen Kutafin-Rechtsuniversität (MSAL), krajnovkola51@gmail.com

Kvitko Anton Vladimirovich — Postgraduiertes der Abteilung für Strafrecht und Kriminologie an der Staatlichen Universität Yugra, kvitko2007@yandex.ru

Lapshin Valery Fedorovich — Doktor der Rechtswissenschaften, Dozent, Prorektor für wissenschaftliche Arbeit an der Staatlichen Universität Yugra, kapitan-44@yandex.ru

Markelova Alina Vladimirovna — Assistenz des Sachverständigen der OOO “Expertenverband Nischni Nowgorod”, alinamarkelovaa@mail.ru

Masneva Elizaveta Vadimovna — Studentin im 2. Jahr des Instituts für forensische Untersuchungen an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität (MSAL), elismas03@yandex.ru

Pivovarov Fedor Yurievich — Experte des Wissenschafts- und Bildungszentrums für Gerichtsgutachten des Wissenschaftlichen Forschungsinstituts, Assistent der Abteilung für Gerichtsgutachten der Moskauer Staatlichen Rechtsakademie (MSAL), senior.fp@yandex.ru

Rashitkhanov Ruslan Salikhovich — Student an der Moskauer Staatlichen Juristischen Kutafin-Universität (MSAL), ruslanrashes@gmail.com

Rozenko Stanislav Vasilievich — Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Dozent der Abteilung für Strafrecht und Strafverfahren des Instituts für Rechtswissenschaften der Staatlichen Universität Yugra, rozenko_sv@mail.ru

Sapozhkina Polina Alexandrovna — Studentin an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität (MSAL), sapozhkinapolina@gmail.com

Shaposhnikov Alexey Sergeevich — postgraduiertes Student der Staatlichen Universität Yugra, shaposhnikovas@ugra86.ru

INFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN

Shesler Alexander Viktorovich — Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor der Abteilung für Strafrecht und Strafverfahren des Instituts für Rechtswissenschaften der Staatlichen Universität Yugra, Professor der Abteilung für Staatsrecht und Strafverfolgung, Staatliche Universität für Steuerungssysteme und Radioelektronik Tomsk, sofish@inbox.ru

Shesler Sofia Sergeevna — Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin, Dozentin der Abteilung für Staatsrecht und Strafverfolgung, Staatliche Universität für Steuerungssysteme und Radioelektronik Tomsk, sofish@inbox.ru

Truntsevsky Yuri Vladimirovich — Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, führender Forscher in der Abteilung für Korruptionsbekämpfungsmethodik am Institut für Gesetzgebung und Rechtsvergleichung bei der Regierung der Russischen Föderation, Professor an der Staatlichen Universität Yugra, trunzev@yandex.ru

Zhilkin Maxim Gynnadievich — Doktor der Rechtswissenschaften, außerordentlicher Professor, stellvertretender Leiter der Abteilung für Strafrecht und Kriminologie Moskauer Regionalabteilung der Moskauer Universität des Innenministeriums Russlands, benannt nach V.Ya. Kikot', zmax71@mail.ru

Zubkov Dmitry Denisovich — Sachverständiger der OOO "Expertenverband Nischni Nowgorod", Assistent der Abteilung für forensische Untersuchungen, Fakultät für Rechtswissenschaften der Staatlichen Lobatschewski-Universität Nischni Nowgorod, gezhez@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Akinina Natalya Yurievna — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor, Department of Law Enforcement and Advocacy, Yugra State University, anu8671@mail.ru

Anisimov Ivan Valeryevich — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of Law Enforcement and Advocacy, Yugra State University, adv.anis@yandex.ru

Astrakhantseva Ekaterina Yurievna — Student of the 181 group, 5th year Moscow Regional Branch of the Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, ekat.nikiforowa2016@yandex.ru

Avdeev Vadim Avdeevich — Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor at the Department of Criminal Law and Criminal Procedure Law Institute, Yugra State University, vadim.avdeevich@mail.ru

Avdeeva Olga Anatolyevna — Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of State and Legal Disciplines East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Avdeeva_O_A@mail.ru

Baburin Sergey Nikolaevich — Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, 1357343@mail.ru

Berndt Anastasia Anatolievna — Lecturer of the department of Criminal Law and Criminal Proceedings of the Yugra State University, saguri@mail.ru

Chukanova Evgeniya Sergeevna — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Criminal Law and Criminology Moscow Regional Branch of the Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, upik2021@mail.ru

Cyss Zinaida Alexandrovna — Student of the Institute of Forensic Expertise at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), zinaidatsyss@gmail.com

Kemova Natalia Nikolaevna — Competitor at the Department of Criminal Law Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, natalyakoluntaeva@mail.ru

Khokhrin Sergey Alexandrovich — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the Law Institute of Yugra State University, hohrinsa@yandex.ru

Kochupalov Roman Valerievich — Post-graduate student of the Law Institute of Yugra State University, ko4upalovr@mail.ru

Krainov Nikolay Ramazovich — Student at the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), krajnovkola51@gmail.com

Kvitko Anton Vladimirovich — Postgraduate Student of the Department of Criminal Law and Criminology Yugra State University, kvitko2007@yandex.ru

Lapshin Valery Fedorovich — Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, vice-rector for scientific work, Yugra State University, kapitan-44@yandex.ru

Markelova Alina Vladimirovna — Assistant Expert of OOO "Nizhny Novgorod Expert Union", alinamarkelovaa@mail.ru

Masneva Elizaveta Vadimovna — 2nd year student of the Institute of Forensic Examinations at the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), elismas03@yandex.ru

Pivovarov Fedor Yurievich — Expert of the Scientific and Educational Center for Forensic Science of the Scientific Research Institute, assistant of the Department of Forensic Science of the Moscow State Academy of Law (MSAL), senior.fp@yandex.ru

Rashitkhanov Ruslan Salikhovich — Student of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), ruslanrashs@gmail.com

Rozenko Stanislav Vasilievich — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the Law Institute of Yugra State University, rozenko_sv@mail.ru

Sapozhkina Polina Alexandrovna — Student of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL), sapozhkinapolina@gmail.com

Shaposhnikov Alexey Sergeevich — Postgraduate Student of Yugra State University, shaposhnikovas@ugra86.ru

ABOUT THE AUTHORS

Shesler Alexander Viktorovich — Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the Law Institute of Yugra State University, Professor of the Department of State-Legal Disciplines and Law Enforcement, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, sofish@inbox.ru

Shesler Sofia Sergeevna — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines and Law Enforcement, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, sofish@inbox.ru

Truntsevsky Yuri Vladimirovich — Doctor of Legal Sciences, Professor, Leading Researcher at the Anti-Corruption Methodology Department of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Professor at Yugra State University, trunzev@yandex.ru

Zhilkin Maxim Gynnadievich — Doctor of law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Criminal Law and Criminology Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', zmax71@mail.ru

Zubkov Dmitry Denisovich — Expert of OOO “Nizhny Novgorod Expert Union”, Assistant of the Department of Forensic Examination, Faculty of Law, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, gezhez@mail.ru

ZUSAMMENFASSUNG UND STICHWÖRTER

Zum 100. Jahrestag des Allrussischen Kongresses der Strafvollzugsmitarbeiter in Moskau (18–24 Oktober 1923)

Zhilkin Maxim Gynnadievich, Chukanova Evgenia Sergeevna

Ziel: die Ergebnisse des Kongresses der Angestellten der Haftanstalten zu analysieren, der nach der Vereinigung aller Haftanstalten im Jahr 1922 in einer Abteilung — GUMZ NKVD RSFSR — abgehalten wurde; die Aufgaben zu untersuchen, die mit der Umsetzung der Strafvollzugs- und Arbeitsbesserungspolitik des Staates verbunden waren.

Methodologie: dialektische, systemische, formaljuristische und historisch-juristische Erkenntnismethoden.

Schlussfolgerungen. Der Kongress der Strafvollzugsarbeiter war die wichtigste Etappe bei der Schaffung der Grundlagen der Strafvollzugs- und Arbeitsbesserungspolitik der RSFSR. In erster Linie wurde ihm ein Klassencharakter verliehen, um die Durchführung von Repressionen gegen die Feinde der Sowjetmacht zu gewährleisten. Die wichtigste Voraussetzung für den Strafvollzug war die Einführung des Selbstzahlungsprinzips, das es ermöglichte, die Häftlinge nicht nur mit Arbeit zu beschäftigen, sondern sie auch beruflich auszubilden.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Möglichkeit, die historischen Erfahrungen der sowjetischen staatlichen Gesetzgebung und Praxis des Strafvollzugs durch Inhaftierung für die Verbesserung des Strafvollzugssystems in der gegenwärtigen Entwicklungsphase zu nutzen.

Stichwörter: Mitarbeiterkongress, Straf- und Arbeitsbesserungspolitik des Staates, Klassencharakter, Selbstzahlungsprinzip der Haftplätze, Feinde der Sowjetmacht, Staatsbehörden, Repressionen.

Rechtsgrundlagen für die Umsetzung von Anti-Terror-Maßnahmen auf internationaler Ebene

Avdeev Vadim Avdeevich, Avdeeva Olga Anatolyevna

Ziel: Der Beitrag spiegelt die aktuellen Probleme der rechtlichen Regulierung der Methoden und Mittel zur Umsetzung von Anti-Terror-Maßnahmen wider, die in den nationalen Rechtssystemen aufgetreten sind. Der Prozess der Bildung von Rechtsgarantien, die im Völkerrecht verankert sind, wird analysiert. Es wird festgestellt, dass internationale Rechtsakte, in denen allgemein anerkannte Menschenrechte und Freiheiten erklärt werden, die Pflicht jedes Staates begründen, ihre Einhaltung und ihren Schutz auf nationaler Ebene zu gewährleisten. Die Bildung universeller Anti-Terror-Maßnahmen auf internationaler Ebene ist eine der aktuellen Bereiche der Verbrechensverhütung und -bekämpfung. Um dieses Ziel zu erreichen, müssen universelle internationale Rechtskonzepte entwickelt werden, an denen sich die nationalen Rechtssysteme bei der Umsetzung von Anti-Terror-Maßnahmen orientieren. Es werden die Besonderheiten der Kriminalpolitik bei der Umsetzung von Anti-Terror-Maßnahmen in Russland und im Ausland aufgezeigt. Besondere Aufmerksamkeit wird den modernen Problemen der Gewährleistung der öffentlichen Sicherheit im Kontext der Globalisierung des internationalen Lebens gewidmet.

Methodologie: Die Bewertung der Auswirkungen der Maßnahmen stützt sich auf statistische und soziologische Forschungsmethoden.

Schlussfolgerungen. Es wird festgestellt, dass bei der Entwicklung rechtlicher Maßnahmen zur Bekämpfung des Terrorismus als gesellschaftlich negatives Phänomen das menschliche Leben und die menschliche Gesundheit, die menschliche Freiheit, die Unverletzlichkeit und die öffentliche Sicherheit als Hauptobjekte des rechtlichen Schutzes anerkannt werden. Die Schlussfolgerung lautet, dass im Zuge eines konsequenten Vorgehens der internationalen Gemeinschaft zur Bekämpfung des Terrorismus eine Vereinheitlichung des legislativen Ansatzes auf nationaler Ebene erforderlich ist.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Entwicklung universeller Anti-Terror-Maßnahmen auf internationaler Ebene gehört zu den vorrangigen Bereichen der Verbrechensverhütung und bildet die Grundlage für weitere Überlegungen zur Lehre und zur Lösung theoretischer Probleme bei der Bekämpfung terroristischer Straftaten. Neue Richtungen der Kriminalpolitik, die auf die Modernisierung des Strafrechts und der Strafverfolgung ausgerichtet sind, müssen entwickelt und umgesetzt werden.

Stichwörter: internationales Recht, terroristische Kriminalität, Kriminalpolitik, Anti-Terror-Maßnahmen, Kriminalprävention, Verbrechensverhütung.

Verhinderung der Verbreitung einer destruktiven Ideologie unter Minderjährigen im Internet durch Spielinhalte

Akinina Natalya Yurievna, Anisimov Ivan Valeryevich, Kochupalov Roman Valerievich

Ziel: ist es, eine Analyse der Spielinhalte von Computerspielen zu erstellen, die eine destruktive Ideologie verbreiten, und Vorschläge zu formulieren, um deren Verbreitung unter Minderjährigen im Internet zu verhindern.

Methodologie: die direkten analytischen Schlussfolgerungen wurden auf der Grundlage von Analyse-, Synthese- und Verallgemeinerungsmethoden sowie der Inhaltsanalyse von Computerspielen im Internet und der Befragung von Spielern gezogen.

Schlussfolgerungen. Die restriktiven und prohibitiven Maßnahmen zur Verhinderung der Verbreitung einer destruktiven Ideologie unter Minderjährigen durch Spielinhalte sind unzureichend, da es einen Piratenmarkt gibt, auf dem beliebige Spielinhalte, einschließlich offiziell verbotener Inhalte, verbreitet werden. Dieses Problem kann nur durch die Entwicklung einer eigenen Spieleindustrie unter strenger Kontrolle des Staates und der Gesellschaft über die veröffentlichten Inhalte und durch die Bereitstellung wirtschaftlicher Unterstützungsmaßnahmen für russische Spieleunternehmen gelöst werden.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Diese Untersuchung bildet die Grundlage für die Entwicklung von Vorschlägen zur Verhinderung der Verbreitung einer destruktiven Ideologie unter Minderjährigen im Internet durch Spielinhalte.

Stichwörter: Spielinhalte, Minderjährige, destruktive Ideologie, Prävention.

Verhinderung des Einzelhandelsverkaufs von Produkten an Minderjährige, die sich negativ auf ihre Sozialisation und Gesundheit auswirken

Berndt Anastasia Anatolievna

Ziel: Ausarbeitung von Empfehlungen zur Verhinderung des Einzelhandelsverkaufs von Produkten an Minderjährige, die sich negativ auf diese auswirken.

Methodologie: Direkte analytische Schlussfolgerungen in der Arbeit werden auf der Grundlage von Analysemethoden, Synthese, Hypothesen sowie der Analyse von Dokumenten und Informationsquellen zur Verallgemeinerung der Praxis von Kontroll- und Aufsichtsorganen, öffentlichen Organisationen und Einzelhandelsgeschäften gezogen.

Schlussfolgerungen. Zur Verhinderung des Einzelhandelsverkaufs von Produkten an Minderjährige, die sich negativ auf deren Sozialisation und Gesundheit auswirken, sind folgende Maßnahmen erforderlich: Optimierung des Systems der staatlichen Kontrolle in diesem Bereich, wobei von Zwangsmaßnahmen zu einem System der freundlichen Kontrolle und der Förderung des rechtmäßigen Verhaltens der Unternehmen übergegangen werden soll; Entwicklung einer programmatischen Methode zur Verhinderung von Straftaten im Bereich des Einzelhandels mit diesen Produkten; Einbeziehung von Nichtregierungsorganisationen und Bürgern in die Verhütung von Straftaten, auch im Einzelhandel, u.a. durch Aufklärungsarbeit, Verteilung von Informationsmaterial, Benachrichtigung der Strafverfolgungs- und Aufsichtsbehörden über festgestellte Straftaten im Einzelhandel; Einführung eines freiwilligen Systems der internen Kontrolle (Compliance) in Einzelhandelsorganisationen (Aktivitäten einzelner Unternehmer) im Austausch gegen eine freundliche Kontrolle durch staatliche Behörden.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die vorliegende Untersuchung bildet die Grundlage für die Verhinderung von Verstößen beim Einzelhandelsverkauf von Produkten an Minderjährige, die sich negativ auf diese auswirken.

Stichwörter: Alkoholprodukte, Tabakprodukte, nikotinhaltige Produkte, alkoholfreie Tonic-Getränke, Minderjährige, Straftat, Prävention.

Öffentliche Ordnung und digitale Sicherheit als moderne Objekte des strafrechtlichen Schutzes

Lapshin Valery Fedorovich, Kemova Natalia Nikolaevna

Ziel: Nachweis der fehlenden Notwendigkeit, einen gesonderten Gegenstand des strafrechtlichen Schutzes in Form von Öffentlichkeitsarbeit im Zusammenhang mit der Nutzung von Informations- und Telekommunikationsnetzen, digitalen Technologien und den Ergebnissen ihrer Anwendung zu bilden.

Methodologie: dialektische Methode, Induktion, Deduktion, Synthese, Systematisierung und Klassifikation, juristische Inhaltsanalyse.

Schlussfolgerungen. Moderne soziale Beziehungen, die im Bereich der Schaffung und Nutzung von High-Tech-Objekten und Kommunikationsmitteln entstehen, weisen keine spezifischen Merkmale auf, die für das Subjekt eines

separaten Rechtsgebiets charakteristisch sind. Die in der wissenschaftlichen Literatur verwendeten Begriffe "Digitale Beziehungen", "Cyber-Ordnung" usw. charakterisieren soziale Beziehungen, die Bestandteil der öffentlichen Ordnung sind, also bereits strafrechtlich geschützt sind.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die theoretische Bedeutung der gewonnenen Ergebnisse wird auf die Notwendigkeit reduziert, Informations- und Telekommunikationsnetze, digitale Technologien und die Ergebnisse ihrer Nutzung als Mittel zur Differenzierung der strafrechtlichen Verantwortlichkeit zu untersuchen. Die praktische Bedeutung der Studienergebnisse wird in der Begründung für eine deutliche Erhöhung der öffentlichen Gefährlichkeit einer mit diesen hochtechnologischen Produktions- und Kommunikationsmitteln begangenen Straftat gesehen. Diese Schlussfolgerungen können sowohl bei der Bildung von qualifizierenden Merkmalen der Tatbestandsmerkmale, die in verschiedene allgemeine Gegenstände des strafrechtlichen Schutzes eingreifen, als auch bei der Wahl der Art und Höhe der Strafe für die Begehung einer Straftat mit den aufgeführten Mitteln berücksichtigt werden.

Stichwörter: digitale Beziehungen, Cyber-Ordnung, öffentliche Ordnung, Gegenstand der gesetzlichen Regelung, Gegenstand des strafrechtlichen Schutzes, Informations- und Telekommunikationsnetze, Mittel zur Abgrenzung der strafrechtlichen Verantwortlichkeit, Grad der öffentlichen Gefährlichkeit einer Straftat.

Zur Untersuchung der kriminellen Identität in Solovki: ein historischer Aspekt

Truntsevsky Yuri Vladimirovich

Ziel: die Tätigkeit von Fachleuten verschiedener Bereiche (Juristen, Soziologen, Pädagogen, Psychiater, Anthropologen) auf dem Gebiet der Erforschung der kriminellen Identität und der Kriminalität war in unserem Land seit Beginn des 20. Jahrhunderts auf die eine oder andere Weise mit dem Staatlichen Institut für Kriminalitätsforschung (heute – Institut für Gesetzgebung und Rechtsvergleichung der Regierung der Russischen Föderation) verbunden. Seine Mitarbeiter leisteten wissenschaftliche und methodische Unterstützung für die in jenen Jahren eingerichteten kriminologischen Laboratorien. Eines dieser Forschungslabors war die kriminologische Praxis der Solovetsky-Gesellschaft für Lokalgeschichte. Ziel der Untersuchung ist es, die Bedeutung kriminologischer Studien in den 20er Jahren des 20. Jahrhunderts auf Solovki aufzuzeigen.

Methodologie: es wurden Methoden angewandt, um die historischen Muster anhand ihrer konkreten Erscheinungsformen zu untersuchen – historische Tatsachen, Methoden zur Gewinnung neuer Erkenntnisse aus den Tatsachen, insbesondere die Rolle des Staatlichen Instituts für das Studium des Verbrechens und der Kriminalität bei der Bildung der sowjetischen Kriminologie.

Schlussfolgerungen. Die Solovetsky-Kriminologen entwickelten eine einheitliche Sicht auf die allgemeinen Grundlagen der Kriminologie und prüften abstrakte Beispiele anhand von konkretem Material. Trotz der Isolierung ihrer Arbeit vom Zentrum des Landes hatten sie sehr günstige Bedingungen für ihre Arbeit. Das Solovetsky-Lager mit seiner vielfältigen Häftlingsbevölkerung war ein wahres Laboratorium der Kriminologie.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Existenz eines unabhängigen, nicht vernetzten kriminologischen Labors – des Lagers Solovetsky, das ein unerschöpfliches Feld für die kriminologische Beobachtung, Sammlung und Fixierung von Materialien zu Strafvollzugsthemen bot – wird in die nationale Kriminologie eingebracht.

Stichwörter: M.N. Gernet, Kriminalität, Kriminologie, Forschung, Anthropologie, Straftäter, Institut für Recht, Studie, Labor, Prävention, Untersuchung, Tätigkeit der Gefangenen.

Sozioökonomische Maßnahmen zur Verhinderung von Gefängnisstrafkriminalität

Khokhrin Sergey Alexandrovich

Ziel: die Ausarbeitung von sozioökonomischen Maßnahmen zur Verhinderung von Gefängnisstrafkriminalität ist eines der wichtigsten Elemente ihrer Prävention. Dies wird durch die Konzeption der Entwicklung des Strafvollzugssystems der Russischen Föderation bis 2030, das durch die Anordnung Nr. 1138-r vom 29. April 2021 gebilligt wurde, sowie durch das Grundforschungsprogramm der Russischen Föderation für den langfristigen Zeitraum (2021–2030) in Bezug auf die Entwicklung alternativer sozialer Maßnahmen zur Verhinderung und Unterdrückung kriminellen Verhaltens in der Gesellschaft des Strafvollzugs bestätigt, was zu der Schlussfolgerung führt, dass neue Formen der Beschäftigung von Häftlingen gefunden werden sollten. Eine der Maßnahmen wirtschaftlicher Art ist die Organisation von Arbeitsverhältnissen und die Erzielung von Löhnen für Häftlinge.

Methodologie: die Methode der statistischen Beobachtung wurde beim Studium der Dokumente, bei der Durchführung und Gruppierung des Erhebungsmaterials, bei der Bestimmung absoluter und relativer statistischer

Werte, bei der Stichprobenziehung, bei der Datenanalyse und bei der Untersuchung der Dynamik der Indikatoren ausgiebig angewandt.

Schlussfolgerungen. Die Beteiligung juristischer und natürlicher Personen an der Einrichtung solcher organisatorischen und rechtlichen Unternehmensformen wie öffentlich-privater Partnerschaften für die Organisation von Arbeitsplätzen für Strafgefangene ermöglicht die Schaffung zusätzlicher Arbeitsplätze und die Zahlung von Löhnen an Strafgefangene. Darüber hinaus werden den Häftlingen Berufe angeboten, die auf dem Arbeitsmarkt gefragt sind. Die Verfügbarkeit von Geldern auf persönlichen Konten ermöglicht es den Häftlingen, die Kosten für Versorgungsleistungen zu decken, Verwandten zu helfen und soziale Bindungen aufrechtzuerhalten. Die Bereitschaft und Möglichkeit der Verurteilten, Forderungen zu begleichen, ist eine der Bedingungen für die Umwandlung des noch ausstehenden Teils der Strafe in eine mildere Form sowie für die Gewährung einer Entlassung auf Bewährung.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Erarbeitung sozialer und wirtschaftlicher Maßnahmen zur Vorbeugung von Straftaten im Strafvollzug ermöglicht es, diese für die Weiterentwicklung der theoretischen Probleme der Kriminalität, ihrer Varianten, der Entwicklung von Präventivmaßnahmen, der Verbesserung der Strafgesetzgebung sowie der Tätigkeit des Strafvollzugssystems zu nutzen.

Stichwörter: Strafvollzugskriminalität, Strafvollzugsanstalten, Sträflinge, Determinanten, Arbeit der Sträflinge, Angestellte, Löhne, Haftbedingungen.

Spezielle (organisatorische und verwaltungstechnische) Maßnahmen zur Bekämpfung der Umweltkriminalität

Shaposhnikov Alexey Sergeevich

Ziel: auf der Grundlage der Analyse der Rechtsnatur spezieller (organisatorischer und verwaltungstechnischer) Maßnahmen zur Bekämpfung der Umweltkriminalität Maßnahmen zur Verbesserung ihrer Wirksamkeit vorzuschlagen.

Methodologie: dialektische Methode, formal-logische Methoden, einschließlich Analyse, Synthese und statistische Methode.

Schlussfolgerungen. Die laufende Reform der Kontrolltätigkeit (Aufsicht) ist in Bezug auf die Bekämpfung der Umweltkriminalität unwirksam, so dass es notwendig ist, den Ansatz für die Organisation der Kontrolltätigkeit (Aufsicht) im Bereich der Umweltrechtsbeziehungen zu überarbeiten, wobei die hohe öffentliche Gefährlichkeit von Umweldelikten als selbstverständlich anerkannt wird und die Durchführung der Kontrolltätigkeit ohne zusätzliche administrative Hürden sanktioniert werden soll.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Zum ersten Mal wurde die Reform der Kontrolltätigkeit im Hinblick auf ihre Auswirkungen auf die Bekämpfung der Umweltkriminalität analysiert. Darüber hinaus wurde festgestellt, dass es keine rechtliche Definition der Begriffe "zwingende Anforderung" und "Verstoß gegen die zwingende Anforderung" gibt, die Gegenstand der Regulierung der Gesetzgebung über die Kontrolltätigkeit (Aufsicht) sind. Der Beitrag schlägt die Definitionen des Verfassers vor, aus denen hervorgeht, dass zwingende Anforderungen Rechtsnormen sind, deren Einhaltung im Rahmen der Kontrolltätigkeit geprüft wird, und dass die Verletzung zwingender Anforderungen eine Straftat ist, die im Rahmen der Kontrolltätigkeit festgestellt wird und im Allgemeinen Anzeichen einer Straftat oder einer Ordnungswidrigkeit enthält.

Stichwörter: Umweltkriminalität, Umweltverbrechen, Bekämpfung von Umweltkriminalität, Kontroll- (Aufsichts-) Tätigkeit, zwingende Anforderung, Verletzung der zwingenden Anforderung.

Besonderheiten der Terrorismusprävention unter Jugendlichen in Russland

Rozenko Stanislav Vasilievich

Ziel: infolge der Entwicklung der Informationsgesellschaft ist die Notwendigkeit, terroristische Ideologie unter Jugendlichen in der Russischen Föderation zu verhindern, besonders wichtig geworden. In dieser Hinsicht ist es notwendig, neue Richtungen der Vorbeugung von destruktiver und terroristischer Ideologie zu identifizieren, die durch die Informationskommunikation einen individuellen Charakter haben. Die terroristische Ideologie der Gegenwart ist ein Mittel der Informationskriegsführung, was ihre soziale Gefährlichkeit erheblich erhöht und eine Analyse ihrer systemischen Eigenschaften erfordert. Die Bedeutung der Informationskriege besteht darin, dass sie für die Bevölkerung zu einem Element der alltäglichen Realität geworden sind, was die Schaffung eines wirksamen Mechanismus zur Verhinderung des Terrorismus unter Jugendlichen erfordert.

Methodologie: bei der Untersuchung wurden die dialektische Methode, die kritische Analyse, die historische und juristische Methode, die Inhaltsanalyse, die systemischen, soziologischen, vergleichenden und juristischen Methoden aktiv eingesetzt. Es wurde ein interdisziplinärer Ansatz verfolgt.

Schlussfolgerungen. Die Hauptfaktoren, die die Schwierigkeiten bei der wirksamen Lösung des Problems der Terrorismusprävention unter Jugendlichen kennzeichnen, sind eine Reihe objektiver und subjektiver Umstände. Als spezifische Richtungen der Umsetzung der Terrorismusprävention unter russischen Jugendlichen werden folgende vorgeschlagen: Maßnahmen zur Terrorismusprävention werden als obligatorisches Element des Systems von Maßnahmen zur Verhinderung asozialen Verhaltens junger Menschen im Allgemeinen gebildet und entwickelt; die Prävention sollte einen individuellen Ansatz für junge Menschen enthalten, die einen "komplizierten" sozialen Status haben oder zuvor Straftaten begangen haben; die Schaffung von spezialisierten Einrichtungen mit einer spezifischen präventiven Ausrichtung, nämlich gegen destruktive und terroristische Ideologie, ist notwendig.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Erarbeitung sozialer und wirtschaftlicher Maßnahmen zur Vorbeugung terroristischer Aktivitäten und Ideologien ermöglicht es, diese für die weitere Erforschung theoretischer Probleme des Verbrechens und seiner Varianten, für die Verankerung präventiver Maßnahmen im öffentlichen Bewusstsein, für die Vervollkommnung der russischen Strafgesetzgebung und auch für die Tätigkeit der Strafverfolgungsbehörden der Russischen Föderation zu nutzen.

Stichwörter: Terrorismus, Prävention, Gegenmaßnahmen, Jugend, Determinanten, terroristische Ideologie, Informationstechnologie, Extremismus, Persönlichkeit des Terroristen, Informationssicherheit, öffentliches Bewusstsein.

Richtlinien zur Verbesserung der Prävention von Jugendbandenkriminalität

Shesler Alexander Viktorovich, Shesler Sofia Sergeevna

Ziel ist es, Vorschläge zur Verbesserung der Prävention von Jugendbandenkriminalität in der Polizeiarbeit zu entwickeln.

Methodologie: Die in dem Beitrag enthaltenen Ergebnisse beruhen auf der dialektischen Methode der Erkenntnis der Gruppenjugendkriminalität als soziales und rechtliches Phänomen, das sich unter dem Einfluss gesellschaftlicher Prozesse verändert. Als spezifische Methoden wurden die vergleichend-historische Methode, die es ermöglichte, verschiedene Erscheinungsformen der Jugendbandenkriminalität im Zeitraum 1980-2020 aufzuzeigen, und die statistische Methode, die es ermöglichte, das Ausmaß der Jugendbandenkriminalität im Zeitraum 1980-2020 zu bestimmen, verwendet. Es war auch die statistische Methode, die es ermöglichte, die Struktur der von Gruppen von Minderjährigen in diesem Zeitraum begangenen Straftaten zu ermitteln, die Methode der Dokumentenanalyse, die es ermöglichte, die Dokumentation der russischen Polizei zu studieren, die ihre Aktivitäten zur Prävention von Gruppendedelikten von Minderjährigen widerspiegelt, sowie wissenschaftliche und journalistische Quellen zu den genannten Problemen zu studieren.

Schlussfolgerungen. Die durchgeführte Untersuchung ermöglichte es, Mängel in der polizeilichen Tätigkeit zur Prävention von Jugendgruppendedelikten aufzudecken. Der Beitrag weist auf folgende Defizite einer solchen Prävention hin: Das sich verändernde Handlungsfeld von Gruppen jugendlicher Straftäter in Abhängigkeit von sozialen Prozessen in der Gesellschaft sowie das sich verändernde Kommunikationssystem in diesen Gemeinschaften, der Übergang von realen Kontakten zwischen Gruppenteilnehmern zur virtuellen Kommunikation mit Hilfe digitaler Technologien werden nicht berücksichtigt; die Prävention konzentriert sich hauptsächlich auf kleine und instabile Gruppen von Jugendkriminellen, die Besonderheiten der kommunikativen Verbindungen und das Thema der kriminellen Aktivitäten von stabilen kriminellen Gruppen werden nicht berücksichtigt; die Polizei interagiert nicht ausreichend mit anderen Akteuren der allgemeinen und speziellen Prävention von Jugendkriminalität, insbesondere was den Informationsaustausch betrifft; die Polizeitätigkeit konzentriert sich hauptsächlich auf die Überwachung der Aktivitäten der Teilnehmer der Gruppen, die im Präventionsregister eingetragen sind; geringe Aktivität der Polizeibeamten bei der Identifizierung von Erwachsenen, die an der Begehung von Straftaten und antisozialen Aktivitäten durch Minderjährige in Gruppen beteiligt sind. Die aufgezeigten Schwachpunkte in der Polizeiarbeit gaben die entsprechenden Vorschläge zur Verbesserung der Prävention von Jugendkriminalität in Gruppen vor.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Forschungsergebnisse ermöglichten es uns, konkrete Vorschläge zur Verbesserung der Prävention von Jugendbandenkriminalität in der Polizeiarbeit zu entwickeln.

Stichwörter: Minderjährige, kriminelle Gruppe, Gruppenkriminalität, Kriminalprävention.

Allgemeine und besondere Maßnahmen zur Verhütung von Umweltkriminalität

Kvitko Anton Vladimirovich

Ziel: die Umweltsicherheit in Russland ist ein integraler Bestandteil der nationalen Sicherheit. Organisierte Aktivitäten zur Verhinderung von Verstößen gegen die Umweltgesetzgebung sollten ein vielschichtiges und systematisches Vorgehen der Exekutivbehörden, der lokalen Selbstverwaltung und der Gesellschaft darstellen. In dem Beitrag wird der Autor moderne allgemeine und besondere Maßnahmen zur Verhütung von Umweltkriminalität in Russland betrachten, die wichtigsten Determinanten für die Begehung dieser Kategorie von Straftaten benennen sowie präventive Maßnahmen aufzeigen. Auf der Grundlage analytischer Informationen wird ein kriminologisches Porträt der Personen, die Umweltkriminalität begangen haben, sowie die wichtigsten natürlichen Objekte und Komponenten des kriminellen Eingriffs erstellt. Im Beitrag begründet der Autor die Notwendigkeit, neue präventive Methoden zu entwickeln, die den modernen Herausforderungen und Bedrohungen der Ökologie des Landes entsprechen, sowie die Umweltkriminalität zu bekämpfen.

Methodologie: Analyse, Synthese, Deduktion, formale juristische Methode, systematische Methode, interdisziplinäre juristische Forschungsmethode.

Schlussfolgerungen. Verbesserung der Prävention von Umweltkriminalität und Gewährleistung der Unvermeidbarkeit strafrechtlicher Sanktionen für die begangene Tat.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Vorschlag neuer moderner kriminologischer Methoden zur Bekämpfung der Umweltkriminalität unter Berücksichtigung des Potenzials innovativer digitaler, satellitengestützter und geografischer Ortungsmöglichkeiten, um die Latenz der untersuchten Kategorie von Straftaten zu verringern. Die Ermittlung des Niveaus der latenten Kriminalität im Bereich der Umwelt wird es ermöglichen, die strategischen Ziele im Bereich der ökologischen Sicherheit Russlands wirksam umzusetzen.

Stichwörter: Umweltsicherheit, Verbrechen, Verbrechensverhütung, Latenz, Gesetz, Tat, Verbrechensbekämpfung, Unvermeidbarkeit der Strafe.

Schutz der Umwelt und der wirtschaftlichen Interessen im Bereich der Gewinnung und des Handels von Edelsteinen und Halbedelsteinen: Herausforderungen und Lösungen

Astrakhantseva Ekaterina Yurievna

Ziel: Streitfragen, die sich in der Strafverfolgungspraxis bei der Qualifikation von Verbrechen und Vergehen im Zusammenhang mit der Gewinnung und dem Handel mit Edelsteinen und Halbedelsteinen ergeben, zu prüfen, zu analysieren und Empfehlungen zur Lösung dieser Probleme zu geben.

Methodologie: Abzug, Analyse, Beschreibung, formal-rechtliche Methode.

Schlussfolgerungen. Der Beitrag behandelt die Probleme und Streitfragen im Zusammenhang mit dem Schutz der Umwelt und der wirtschaftlichen Interessen des Staates bei der Verwendung von Edelsteinen und Halbedelsteinen, analysiert verschiedene Standpunkte und bietet Empfehlungen und Schlussfolgerungen, die für die Justiz und die Strafverfolgung von praktischer Bedeutung sind. Es wird festgestellt, dass die moderne Gesetzgebung keine umfassende Liste von Halbedelsteinen enthält, was in der Strafverfolgungspraxis zu Schwierigkeiten führt. Auch die Unklarheit bei der Definition des Straftatbestands, der Auslegung der verwaltungsrechtlichen Präjudizien und der Bestimmung der gesellschaftsgefährlichen Folgen wird berücksichtigt. Es wird der Schluss gezogen, dass die Lösung dieser Probleme eingehende theoretische Untersuchungen und die Festlegung eines einheitlichen Ansatzes für die Qualifikation von Straftaten und Ordnungswidrigkeiten in diesem Bereich erfordert.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Der Beitrag behandelt aktuelle Probleme im Zusammenhang mit dem Schutz der Ökologie und der wirtschaftlichen Interessen bei der Verwendung von Edelsteinen und Halbedelsteinen. Das Fehlen einer umfassenden Liste von Halbedelsteinen in der Gesetzgebung und die Mehrdeutigkeit bei der Festlegung der verwaltungsrechtlichen Präjudizien sind neue Aspekte, die weitere Forschung und Diskussion erfordern. Die Ergebnisse der Studie können für Strafverfolgungsbehörden, Staatsanwälte und Justizbehörden nützlich sein, die Fälle im Zusammenhang mit Verstößen im Bereich der Gewinnung und des Handels mit Edelsteinen und Halbedelsteinen verfolgen und verhandeln. Der Autor bietet Empfehlungen zur Lösung der Streitfragen an, die in der Praxis verwendet werden können. Dies wird dazu beitragen, ein einheitliches Konzept zu entwickeln und eine gerechtere und wirksamere Verfolgung von Verstößen in diesem Bereich zu gewährleisten.

Stichwörter: Umweltverbrechen, Bernstein, Jade, Halbedelsteine, unerlaubte Gewinnung, illegaler Handel, verwaltungsrechtliche Präjudizien, strafrechtliche Haftung, die Qualifikation von Straftaten.

Theoretische und methodische Aspekte der Feststellung des Datums der objektiven Insolvenz durch forensische Finanz- und Wirtschaftsgutachten

Zubkov Dmitry Denisovich, Markelova Alina Vladimirovna

Ziel: die bestehenden wissenschaftlichen und praktischen Ansätze zur Feststellung des Zeitpunkts der objektiven Insolvenz und ihre Anpassung unter Berücksichtigung der praktischen, theoretischen und methodischen Besonderheiten des forensischen Finanz- und Wirtschaftsgutachtens als besondere Verfahrenshandlung zu prüfen; auf der Grundlage der Analyse der Praxis der Schiedsgerichte in Fällen, in denen die den Schuldner kontrollierenden Personen wegen verspäteter Einreichung des Insolvenzantrags (Konkurs) subsidiär haftbar gemacht werden, die Probleme im Zusammenhang mit dem Mangel an Angaben für die Erstellung der in den Akten enthaltenen gerichtlichen Finanz- und Wirtschaftsinformationen zu ermitteln; Wege zur Lösung von Problemen vorzuschlagen, die mit dem Mangel an wirtschaftlichen Informationen zusammenhängen, die für eine angemessene und vollständige Lösung des Problems erforderlich sind, indem die bereinigte Nettovermögensmethode angepasst wird.

Methodologie: dialektische Methode, Analyse, Synthese, Deduktion, formale Rechtsmethode, Systemmethode, Methode der interdisziplinären Rechtsforschung.

Schlussfolgerungen. Die von den Autoren in diesem Beitrag vorgeschlagenen methodischen Ansätze ermöglichen es, die bestehenden wissenschaftlichen und praktischen Entwicklungen auf dem Gebiet der Feststellung des Datums der objektiven Insolvenz und der Unternehmensbewertung an die forensische Begutachtung als besondere Verfahrensmaßnahme anzupassen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. In diesem Beitrag werden Bestimmungen formuliert, die darauf abzielen, die theoretischen und praktischen Grundlagen der Tätigkeit von Sachverständigen im Rahmen ihrer Beteiligung an der gerichtlichen Prüfung von Insolvenzfällen (Konkursen) bei der Lösung von Aufgaben im Zusammenhang mit der Feststellung des Datums der objektiven Insolvenz zu stärken. Aus praktischer Sicht zielen die in diesem Beitrag enthaltenen Bestimmungen darauf ab, die Tätigkeit der forensischen Sachverständigen zu verbessern, was zu einer vollständigeren und zuverlässigeren Feststellung aller Umstände des Falles durch die Schiedsgerichte beiträgt.

Stichwörter: Finanz- und Wirtschaftsgutachten, forensische Gutachten, Nettovermögen, Insolvenz, Finanzanalyse, Unternehmensbewertung, objektive Insolvenz, Expertenmethodik, Vermögensmangel, Diskontierung.

Aktuelle Fragen der methodischen Unterstützung forensischer Wirtschaftsprüfungen im Schiedsverfahren

Pivovarov Fedor Yurievich

Ziel: die drängendsten Fragen der methodischen Unterstützung forensischer Wirtschaftsprüfungen zu analysieren und eine Lösung zur Beseitigung des Problems vorzuschlagen, das in der mangelnden Abgestimmtheit der Herangehensweise an die Lösung der typischsten Gutachtaufgaben in Schiedsgerichtsfällen bestehen.

Methodologie: dialektischer Ansatz, einschließlich Kategorien und Gesetze der dialektischen und formalen Logik; allgemeine wissenschaftliche Methoden: logische, systemstrukturelle usw.; besondere wissenschaftliche Methoden: dogmatisch-juristische Methode und Methoden der Erläuterung von Rechtsnormen.

Schlussfolgerungen. Es ist notwendig, die entwickelten methodischen Empfehlungen und Bestimmungen der Standardtechniken für die Erstellung von forensischen Wirtschaftsprüfungen schrittweise mit den Normungsanforderungen für die Entwicklung, Validierung und Aktualisierung von forensischen Techniken sowie deren Aufbau und Gestaltung zu harmonisieren. Die Einhaltung der oben genannten Verfahren in der Praxis wird es ermöglichen, ein einheitliches wissenschaftliches und methodisches Konzept für die Erstellung von forensischen Wirtschaftsprüfungen zu entwickeln, was schließlich zu ihrer Reinigung von spekulativen und spekulativen Techniken führen wird.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die methodische Unterstützung der forensischen Wirtschaftsprüfungen basiert aufgrund der besonderen Anforderungen an die Expertenforschung auf einer wissenschaftlichen Grundlage. Forensische Technologien sind ein integraler Bestandteil der forensischen Gutachtenwissenschaft, und ihre Aktualisierung ist von größter Bedeutung, damit diese Technologien den Herausforderungen moderner wissenschaftlicher Errungenschaften gerecht werden. Die Ergebnisse der Analyse von Ansätzen der ökonomischen Sachverständigenforschung, die den aktuellen Anforderungen der Schiedsverfahren gerecht werden, dienen der Verbesserung der Gutachtenpraxis.

Stichwörter: Wirtschaftsprüfungen, wirtschaftliche Forschung, Schiedsverfahren, Expertentechnologien, Expertenmethoden, Standardisierung von Methoden, Organisation der Standardisierung, Finanzlage, objektive Insolvenz, Kosten eines Anteils am genehmigten Kapital.

Verfassungsrechtliche Grundlagen der Energiesicherheit und ihre Umsetzung in die nationale Gesetzgebung

Krainov Nikolay Ramazovich

Ziel: die nationale Sicherheit eines jeden Staates setzt das Vorhandensein einer Reihe von Garantien voraus, die durch normative Rechtsakte unterschiedlicher Rechtskraft formalisiert werden. Die moderne Entwicklung der Gesellschaft und des Staates umfasst mehrere Bereiche, darunter auch den Energiesektor. Die Energieressourcen sind ein Kriterium für einen hohen Lebensstandard der Bevölkerung, ein Kriterium für den Erfolg der Innen- und Außenwirtschaftspolitik des Staates und seine Stabilität auf der internationalen Bühne. Eine wichtige Rolle bei der Gewährleistung der Energiesicherheit spielt die Verfassung der Russischen Föderation, in der die Grundlagen für eine erfolgreiche Umsetzung der staatlichen Politik in diesem Bereich festgelegt sind. Es erscheint interessant, die verfassungsrechtlichen Grundsätze der Tätigkeit der Staatsmacht zur Gewährleistung der Energiesicherheit, die spezifischen Garantien der Verfassung der Russischen Föderation sowie die Umsetzung aller oben genannten Institutionen in die nationale Gesetzgebung zu analysieren. Es erscheint auch wichtig, die verschiedenen doktrinären Ansätze zu analysieren, die von verschiedenen Vertretern der heimischen Wissenschaft entwickelt wurden und die die Rolle der Verfassung der Russischen Föderation bei der Gewährleistung der Energiesicherheit Russlands aufzeigen.

Methodologie: die methodische Gesamtheit der durchgeführten Forschung besteht aus verschiedenen Erkenntnismethoden, unter denen die dialektische Methode, die vergleichende Analyse, die Deduktion, die Induktion, die Synthese, die systematische Methode, sowie solche privatrechtlichen Methoden wie die rechtsvergleichende und die formal-rechtliche Methode hervorgehoben werden können. Die historische Methode und die Methode der Auslegung von Rechtsnormen wurden im Rahmen der Studie ebenfalls angewandt.

Schlussfolgerungen. Gegenwärtig legt die Verfassung der Russischen Föderation in den ersten beiden Kapiteln die Hauptrichtungen der Umsetzung der staatlichen Politik im Bereich der Energiesicherheit fest. Es erscheint angemessen, dass die Verfassungsgrundsätze und -garantien alle Normen der geltenden Gesetzgebung durchdringen und ein Kriterium für deren Rechtmäßigkeit und Zweckmäßigkeit darstellen. Die Verfassung ist die wichtigste Quelle des Rechtslebens der Gesellschaft, auf die man sich stützen kann, um eine maximale Effizienz bei der rechtlichen Regelung der Energiesicherheit zu erreichen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. In der Studie werden zahlreiche normative Rechtsakte analysiert, die die Verfassungsprinzipien und Garantien der Energiesicherheit der Russischen Föderation manifestieren. Der historische Hintergrund und die doktrinären Ansätze zur Auslegung des Begriffs Energiesicherheit wurden untersucht, und einige Vor- und Nachteile der theoretischen Bestimmungen wurden berücksichtigt. Die in dieser Arbeit gezogenen Schlussfolgerungen enthalten Empfehlungen, die sowohl von der Strafverfolgungsbehörde als auch vom Gesetzgeber bei der weiteren Entwicklung der Rechtsgrundlagen berücksichtigt werden sollten.

Stichwörter: Verfassung der Russischen Föderation, Energiesicherheit, Gesetzgebung der Russischen Föderation, Verfassungsgrundsätze, Verfassungsgarantien, Energiesicherheitsdoktrin, Menschen- und Bürgerrechte und -freiheiten.

Aktuelle Probleme der Strafverfolgungsbehörden bei der Untersuchung von Straftaten, die in Brennstoff- und Energieanlagen begangen werden

Masneva Elizaveta Vadimovna

Ziel: Umfassende Untersuchung der aktuellen Probleme der Strafverfolgungsbehörden bei der Untersuchung von Eigentumsdelikten, die in den Anlagen des Brennstoff- und Energiekomplexes begangen werden.

Methodologie: Systemanalyse und -vergleich, Beschreibung, Abstraktion, Analyse von Literatur und Dokumentation, Induktion und Deduktion, hypothetische Methode, Methode der interdisziplinären Rechtsforschung.

Schlussfolgerungen. Der Brennstoff- und Energiekomplex ist ein kriminogenes Umfeld und umfasst einen hinreichend großen Teil des Diebstahls. Daher wurden die häufigsten Eigentumsdelikte, die in den FEC-Anlagen begangen werden, und ihre Merkmale sowie die Probleme, mit denen die Strafverfolgungsbehörden bei der Untersuchung solcher Delikte konfrontiert werden können, ermittelt.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Dieser Artikel kann zur Bildung einer theoretischen Grundlage beitragen, die die Arbeit der Strafverfolgungsbehörden verbessert und organisiert, indem sie alle Nuancen der in den Anlagen des Brennstoff- und Energiekomplexes begangenen Eigentumsdelikte berücksichtigt und alle möglichen Gefahren abdeckt, die während und nach der Begehung von Diebstählen in diesem Sektor auftreten.

Stichwörter: Ermittlung von Straftaten, Strafverfolgungsbehörden, Ermittlungsbehörden, Probleme, Brennstoff- und Energiekomplex, Brennstoff- und Energieanlagen, Diebstahl, Betrug, Entwendung, wirtschaftliche Ausrichtung, Ermittlungsschwierigkeiten.

Einige Sicherheitsprobleme des Brennstoff- und Energiekomplexes der Russischen Föderation

Rashitkhanov Ruslan Salikhovich

Ziel: eine umfassende Analyse der Sicherheitsbedrohungen für die Objekte des Brennstoff- und Energiekomplexes der Russischen Föderation durchzuführen und die wichtigsten Maßnahmen zu ihrer Verhinderung zu bestimmen.

Methodologie: Analyse, Synthese, Induktion, Deduktion, Beschreibung, Abstraktion, formaljuristische Methode.

Schlussfolgerungen. Die Sicherheit von Anlagen des Brennstoff- und Energiekomplexes beruht auf einem systematischen Ansatz, der die Gewährleistung der öffentlichen Sicherheit, die Zuverlässigkeit des Energiesystems, den Schutz vor Bedrohungen und äußeren Einflüssen (einschließlich terroristischer Angriffe) sowie die Einhaltung hoher Qualitäts- und Konformitätsnormen umfasst. Diese Grundsätze und Maßnahmen tragen dazu bei, Risiken zu mindern und den sicheren Betrieb von FEC-Anlagen zu gewährleisten.

Generell ist die Gewährleistung der Sicherheit von FEC-Einrichtungen eine komplexe und vielschichtige Aufgabe, die einen integrierten Ansatz und eine kontinuierliche Überwachung erfordert. Nur durch gemeinsame Anstrengungen von Staat, Unternehmen und Öffentlichkeit ist es jedoch möglich, ein hohes Sicherheitsniveau zu erreichen, den zuverlässigen Betrieb der Anlagen zu gewährleisten und die Interessen der Gesellschaft zu schützen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Der Beitrag analysiert den regulatorischen und rechtlichen Rahmen für die Gewährleistung der Sicherheit von Anlagen des Brennstoff- und Energiekomplexes, zeigt die wichtigsten Entwicklungslinien für Präventivmaßnahmen auf und stellt die Möglichkeiten für weitere Forschungen zu diesem Thema vor.

Stichwörter: Brennstoff- und Energiekomplex, Brennstoff- und Energieanlagen, Bedrohungen für den Brennstoff- und Energiekomplex, Sicherheit des Brennstoff- und Energiekomplexes, Ölindustrie, Öl und Ölprodukte, Kriminalität, Energiewirtschaft, strategische Interessen, Staat.

Einige Fragen zur Gewährleistung des sicheren Betriebs der Ölindustrie Russlands

Sapozhkina Polina Alexandrovna

Ziel: eine allgemeine Analyse der Sicherheitsbedrohungen für das Funktionieren der Ölindustrie in Russland sowie der Faktoren zur Gewährleistung dieser Sicherheit durchzuführen. In der Wissenschaft wird festgestellt, dass die Ölindustrie, die Teil des FEC-Systems ist, für den russischen Staat von strategischer Bedeutung ist und daher stark kriminalisiert wird. Dementsprechend ist es notwendig, Vorschläge zur Stärkung des Schutzes dieses Bereichs zu entwickeln.

Methodologie: Analyse, Synthese, Induktion, Deduktion, Beschreibung, Abstraktion, formal-juristische Methode.

Schlussfolgerungen. Es ist wichtig, die Sicherheit und den Schutz der Objekte der Erdölindustrie im Hinblick auf verschiedene Arten von Straftaten und Verbrechen zu erhöhen, einschließlich solcher, die unter Verwendung neuer Methoden und digitaler Technologien begangen werden.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Sicherheit der Erdölindustrie wird vor allem durch kriminelle Übergriffe bedroht, weshalb bei der Umsetzung der staatlichen Politik in diesem Bereich der Vorbeugung und Aufklärung von Straftaten größere Aufmerksamkeit geschenkt werden sollte. Es wird eine Charakteristik einiger Zusammensetzungen von Verbrechen gegeben, die in der Erdölsphäre begangen werden: es handelt sich um Verbrechen gegen das Eigentum, in der Sphäre der Wirtschaftstätigkeit, gegen die öffentliche Sicherheit. Die bestehenden Maßnahmen zur Vorbeugung von Übergriffen wurden untersucht, und es wurden Vorschläge zur Verbesserung der Qualität der Arbeit an der Sicherheitsvorsorge gemacht.

Stichwörter: Brennstoff- und Energiekomplex, Objekte des Brennstoff- und Energiekomplexes, Bedrohungen des Brennstoff- und Energiekomplexes, Sicherheit des Brennstoff- und Energiekomplexes, Erdölindustrie, Erdöl und Erdölzeugnisse, Straftaten, Energie, strategische Interessen, der Staat.

Probleme der strafrechtlichen Sicherheit des Brennstoff- und Energiekomplexes

Cyss Zinaida Alexandrovna

Ziel: die strafrechtliche Sicherheit des Brennstoff- und Energiekomplexes ist eine entscheidende Aufgabe, da Straftaten sowohl dem Einzelnen als auch dem Staat Schaden zufügen. Eines der Ziele der Arbeit ist die Analyse

des rechtlichen Rahmens für die Sicherheit des Brennstoff- und Energiekomplexes, die es ermöglicht, den Bereich der in diesen Anlagen begangenen Straftaten zu bestimmen. Außerdem sollen die Normen des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation in den Titeln VIII und IX überprüft werden. Besonderes Augenmerk wird auf Artikel 158 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation gelegt, insbesondere auf seine qualifizierenden Merkmale, die Bestimmung der Höhe des gestohlenen Vermögens und die Qualifikation der Tat. Außerdem wird eine vergleichende Analyse der Artikel 174, 174.1 und 175 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation durchgeführt, um die Probleme bei der Regelung der qualifizierenden Merkmale zu ermitteln. Ferner werden die Normen des Kapitels 24 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation sowie ein Vergleich des Wortlauts von Artikel 2153 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation zur Analyse der Probleme bei der Durchsetzung dieser Norm betrachtet. Besonderes Augenmerk wird auf die Normen gelegt, die den Terrorismus in den Einrichtungen des Brennstoff- und Energiekomplexes regeln. Zur Erreichung der vorgegebenen Ziele werden auch Gerichtsstatistiken untersucht.

Methodologie: die Grundlage der durchgeführten Forschung bilden verschiedene Methoden der wissenschaftlichen Erkenntnis, darunter dialektische, vergleichende Analyse, Deduktion, Induktion, Synthese, systematische Methode, sowie privatrechtliche Methoden, wie rechtsvergleichende, formal-rechtliche.

Schlussfolgerungen. Gegenwärtig weisen die Normen zur Regelung von Straftaten an den Objekten des Brennstoff- und Energiekomplexes eine Reihe von Problemen auf, die ihre Anwendung beeinträchtigen. Eine Reihe von Problemen, deren Beseitigung zu einer genaueren Anwendung der Normen des Strafgesetzbuches in der Praxis beitragen wird, wurde vorgestellt. Außerdem hat eine vergleichende Analyse der verwandten Straftatbestände gezeigt, dass es notwendig ist, sie zu unterscheiden, um eine "übermäßige" Qualifizierung zu vermeiden.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Objekte des Brennstoff- und Energiekomplexes sind besonders schützenswerte Objekte, deshalb sind Straftaten gegen sie besonders gefährlich. Aus diesem Grund sollte das gesetzliche Verbot der Ablehnung von Straftaten in diesem Bereich keine Ungenauigkeiten enthalten, die zu Fehlern bei der Einstufung führen würden. Die in dieser Arbeit gezogenen Schlussfolgerungen enthalten Empfehlungen zur Konkretisierung der Normen des Strafgesetzbuches, die zu einer genaueren Anwendung der Vorschriften beitragen sollen, und können eine theoretische Grundlage für Empfehlungen zur Korrektur dieser Probleme bilden.

Stichwörter: Brennstoff- und Energiekomplex, nationale Sicherheit, strafrechtliches Verbot, strafrechtliche Verantwortlichkeit, Qualifikation der Tat, Definition des Schadens, sozial gefährliche Folgen des Diebstahls, qualifizierende Merkmale, Straftatbestand.

Transformation der Wahrnehmung von Recht und Verbrechen in der Zeit der weltanschaulichen Zivilisationskrise

Baburin Sergey Nikolaevich

Ziel: die Aufmerksamkeit auf die globalen Veränderungen zu lenken, die den Wandel nicht nur der sozialen Phänomene, sondern auch des Kriminalitätsbegriffs und des Rechtsverhältnisses Gesellschaft — Staat beeinflussen haben und weiterhin beeinflussen.

Methodologie: Bericht.

Schlussfolgerungen. Es ist notwendig, über den Begriff des Vaterlandsverrats, die Begriffe der Wirtschaftsverbrechen und der Verbrechen gegen die staatliche Ordnung nachzudenken. Die Beibehaltung einer Verfassungsnorm wie Art. 13 der Verfassung RF, in dem jede Ideologie als staatlich oder obligatorisch verboten ist, verankert den Nihilismus in der Verfassung. Der heutige Nihilismus, der durch die Verfassung RF geschützt wird, ist in jeder Hinsicht ein äußerst gefährliches Phänomen, denn es ist der Nihilismus, der die Unterscheidung zwischen Gut und Böse leugnet und die nationalen Besonderheiten verleugnet, der die Ideologie des Kosmopolitismus hervorbringt. Der Kosmopolitismus gilt als eine der wichtigsten nicht-systemischen Formen der Ent-Souveränität. Er zerstört die Souveränität, denn wenn es keine zivilisatorisch identischen Träger gibt, gibt es auch keine zivilisatorisch identische Staatlichkeit.

Wir haben uns heute auf den Weg gemacht, den Vektor der Bewegung und des Handelns Russlands zu verändern, was von allen traditionellen Gesellschaften unterstützt wird. Das erfordert Anstrengungen, Änderungen im Rechtssystem, im Recht, die Anpassung vieler Dinge. Es gibt eine Chance für die Erholung der Gesellschaft, und sie hängt ganz vom Sieg der Russischen Föderation ab. Und damit dieser Sieg schneller eintritt, müssen wir zuallererst unsere Gesellschaft in Ordnung bringen, damit Russland wieder sozial attraktiv wird und unserer Entwicklung einen Sinn gibt. In unserer Verfassung ist weder der Kapitalismus noch der Sozialismus niedergeschrieben, und wir dürfen weder dorthin noch dorthin gehen. Wir müssen, aber das ist eine Aufgabe für unsere naturwissenschaftlichen Kollegen, ein Ideal formulieren, das ein Ziel unserer Entwicklung sein sollte: die Prinzipien einer neuen und gerechten Gesellschaft.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Der Beitrag ist für Wissenschaftler verschiedener Fachrichtungen von Interesse, darunter Kriminalisten, Kriminologen, Soziologen, Verfassungs-, Verwaltungs- und Strafrechtler.

Stichwörter: Verfassung, westliche Länder, Liberalismus, Sowjetunion, Vaterlandsverrat, Hochverrat, Strafgesetzbuch, Staatlichkeit, traditionelle Gesellschaft, Prinzipien der neuen Gesellschaft, Zivilisationskrise.

Kapitel aus dem Buch “Die Persönlichkeit des Straftäters”

Ziel: das Erbe der sowjetischen Kriminologen vorzustellen, das in dem Buch “Die Persönlichkeit des Straftäters” gesammelt wurde. Die Publikation wurde von einem hervorragenden sowjetischen und russischen Rechtsgelehrten, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Akademienmitglied V.N. Kudryavtsev, herausgegeben.

Methodologie: Zitierung.

Schlussfolgerungen. Das auf der Grundlage kriminologischer Forschungen verfasste Buch enthält theoretische Bestimmungen und praktische Empfehlungen für die Organisation der präventiven Arbeit mit verschiedenen Kategorien von Straftätern, die Zuweisung und den Vollzug von Strafen, die in den Ermittlungs- und Justizorganen verwendet werden können.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Ausgabe richtet sich an Ermittler, Richter und Mitarbeiter des Innenministeriums, kann aber auch für Lehrer und Jurastudenten, Forscher, Juristen und Soziologen nützlich sein.

Stichwörter: Straftäter, Persönlichkeit des Straftäters, Persönlichkeitsstruktur, Klassifizierung von Straftätern.

ANNOTATIONS AND KEYWORDS

To the 100th anniversary of the All-Russian Congress of Penitentiary Workers in Moscow (October 18–24, 1923)

Zhilkin Maxim Gynnadievich, Chukanova Evgeniya Sergeevna

Mission: to analyze the results of the congress of employees of places of deprivation of liberty, held after the unification in 1922 of all places of detention in one department – the GUMZ of the NKVD of the RSFSR. To investigate the tasks related to the implementation of the correctional labor policy of the state.

Methodology: dialectical, systemic, formal-legal, historical-legal methods of cognition.

Conclusions. The Congress of Penitentiary Workers marked the most important stage in the formation of the foundations of correctional labor policy of the RSFSR. First of all, it was given a class character, ensuring the implementation of repression against the enemies of Soviet power. The most important condition in the execution of punishment was the implementation of the principle of self-sufficiency, which allowed not only to occupy prisoners with work, but also to teach them professional skills.

Scientific and practical significance. Using the historical experience of the legislation of the Soviet state and the practice of using criminal punishment in the form of imprisonment to improve the activities of the penal enforcement system at the present stage of development.

Keywords: congress of workers, correctional labor policy of the state, class character, the principle of self-sufficiency of places of deprivation of liberty, enemies of the Soviet government, departments, repression.

Legal basis for the implementation of anti-terrorist measures at the international level

Avdeev Vadim Avdeevich, Avdeeva Olga Anatolyevna

Mission: The article reflects the current problems of legal regulation of methods and means of implementing anti-terrorist measures that have matured in national legal systems. The process of formation of legal guarantees enshrined in the norms of international law is analyzed. It is noted that international legal acts, declaring the universally recognized rights and freedoms of each person, establish the obligation of each State to ensure their observance and protection at the domestic level. The formation of universal anti-terrorist measures at the international level is one of the urgent directions of crime prevention and prevention. The achievement of this goal involves the development of universal international legal approaches that orient national law systems to the implementation of anti-terrorist measures. The specifics of the criminal policy on the implementation of anti-terrorist measures in Russia and abroad are revealed. Special attention is paid to modern problems of ensuring public safety in conditions of globalization of international life.

Methodology: statistical and sociological research methods are used as the basis for evaluating the effectiveness of the activities carried out.

Conclusions. It is determined that in the process of developing legal means of countering terrorism as a socially negative phenomenon, human life and health, his freedom, inviolability and public safety are recognized as the main objects of legal protection. It is concluded that in the course of the consistent activities of the international community to combat terrorism, unification of the legislative approach at the domestic level is required.

Scientific and practical significance. The formation of universal anti-terrorist measures at the international level is one of the priority areas of crime prevention and prevention and creates prerequisites for further doctrinal understanding and solving theoretical problems of countering terrorist crimes. New directions of criminal policy focused on the modernization of criminal law and law enforcement are subject to development and implementation.

Keywords: international law, terrorist crime, criminal policy, anti-terrorist measures, crime prevention, crime prevention.

Preventing the spread of destructive ideology among minors on the Internet through game content

Akinina Natalya Yurievna, Anisimov Ivan Valeryevich, Kochupalov Roman Valerievich

Mission: to analyze the game content of computer games that promote destructive ideology, to formulate proposals for preventing its distribution among minors on the Internet.

Methodology: direct analytical conclusions in the work are made on the basis of methods of analysis, synthesis, generalization, as well as content analysis of computer games presented in the Internet space; interviewing game players.

Conclusions. To prevent the spread of destructive ideology among minors through game content, restrictive and prohibitive measures are not enough due to the existence of a piracy market that distributes any game content, including officially prohibited content. This problem can be solved only through the development of our own gaming industry under the strict control of the state and society over the released content and through the provision of economic support measures for Russian gaming companies.

Scientific and practical significance. This study is the basis for developing proposals to prevent the spread of destructive ideology among minors on the Internet through gaming content.

Keywords: game content, minor, destructive ideology, prevention.

Prevention of retail sales to minors of products that have a negative impact on their socialization and health

Berndt Anastasia Anatolievna

Mission: development of recommendations aimed at the prevention of violations in retail sales to minors of products that have a negative impact on their socialization and health.

Methodology: immediate analytical conclusions in the work were made on the basis of methods of analysis, synthesis, hypothesis, generalization, as well as the analysis of documents and information resources to summarize the practice of control and supervising bodies, public organizations, retail trade organizations.

Conclusions. To prevent the retail sale to minors of products that have a negative impact on their socialization and health, the following measures are necessary: optimization of the state control system in this area, which provides for the transition from coercive measures to a system of friendly control and encouragement of the lawful behavior of business entities; development of a program method in the prevention of offenses in the field of retail trade in the specified products; participation of public organizations and citizens in the prevention of offenses, including in the field of retail trade, including such forms as explanatory work, distribution of information materials, informing law enforcement and control and supervisory authorities about identified violations in the field of retail trade; introduction of a voluntary system of internal control (compliance) in retail trade organizations (activities of individual entrepreneurs) in exchange for friendly control by state bodies.

Scientific and practical significance. This study is the basis for the prevention of violations in the retail network when selling products to minors that have a negative impact on them.

Keywords: alcohol products, tobacco products, nicotine-containing products, non-alcoholic tonic beverages, minor, offence, prevention.

Public order and digital security as modern objects of criminal law protection

Lapshin Valery Fedorovich, Kemova Natalia Nikolaevna

Mission: to substantiate the absence of the need to form a separate object of criminal law protection in the form of public relations associated with the use of information and telecommunication networks, digital technologies and the results of their application.

Methodology: dialectical method, induction, deduction, synthesis, systematization and classification, legal content analysis.

Conclusions. Modern social relations that arise in the field of creation and use of high-tech objects and means of communication do not have specific features characteristic of the subject of a separate branch of law. The terms used in the scientific literature "digital relations", "cyber order", etc., characterize social relations that are an integral part of the public order, i. e. already provided with proper criminal law protection.

Scientific and practical significance. The theoretical significance of the results obtained is reduced to the need to study information and telecommunication networks, digital technologies and the results of their use as a means of differentiating criminal responsibility. The practical significance of the results of the study is seen in the rationale for a significant increase in the degree of public danger of a crime committed using these high-tech means of production and communication. These conclusions can be taken into account both in the formation of qualifying features of the elements of crimes that encroach on various generic objects of criminal law protection, and in the choice of the type and amount of criminal punishment for committing a crime using the listed means.

Keywords: digital relations, cyber order, public order, subject of legal regulation, object of criminal law protection, information and telecommunication networks, means of differentiating criminal responsibility, degree of public danger of a crime.

About the study of the criminal's identity on Solovki: historical aspect

Truntsevsky Yuri Vladimirovich

Mission: the activities of specialists in various fields (lawyers, sociologists, teachers, psychiatrists, anthropologists) to study the personality of a criminal and crime in our country since the early 20s of the twentieth century. In one way or another, they were connected with the State Institute for the Study of Crime and the Criminal (now the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation). His staff provided scientific and methodological assistance to the criminological cabinet created in those years. One of these research laboratories was the criminological office of the Solovetsky Society of Local Lore. Mission is to show the importance of criminological research in the 20s of the XX century on Solovki.

Methodology: the methods of studying historical patterns through their specific manifestations are used – historical facts, ways of extracting new knowledge from facts, in particular about the role of the State Institute for the Study of Crime and the Criminal in the formation of Soviet Criminology.

Conclusions. Solovetsky criminologists developed a unified view of the general fundamentals of criminology, checking abstract examples on specific material. Despite the isolation of their work from the center of the country, they were in very favorable working conditions. The Solovetsky camp with its various prisoners was a real criminological laboratory.

Scientific and practical significance. New knowledge is being introduced into domestic criminology about the existence of an independent, non-network criminological laboratory – the Solovetsky camp, which provided an inexhaustible field for criminological observations, collection and fixation of materials on penitentiary topics.

Keywords: M.N. Gernet, crime, criminology, research, anthropology, criminal, Institute of Legislation, office, laboratory, prevention, examination, creativity of prisoners.

Socio-economic measures to prevent penitentiary crime

Khokhrin Sergey Alexandrovich

Mission: the formation of socio-economic measures aimed at the prevention of prison crime is one of the most important elements of its prevention. This is confirmed by the Concept Paper on the Development of the Penal and Correctional System of the Russian Federation until 2030, approved by Order No. 1138-r of 29 April 2021, as well as the Basic Research Programme of the Russian Federation for the long term period (2021-2030) as regards the development of alternative social responses aimed at the prevention and suppression of criminal behavior in the society of the penal system, which leads to the conclusion that new forms of employment of convicts should be found. One of the measures of an economic nature is to organize labor employment and gain wages for inmates.

Methodology: the research has made extensive use of statistical observation technique by reviewing documents, grouping questionnaire data, determining absolute and relative statistical values, sampling data, analysis thereof, studying the dynamics of the indicators.

Conclusions. Involvement of legal entities and individuals in setting up such organizational and legal forms of enterprises as public-private partnerships for the organization of labor employment for convicts makes it possible to create additional jobs and pay wages to convicts. In addition, inmates are provided with professions that are in demand on the labor market. The availability of funds on personal accounts allows inmates to cover the costs of utilities, help relatives and maintain social ties. The willingness and ability of convicted persons to repay their claims is one of the conditions of commutation for the outstanding part of the sentence to a milder form of punishment as well as granting release on parole.

Scientific and practical significance. Formation of social and economic measures aimed at prevention of penitentiary crimes allows to use them for further development of theoretical problems of crime, its varieties, development of prevention measures, improvement of criminal legislation as well as activity of penal system.

Keywords: penitentiary criminality, penitentiary institutions, convicts, determinants, labor of convicts, employees, wages, regime of confinement.

Special (organizational and managerial) measures to counter environmental crime

Shaposhnikov Alexey Sergeevich

Mission: based on the analysis of the legal nature of special (organizational and managerial) measures to counter environmental crime, to propose measures related to improving their effectiveness.

Methodology: dialectical method, formal-logical methods, including analysis synthesis and statistical method.

Conclusions. The ongoing reform of the control (supervisory) activities is ineffective in relation to combating environmental crime, and therefore there is a need to reconsider the approach to the organization of control (supervisory) measures affecting environmental legal relations, recognizing the high degree of public danger of environmental offenses as an axiom, as well as authorizing their implementation without an additional administrative barrier.

Scientific and practical significance. For the first time, the reform of control (supervisory) activities is analyzed from the point of view of its impact on combating environmental crime. In addition, the absence of a legal definition of the concepts of «mandatory requirement» and «violation of mandatory requirement», which are the subject of regulation of legislation on control (supervisory) activities, has been revealed, in connection with which author's definitions have been proposed, from which it follows that mandatory requirements are legal norms, compliance with which is assessed within the control (supervisory) activities, and violation of mandatory requirements — this is an offense detected in the course of control (supervisory) activities, which, as a general rule, contains part of the signs of a crime or an administrative offense.

Keywords: environmental crime, environmental crime, countering environmental crime, control (supervisory) activity, mandatory requirement, violation of mandatory requirement.

Features of prevention of terrorism among young people in the Russian Federation

Rozenko Stanislav Vasilievich

Mission: as a result of the development of the information society, the need to prevent terrorist ideology among young people in the Russian Federation is of particular importance. In this regard, it is necessary to identify new directions for the prevention of destructive and terrorist ideologies, which, thanks to information communication, have an individual character. The terrorist ideology of the present time period is a means of information warfare, which significantly increases its public danger and requires analysis of its systemic features. The significance of information wars is that they have become an element of everyday reality for the population, which requires the creation of an effective prevention mechanism among young people.

Methodology: during the research, the dialectical method was actively used, as well as such methods as: critical analysis, historical and legal, content analysis, systemic, sociological, comparative legal. An intersectoral approach was applied.

Conclusions. The main factors characterizing the difficulties of effectively addressing the issue of preventing terrorism among young people are a number of objective and subjective circumstances. The following circumstances are proposed as specific directions for the implementation of the prevention of terrorist ideology among Russian youth: measures for the prevention of terrorist ideology are being formed and developed as an obligatory element of the system of measures for the prevention of antisocial behavior of young people in general; prevention should contain an individual approach to young people who have a "complex" social status, or who have previously committed offenses; it is necessary to create specialized institutions of a specific preventive orientation, namely destructive and terrorist ideology.

Scientific and practical significance. The formation of socio-economic measures aimed at the prevention of terrorist activities and ideology allows them to be used for further research of theoretical problems of crime, its varieties; development of preventive measures in the public consciousness, improvement of Russian criminal legislation, as well as the activities of law enforcement agencies of the Russian Federation.

Keywords: terrorism, prevention, counteraction, youth, determinants, terrorist ideology, information technology, extremism, identity of a terrorist, information security, public consciousness.

The main directions for improving the prevention of group crimes of minors

Shesler Alexander Viktorovich, Shesler Sofia Sergeevna

Mission: to develop proposals for improving the prevention of group crimes of minors in the activities of the police.

Methodology: the results contained in the article were based on the dialectical method of cognition of juvenile group delinquency as a social and legal phenomenon that changes under the influence of social processes. As specific methods, a comparative historical method was used, which made it possible to show various manifestations of juvenile group delinquency at the turn of the 1980s — 2020s, a statistical method, which made it possible to establish the structure of crimes committed by groups of minors during this period, a document analysis method, which made it possible to study the documentation militia (later — the police) of Russia, reflecting its activities in the prevention of group juvenile delinquency, as well as to study scientific and journalistic sources on the identified problems.

Conclusions. The study made it possible to identify shortcomings in the activities of the police in the prevention of group juvenile delinquency. The paper indicates the following shortcomings of such prevention: it does not take into account the changing subject of activity of groups of juvenile delinquents depending on social processes in society, as well as the changing system of communication links in these communities, the transition from real contacts between group members to virtual communication using digital technologies; prevention is focused mainly on small and unstable groups of juvenile offenders, the specifics of communication links and the subject of criminal activity of stable criminal groups are not taken into account; police authorities do not interact enough with other subjects of general and special prevention of juvenile delinquency, primarily in terms of information exchange; the activities of the police are focused mainly on the implementation of supervision over the activities of members of groups on preventive records; low activity of police officers in identifying adults who involve underage members of groups in committing crimes and antisocial acts. These shortcomings in the activities of the police predetermined the relevant proposals for improving the prevention of group crimes of minors.

Scientific and practical significance. The results of the study made it possible to develop specific proposals for improving the prevention of group crimes of minors in the police.

Keywords: minors, criminal group, group crime, crime prevention.

General and special measures to prevent environmental crime

Kvitko Anton Vladimirovich

Mission: environmental security in Russia is an integral part of national security. Organized activities to prevent violations of environmental legislation should represent a multifaceted and systematic approach of executive authorities, local governments, and society as a whole. In the article, the author will consider modern general and special measures to prevent environmental crime in Russia. Designate the main determinant signs of the commission of this category of crime, as well as reveal preventive measures. Based on analytical information, the article presents a criminological portrait of persons who committed an environmental crime, as well as the main natural objects and components of a criminal offense. In the publication, the author will have to substantiate the need for the formation of new methods of a preventive nature that meet modern challenges and threats to the state of the country's ecology, as well as the fight against environmental crimes.

Methodology: analysis, synthesis, deduction, formal legal method, systematic method, method of interdisciplinary legal research.

Conclusions. Increasing the efficiency of preventing environmental crime and ensuring the inevitability of criminal punishment for a committed act.

Scientific and practical significance. Proposal of new modern criminological methods of combating environmental crime, taking into account the potential of innovative digital, satellite, geolocation capabilities, in order to reduce the level of latency of the category of criminal acts under study. Establishing the level of hidden crime in the field of the natural environment will effectively achieve and fulfill strategic objectives in the field of environmental security in Russia.

Keywords: environmental safety, crime, crime prevention, latency, law, act, counteraction to crime, crime level, inevitability of punishment.

Protection of environment and economic interests in the sphere of extraction and turnover of precious and semi-precious stones: challenges and solutions

Astrakhantseva Ekaterina Yurievna

Mission: consideration and analysis of controversial issues arising in law enforcement practice in the qualification of crimes and offenses related to the extraction and trafficking of precious and semiprecious stones, as well as providing recommendations for resolving these problems.

Methodology: deduction, analysis, description, formal legal method.

Conclusions. The article examines the problems and controversial issues related to law enforcement in the field of environmental protection and economic interests of the state when using precious and semi-precious stones, analyzes various points of view, offers recommendations and conclusions of practical importance for judicial and law enforcement agencies. It is noted that modern legislation does not provide an exhaustive list of semi-precious stones, which causes difficulties in law enforcement practice. The ambiguity in the definition of the subject of criminal encroachment, the interpretation of administrative prejudice and the definition of socially dangerous consequences is also considered. It is concluded that the resolution of these problems requires in-depth theoretical research and the establishment of a unified approach to the qualification of crimes and offenses in this area.

Scientific and practical significance. The article deals with topical issues related to law enforcement in the field of environmental protection and economic interests when using precious and semi-precious stones. The absence of an exhaustive list of semi-precious stones in the legislation and ambiguity in the definition of administrative prejudice are new aspects that require further research and discussion. The results of the study may be useful for law enforcement agencies, prosecutors and judicial authorities involved in the prosecution and trial of cases related to violations in the field of mining and trafficking of precious and semi-precious stones. The author offers recommendations for resolving controversial issues that can be used in law enforcement practice. This will help to establish a unified approach and ensure a fairer and more effective prosecution of violations in this area.

Keywords: environmental crimes, amber, jade, semi-precious stones, unauthorized extraction, illegal trafficking, administrative prejudice, criminal liability, qualification of crimes.

Theoretical and methodological aspects of establishing the date of objective bankruptcy through forensic financial and economic expertise

Zubkov Dmitry Denisovich, Markelova Alina Vladimirovna

Mission: consideration of existing scientific and practical approaches to determining the date of objective bankruptcy and their adaptation, taking into account the practical, theoretical and methodological features of forensic financial and economic expertise as a special procedural action. Identification of problematic issues related to the insufficiency of information for the production of judicial financial and economic information contained in the case file, based on an analysis of the practice of arbitration courts in cases of bringing persons controlling the debtor to subsidiary liability for late filing of an insolvency (bankruptcy) application. Proposal of ways to solve problems related to the lack of economic information necessary for a reasonable and complete solution of the problem by adapting the method of adjusted net assets.

Methodology: dialectical method, analysis, synthesis, deduction, formal legal method, system method, method of interdisciplinary legal research.

Conclusions. The methodological approaches proposed in this article by the authors make it possible to adapt existing scientific and practical developments in the field of establishing the date of objective bankruptcy and business valuation to forensic examination as a special procedural action.

Scientific and practical significance. This paper formulates provisions aimed at strengthening the theoretical and practical foundations of the activities of experts in the course of their participation in the judicial review of insolvency (bankruptcy) cases in solving problems related to establishing the date of objective bankruptcy. From a practical point of view, the provisions contained in this work are aimed at improving the activities of forensic experts, which contribute to a more complete and reliable establishment of all the circumstances of the case by arbitration courts.

Keywords: financial and economic expertise, forensic expertise, net assets, bankruptcy, financial analysis, business valuation, objective bankruptcy, expert methodology, lack of assets, discounting.

Topical issues of methodological support of forensic economic examinations in the arbitration process

Pivovarov Fedor Yurievich

Mission: to analyze the most topical issues of methodological support for economic examination, as well as to propose a solution to eliminate the problem, which consists in the lack of consistency in the approach to solving the most typical expert tasks that are in demand in arbitral proceedings.

Methodology: dialectical approach, including categories and laws of dialectical and formal logic; general scientific methods: logical method, system-structural method, etc.; private scientific methods: dogmatic-legal method and methods of interpreting the norms of law.

Conclusions. *It is necessary to progressively harmonize the developed guidelines and provisions of standard methods for the production of forensic economic examinations with the standardization requirements for the development, validation and updating of forensic methodology, as well as its structure and formalization. Compliance with these procedures in practice will make it possible to develop a unified scientific and methodological approach to the production of forensic economic examinations, which will eventually lead to the purification of forensic economic examinations from speculative methods.*

Scientific and practical significance. *The methodological support of forensic economic examinations is based on a scientific foundation due to the special requirements for expert research. Forensic technologies are an integral part of forensic science, and their actualization is of paramount importance to ensure that such technologies meet the challenges of modern scientific advances. The results of the analysis of approaches to conducting expert economic research that meet the current requirements of the arbitration process will serve to improve expert practice.*

Keywords: *economic examination, economic research, arbitration process, expert technologies, expert methods, standardization of methods, organization of standardization, financial state, objective bankruptcy, cost of a share.*

Constitutional foundations of energy security and their implementation in national legislation

Krainov Nikolay Ramazovich

Mission: *the national security of any state implies the existence of a number of guarantees, which are formalized by regulatory legal acts of various legal force. The modern development of society and the state includes several spheres, one of which is energy. Energy resources are a criterion for a high standard of living of the population, a criterion for the success of the domestic and foreign economic policy of the state, its stability in the international arena. A significant role in ensuring energy security is played by the Constitution of the Russian Federation, which establishes the foundations for the successful implementation of state policy in this area. It is interesting to analyze the constitutional principles of conducting state-governmental activities to ensure energy security, the specific guarantees provided for by the Constitution of the Russian Federation, as well as the implementation of all the above-mentioned institutions in national legislation. It also seems important to analyze various doctrinal approaches developed by various representatives of Russian science, which reveal the role of the Constitution of the Russian Federation in ensuring Russia's energy security.*

Methodology: *the methodological totality of the conducted research consists of various methods of cognition, among which one can distinguish the dialectical method, comparative analysis, deduction, induction, synthesis, system method, as well as such private legal methods as comparative legal, formal legal. Also, in the course of the study, the historical method and the method of interpretation of the norms of law were used.*

Conclusions. *Currently, the Constitution of the Russian Federation in the first two chapters sets out the main directions for the implementation of state policy in the field of energy security. It seems reasonable that constitutional principles and guarantees should permeate all the norms of current legislation, be a criterion of their legality and expediency. The Constitution is the most important source of the right life of society, it is based on it that it is possible to achieve maximum efficiency in the legal regulation of energy security.*

Scientific and practical significance. *The study analyses a variety of regulatory legal acts, which manifest the constitutional principles and guarantees of energy security of the Russian Federation. The historical background and doctrinal approaches to the interpretation of the term energy security are considered, some advantages and disadvantages of theoretical provisions are considered. The conclusions made in this work contain recommendations that should be taken into account by both the law enforcement officer and the legislator in the further development of the legislative framework.*

Keywords: *Constitution of the Russian Federation, energy security, legislation of the Russian Federation, constitutional principles, constitutional guarantees, Doctrine of energy security, human and civil rights and freedoms.*

Actual problems of the work of law enforcement officers in the investigation of crimes committed at the facilities of the fuel and energy complex

Masneva Elizaveta Vadimovna

Mission: *comprehensive consideration of the actual problems faced by law enforcement officers in the investigation of crimes against property committed at the facilities of the fuel and energy complex.*

Methodology: *system analysis and comparison, description, abstraction, analysis of literature and documentation, induction and deduction, hypothetical method, method of intersectoral legal research.*

Conclusions. *The fuel and energy complex is a criminogenic environment and takes on quite a large part of the theft, in connection with which the most common crimes against property committed at fuel and energy facilities and their features were identified, as well as problems that law enforcement officers may face when investigating crimes of this orientation at these facilities.*

Scientific and practical significance. *This article may contribute to the formation of a theoretical framework that would improve and organize the work of law enforcement agencies, taking into account all the subtleties of common crimes against property committed at the facilities of the fuel and energy complex, and covering all possible dangers that arise at the time and after the commission of acts aimed at the theft of items in this sector.*

Keywords: *crime investigation, law enforcement agencies, investigative agencies, problems, fuel and energy complex, fuel and energy facilities, theft, fraud, embezzlement, economic orientation, complexity of the investigation.*

Some security issues of the fuel and energy complex of the Russian Federation

Rashitkhanov Ruslan Salikhovich

Mission: *carry out a comprehensive analysis of security threats to the facilities of the Fuel and Energy Complex of the Russian Federation, as well as determine the main measures aimed at preventing them.*

Methodology: *analysis, synthesis, induction, deduction, description, abstraction, formal legal method.*

Conclusions. *The security of fuel and energy facilities is based on a systematic approach that includes ensuring public safety, reliability of the energy system, protection against threats and external influences (including terrorist attacks), as well as compliance with high quality standards and compliance with requirements. These principles and measures make it possible to mitigate risks and ensure the safety of the operation of fuel and energy facilities.*

In general, ensuring the safety of fuel and energy facilities is a complex and multifaceted task that requires an integrated approach and constant monitoring. However, only through the joint efforts of the state, enterprises and the public can a high level of security be achieved, the reliable operation of facilities guaranteed and the interests of society protected.

Scientific and practical significance. *The analysis of the regulatory and legal framework for ensuring the safety of fuel and energy facilities was carried out, key trajectories for the development of preventive measures were identified, and the possibilities for further research on this issue were identified.*

Keywords: *fuel and energy complex, fuel and energy facilities, fuel and energy complex threats, fuel and energy complex security, oil industry, oil and oil products, crimes, energy, strategic interests, state.*

Some issues of ensuring the safety of the functioning of the Russian oil industry

Sapozhkina Polina Alexandrovna

Mission: *the article contains a general analysis of threats to the security of the functioning of the Russian oil industry, as well as factors to ensure this security. The science notes that the oil industry, which is part of the fuel and energy complex system, is strategically important for the Russian state, and therefore significantly criminalized. Accordingly, it is necessary to develop proposals to strengthen the protection of this area.*

Methodology: *analysis, synthesis, induction, deduction, description, abstraction, formal legal method.*

Conclusions. *It is important to strengthen the security and protection of facilities belonging to the oil industry due to the commission of various offenses and crimes, including the use of new methods and digital technologies.*

Scientific and practical significance. *Threats to the security of the oil industry are mainly criminal encroachments, accordingly, when implementing state policy in this area, increased attention should be paid to the prevention and investigation of crimes. Some elements of crimes committed in the oil sector are characterized: these are crimes against property, in the sphere of economic activity, against public safety. The current measures to prevent encroachments were studied, as well as proposals to improve the quality of security work.*

Keywords: *fuel and energy complex, fuel and energy facilities, threats to the fuel and energy sector, security of the fuel and energy sector, oil industry, oil and petroleum products, crimes, energy, strategic interests, the state.*

Problems of criminal law security of the fuel and energy complex

Cyss Zinaida Alexandrovna

Mission: *the criminal-legal security of the fuel and energy complex is the most important task since crimes harm both the individual and the state. One of the aims of the work is to analyze the regulatory framework governing the*

safety of the fuel and energy complex, which will make it possible to determine the scope of crimes committed at these facilities. Also, the purpose is to consider the norms of the Criminal Code, located in sections VIII and IX. Special attention will be paid to Art. 158 of the Criminal Code of the Russian Federation, namely its qualifying features, determination of the amount of the stolen property, qualification of the act. A comparative analysis of Art. 174, 174.1 and 175 of the Criminal Code of the Russian Federation to determine the problems of regulation of qualifying features. Next, we will consider the norms of Chapter 24 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as a comparison of the editions of Art. 215.3 of the Criminal Code of the Russian Federation to analyze the problems of enforcement of this provision. Special attention will be paid to the rules governing terrorism at the facilities of the fuel and energy complex. Judicial statistics will also be considered to achieve these goals.

Methodology: the basis of the study is made up of various methods of scientific knowledge, among which one can single out dialectical, comparative analysis, deduction, induction, synthesis, systemic method, as well as such private law methods as comparative legal, formal legal.

Conclusions. At present, the norms regulating crimes at the facilities of the fuel and energy complex have several problems that affect their application. A few problems are given, the elimination of which will contribute to a more accurate application of the norms of the Criminal Code of the Russian Federation in practice. Also, a comparative analysis of related elements of crimes showed the need to distinguish them to prevent “excessive” qualifications.

Scientific and practical significance. The objects of the fuel and energy complex are objects of special protection, therefore, the commission of crimes on them is more dangerous. For this reason, the legislative prohibition on the rejection of crimes in this area should not contain inaccuracies that will lead to errors in qualification. The conclusions made in this paper contain recommendations for concretizing the norms of the Criminal Code of the Russian Federation, which should contribute to a more accurate application of the norms, and these conclusions can become a theoretical basis for developing recommendations for correcting these problems.

Keywords: fuel and energy complex, national security, criminal law prohibition, criminal liability, qualification of an act, determination of damage, socially dangerous consequences of theft, qualifying signs, corpus delicti.

Transformation of the concept of law and crime during the period of the worldview civilizational crisis

Baburin Sergey Nikolaevich

Mission: to draw attention to global changes that have influenced and continue to influence the transformation of not only social phenomena, but also the concept of crime, the legal relationship between society and the state.

Methodology: report.

Conclusions. It is necessary to think about the concept of treason to the motherland, about concepts that are associated with economic crimes and crimes against the order of government. The preservation of such a constitutional norm as in Art. 13 of the Constitution, where any ideology is prohibited as a state or mandatory, enshrines nihilism in the Constitution. Nihilism today, protected by the Constitution of the Russian Federation, is an extremely dangerous phenomenon in all respects, because it is nihilism, denying the differences between good and evil, denying national characteristics, that gives rise to the ideology of cosmopolitanism. Cosmopolitanism is one of the most important non-systemic methods of desovereignization. It destroys sovereignty, because if there are no civilizationally identical carriers, then there is no civilizationally identical statehood.

Today we have embarked on the path of changing the vector of movement and actions of Russia, which is supported by all traditional societies. This will require efforts, changes in the legal system, law, adjustments of many things. There is a chance for society to recover, and it entirely depends on the victory of the Russian Federation. And in order for victory to come faster, we need to put things in order, first of all, in our society, so that Russia becomes socially attractive again, to return meaning to our development. In our Constitution neither capitalism nor socialism is bashfully written down, and we don't need to go either way or there. We need, but this is already a task for colleagues from the natural sciences, to formulate the ideal that should be the goal of our development — the principles of a new rightful society.

Scientific and practical significance. The text of the report is of interest to scientists in various fields of knowledge, including criminologists, sociologists, scientists involved in constitutional, administrative, criminal law.

Keywords: Constitution, Western countries, liberalism, Soviet Union, betrayal of the motherland, high treason, Criminal Code, statehood, traditional society, principles of a new society, civilizational crisis.

Chapter from the book “Criminal Personality”

Mission: to acquaint with the heritage of Soviet criminologists, collected in the book “Criminal Personality” edited by the outstanding Soviet and Russian legal scholar, doctor of legal sciences, professor, academician V.N. Kudryavtsev.

Methodology: citation.

Conclusions. The book, written on the basis of criminological research, contains theoretical provisions and practical recommendations on the organization of preventive work with various categories of offenders, the appointment and execution of penalties that can be used in the activities of investigative and judicial authorities.

Scientific and practical significance. The publication is intended for investigators, judges, employees of the Ministry of Internal Affairs, and may also be useful to teachers and students of law schools, researchers, lawyers and sociologists.

Keywords: criminal, criminal personality, personality structure, classification of criminals.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ»

I. Аннотация

Текст аннотации – от 1500 до 3000 знаков.

Обязательные разделы аннотации:

1. Цель.
2. Методология.
3. Выводы.
4. *Научная и практическая значимость.*
5. Ключевые слова.

Ключевые слова: 10–12 слов и словосочетаний (словосочетания – не более двух слов).

Автор переводит аннотацию на английский и немецкий языки самостоятельно. Редакция оставляет за собой право попросить автора улучшить представленный перевод.

Перевод названий разделов аннотации

Английский язык	Немецкий язык
Abstract	Abstrakt
Mission	Ziel
Methodology	Methodologie
Conclusions	Schlussfolgerungen
Scientific and practical significance	Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung
Keywords	Stichwörter

Перевод на дополнительный язык также возможен по желанию автора и его силами и средствами.

II. Статья

Сведения об авторе, которые необходимо указывать:

ФИО автора, должность, место работы, ученую степень и звание, электронную почту (обязательно).

Объем статьи не менее 10 страниц: шрифт – Times New Roman, высота шрифта – 14 пунктов; межстрочный интервал – полуторный; абзацный отступ – 1,25 см; поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 2,5 см, правое – 1 см. Объем не менее 27 000 знаков с аннотацией. Максимальный объем статьи – не ограничен. **Важно:** в случае, если статья превышает 20 страниц, она должна быть разбита на разделы (название и количество разделов – на усмотрение автора).

III. Ссылки

Ссылки и список литературы – даются на русском и английском языках. Переводятся автором самостоятельно.

Название раздела: «Ссылки и библиография» (Referencies).

Ссылки и список литературы размещаются в конце в хронологическом порядке. На все источники из списка литературы должны быть ссылки в тексте. При этом в квадратных скобках указывается номер источника в списке литературы и страница источника.

Пример: [5, с. 425–426].

В списке литературы указываются только монографии и научные статьи (в том числе и опубликованные в электронных источниках). В списке литературы не указывать учебники и газетные публикации. Законы, ГОСТы, инструкции, учебники, газетные публикации можно указывать только в постраничных сносках (нумерация сквозная по документу). Оформление ссылок на русском языке осуществляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

При переводе на английский язык указывается как ее перевод, так и транслитерация, проведенная с помощью одной из принятых международных систем транслитерации (www.translit.ru, меню **Варианты**, пункт **BSI**). В переведенной ссылке лучше указывать английское название журнала (если оно есть) или его транслитерацию. Проверить наличие английского названия у журнала можно на ресурсе www.elibrary.ru

Пример оформления ссылки на русском и английском языках:

Качалов В.В. Уголовная ответственность юридических лиц: критический анализ аргументов против // *LexRussica*. 2016. № 12. С. 32–38.

Kachalov V.V. Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits: kriticheskii analiz argumentov protiv [The criminal liability of legal entities: a critical analysis of the arguments against]. *Lex Russica*, 2016, no. 12, pp. 32–38. (In Russian, abstract in English)